

секретный рейд адмирала Брэда

Богдан Сушинский

секретный фарватер

Annotation

В основу романа положен реальный, хотя и окруженный тайной, а поэтому овеянный легендами рейд, совершенный в 1946–1947 гг. эскадрой американских военно-исследовательских кораблей под командованием известного арктического исследователя контр-адмирала Ричарда Бёрда. Целью этого рейда, приведшего к поенным столкновениям с неизвестными воинскими формированиями, было обнаружение и ликвидация секретной германской военной «Базы-211» в Антарктиде.

Новый военно-приключенческий роман-версия известного писателя, лауреата международных литературных премий имени А. Дюма (1993) и А. Фадеева (2007) Богдана Сушинского является своеобразным логическим продолжением романов «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

- [Богдан Сушинский](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)

- [50](#)
 - [51](#)
 - [52](#)
 - [53](#)
 - [54](#)
 - [55](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)

Богдан Сушинский
Секретный рейд адмирала
Брэда

**Ноябрь 1946 года. Атлантический океан.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Эскадра уходила на закате. После двухдневного отдыха в промозглой, всеми ветрами Антарктики продуваемой гавани Порт-Стэнли, контр-адмирал Роберт Брэд поспешно выводил ее из окаймленного болотистыми холмами Фолклендского залива и, ложась на зюйд-ост, ритуально нацеливал на Антарктический полуостров.

Где-то там, в северной части этой суши, на Земле Грейама, в конце сорок четвертого англичане заложили военный лагерь «Табарин», давший затем название всей секретной операции британского королевского флота по созданию на острове Кинг-Джордж и на Антарктическом полуострове трех военно-исследовательских баз^[1].

Так вот, в одном из фиордов, южнее «Табарина», к эскадре должен был присоединиться отряд командора^[2] Бертолдо — в составе двух военных ледоколов, с четырьмя самолетами ледовой разведки и батальоном полярных морских пехотинцев на борту, под прикрытием мощной подводной лодки «Хардести».

Однако слияние отряда Бертолдо с эскадрой должно было произойти лишь через несколько дней, а пока что контр-адмирал Брэд уводил от не приветливых берегов Восточного Фолкленда девять надводных судов и субмарину «Баунти». Лучшую субмарину американского подводного флота.

Исходя из радиоперехватов, осуществленных радистами тайной германской станции! все еще

действующей на атлантическом побережье Аргентины, кодовую фразу «Приступаю к операции «Высокий прыжок»^[3] флагманский авианосец «Флорида» должен был передать в штаб военно-морских сил США лишь через двое суток. Однако предшествовавшая его выходу в океан утечка информации была всего лишь контрразведывательной игрой, потребовавшей адмиралу чтобы, выигрывая время, максимально приблизиться к Земле Принцессы Астрид в районе массива Вольтах, где, собственно, и должна начинаться основная фаза секретного рейда.

«Вольтат! — мысленно ухмыльнулся адмирал, вспомнив, что назван был так массив по воле рейхсмаршала Геринга, стремившегося увековечить на ледовой карте Антарктиды имя одного из финансистов фюрера: — А ведь могло случиться так, что эти или соседние горы носили бы твое имя, как и обещано было тогда командиром авианосца «Швабенланд» бароном фон Риттером».

Брэд вновь ухмыльнулся и пристально всмотрелся в горизонт, на котором вырисовывалось нечто среднее между призрачной белесой тучей и вполне реальным айсбергом.

Ему было что вспомнить. Еще бы: знаменитый полярник барон фон Риттер!.. Нашумевшая экспедиция германцев, с исследованием огромной территории Новой Швабии. Слухи об открытии каких-то таинственных, теплых, а посему вполне приспособленных к жизни пустот в толще материка.»

Понятно, что эти воспоминания выглядели бы значительно конкретнее, если бы тогда, в тридцать восьмом, он безропотно согласился участвовать в экспедиции авианосца «Швабенланд». Не обращая при этом внимания на то, что большая часть команды судна была укомплектована эсэсовцами. Настоящей большой

экспедиции, способной хоть как-то прояснить вопрос о том, что же на самом деле происходит в Антарктиде, есть ли обитатели в ее подземельях, И что в легендах и мифах, которые гуляли в среде полярников» так и следовало оставлять во власти мифов, а что нужно было воспринимать в виде отголосков реальной научной информации.

Это сейчас Брэд с облегчением мог сказать себе: «Как хорошо, что ты вовремя ушел из компании этого Странствующего Бездельника, с его скопищем эсэсовцев!» А тогда» читая в газетах о полетах над огромной территорией к югу от Берега Принцессы Астрид и Берега Принцессы Марты, о ледовых десантах и десятках тысяч авиаснимков, будущий адмирал терзался покаянными сомнениями: «Стоило ли впадать в политические амбиции, когда открывались такие возможности для исследования Антарктиды?!».

В конце концов, во главе экспедиции стояло двое его коллег, арктических исследователей: барон Людвиг фон Риттер, известный в кругу европейских полярников под прозвищем «Странствующий Бездельник», и не менее популярный арктический бродяга «Полярный Барон» Теодор фон Готт. Какие имена, какие исследовательские биографии, какая известность в научных кругах!

А что за их спинами просматривался лик фюрера Великогерманского рейха и рейхсмаршала Геринга». Ну так мало ли что! За кем-то просматривались хищные лики Сталина и Бери, за кем-то — Муссолини, Антонеску, Черчилля или Франко. И, поди, знай, кто и как будет оценен со временем этой «старой шлюхой» Историей! Зато, какой еще правитель довоенной Европы выделил бы для подобной экспедиции более трех миллионов рейхсмарок, не считая стоимости военно-технического участия флота и авиации, да

частной поддержки влиятельнейшей авиастроительной компании «Люфтганза»?

— Видите вон ту скалу по левому борту, сэр? — хрипловатым голосом спросил командир авианосца кэптен^[4] Николас Вордан, указывая на небольшой скалистый островок, открывающийся в розовато-фиолетовых лучах холодного предзакатного солнца.

Брэд молча навел бинокль на указанный им осколок суши, однако, не обнаружив там ничего достойного внимания, вопросительно, но как-то слишком уж заторможено взглянул на командира авианосца.

— Именно там и завязался первый в моей жизни бой, когда совсем еще юным кадетом я вышел в океан на флагманском корабле английского адмирала Стэрди.

— Стэрди?! — удивленно переспросил Брэд, напряженно всматриваясь в лицо командира «Флориды».

— Пять наших, английских, крейсеров против четырех германских адмирала Шпее, — напомнил ему кэптен. — Потрясающее было светопреставление, сэр. Уйти удалось только одному германцу и жаль, что с адмиралом на борту. Правда, мы тоже понесли потери, но, позволю себе заметить, сэр, это была настоящая битва.

— Это о какой такой битве вы мне пытаетесь поведать, Вордан?! — не сразу сообразил Брэд. — Не о той ли, которая происходила еще в Первую мировую?

— В начале декабря, четырнадцатого, сэр, если уж быть предельно точным.

— Хорошо хоть не во времена гражданской войны между Севером и Югом США, якорь мне в глотку! — иронично прокомментировал адмирал. Он был известным исследователем Антарктиды и Арктики, профессором, доктором, однако адмиральский мундир надела на него война, а не родовая военно-морская

традиция. У Брэда не было за плечами военно-морской академии, он плоховато знал историю Военно-морского флота США, но еще хуже — имена его бывших адмиралов и командоров. Настолько плохо, что уже давно не пытался скрывать этого, поскольку скрыть это уже было невозможно.

— ...И начинал я тогда на британском флоте Его Королевского Величества, — все же счел нужным уточнить Николас Вордан, Он давно определил для себя, что единственное, что есть в адмирале Роберте Брэде от настоящего морского волка, — это его истинно пиратская присказка: «Якорь мне в глотку!», которая, впрочем, куда больше подошла бы какому-нибудь главному старшине^[5], а не адмиралу с профессорским прошлым. Впрочем, присказку «якорь мне в глотку», по собственному признанию адмирала, он позаимствовал у какого-то германского морского офицера. Встречалась она не так уж и редко, однако в устах адмирала Брэда звучала как-то по-особому броско и цинично.

— А в прошлую войну сражаться в этих водах вам не приходилось? — спросил адмирал уже в те минуты, когда кэптену казалось, что тема исчерпана.

— В прошлую — нет, только в Первую мировую, В прошлую тоже сражался, но в других координатах. Однако противник, позволю себе заметить, сэр, был тот же, с которым нам вскоре предстоит встретиться в Антарктиде, — германцы.

— Считаете, кэптен, что они все еще там? — окончательно оставил в покое свой бинокль контр-адмирал. В это время он вновь вспомнил о двух германских баронах-полярниках — фон Риттере и фон Готте.

Уже готовясь к экспедиции, адмирал настоятельно потребовал от ее начальника службы безопасности полковника Ричмонда еще раз навести справки об этих

«полярных баронах» рейха. Из самых секретных тайников американской разведки тот добыл для него те же гипотетические сведения, которыми он столь же гипотетически владел: что к концу войны барон Теодор фон Готт якобы являлся комендантом сверхсекретной германской военной «Базы-211», а барон Людвиг фон Риттер возглавлял ее службу безопасности.

Единственное, чем мог похвастаться при этом Ричмонд, — что сведения подтверждены командиром одной из сдавшихся субмарин «Фюрер-конвоя» и еще кем-то там из ближайшего окружения переметнувшегося в США ракетного конструктора Вернера фон Брауна.

«Что-то я не слышал, чтобы в наших руках оказалась хотя бы одна субмарина «Фюрер-конвоя» — усомнился тогда адмирал. — То есть несколько германских субмарин все же были захвачены нами, как, например, те две, которые сдались моим морякам летом сорок пятого у берегов Аргентины. Однако никаких доказательств того, что они принадлежали к соединению «Фюрер-конвоя», не существует.

«Это было признано их командирами».

«Что и вызывает сомнения, колонел^[6]. Соединение-то было секретным, и большинство командиров его субмарин приняли клятву членов СС. Да и субмарины этого конвоя были особой постройки, значительно превосходя своими размерами обычные. Разве что захваченные нами субмарины использовались командованием «Фюрер-конвоя» взамен погибших или в роли вспомогательных».

«Лично я приемлю любой вариант ответа», — раздосадовано заметил полковник Ричмонд. Он терпеть не мог, когда кто-либо из старших офицеров высказывал хоть малейшее сомнение в достоверности данных разведки.

«Да и вряд ли Дениц посвящал в свои тайны опального барона фон Брауна, которого фюрер чуть было не поджарил в одном из лагерных крематориев», — окончательно добил его контр-адмирал Брэд.

Тем временем капитан Вордан выдержал паузу, достойную старого морского волка, и, старательно погасив в пепельнице дотлевающую сигару, проворчал:

— Это вы, сэр, как исследователь Антарктиды должны были бы убеждать меня, что германцы все еще находятся в каких-то мифических подземельях Антарктиды, — напомнил ему командир авианосца «Флорида». — Как еще совсем недавно убеждали высшее командование Военно-морского флота и окружение президента. Так что, вам ли сомневаться, сэр?

— Если бы я не сомневался в том, что германцы действительно базируются в подземной части Антарктиды, то, якорь мне в глотку, эскадрой командовал бы кто-то другой. Я бы попросту потерял к этой экспедиции всякий интерес.

Вордан метнул подозрительный взгляд на контр-адмирала, и, следуя своей странной привычке, ожесточенно потер переносицу огромным, достойным кулачного циркового бойца, кулаком.

Брэд понял, что ответ прозвучал двусмысленно» однако уточнять его не стал. И потом, кто у них на базе не знал, что первоначально эскадру должен был возглавить Вордан? Для старого капитана это, очевидно, было последней возможностью достичь того, чего он так и не сумел достичь в годы минувшей войны, — сделать свой собственный «высокий прыжок»... в адмиралы. Но в, таком случае поход эскадры с батальоном морской пехоты на борту к берегам Антарктиды выглядел бы в глазах мировой общественности обычным флотско-армейским рейдом.

Именно таким и хотели бы видеть его полковник Ричмонд и кэптен Вордан. Да только антарктический исследователь профессор Брэд их союзником в этом вопросе быть не мог И потом.»

Как ни странно, против такого, сугубо армейского, подхода к этой акции выступило и командование Комитета объединенных штабов, и руководство Управления стратегических служб^[7]. Во-первых, там справедливо полагали, что рейд в Антарктиду следует тщательно замаскировать под вполне благопристойную научную экспедицию, дабы не привлекать к ней особого внимания и русских, и своих недавних союзников. И лучшей кандидатуры, чем известный полярный исследователь адмирал Роберт Брэд, подыскать для роли руководителя этого похода было невозможно. А во-вторых, ни в УСС, ни в Объединенных штабах не было единства во взглядах на конечную цель экспедиции.

Но, в общем-то, все сходились во мнении: десант эскадры должен осуществить то же самое, что когда-то, еще в 1939-ом, было осуществлено экспедицией германского полярника фон Риттера^[8], то есть исследовать и «застолбить» за Штатами значительную часть территории Антарктиды, которая вполне могла соответствовать территории германской Новой Швабии. Тем более что среди трофейных документов, добытых в штабе главнокомандующего германского Военно-морского флота, гросс-адмирала Деница, обнаружили несколько сотен аэроснимков, карта Новой Швабии и даже копия отчета капитана Риттера об итогах экспедиции.

А еще в руки американских офицеров попал доклад адмирала Деница, в котором самым главкомом германского Военно-морского флота были подчеркнуты слова: «Мои подводники обнаружили в глубинах Антарктиды настоящий земной рай. Мы создали там для

фюрера неприступную крепость, где вырастет будущая раса «подземных арийцев»^[9].

Именно наличие в руках американской разведслужбы этого документа и стало самым веским доказательством правоты адмирала Брэда, настаивавшего на неотлагательном рейде к берегам Антарктиды. Причем неотлагательность эта определялась исключительно военно-стратегическими соображениями: нужно исследовать, а по возможности — и уничтожить, антарктическую германскую базу до того, как германцы намного опередят страны наземного мира в своем военно-техническом развитии.

Единственное, чего американской разведке пока что не удалось заполучить, так это конкретных и достаточно проверенных сведений о некоей секретной подземной базе германцев в Антарктиде, именуемой в некоторых агентурных донесениях то «Базой-211», то «Рейх-Атлантидой». Как не получено было и никаких данных о связях рейха с «высшими посвященными» Шамбалы и представителями внеземных цивилизаций. Однако отсутствие этих сведений лишний раз мотивировало подготовку к операции, уже получившей кодовое название «Высокий прыжок».

В то же время кое-кто считал, что следует ограничиться сугубо научной экспедицией, которая должна оставить после себя две-три полярные станции, то есть пойти тем же путем, которым пошли англичане в районе Антарктического полуострова. А тут еще ходили упорные слухи о появлении в различных антарктических районах «летающих дисков» и прочих диковинных летательных аппаратов, а в прибрежных водах Южной Америки и Южной Африки — германских подводных лодок из состава «Фюрера-конвоя». И это сейчас, осенью 1946-го, почти через полтора года после

окончания мировой войны и капитуляции гитлеровского рейха!

Естественно, у военной разведки возникал вопрос: откуда «летучие голландцы океанских глубин» берутся, за счет каких ресурсов осуществляют плавание, а главное, какова цель их скитаний? И существует ли у этих подводных скитальцев какая-то связь с «летающими дисками». Да и вообще, что там, у берегов шестого континента, и на его ледниках происходит?

— То есть вы, сэр, не уверены, что германская секретная «База-211» в Антарктиде действительно существует? — обескуражено попытался уточнить командир «Флориды».

— Если бы я был достаточно уверен в ее существовании, у меня пропал бы всякий научный интерес к этой экспедиции.

— «Научный»? — снисходительно хмыкнул командир авианосца, пожимая плечами. — Ах да, я забыл, что, прежде всего, вы — полярный исследователь, а уже затем моряк и даже адмирал. Но зато вы единственный во всей эскадре, кто действительно познал, что такое зимовка за полярным кругом, — тотчас же попытался Вордан загладить свою вину, — и в палатке, и в этом, как его там, в эскимосском снежном домике.

— Иглу.

— Простите?

— На языке эскимосов их снежное жилище называется «иглу».

— Именно это я имел в виду, сэр.

— Мало кто согласится со мной, что иглу — гениальное изобретение, максимально приспособленное и обоснованное самим способом бытия полярных народов. Только благодаря этому типу жилища, выжили тысячи полярных охотников, а значит, выжил сам полярный народ.

— Недавно я прочел «Дневник капитана Скотта» с комментариями по поводу его экспедиции к полюсу и его гибели. Преодоление ледовой пустыни, это, позволю себе заметить, сэр, особое мужество. Но преимущество Амундсена в том и заключалось, что он привез с собой кого-то из северных, кажется из гренландцев, которые и строили для него эти самые «иглу».

Адмирал вновь мельком взглянул на Вордана. То, что этот морской бродяга хоть иногда предается чтению сочинений, уже само по себе вызывало у него уважение.

Но еще большее уважение вызывало у Брэда то, что командир авианосца завел речь о «Дневнике капитана Скотта», книге, которая лежит сейчас у него на столике, в адмиральской каюте.

Он, ясное дело, мог бы возразить кэптену, что преимущество норвежского полярника Амундсена заключалось не только в использовании иглу, позволявшему его группе достаточно комфортно чувствовать себя во время привалов и ночевки. Но это уже переросло бы в полунаучную полемику, смысла в которой адмирал пока что не видел.

Июнь 1945 года. Атлантический океан в районе южного побережья Аргентины.

Борт торпедного крейсера «Томагавк».

Пятые сутки подряд отряд кораблей commodora Брэда рейдировал в прибрежных водах Аргентины, от Магелланова пролива до мыса Десенганьо.

Все это время густые, леденящие корпуса судов и души людские туманы губительно поглощали юго-западную часть Атлантики, от мыса Трес-Пунтас до омывающего восточную оконечность Огненной Земли пролива Ле-Мер, и от скалистых берегов провинции Санта-Крус до россыпи Фолклендских островов.

Скрытые от мира этой саванной пеленой мощные боевые корабли лишь изредка открывались глазам возвращавшихся с промысла аргентинских рыбаков, да и то, представляли перед ними в виде причудливых, полуразрушенных айсбергов.

В ту ночь флагманский крейсер «Томагавк» и эсминец «Ягуар», усиленные двумя субмаринами, патрулировали в северной части залива Байя-Гранде, удерживая под своим контролем широкое устье Рио-Чакко, в то время как линкоры «Сан-Антонио» и «Галифакс», в сопровождении двух других субмарин, базировались в южной части залива, надежно контролируя подходы к порту Рио-Гальегос.

По данным разведки, именно в этой отдаленной части Атлантики, на границе между Аргентиной и Чили, несколько раз появлялись германские субмарины, из числа тех, чьи команды отказались подчиняться приказу о капитуляции и продолжали действовать самостоятельно, постепенно втягиваясь в стихию

пиратства. Кто-то там, в штабе, решил, что одна из субмарин все еще бродит где-то в районе островов Южная Георгия и Анненкова, и со дня на день может появиться у южного побережья Аргентины.

Верилось коммодору в появление этой субмарины с трудом, но приказ был, и его следовало выполнять. Тем более что в штабе ВМС в эти дни решался вопрос о назначении его командующим флотилией с присвоением чина контр-адмирала. А это обязывало...

Прежде чем лечь спать, коммодор вновь выслушал доклад своего старшего помощника кэптена Кресса, заступившего на ночную вахту на командном пункте, и уже в который раз принялся изучать карту юга Латинской Америки и Фолклендских островов.

Ну, конечно же, ворчал он, два — Дрейка и Магелланов — пролива, да на стыке двух океанов, а еще — сотни островов вдоль тихоокеанского побережья Огненной Земли, великое множество заливов и необитаемых бухт, в каждой из которых можно переждать самый лютый шторм!»

Шансов на то, что германские субмарины подойдут к заливу Байя-Гранде, были ничтожными, но коммодор обязан был выполнять приказ, полагаясь лишь на сомнительные сведения морских разведчиков. И единственное, что он мог в этой ситуации, — так это мысленно обвинять германских подводников в неравенстве условий игры. Вся его флотилия была на виду у местного населения и местных рыбаков, к тому же привязана она была к определенной части океана. А вот где на самом деле находятся сейчас субмарины противника, сколько их и какие действия они предпринимают — этого не знал никто: ни в его отряде, ни в штабах эскадры и Военно-морского флота.

Безнадежно отодвинув в сторону карту, коммодор успокоил свои нервы несколькими глотками аргентинского коньяка и, блаженственно закрыв глаза,

откинулся на спинку кресла. Всякий уважающий себя моряк бредил бы в такие минуты пляжами Калифорнии или Флориды, пейзажами родительских ранчо или ночными клубами портовых городов. А коммодору навязчиво чудились освещенные лунным сиянием айсберги, антарктические острова и прибрежные хребты Антарктиды. И тут уж ничего не поделаешь: каждому свое.

Война завершена, и теперь доктор Брэд, убежденный полярник, чувствовал, что, оставаясь на военном флоте, он лишь зря теряет время, как раз то время, которое мог бы посвятить экспедициям на Аляску, на север Канады и Гренландии, и, конечно же, в Антарктиду. А ведь вот она, Антарктида, почти рядом, сразу же за Южно-Шетландскими островами. Но закончится все тем, что во главе экспедиций окажутся другие исследователи, и это их именами станут называть новооткрытые острова, заливы и шельфовые ледники, это они войдут в историю полярных исследований второй половины XX столетия, их книгами будут зачитываться новые поколения моряков, полярников и просто любителей арктической романтики. Грустно все это, грустно...

— Господин коммодор, сэр! — почти ворвался в каюту старший радист крейсера. — То, чего вы так ожидали! Радиограмма с борта английского сторожевика, патрулирующего в двадцати милях южнее острова Западный Фолкленд. Его командир сообщает, что три часа назад в нескольких милях от него прошли две субмарины, которые держат курс на побережье Аргентины. На связь радисты субмарин не выходят. Сторожевик вызвал подкрепление и преследует эти суда.

Адмирал поднялся с кресла, вырвал радиограмму из руки уоррент-офицера и, обнаружив там координаты, в

которых были засечены субмарины, вновь метнулся к карте.

Сомнений не оставалось: субмарины нацеливались на побережье Байя-Гранде. И поскольку ни английских, ни американских субмарин в этом районе быть не должно, эти могли оказаться только германскими. Ну, еще русскими. Но для принятия такой версии нужно было слишком уж расфантазироваться.

— Скорее всего, они подойдут вот сюда, — постучал коммодор указательным пальцем в ту точку карты, на которой, на южном берегу залива Рио-Чакко, значился городок Пуэрто-Санта-Крус. — Как считаете, уоррент-офицер?

— Откуда бы они ни шли сюда, сэр: то ли со стороны Антарктиды, то ли от берегов Южной Африки, ресурсы их на исходе, команды утомлены, и командиры, скорее всего, нацелены будут на сдачу в плен. Все равно ведь германского рейха больше не существует.

— Правильно мыслите, уоррент-офицер. Вряд ли эти морские бродяги, якорь им в глотку, захотят погибать здесь, у чужих берегов, да к тому же после окончания войны.

— Вот только сдаваться в плен они все же предпочтут аргентинским властям, а не нам, американцам, — заметил тем временем старший радист, — И это стремление может заставить их принять бой.

— Что тоже верно, — согласился коммодор после нескольких секунд колебаний. — Аргентинцы для них предпочтительнее, поскольку с аргентинцами они не воевали. Как, впрочем, и с чилийцами. И потом, в глубинах Санта-Круса и Патагонии^[10] созданы не только секретные базы нацистов, но и не менее секретные поселения, благодаря которым германцы постепенно легализуются.

Несколько минут спустя коммодор уже восседал в своем кресле на командном пункте «Томагавка», и по его команде радисты поочередно вызывали на связь командиров всех надводных и подводных судов отряда. Объявив о начале операции «Аргентинская западня», он отвел северную часть своего отряда к пятидесятому градусу широты, приказав в то же время южному отряду, во главе с линкором «Сан-Антонио», подтянуться к устью реки Койг.

— Сети расставлены, господа, — произнес он после того, как командир английского сторожевика «Принц Георг» в очередной раз сообщил, что продолжает преследовать неизвестные субмарины. И что, как утверждают акустики, они перешли в надводное плавание, поскольку у них, судя по всему на исходе горючее. — Ожидаются две большие «рыбины».

Приближаться к субмаринам командир этого сторожевичка благоразумно не решался, вызванный им на помощь эсминец тащился где-то позади, а базирующуюся в Порт-Стенли эскадрилью морской авиации из-за сильного тумана поднимать было бессмысленно. Однако само присутствие в той части океана бесстрашного «Принца Георга» было неоценимым.

После третьей его радиограммы стало совершенно, очевидным, что команды субмарин предпочли бы высадиться на пустынный берег южнее Пуэрто-Санта-Крус. Определив это, коммодор Брэд отбросил лежавшую у него на коленях карту прямо на пол и, подхватившись из кресла, нервно потер руки, постепенно в нем просыпался азарт охотника.

О сне и отдыхе окончательно было забыто. Под утро коммодор приказал всем своим субмаринам параллельными курсами выйти в океан и, охватив германцев полукругом, вести к берегу. При этом всем командам была поставлена задача: хотя бы одну

субмарину нужно, во что бы то ни стало, взять «живьем».

«Они побывали в Антарктиде, — убеждал себя Брэд. — Они, конечно же, побывали в Антарктиде, на «Базе-211»! — словно заклинание, повторял он, нервно прохаживаясь по командному пункту судна.

Правда, при этом он не способен был ответить на элементарный вопрос: «Если эти субмарины побывали на подводной базе германцев в Антарктиде, то почему их не оставили там? Они что, оказались бы лишними?»

И в самом деле, почему? В крайнем случае, субмарины можно было затопить, разобрать на запчасти или оставить в виде казарм для подводников, а команды — несколько десятков опытейших моряков — резервировать на базе.

Тем временем пришла еще одна утешительная весть: к «Принцу Георгу» присоединился английский эскадренный миноносец, а его, коммодора, собственный отряд неожиданно был усилен аргентинской субмариной и двумя сторожевиками. Появление здесь аргентинцев было явно некстати, Брэд справился бы и собственными силами. Но захват должен был проходить в территориальных водах Аргентины, а на аргентинские суда власть американского коммодора не распространялась.

Как только «стая» его субмарин под командованием кэптана Винсона рассредоточилась за кормой арьергардной субмарины германцев, преследование стало явным. Германские подводники еще не знали о существовании надводных судов отряда, которые затаились в густом тумане, с заглушёнными двигателями, но и появления пяти субмарин, в сопровождении двух английских судов, было вполне достаточно, чтобы германские офицеры поняли, от неравного боя, а значит, и гибели, спасти их может только сдача в плен.

Особенно очевидной стала их участь после того, как командир аргентинской субмарины сумел установить связь с авангардной субмариной и потребовать, чтобы обе подлодки всплыли и в надводном положении следовали в Пуэрто-Санта-Крус.

Всплывать субмарины отказались, очевидно, их командиры все еще продолжали испытывать судьбу, но теперь уже у Брэда не оставалось сомнений, что они действительно германские, но... класса «U». То есть вряд ли они принадлежали к отряду «Фюрер-конвоя», для которого создавались специальные, большие по размерам и автономности плавания, субмарины. Эти же были обычными военно-флотскими «семерками», с запасом автономности всего семь недель, а посему, где бы они до этого ни бродили, ресурсы их и в самом деле предельно истощены.

Уже при входе в залив Байя-Гранде арьергардная субмарина все же попыталась прорваться сквозь заслон и уйти в сторону Огненной Земли, но после предупредительного выстрела из торпедного аппарата и атаки глубинными бомбами вынуждена была вернуться к тому курсу, которым двигалось авангардное судно.

К тому моменту, когда обе подлодки, словно затравленные охотничьей стаей волчицы, были загнаны в узкую бухту, в которой андская река Рио-Чико встречалась с океаном, туман все еще окончательно не развеялся, и причалившие к военному пирсу германские субмарины с крестами на бортах по-прежнему казались Брэду призрачными видениями прошлого, эдакими подводными «летучими голландцами»^[11].

— Вам известно, что Германия капитулировала, и что отказ сдаться в плен поставил вас вне закона об обращении с военнопленными? — по-германски спросил

коммодор. — И теперь вы уже не кто иной, как обычный пират и военный преступник.

Сидевшему перед ним обер-лейтенанту цур зее^[12] Отто Фехтеру было не более тридцати, но серое, землистое лицо старило его так, словно он только что был извлечен не из боевой субмарины, а из сырого тюремного подземелья.

— Я выполнял приказ, полученный задолго до объявленной германским командованием капитуляции. В момент подписания акта о капитуляции я находился за тысячи миль от берегов Германии и не мог знать о ней. Но даже если бы и знал, все равно сначала выполнил бы приказ, а уж затем сдался аргентинским властям. — После каждого слова Фехтер поигрывал желваками, причем делал это с таким напряжением, что, казалось, землистая кожа на изможденном, с запавшими щеками, лице его вот-вот разойдется на две части. — Именно аргентинским властям, а не вам, американцам, — уточнил он, не скрывая своего презрения к томящемуся перед ним янки.

Однако Роберт Брэд воспринял его выпад совершенно спокойно. Этому флотскому обер-лейтенанту и в голову не могло прийти, что перед ним сидит не кадровый военный моряк, а известный исследователь Арктики и Антарктиды, и что из всех походов субмарины «U-540» его интересовал только один факт: побывала ли она во льдах Антарктики. Все остальные подробности он готов был попросту проигнорировать.

— Если вы сообщите нам, в чем секрет вашего появления в антарктической части Атлантики, мы не будем настаивать, чтобы аргентинские власти выдали вас американской разведке, — при этом Брэд многозначительно взглянул на сидевшего рядом с ним полковника разведки Ричмонда, которого ему на

крейсер посадили уже в море, с примчавшегося катера береговой охраны.

— ...На допросах в которой — это я гарантирую, вы расскажете нам все, вплоть до впечатлений от пребывания в утробе матери, — вежливо объяснил ему полковник, вальяжно раскинувшись в кресле и с наслаждением затягиваясь ароматным сигарным дымом. Но затем, набывчив могучую шею, вдруг подался к обер-лейтенанту с такой решительностью, словно прямо сейчас решил поинтересоваться его «утробными впечатлениями» прямо сейчас.

На месте субмаринника Брэд наверняка отшатнулся бы точно так же, однако желание и дальше запугивать этого парня у него как-то сразу исчезло.

— Война завершена, — вновь тактично перехватил он инициативу, — и ваш рассказ никто не посмеет квалифицировать как измену, как раскрытие военной тайны. Тем более что уже давно не существует ни флота, в котором вы служили, ни Третьего рейха, ни самого фюрера, на верность которому вы присягали.

Командир субмарины отпил немного вина, которым, уступая свой кабинет, предусмотрительно угостил их всех начальник порта, потомок испанских конкистадоров, и великодушно пожал плечами.

— Вся моя одиссея, господин коммодор, укладывается в несколько фраз, поскольку офицер СД, отдавая мне приказ, позаботился, чтобы я знал ровно столько, сколько мне заранее позволено было сообщить любой разведке мира, которой вздумается выбивать из меня последние тайны Третьего рейха.

— Хотите сказать, что вам позволено было сообщить о вашем рейде к берегам Антарктиды? — сразу же решил спровоцировать его коммодор на самое важное откровение.

И был несказанно удивлен, когда обер-лейтенант, наивно глядя ему в глаза, поинтересовался:

— А что, это может составлять какую-то очень важную тайну рейха?

Коммодор и полковник разведки удивленно переглянулись. Да и лейтенант-разведчик, прибывший вместе с Ричмондом и теперь старательно корпевший над протоколом допроса, тоже очумело взглянул на германского субмаринника.

— Таким образом, вы хотите сказать, что вам не запретили упоминать о конечной цели вашего рейда — Антарктиде? — осторожно, словно бы опасаясь испугнуть обер-лейтенанта цур зее, уточнил доктор Брэд.

— Какой в этом смысл? Кто-то из членов двух команд все равно проболтался бы, — пожал плечами Отто. — Неужели это неясно?

— Нетрудно предположить, — развел руками Брэд.

— В апреле, когда моя субмарина и субмарина обер-лейтенанта Хайнца Ридера стояли в военной гавани Киля, нам приказано было снять почти все вооружение и боеприпасы и погрузить какие-то опечатанные ящики. Кроме того, на борт каждой субмарины вошло по пять пассажиров, хотя мы пытались протестовать против этого, потому что субмарины на лишних членов экипажа не рассчитаны. Но появился полковник СС, и, представившись сотрудником СД...

— Это уже не столь важно, — нетерпеливо прервал его коммодор, — все равно ведь имени его вы не запомнили.

— По-моему, он даже не называл его.

— Словом, вам было приказано доставить этих людей и груз в Антарктиду? — заметно волнуясь, спросил Брэд.

«Если бы этот парень знал, какой вес приобретает сейчас каждое его слово! — подумалось ему. — Он бы наверняка не торопился с ответом и всячески набивал себе цену».

— Там все еще остается какая-то наша полярная исследовательская база, и нам следовало доставить туда как можно больше груза. Не знаю, возможно, в этих ящиках и завалялась пара охотничьих ружей, однако сразу говорю: на доставку партии оружия, а, наверное, вас интересует именно это, не похоже. Да и кому оно там нужно? Следующим арктическим летом этих несчастных наверняка снимут с ледников.

— И как же происходила высадка?

— Очень просто. Мы прибыли в заданный район, все ящики наши команды поперевозили на санках в какую-то огромную ледяную пещеру, о местонахождении которой знал старший из полярников, туда же перешли и все наши пассажиры.

Коммодор лихорадочно извлек из бокового кармана сложенную вчетверо карту Антарктиды и расстелил перед обер-лейтенантом.

— Где именно это происходило?

— Вот здесь, в районе оазиса Ширмахера, — уверенно указал обер-лейтенант, немного поблуждав по карте. — Доставлять грузы было нелегко: мы двигались по какому-то горному ущелью. Пещера находилась километрах в пяти от побережья. На несколько суток нам пришлось прервать доставку из-за отвратительной погоды, к тому же у нас не было достаточно теплой одежды, которой бы хватило на всю команду.

— Итак, вместе с последней партией груза на берег сошли все десять пассажиров. Что дальше?

— Ничего. Нам приказано было отойти к Южно-Сандвичевым островам, отдохнуть, подремонтироваться и не спеша следовать к берегам Аргентины. Нам этом рейсе наша служба в кригсмарине завершалась.

— Понятно, — задумчиво произнес Брэд, явно теряя интерес к командиру субмарины, но тут неожиданно всполошился полковник Ричмонд:

— Стоп-стоп, парень, что-то ты темнишь! — почти прорычал он на своем несуразном, с отвратительнейшим произношением, германском. — Давай-ка все по порядку. Итак, мы выяснили, что у членов вашей команды теплой одежды не было.

— Точнее, ее не хватало на всех, кто мог быть задействован в перевозке груза.

— А как были одеты ваши пассажиры? У них были длинные шубы, унты, меховые шапки?

— Да нет, обычные армейские полушубки, такие же обычные утепленные армейские сапоги и обычные шапки.

— Но ведь никакой базы поблизости не было? Вы видели хотя бы одного человека, который бы встречал ваших гостей и ваш груз?

— Нет! — яростно повертел головой обер-лейтенант и, словно бы только теперь осознав всю нелепость подобной высадки, удивленно уставился на полковника разведки.

— В таком случае, проясним еще одну деталь: вы, лично вы, входили в пещеру, которая стала пристанищем для десятерых ваших пассажиров?

— Входил. Обычная пещера. В склоне горы. Шагов десять в глубину и пять-шесть шагов в ширину.

— А куда вел тот ход, в который руководитель группы полярников не рекомендовал вам входить?

— Никуда. Точнее, там не было никакого хода. У пещеры был только, один вход, а три стены оставались глухими. Я специально поинтересовался, из любопытства.

— Вот видите, — подлил Ричмонд вина в бокал обер-лейтенанта. — Теперь вам уже и самому интересно понять, что же там, в Антарктиде, в действительности происходило. Стоит ли удивляться, что то же самое интересует и нас? Но пока что получается так, что вы высадили десяток людей на совершенно дикий,

пустынный берег, и оставили их в заледенелой пещере вместе с кучей каких-то ящиков. Но, согласитесь, обер-лейтенант, что происходило это не на берегу Балтийского моря, а в нескольких милях от побережья Антарктиды. А вы даже не позаботились о палатках для этих несчастных.

— Да не было у нас на субмарине никаких палаток! Мы ведь подводники, а не полярники. У пассажиров, кстати, тоже ни черта не было. Никакого особого снаряжения.

— В таком случае еще раз вернемся к вопросу о базе, или полярной станции. Заметили вы хоть какие-то признаки близости человеческого жилья? Может быть, где-то поблизости виден был дымок, просматривался санный след или след человека?

— Никаких следов, господин полковник. И это меня тоже удивило.

— Слишком запоздало пришло к вам это удивление, обер-лейтенант! — раздраженно упрекнул его Ричмонд. — Пока что получается странная и почти уголовная картина: вы высадили группу людей на берег Антарктиды и ушли оттуда, обрекая их на мучительную гибель. Так, может, вами пора заняться местной криминальной полицией? Кто-либо из этих людей умолял забрать их с собой? Кто-либо из них отказывался оставлять борт субмарины, умолял вас или вашего коллегу оставить его на борту, защитить от расправы, которой ему угрожал командир группы?

— Что-то вы не то говорите, господин полковник. Все они вели себя очень спокойно. Люди, обреченные на гибель, так себя не ведут.

— Вот это уже важная деталь! — самодовольно заключил полковник, обращаясь не столько к германцу, сколько к коммодору Брэду. — Одна-единственная, но важная. Видите ли, в нашем деле всегда очень важны детали, всякие мелочи, подробности...

— Я не следователь, а...

— Не напоминайте мне в очередной раз, кто вы! Я пытаюсь восхититься вами, а вы меня постоянно разочаровываете. Предупреждаю, что это чревато всякими неприятностями. Лучше уж старайтесь очаровывать. Вам известен был хоть кто-либо из этого десятка таинственных пассажиров?

— Никто. Когда они садились в субмарину, лица их были скрыты под марлевыми медицинскими масками, ну, как у хирургов. Из отсека они выходили крайне редко, а если и выходили, то обязательно в маске и общались только со мной.

— Командир этой команды находился на вашем судне?

— На моем. Наверное, потому что я был назначен командиром отряда субмарин. Но и мне он тоже не представился. К тому же мне было приказано не проявлять к пассажирам никакого интереса.

— Тогда еще один вопрос, последний с моей стороны, — вмешался в ход их беседы коммодор. — Эти пассажиры были в армейской форме?

— В черной форме войск СС, но без знаков различия. На полушубках тоже никаких знаков различия.

— Но вы кадровый военный и способны определить, все ли они являлись офицерами или же среди них было несколько гражданских лиц, скажем, людей, похожих на настоящих врачей, или больше смахивающих на школьных учителей, нежели на офицеров?

— И ведь как-то же они обращались друг к другу во время плавания и перехода к пещере, — подсказывал ему ход размышлений полковник.

— Мне понятен ваш вопрос, — задумчиво кивал обер-лейтенант. — Могу утверждать, что двое из этой группы — командир всей команды и старший той части ее, что находилась на борту субмарины «U-437» Хайнца Ридера, несомненно, были военными: выправка,

походка, словом, прусская офицерская школа. На остальных военную форму надела война, но они так и не привыкли к ней.

— А ты мне все больше нравишься, парень, — чуть ли не похлопал его Ричмонд по плечу. — Если не будешь противиться судьбе, я могу сделать из тебя первоклассного разведчика или диверсанта. Как этот ваш, который со шрамами на роже...

— Это вы о Скорцени? — внутренне оскорбился обер-лейтенант.

— Да нет, я уважаю этого парня, — понял свою оплошность полковник. — Говорят даже, что он уже дал согласие работать на нашу разведку против русских. Кстати, нам известно, что это под его руководством создавалась в Антарктиде мощная военная база рейха, которая проходит под кодовым названием «База-211», и на которую вы, обер-лейтенант, только что доставили людей и грузы.

Командир субмарины непонимающе уставился на полковника.

— Станете утверждать, что никогда не слышали об антарктической «Базе-211»?

— Мне сказали, что в Антарктиде работает какая-то наша станция. Наверное, секретная. Может, ее называют так, как называете вы, — «База-211», но мне об этом абсолютно ничего не известно. Почти все время перед рейдом в Антарктиду я проводил в море. Переходы, бои, я преследовал, меня преследовали и атаковали. К тому же командиром субмарины меня назначили только в ноябре сорок четвертого, до этого времени я был обычным флотским лейтенантом.

Беседа продолжалась еще несколько минут, однако коммодор Брэд уже потерял к ней всякий интерес. Процесс вербовки германского офицера в американскую разведку его не интересовал. И в допросе командира арьергардной субмарины Хайнца

Ридера он тоже почти не участвовал. Довольствовался лишь констатацией того, что в общих чертах его показания полностью совпадали с показаниями Отто Фехтера с той только разницей, что Ридер не мог точно указать место на карте, где они высаживали людей, и не знал, что эта местность называется «Оазисом Ширмахера». Но объяснял: у него не было карты Антарктиды, как у Фехтера, и действовал он по приказам своего командира, не вникая в подробности всей этой странной операции.

* * *

— Насколько я понимаю, вы, сэр, в отличие от меня, результатами допросов довольны, — мрачновато произнес полковник, когда они возвращались на борт торпедного крейсера «Томагавк».

— Можно сказать так: они дали мне значительно больше, нежели я мог ожидать. Ради этого стоило сутки напролет проводить в губительных фолклендских туманах. Для меня важно, что есть неоспоримое доказательство высадки людей и грузов на берег Антарктиды, а это, в свою очередь, подтверждает существование там германской военной базы.

— Это оспаривать трудно, сэр.

— А зачем его оспаривать. Кому это нужно? Признайтесь-ка, вам хотелось когда-нибудь побывать в Антарктиде, полковник, хотелось, чтобы ваши потомки называли вас среди исследователей этого, континента, наряду с Амундсеном, Скоттом?..

— ...И адмиралом Брэдом?

— А что, — горделиво повел плечами коммодор, — возможно, и наряду с адмиралом Брэдом. Если только меня повысят в чине.

— Не стану лгать, сэр. Не хотелось. Просто не приходило ничего подобного в голову.

— В таком случае вам не о чем будет сожалеть, если вы так никогда и не попадете в Антарктику, — философски заключил коммодор. — Сожалеть буду я — что на борту флагманского судна не окажется столь многоопытного разведчика и столь трезвого аналитика, как полковник Ричмонд.

— Ну если вы, сэр, всерьез решитесь повести эскадру к берегам Антарктиды, я не прочь буду возглавить ее службу безопасности и представлять на ней ее величество американскую разведку.

— Вот видите, — рассмеялся коммодор, ступая на трап крейсера «Томагавк», — мне удалось завербовать вас значительно быстрее, нежели вам — этого измученного океаном германского обер-лейтенанта.

— Может, только потому, что я — не германец?

— Не думаю. Все дело в выборе цели. Впрочем, для начала, вы должны стать моим союзником, а значит, всячески подтверждать мои доводы в пользу создания такой, Полярной, эскадры, а также всячески убеждать в важности антарктического рейда свое непосредственное руководство.

— Считайте, что группа антарктических заговорщиков уже создана, сэр, — заверил его полковник Ричмонд.

**Ноябрь 1946 года. Атлантический океан.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Прошло уже более часа, как эскадра повернула строго на юг и, вторгаясь в море Скоша, устремилась к предполярной 60-й широте, к Южно-Шетландскому архипелагу.

С каждой милей ветер усиливался, и теперь уже не оставалось сомнений, что это прорывается матросами всех парусников мира воспетый и проклятый «Дрейк-Убийца» — дьявольское порождение Огненной Земли и ледящего пролива Дрейка.

Слева по борту из серого поднебесья угрожающе зарождался огромный айсберг, вершина которого напоминала изуродованную глубинными бомбами рубку субмарины, а передняя часть — развороченную торпедой корабельную корму. Это было внушительное зрелище, заставлявшее задуматься над брэнностью человеческого бытия и преклониться пред холодной вечностью космоса.

— А ведь и в самом деле выглядит такой «ледоносец» более чем впечатляюще, — заметил кэптен, перехватив застывший взгляд адмирала.

— Выглядит — да, впечатляюще, — задумчиво признал Брэд, вкладывая, однако, в свои слова какой-то особый смысл.

— Это правда, сэр, что во время войны в инженерных головах выбродила идея сотворять из айсбергов боевые суда?

— Прежде всего, их собирались использовать в роли авианосцев, которые могли бы действовать в северных

широтах.

— Этих вот — в роли авианосцев?!

— Естественно, поверхность такого ледового авианосца еще надлежало превращать в посадочную палубу, в корму планировалось вмораживать специальный двигатель, в ледяных башнях устанавливать зенитно-артиллерийские батареи, а в глубинах — оборудовать командирскую рубку и пункт управления. Однако затраты могли бы оправдывать себя, тем более что они были бы мизерными по сравнению с теми, которые приходились на создание авианосцев, подобных вашей «Флориде».

— Зато нам выпало служить на судне, достойном увековечения! — полуоскорбленно напомнил адмиралу Вордан. — Не то, что эта, — ткнул он сигарой в сторону айсберга, — бездушная ледяная баржа.

— После того, — невозмутимо продолжил Роберт Брэд, — как весной 1942 года Черчиллю доложили, что массированная торпедно-авиационная и орудийная атака на один из таких айсбергов в Гренландском море, севернее острова Ян-Майена, не потопила его, а всего лишь деформирована «борта» и повредила «палубу», премьер понял: авиация и флот королевства могут получить мощную, непотопляемую эскадру. Известно, что эта идея стала предметом обсуждения на встрече Черчилля с командующим «Объединенных операций» вооруженных сил лордом Луи Маунтбаттенем, ведающим, кроме всего прочего, еще и вопросами вооружения. У нас, в США, тоже была создана группа разработчиков ледовых авианосцев, в которую меня пригласили в качестве эксперта по обустройству быта команд подобных судов. В связи с этим, я присутствовал при обсуждении данного вопроса на конференции союзников, проходившей в Квебеке.

— Что-то я не припоминаю, чтобы во флоте союзников появился хотя бы один такой авианосец.

— Появился. В Канаде. Испытательный авианосец «Аввакум». Вот только создан был этот айсберг-авианосец из... искусственного льда. Точнее, из специальных ледяных блоков, в которые встраивались холодильные установки, предотвращающие таяние авианосца в более теплых морях, нежели Гренландское или море Баффины.

— Вот как?! — удивленно повел подбородком кэптен. — Искусственный айсберг? Что-то новое.

— В штабах союзников к этому новшеству тоже поначалу отнеслись с недоверием. Тогда некий английский инженер-полярник Джефри Пайк предложил создавать корабельные блоки из смеси замороженной воды и целлюлозы. Новый материал, несомненно, был устойчивее и значительно прочнее обычного льда. Но когда в сорок третьем канадцы построили на своем озере Патриция первый и единственный ледяной, причем довольно небольшой, всего чуть более восемнадцати метров в длину, корабль «Аввакум» — с деревянным каркасом, наполненным этим «пайкритом», то поняли: инженер предложил им слишком дорогое и не очень пригодное для войны, а тем более — для жизни команды, «удовольствие».

— В таком случае, стоило бы вернуться к идее природных кораблей-айсбергов. Взгляните на этого «красавца», какой линкор, какой «Титаник» способен устоять против него? Интересно, знают ли о его появлении в этом районе в офисе Международного ледового патруля?

— И вернулись бы, если бы в сорок четвертом потребности в подобных кораблях все еще существовала» или если бы германцы продержались еще хотя бы год.

Они умолкли и с минуту суеверно наблюдали за огромной ледяной глыбой, которая, словно бы подчиняясь чьей-то воле, медленно и почти

неотвратимо надвигалась на Полярную эскадру В эти мгновения оба офицера многое отдали бы, чтобы знать, как далеко простирается во все стороны та, подводная, часть айсберга.

— Думаю, предаваться его обследованию нет смысла, сэр, — вулканически изверг очередную порцию сигарного дыма Николас Вордан. — Оставим это гляциологам.

Роберт Брэд не ответил, а кэптену недосуг было всматриваться в его наполненные романтической тоской полярника белесые глаза. Но и так понятно было, что само появление этого осколка полярной ледовой империи вызвало в его душе какие-то давние, не поддающиеся критической переоценке воспоминания.

— Приказ командирам судов, — обратился адмирал к своему адъютанту, лейтенант-коммандеру^[13] Шербруку: — «Выстроить суда в походную колонну согласно полученному вами предписания».

— Уже передаю, сэр, — тотчас же взялся тот за трубку корабельной связи, чтобы передать приказ дежурному радисту.

Приземистый и медлительно неповоротливый Шербрук казался бы медведеподобным, если бы не это худощавое, с впалыми щеками полуиндейское лицо, и эта нервная жестикуляция, которой он сопровождал почти каждое свое слово. Для роли адъютанта-порученца он, конечное же, не годился, но адмирал даже не скрывал, что держит его при себе по армейским традициям землячества.

В юности Шербрук подрабатывал тем, что вместе с отцом в роли проводников-носильщиков водил туристов в горный массив Бэрд на Аляске, в районе национального парка «Кобук-Валли». Тех самых гор, которые подарили одному из его, Роберта Бэрда,

предков, заполярных рыбаков и охотников, фамилию. Да и родом Шербрук был из индейского селения Кайан, соседнего с его родным, приютившимся на берегу реки Кобук городком Нурвик. Реки, «впадающей» прямо в Северный полярный круг

...А потом адмирал долго, придирчиво наблюдал/как шедшие до этого в кильватерной колонне корабли выстраиваются в разработанную им «римскую походную колонну», которая, кроме всего прочего, позволяла поддерживать между судами визуальный контакт, а главное, дисциплинировала командиров, призывая их вести бой, прикрывая и поддерживая друг друга.

Первым, слегка отрываясь от колонны, должен был идти торпедный, с усиленным зенитным вооружением, крейсер «Томагавк». За ним, на одинаковом расстоянии от величаво шествовавшего в центре колонны авианосца «Флорида», следовали линкор «Галифакс» и эсминец «Портсмут». Параллельно с авианосцем, прикрывая его борта, шли теперь линкоры «Сан-Антонио» и «Онтарио», а в кильватере тащился громадный, с мощными бронированными бортами и столь же мощными орудийными башнями военный транспорт «Монтерей» — с резервными запасами горючего и продовольствия в своих необъятных трюмах. Замыкали же эту «римскую колонну» линкор «Колорадо» и эсминец «Ягуар».

И, наконец, усиливала обороноспособность плавучей крепости новейшая, прекрасно оснащенная, в том числе и модернизированной радарной установкой, субмарина «Ягуар», в надводном положении следовавшая теперь между кораблями авангарда — «Галифаксом» и «Портсмутом».

— Когда мы примем под свой флаг отряд командора Бертолда, получится «Непобедимая Армада», — мечтательно молвил адъютант, наблюдая за

построением судов взором уставшего от боев и походов адмирала Нельсона.

— А что, — поддержал его Вордан, — два надежно бронированных и хорошо вооруженных ледокола, четыре самолета и субмарина. Таким отрядом вполне можно было бы ограничиться.

— Это ваше официальное мнение? — сухо поинтересовался контр-адмирал.

— Простите, сэр?

— Вы решились бы совершать этот рейд силами командера Бертолда?

— В принципе, можно было бы ограничиться только моим авианосцем, одним ледоколом и — так, на всякий случай, — субмариной. Если уж мой авианосец в начале сорок пятого противостоял двум японским фрегатам, поддерживаемый полусотней пилотов-камикадзе...

Только теперь Брэд понял, почему командующий Военно-морским флотом США с таким ехидством интересовала против какого такого врага он, контр-адмирал Брэд, собирается выступать в мирное время, спустя два года после разгром Германии. И, даже уступая натиску шефа военной разведки, заручившемуся поддержкой вице-президента и госсекретаре все же так прямо и заявил ему:

— Вы пытаетесь подчинить себе половину флота, ризер-адмирал^[14]. А ведь я хоть сейчас могу представить президенту некоего офицера флота, который согласится выполнить ту же задачу, имея в своем распоряжении всего лишь авианосец, ледокол и субмарину.

— Есть еще у нас на флоте храбрецы, сэр.

— Ну, подброшу роту морских пехотинцев, — проигнорировал его циничный сарказм командующий флотом, — естественно, прошедших специальную, полярную подготовку.

— И все же на подобный рейд способен решиться только офицер, совершенно не представляющий себе, с какой воинской силой и какой техникой он может столкнуться на подступах к Новой Швабии.

— А вы, Брэд, лично вы, имеете хоть какое-то представление о том, с кем и чем вам придется столкнуться в этих ваших чертовых льдах Антарктиды?

— Нет, сэр.

Ответ был настолько быстрым и убийственно исчерпывающим, что командующий растерялся и на какое-то время даже опешил.

— То есть вы, Брэд, хотите сказать, что?..

— Именно это я и хотел сказать, сэр.

Флит-адмирал — тучнеющий пятидесятипятiletний крепыш — несколько раз задумчиво кивнул, вышел из-за массивного письменного стола и, приблизившись к явно угасающему камину, произнес:

— Ясное дело, человек из разведки предоставил мне кое-какие соображения, — обескуражено объяснил он, словно бы настал его черед оправдываться. — Но все они — из области дешевых газетных писаний. А мой флот должен знать, какой противник ему противостоит, каковы его намерения и какими силами он располагает. Не спорю, ходят какие-то легенды о германских субмаринах. Но, насколько мне известно, две последние субмарины из состава «Фюрер-конвоя» сдались аргентинским властям еще летом сорок пятого.

— Вы правы, сэр. В июле сорок пятого, в районе Мардель-Плата, у мыса Моготес, сдалась «девятка» U-530 под командованием обер-лейтенанта Отто Вермута, а в августе — «семерка» U-977 обер-лейтенанта Хайнца Шеффера^[15]. Но сомневаюсь, сэр, что их следует считать последними. И потом, сотрудникам нашей разведки так и не удалось толком выяснить у Шеффера, чем объяснить наличие на подлодке запасов горючего и

продовольствия, если автономность его «семерки» не превышала семи недель. И даже если допустить, что они действительно принадлежали к «Фюрер-конвою», хотя к субмаринам-гигантам они явно не принадлежали, то сдались они только по чьему-то приказу. Чтобы убедить, что они — последние, что никакого «Фюрер-конвоя» больше не существует, а посему вопрос о послевоенном германском флоте следует считать исчерпанным.

— Как я понял, вы ознакомлены с результатами допросов командного состава обоих субмарин, — с легкой досадой признал еще одно свое поражение флит-адмирал. — Вот только я не уверен, что парни из разведки говорят обо всем том, что им удалось выбить из экипажей субмарин, укомплектованных, как оказалось, почти исключительно из эсэсовцев.

Контр-адмирал деликатно промолчал, давая командующему понять, что дальнейшее обсуждение этой истории неуместно. Впрочем, адмирал флота и не настаивал на его комментариях.

— Только одно я могу сказать с полной уверенностью, сэр, — нарушил эту паузу адмирал-полярник, — если противник, затаившийся во льдах Антарктиды, действительно проявит себя, то мы столкнемся с эскадрой мощных германских подводных лодок, прикрываемых с воздуха не менее мощной эскадрильей «летающих дисков». Причем пилоты их с одинаковым успехом способны действовать в воздухе, космосе, под водой и даже под землей, в так называемом Внутреннем Море. И мы с вами, сэр, представления не имеем о том, как им противостоять.

— Действительно все настолько серьезно, риэр-адмирал?

И лишь после этих слов адмирала флота Брэд понял, что тот окончательно сдался. Но теперь уже не под натиском высоких чиновников, а исходя из собственной

растерянности. Как бы там ни было, а уже через неделю Брэд получил в свое распоряжение такое количество кораблей, на которое он даже не посмел бы рассчитывать. И представителя американской разведки, в лице полковника Ричмонда — в придачу.

— Не смею усомниться в этом, сэр. Но было бы неплохо, если бы перед выходом в океан мне удалось встретиться с начальником разведки Управления стратегических служб.

— Генерал-майором Уильямом Доновэном, — согласно кивнул адмирал флота, — который лично знаком с Отто Скорцени^[16] и многими другими бывшими сотрудниками СД и абвера. Этот джентльмен, несомненно, может обладать некоторой полезной для нас информацией.

— Не скрою, сэр, мне хотелось знать об Антарктиде то, что пока что не позволительно знать всей остальной Америке.

— Мое дело — договориться о встрече, — угрюмо проворчал адмирал флота, демонстративно отводя взгляд в сторону окна. — А вы уж попытайтесь убедить его в том, что существуют тайны, которые от командующего полярной эскадрой утаивать бессмысленно.

Произнося это, командующий флотом, конечно же, не сомневался, что убедить Доновэна контр-адмирал все равно не сумеет. Но в любом случае, Брэд был признателен ему. Полярный Адмирал прекрасно понимал, что адмирал флота предоставляет ему уникальный шанс. Если этот рейд удастся, он может затмить многие другие рейды и операции флота США за все его существование, вписывая имя контр-адмирала Брэда в историю и антарктических исследований, и Военно-морского флота.

— Знали бы русские о том, сколько кораблей мы ведём в Антарктиду, — все еще не унимался командир авианосца, — наверняка ринулись бы вслед за нами, решив, что американцы пытаются оккупировать весь континент.

— А почему вы считаете, что в Москве об этом не знают?

— Несмотря на то, что эскадру свою мы собирали в гавани Порт-Стенли по частям, со всей возможной секретностью... — признал кэптен.

— Однако сейчас, кэптен, для меня куда важнее, что думают, глядя на нашу эскадру, командиры субмарин германского «Фюрер-конвоя».

— Простите, сэр?

— Обойдемся без уточнений, — проворчал Брэд.

— Но кригсмарине давно не существует, сэр! — изумился Николас Вордан. — И это уже даже не подлежит обсуждению.

— Вот как?! А ведь мы еще даже не приступали к его обсуждению.

— Я понимаю: для того чтобы сколотить такую эскадру, вам нужно было посеять некоторую панику в высших эшелонах флота и Управления стратегических служб во главе с Алленом Даллесом, однако...

Договорить он не успел, поскольку дежурный по командному пункту лейтенант-коммандер Остин прервал его и протянул трубку внутренней связи.

— Обнаружена чья-то субмарина! — с нервной дрожью в голосе проговорил он и включил громкую связь, чтобы доклад мог слышать и контр-адмирал.

— А что вас так удивило? — спокойно поинтересовался Брэд.

— Но она преследует эскадру, сэр.

— Скорее, следует за эскадрой, лейтенант-коммандер, — мягко, но принципиально уточнил

Полярный Адмирал. — Мы еще не пытаемся уходить от нее.

— Причем не ясно, с какими намерениями она за нами... следует. А главное, чья она.

— Что-то я не помню, чтобы мы просили у аргентинцев предоставить эскорт, — поддержал его внезапно появившийся на командном пункте полковник разведки Ричмонд.

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика. Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида».

— Так вы утверждаете, что обнаружена только одна субмарина? — жестко поинтересовался контр-адмирал у докладывавшего ему офицера-акустика.

— Одна, но...

— Что следует за этим вашим «но»?

— Ни у меня, ни у коллег с субмарины «Баунти» и ближе всего находящегося к неизвестной лодке эсминца «Ягуар» нет сомнений, что мы имеем дело с субмариной Третьего рейха, — Брэд и командир авианосца переглянулись.

— Это уже похоже на мистику, — покачал головой кэптен. — Во всяком случае, на явление подводного «летучего голландца» это не спишешь.

— Вам-то чего волноваться, Вордан? Вы ведь твердо уверены, что германского кригсмарине давно не существует.

— Но всегда признавал факты, отрицать которые бессмысленно, — растерянно пробормотал кэптен.

— А факты эти убеждают, что германские субмарины все еще в водах Атлантики! — тоже не очень-то скрывая свою растерянность, признал Брэд. — И, не смотря на все наши ухищрения и конспирации, упорно следят за формированием Полярной эскадры.

Но дело, собственно, не в них, мысленно продолжил Полярный Адмирал полемику уже с самим собой, и даже не в тех, кто скрывается сейчас на «Базе-211». Ринувшись к Антарктиде с такой армадой, мы рискуем

вызвать гнев у атлантов-покровителей фон Риттера и фон Готта. И если это случится — вот тогда наступит самое страшное. Так что, может быть, Вордан прав: нам действительно следовало ограничиться двумя — тремя судами обеспечения, которыми вполне могли стать ледоколы Бертолда.

На море моя эскадра еще представляет собой кое-какую боевую силу, но что она способна представлять собой, если речь пойдет об исследовании, не говоря уже о покорении, Внутреннего Мира? Да у меня более четырех с половиной тысяч личного состава. Но в основной массе своей — это члены корабельных команд и авиаторы, смысл службы которых заключается в том, чтобы они находились на своих местах согласно штатным расписаниям.

Впрочем, кто и какие претензии сможет предъявить ему после завершения рейда, если в письменном приказе, который хранится в его сейфе, от него требовалось выполнить только два задания: провести тренировку личного состава в полярных условиях, подразумевая при этом, что данные условия очень похожи на условия Русского Севера. И определить места для создания оперативных военных баз в арктических регионах. Даже не создать сами базы, а всего лишь определить места их закладки.

«Но если ты собираешься ограничиться только этими, официальными требованиями к экспедиции, — молвил себе контр-адмирал, — тогда на кой черт ты сколачивал всю эту «непобедимую» полярную армаду? И потом, как быть с секретными наставлениями начальника разведки генерала Доновэна, под которые тебе, собственно, и выделили все эти суда? Антарктида — не то место, где позволительно лгать себе и людям, которых ведешь за собой. Перед полюсом следует предстать, как перед Господом. Он жестоко наказывает каждого, кто об этом забывает».

— Командир субмарины «Баунти» запрашивает разрешения на атаку германской подлодки, сэр, — ворвался в его размышления голос старшего офицера связи.

— Передайте: составить вместе с эсминцем «Ягуаром» арьергардное прикрытие, но не атаковать, и уж тем более не преследовать. На всех судах объявляется тревога. Командиру авиаотряда: два морских штурмовика — на прикрытие арьергарда, еще два — на обследование территории к востоку и юго-востоку от скопления айсбергов. Об обнаружении целей — докладывать, при проявлении враждебности — ответный огонь.

— А ведь лучшего укрытия, чем эти два огромных айсберга, им не придумать, не согласился с контр-адмиралом командир авианосца. — Что-то слишком рано они проявляют себя.

— Пока еще не проявляют, кэптен, пока еще нет. Нам всего лишь вежливо напоминают, что «хороший гость обычно сидит дома».

— А почему они решили, что право на Антарктиду имеют только они? — возмутился Вордан.

— Не нам, американцам, задаваться подобными вопросами, кэптен.

По этническому происхождению своему техасец Николас Вордан был «итальянцем с сербохорватской кровью». Причем итальянской частью крови, вроде бы, даже восходил к роду Медичи, в частности, к той его ветви, которая имела какое-то отношение к правителю Венеции второй половины XV века Лоренцо Великолепному — весьма посредственному литератору, но истинно отпетому авантюристу.

Впрочем, ни одна из «кровей» не мешала этому балканизированному брюнету с черными вьющимися волосами, эмигранту всего лишь во втором поколении, представлять перед иностранцами в облике

стопроцентного американского шовиниста. Более закоренелого, нежели самый заскорузлый в своем англо-саксонстве потомственный техасский янки. Вот она, наследственность рода Медичи!

Вот и сейчас он буквально взорвался своим благородным техасским гневом.

— Почему не нам? Почему мы так скромно, позволю себе заметить, подступаемся к Антарктике, пасуя перед кем угодно из европейцев, вплоть до обнаглевших германцев и продавшихся им в годы войны норвежцев?!

— Потому что неминуемо найдется множество людей, которые зададутся вопросом: «А почему это американцы решили, что право на всю ту огромную территорию, которую они захватили у индейцев, имеют только они? И по какому праву они вообще владеют этими территориями?». И давайте никогда больше не возвращаться к этим вопросам, кэптен, — жестко завершил Полярный Адмирал. Однако, выдержав небольшую паузу, более миролюбиво, причем уже не столько для Вордана, сколько для самого себя, уточнил: — Но здесь, в Антарктике, мы тоже находимся для того, чтобы защищать свое право на землю Америки. Защищать сегодня и в будущем.

— Вот сейчас мы с вами размышляем, позволю себе заметить, как истинные американцы, сэр, — удовлетворенно согласился с ним командир авианосца.

Брэд достал из внутреннего кармана куртки флягу с коньяком и с наслаждением сделал несколько глотков. Он никогда не злоупотреблял спиртным, но всегда оставлял за собой право на пару таких вот, «отрезвляющих» глотков, как эти.

«Перед полюсом следует представать, как перед Господом, — вспомнилась спонтанно рожденная им самим фраза.

И тотчас же развил заложенную в ней мысль: — С покаянием в помыслах и мужеством в душе». Брэд не

знал, насколько «покаянность помыслов» согласуется с «мужеством души», но в словах этих заключалось нечто такое, что полностью соответствовало образу его теперешних мыслей и душевному настрою.

— На связи — первый лейтенант^[17] Роберте, — донесся с пульта связи голос командира разведывательного авиазвена — В окрестностях скопления айсбергов никаких морских целей не обнаружено. Воздушных — тоже. Подводных целей приборы не фиксируют. Площадь сплошных льдов достигает десяти квадратных миль.

— Тогда какого дьявола появилась субмарина эскорта? — пожал плечами командир авианосца.

— Куда важнее знать, кто ее командиру приказал сопровождать нас.

— Есть сведения, адмирал, что несколько германских субмарин все еще продолжают заниматься пиратскими атаками, — нарушил свое многозначительное молчание полковник разведки Ричмонд. — При этом они используют и созданные в годы войны секретные базы рейха, и базы мафии. Хотя трудно поверить, что командир этой субмарины мог рассчитывать на добычу, вторгаясь в зону действий столь мощной эскадры.

— Жду дальнейших приказаний, — вновь напомнил о себе первый лейтенант Роберте.

— Проведите дальнюю разведку по курсу эскадры, — приказал Бэрд. — Особое внимание обращайтесь на скопления айсбергов. — Командир эсминца «Ягуар». Ситуация на вашем участке?

Истекло не менее двух минут, прежде чем командер^[18] Карл Листон неспешно доложил:

— Субмарина уходит в сторону аргентинского острова Эстадос у восточной оконечности Огненной

Земли. На запросы не отвечает. Вместе с субмариной «Баунти» оттесняем ее от эскадры.

— Командиру «Баунти»...

— Слушаю, сэр, — отозвался командер Гриффин.

— При повторном приближении неизвестной субмарины атакуйте ее вместе с эскадренным миноносцем после первого же запроса. А пока займите место в арьергарде эскадры, между линкором «Колорадо» и эсминцем «Ягуаром».

— Атакую сразу же после запроса, — невозмутимо заверил Гриффин Полярного Адмирала.

Брэд знал, что у этого подводника был опыт схваток с германскими субмаринами и в Атлантике, и у берегов Англии. В марте сорок пятого его субмарина была повреждена на выходе из Ла-Манша, Но Гриффин сумел дотянуть до мыса Лизард и выбросить ее на мелководье в британских прибрежных водах. После этого он почти два года оставался без корабля, довольствуясь службой в штабе военно-морской базы, и был признателен Брэду за замолвленное словечко и за новейшую субмарину.

Но эта субмарина может оказаться на службе аргентинских военно-морских сил, — предупредил полковник разведки. — Существует предположение, что как минимум двумя германскими «девятками» аргентинский президент Хуан Перрон свой флот усилил.

— Возможно, это была взятка фюрера за то, чтобы Аргентина рассталась со своим нейтралитетом, как гимназистка — с девственностью, — предположил командир авианосца.

— Когда в сорок третьем абвер поддерживал устроенный «Группой объединенного офицерства» во главе со своим давним агентом Пероном военный переворот, одним из условий являлось вступление перонистской Аргентины в войну на стороне рейха, — объяснил полковник разведки. — При этом фюрер гарантировал крупные военные поставки в Аргентину, в

частности, нескольких десятков бомбардировщиков и истребителей, средних и тяжелых танков, а также порядка десяти субмарин, стрелковое оружие, обмундирование.

— Понятно, ему хотелось породить своего дуче еще и здесь, в Аргентине.

Вот только решиться на вступление в войну Перрон так и не отважился, понимая, что война для Германии уже складывается неудачно, и что после победы над ней США и ее союзники цинично растерзают экономически отсталую Аргентину.

То есть люди адмирала Канариса забыли, — задумчиво проговорил контр-адмирал, что лепить очередного дуче следует не с танков и субмарин, а с формирования идеологии. С которой начинали буквально все: Сталин, Муссолини, Франко, Гитлер, Антонеску, адмирал Хорти и, наконец, этот венгерский проходимец Салаши.

Но лучше бы Перон встрял тогда в войну, — продолжил свои рассуждения полковник Ричмонд. — В мирное время этот диктатор значительно опаснее для Америки, нежели в военное, поскольку уже сейчас превратил свою страну в огромное и не поддающееся нашему контролю убежище для высокопоставленных чиновников рейха, высших чинов СС и всех прочих. К тому же нам хорошо известно, что на севере Аргентины, в отдаленных районах, между границами Боливии, Парагвая и Чили, германцы скупили огромные массивы земли. Для этого абвер и СД специально перебрасывали туда людей, деньги, оружие и даже техническое оборудование для некоторых предприятий.

— А также, — вторгся в их беседу дежурный офицер Остин, — по утверждению некоторых журналистов, они умудрились перебросить туда фюрера, Еву Браун и Бормана.

— Всего лишь «по утверждению некоторых журналистов», — степенно парировал полковник разведки.

— А то, что они транспортировали туда нацистские идеи? — воинственно вскинул свой далеко не волевой, «испанский» подбородок лейтенант-коммандер.

— Еще немного, Остин, и вы потребуете, чтобы адмирал Брэд повернул эскадру на Буэнос-Айрес, — иронично проговорил Вордан, в очередной раз, поднося к глазам бинокль.

— Прошу прощения, господин адмирал, но в этом было бы больше проку, чем во всей этой странной антарктической экспедиции... — Произнеся это, Остин вдруг поймал на себе удивленно-осуждающие взгляды адмирала, обоих полковников, и даже адъютанта Шербрука. Только это, хотя и бессловесное, но коллективное внушение заставило его смягчить тон. — Хотя не спорю, господа, что с познавательной точки зрения наш рейд, несомненно, принесет какую-то пользу.

На какое-то время на командном пункте воцарилась неловкая пауза, выдержав которую, полковник Ричмонд недовольно побряхтел и продолжил:

— ...А вот что хорошо известно из агентурных данных, — интонационно подчеркнул он это свое «из агентурных данных», — так это то, что постепенно эсэсовцы превращали «боливийское приграничье» в некий германский анклав — со своими охранными отрядами, своей администрацией и своими нравами. Да, и нравами — тоже! — Ричмонд явно обладал задатками школьного учителя, речь его была плавной, четкой и неоспоримо логичной, иное дело, что на Остина, как на нерадивого ученика, эта его убедительность и логичность никакого впечатления не производили, — Теперь мы можем констатировать, что на этот гитлеровский отстойник власть Буэнос-Айреса по

существо не распространяется. Германцы так и называют этот регион — «Свободная германская территория». Если учесть, что большая часть этой территории представляет собой труднодоступные горные районы, а такое понятие как «государственная граница» воспринимается там лишь в качестве географической условности, то ясно, что бывшие эсэсовцы хоть сейчас могут создать там некий латиноамериканский рейх.

— ...Очень удачно расположенный в непосредственной близости от антарктической Рейх-Атлантиды и «Базы-211», — добавил Роберт Брэд. — Кстати, что там, в ваших агентурных данных, полковник, говорится об острове Эстадос, к которому направилась германская субмарина?

— Сегодня же, в определенное для связи время, попытаюсь навести справки о нем в латиноамериканском отделе.

— Окажите любезность. Одна из задач, которую преследует наш рейд, в том и состоит, чтобы выяснить военную ситуацию в этой части Атлантики.

— Не думаю, что на этом островке обнаружится база, подобная базе «Латинос», которую германцы оборудовали в заливе Сан-Матиас, в районе полуострова Вальдес, с видом на спасительную Патагонию и отроги Кордильер.

— Как знать... Размеры еще ни о чем не говорят.

— Размеры, месторасположение... Слишком уж он незащищен перед угрозой превентивного, локального рейда нашего флота и морских пехотинцев.

— И все же секретную базу соединения «Фюрер-конвоя» оборудовать там германцы могли. Используя ее хотя бы в качестве базы обеспечения.

Едва адмирал произнес эти слова, как дежурный радист вновь вывел на внутрикорабельную связь

командира разведывательного авианосца первого лейтенанта Робертса:

— Докладываю, что субмарина вновь увязалась за эскадрой.

— Где она, черт возьми?! — пробубнил Брэд.

— На сей раз, она двигается параллельным курсом, в трех милях северо-западнее эсминца «Ягуар».

— Я так понимаю, что идет она в надводном положении?

— Так точно, в надводном, сэр, приготовив к бою два орудия и два зенитных пулемета. С торпедами, уверен, у них тоже особых проблем не возникает, иначе они не вели бы себя так нагло.

— Вы не ошиблись: у этой субмарины действительно два орудия и два зенитных пулемета?

— И две рубки. Это настоящая громадина! Такой субмарины мне еще видеть не приходилось.

— А что с опознавательными знаками?

— Минуточку, сэр. Они явно прослушивают наши переговоры и поднимают флаг. Попробуем приблизиться. — А спустя еще несколько секунд, Роберте буквально прорычал: — Это возмутительно! На рубке у субмарины германский крест.

— Вас это удивляет?

— Но флаг-то, флаг они подняли аргентинский!

— Оказывается, вас удивляет аргентинский флаг на субмарине Третьего рейха?

— Но, в таком случае, получается, что на вооружении аргентинского флота находятся субмарины адмирала Деница!

— Этого следовало ожидать, — пропыхтел сквозь сигаретный дым командир авианосца.

Первый лейтенант умолк и на командном пункте авианосца на какое-то время воцарилось молчание. Все понимали, что экспедиция начинается на грани международного конфликта, а значит, скверно. В штабе

Военно-морского флота допускали, что эскадра может столкнуться с сопротивлением со стороны охраны германской «Базы-211» и неизвестных им сил Внутреннего Мира. Но там и мысли не допускали о том, чтобы затевать схватку с флотом Аргентины, Чили или еще какой-то «пол у антарктической» страны.

— ...И если учесть, что командир субмарины поддерживает связь с аргентинцами на острове Эстадос... — словно бы вычитав его мысли, принялся вслух размышлять полковник разведки. — Нет, этого военного конфликта нам лучше избегать.

— А если нам его нагло навязывают? — спросил контр-адмирал.

— За Аргентину сразу же вступится Москва, для Кремля это прекрасный повод вмешаться в дела послевоенного американского континента. В правительстве нашими действиями будут крайне недовольны. Любой конфликт рассматривается сейчас, как предвестник еще одной мировой войны.

— Мне и без вас это прекрасно известно, полковник, — раздраженно отреагировал Брэд, напоминая Ричмонду, кто здесь командует эскадрой.

— Не сомневаюсь, сэр, — сдержанно ответил старый служака из уважения к чину Брэда и его славе полярного исследователя. Но лишь выдержав еще несколько секунд «наполеоновской» паузы, контр-адмирал вновь взялся за трубку.

— Не атаковать! — последовал приказ командиру разведывательного авиазвена. — На конфликт не провоцировать!

— Но ведь они же явно держат нас под контролем!

— Я в этом не сомневаюсь, — напрягая хронически простуженную глотку, прохрипел Брэд.

— И ведут разведку!

— Южная Атлантика и море Скоша — пока еще не моя частная собственность, — отрубил Роберт Брэд.

— Я понимаю, сэр. Однако честь американского флага требует от нас...

— Продолжайте разведывательный полет, первый лейтенант, — прервал его контр-адмирал, едва сдерживая раздражение. — В данном случае, честь американского флага требует от вас выдержки. И не теряйте бдительности, не исключено, что тевтоны попросту отвлекают ваше внимание.

Усевшись в свое адмиральское кресло, Брэд несколько минут, закрыв глаза и запрокинув голову, безмолвствовал. Присутствовавшие на просторном, хорошо обогреваемом командном пункте офицеры тоже хранили молчание. Рейд еще только начинался, а Брэд уже впадал в сомнения: стоило ли ему ввязываться в эту военную авантюру.

Однажды ему уже удалось избежать подобной участи. Это было осенью тридцать восьмого года, когда ему предложили присоединиться к германской экспедиции на «Швабенланде». Участие в ней известного американского полярника, конечно же, должно было придать походу фон Риттера респектабельности и видимости международной акции. Но тогда у него хватило мужества отказаться от очередной «волны антарктической славы», которую так убежденно обещали ему бароны фон Риттер и фон Готт.

Осень 1938 года.

Территориальные воды Германии.

Борт трансатлантического лайнера «Саксония».

Проснувшись, Роберт Брэд быстро облачился в ватные полярные брюки и меховую куртку и, стараясь не разбудить по-детски посапывающую во сне юную германку, вышел на кормовую палубу. Укрывшись за надстройкой судна от пронизывающего северного ветра, он поднес к глазам бинокль и увидел впереди и справа по борту склон заиндевевшей скалы, вершина которой слегка искрилась на неярком ноябрьском солнце.

— По всей вероятности, это. какой-то остров? — по-английски спросил он стоявшего рядом джентльмена в форменной морской куртке и фуражке с якорем на кокарде.

— Остров Шархерн, сэр, — ответил тот по-немецки, не удастая, однако, американца взглядом.

И лишь услышав его густой басовитый голос, полярник узнал в нем того самого господина, который несколько предыдущих вечеров просиживал за соседним с ним ресторанным столиком в мрачном молчании, попивая виски и почти неотрывно глядя в иллюминатор. Но только сейчас Роберт впервые увидел его во флотском одеянии, с нашивками офицера торгового флота. Темные, со щедрой проседью, волосы, коричневатое, основательно избитое оспой лицо, крючковатый, расширенный в ноздрах, «синайского» покроя нос. На арийца этот человек явно не смахивал, но, судя по нашивкам на погонах и рукавах, ценили его на службе не за его расовое происхождение.

— То есть мы уже подходим к устью Эльбы, — решил проявить свое знание географии Роберт Брэд. Но лишь для того, чтобы как-то продолжить разговор.

— До устья еще далеко, — все так же мрачно поигрывая желваками, и вновь по-германски, отвечал моряк. Хотя Роберт мог поклясться, что слышал, как не далее чем вчера он довольно бойко общался с каким-то преклонных лет джентльменом на вполне сносном английском. Очевидно, близость германских берегов порождала в нем воинственный тевтонский шовинизм. — Мы всего лишь входим в Дойче бухт, и теперь нам понадобится долго идти по заливу, пока не минуем Кильский канал, оставляя его по левому борту.

— Благодарю, сэр, теперь я сориентирован. Главное, что мы в Германии.

— В благословенной Богом, — назидательным тоном напомнил ему моряк.

— ...для всякого германца.

— Однако, миновав канал, — не стал развивать эту тему знакомый незнакомец, — нам еще пару часов придется подниматься вверх по Эльбе, до причалов Гамбургского порта. Кстати, при входе в него мы увидим судно, которое заинтересует вас больше всех остальных.

— Почему вы решили, что какое-то из судов может сильно заинтересовать меня, пребывающего на море только в качестве пассажира? — тоже перешел Брэд на немецкий.

— Потому что это судно носит название «Швабенланд», — пожал плечами моряк.

— А почему вы считаете, что меня должен заинтересовать именно «Швабенланд»? — Брэд прекрасно понимал, что после всего услышанного задавать подобные вопросы попросту бессмысленно. Но его задело это всезнайство тевтонца. Причем

всезнайство с налетом наглости и, — что в глазах американца было совершенно недопустимым, — превосходства.

Только теперь моряк оторвал взгляд от медленно проплывающей в розовой рассветной дымке островной скалы и с нескрываемым любопытством взглянул на Брэда. Это был взгляд человека, уличившего своего собеседника в мелочной лживости и пытающегося вот так, бессловесно, усовестить его.

— Эти американцы, черт возьми! — проворчал он так, словно апеллировал к кому-то третьему, кто мог слышать их обоих. — Почему именно «Швабенланд»? Да потому что именно «Швабенланд» готовится к экспедиции в Антарктиду. К выдающейся экспедиции, на которую исследователей благословил сам фюрер. А какие работы были проведены и сколько рейхсмарок в это дело вложено! Обычный океанский почтовый авианосец перестраивают под мощное полярное судно, способное дать фору любому ледоколу. Запланировано исследовать огромную территорию материка, зафотографировав ее на десятки тысяч снимков. Ни Северный, ни Южный полюс такой грандиозной экспедиции еще не удостаивались. Или, может быть, — вдруг спохватился моряк, — существует какая-то иная цель вашего визита в Германию, а, господин Брэд?

— Иной цели не существует, — отчеканил полярник.

— Не лукавьте, признавайтесь, сэр.

— Конечно же, мне нужен «Швабенланд»! — иронично ухмыльнулся Брэд. — Это ведь так очевидно, поскольку написано на моем лице.

— Да, господин полярник, да.

— Кто в таком случае вы? Тоже из племени полярников?

— Только изгнанный из этого племени за непростительное теплолюбие. — Кто бы мог подумать, что этот угрюмый с виду крепыш способен на столь

утонченный юмор! — Вот если бы Южный полюс располагался где-нибудь в районе экватора!..

— И все же., если повнимательнее присмотреться к вашей личности?

— Тогда — капитан Курт Древиц. Представляю Германское общество полярных исследований^[19].

— Солидная организация.

— Уже хотя бы в силу того, что именно это общество пригласило вас для участия в экспедиции барона Альфреда фон Риттера.

— И каковы же ваши функции в Обществе полярных исследований?

— Отвечаю за безопасность тех людей, которых мы привлекаем к участию в экспедиции, — не стал Древиц превращать свой род занятий в некую тайну.

— То есть вы были тем человеком, который специально прибыл в Нью-Йорк, чтобы доставить меня в Германию?

— Человеком, «доставляющим вас в Германию», следует считать прекрасную германку, досматривающую свои сумбурные девичьи сны в вашей каюте.

— Эльзу?!

— Ну, положим, «Эльза» — это всего лишь общее наименование всех наших агенток. Подобно тому, как всех американцев в Европе называют «янки». — Древиц то ли действительно не взлелеял в своей душе чувства ревности к «янки» Брэду, то ли слишком профессионально скрывал это.

— Кого же тогда я пригнул в своей постели?

— На самом деле одиночество ваше скрашивала Лилия Фройнштаг^[20]. Теперь, когда мы уже в Германии, имя ее тайной не является.

— Из этого не следует, что вы должны все упоминать имя моей дамы, сэр, упоминая при этом о

нашей близости. Давайте чтить кодекс джентльмена.

— Кодекс останется незапятнанным, доктор Брэд. В то же время напомню, что в Германию вы прибыли по своей воле, откликаясь на официальное письменное приглашение Общества полярных исследований. Мы с Фройнштаг, как и служба, которую мы представляем, не имеем к этому никакого отношения.

— Я ведь не зря упомянул о кодексе джентльмена.

— И уверяю: вы не пожалеете о том, что приняли участие в экспедиции, которое, ко всему прочему, еще и будет щедро вознаграждено определенной суммой рейхсмарок.

— Для начала нужно хотя бы увидеть этот ваш «Швабенланд».

— Судно Прекрасно подготовлено к походу, команда надежная, два разведывательных самолета на борту.

— Уже вызывает уважение.

— И, что для вас, исследователей, очень важно, — после завершения экспедиции статьи о ней появятся в газетах всего мира.

— Самые теплолюбивые из германцев тоже входят в состав этой команды?

— Окончательно не решено. И потом, вряд ли... Извините, но у меня и в Германии дел хватает. Однако не буду осквернять своим присутствием ваше одиночество.

— Простите, но зарождается еще один вопрос, — остановил его доктор Брэд.

— Слушаю вас очень внимательно, — сухо и снисходительно проворчал Курт.

— Почему вы вдруг решили «взорвать» свое и Лилии Фройнштаг инкогнито, делая вид, что впредь хотите играть в открытую?

Древиц окинул рослую, ладно скроенную фигуру Роберта Брэда таким сочувственным взглядом, словно

перед ним стоял городской юродивый и, нахраписто рассмеявшись, объяснил:

— Обычно в нашей среде на подобные вопросы отвечать не принято. Но поскольку вы, доктор Брэд, слишком много времени проводите не среди полярных разведчиков и дипломатов, а в обществе таких же полярных скитальцев и белых медведей, то я вам объясню. Я «взрываю», как вы изволили выразиться, это свое инкогнито только для того, чтобы делать вид, что впредь мы намерены играть с вами, доктор Брэд, «в открытую», без какой-либо «карты в рукаве». А посему позвольте еще раз представиться — гауптштурмфюрер СС^[21], доктор философии Курт Древиц.

И эти, последние, фразы прозвучали для Брэда, как публичная пощечина его наивности.

Проведя доктора от СС-философии оскорбленным взглядом, Роберт передернул подбородком, поражаясь тому, как все странно складывается с этим его вояжем в Европу, и всматриваться в проплывающие вдоль борта почти отвесные, расчлененные фиордами скалы не стал. Они как-то сразу же потеряли для Брэда всю свою привлекательность.

«А ведь в Антарктиде уже начинается весна, — с тоской, понятной только человеку, совершившему три полярные экспедиции, подумал он, окидывая взглядом, охваченное осенним туманом островное побережье. — Это — к разговору об «обществе полярных скитальцев и белых медведей», в среде которых я действительно чувствую себя все увереннее и надежнее».

И все же эта встреча с гауптштурмфюрером СС не способна была окончательно выбить его из седла. В конце концов, какое ему дело до каких-то двух агентов германских спецслужб, которые к тому же заинтересованы в его участии в экспедиции «Швабенланда»?! Сейчас важно только то, что он,

известный американский полярник, прибывает в Германию, чтобы принять участие в грандиозной международной экспедиции в Антарктиду. Причем в экспедиции, в ходе которой на ледяной континент можно будет взглянуть даже из иллюминатора самолета — на что судьба его, участника трех полярных экспедиций, еще никогда не расщедривалась. Важно только это, а все остальное не имело сейчас никакого значения.

Обзванивая перед отплытием в Европу друзей и коллег, Брэд не скрывал своей гордости за то, что в Германском обществе полярных исследований вспомнили именно о нем, и из всех американских полярников пригласили только его. И коллеги понимали Брэда, В последнее время ему не везло на экспедиции, он явно засиделся на «большой земле». Да и в мире настолько пахло очередной великой войной, что народам было не до исследований повадок тюленей и движения айсбергов.

Вернувшись в каюту, полярник увидел, что Лилия — теперь он пытался привыкнуть к ее настоящему имени, если только оно действительно было настоящим, — все еще спит, лежа на боку и натянув одеяло на кончик носа. Но оказалось, что на самом деле эта притворщица не спала. Стоило Брэду на несколько мгновений задержаться у столика, на котором лежала ее сумочка, как он тут же услышал:

— Если вас интересует мое настоящее имя, — все дни знакомства они общались только на немецком, хотя спутница. Брэда довольно сносно владела английским, — то я могу назваться.

— Нет, фрау Лилия Фройнштаг, уже не интересует.

— Понятно, мой полярный паломник, вы успели мило побеседовать на палубе с Куртом Древицем.

— С гауптштурмфюрером СС Куртом Древицем, — уточнил Брэд.

— Как же непростительно далеко заходят иногда в своем мимолетном знакомстве наши словоохотливые мужчины! — резюмировала Лилия, не выказывая при этом ни тени раздражения.

— Он и вам тоже советовал играть со мной «в открытую»?

— Мне с вами, доктор Брэд? Или, все же, вам — со мной? Что имеет принципиальное значение.

— Уж вы то, надеюсь, дипломом доктора философии обзаводиться не стали? Или же, пребывая под крылом Древица...

— В отличие от гомосексуалиста Древица, — сразу же пресекла Фройнштаг его намеки на особые отношения с гауптштурмфюрером, — не стала. Так что единственное сведение, которое вы могли бы добыть, порывшись тайком в моих документах, это мой чин. Но эту тайну я продам вам с особой легкостью: я — гауптшарфюрер, то есть обер-фельдфебель войск СС.

— Что-что? Вы — обер-фельдфебель?! — прочистил Брэд свою хронически простуженную полярными морозами луженую глотку коротким лошадиным ржанием. — В сонном бреде не мог бы предположить такого! — искренне изумился он. — В сонном бреде!

— Напомню, что это всего лишь самый высокий чин перед офицерским, — с оскорбленной гордыней молвила Фройнштаг, — на который, замечу, у меня тоже есть все основания рассчитывать.

— Нет, уму не постижимо: вот уже которую ночь я провожу в постели с фельдфебелем!

— Уймитесь, доктор Брэд. Не спорю, на вашем месте я бы тоже изумилась, но спали вы все же не с фельдфебелем, а с прекрасной женщиной. И потом, мне почему-то казалось, что вас больше смутит моя принадлежность к войскам С С.

— К войскам СС? С какой стати? Или, может быть, у нас в Америке все еще очень плохо представляют себе,

насколько воинственна и националистична эта организация?

— Это не тема для разговора, — решительно пресекла его веселье гауптшарфюрер Фройнштаг, и впервые за все время знакомства в голосе ее прозвучали угрожающие нотки.

— Не представляют, это точно. Именно поэтому вы, Фройнштаг, решаетесь держать при себе удостоверение личности служащего «охранных отрядов партии»^[22].

— Вы явно спутали СС с гестапо, мой полярный паломник, — мило улыбнулась Фройнштаг, — о котором американцы, как правило, тоже пока что имеют смутное представление.

— А с чем мне позволительно спутать ваше СД? И вообще, что это такое: еще одна разведка?

— Я знаю, что америкашки плохо разбираются в наших спецслужбах. Даже профессионалы.

Это свое «америкашки» она произносила уже не впервые, но всякий раз делала это настолько игриво, почти нежно, что Брэд не решался ни делать ей замечание, ни тем более возмущаться.

Вот и сейчас, произнеся это, Лилия демонстративно оголила упругую, цвета слоновой кости, грудь. «Настоящую, фельдфебельскую...», — заметил про себя Роберт. И этого было достаточно, чтобы, вспомнив о царящем на палубе ледяном ветре Северного моря, полярник вновь принялся поспешно срывать с себя одеяния.

— Но особенно смутное представление они имеют об СД.

— СД или Зихерхайтсдинст — это служба безопасности и разведки, созданная внутри СС. Однако она уже давно вышла из материнского чрева, превратившись в самостоятельный и грозный аппарат.

— К которому вы тоже принадлежите. — Брэд рискнул пойти на обострение отношений именно тогда, когда его следовало всячески избегать.

— Должна же я, в конце концов, принадлежать к какой-то из германских служб! — невозмутимо парировала Фройнштаг, вновь подтверждая подозрение издавшего виды сорокалетнего полярника в том, что эта женщина вообще лишена каких бы то ни было комплексов и предрассудков.

Говорить с ней можно было на любые темы, кроме разве что каких-то особых тайн СС, не опасаясь при этом благородных амбиций и жеманничанья. Правда, теперь Роберт прекрасно понимал, что за легкостью общения и женским всепрощением скрывалась некая основная, жесткая профессиональная тайна агента СД. Но это уже детали.

— Тогда почему бы вам так сразу и не представиться мне еще там, в нью-йоркском порту: «Агент СД Лилия Фройнштаг»?

— Только потому и не представилась, что, как вы сами подметили, я — все еще агент СД.

— Я так понял, что только что вы процитировали самый заумный каламбур, из когда-либо созданных в недрах спецслужбы СС?

— И благодарите Господа, мистер Брэд, что я оказалась этим агентом. И что этим агентом оказалась именно я. Иначе как бы я могла проникнуть на ту сторону Атлантики, и кого бы вы ласкали все эти дни океанских скитаний в своей слишком узкой и безбожно жесткой постели?

— Относительно «безбожно узкой» — не возражаю. А вот что касается жесткости то благодаря вам прочувствовать ее мне не пришлось.

— Не скабрезничайте, доктор Брэд, вам как ученому это не к лицу, — ровным спокойным голосом усовестила

его Фройнштаг и, захватив за затылок, вновь заставила прильнуть губами к ее телу.

— Прошу прощения, мэм, — едва успел он проговорить, поскольку с этой минуты право на исповедь получала только женщина.

— ...А еще учтите, что мы с Куртом приставлены были к доктору Брэду только для того, чтобы оберегать вас от нападков и нападений антигермански настроенного американского еврейства, негров и латиносов-коммунистов.

— Что-то я не замечал подобной угрозы со стороны названных вами этносов.

— Вы многого не замечали, доктор Брэд, — решила окончательно поставить его на место Лилия Фройнштаг. — И вам как естествоиспытателю это не делает чести. Привыкайте почаще оглядываться вокруг себя и повнимательнее присматриваться к тем, кто рядом с вами.

— Я воспользуюсь этим вашим советом, когда ступлю на палубу авианосца «Швабенланд». Мне действительно стоит присмотреться к тем людям, из которых ваша служба сформировала его команду.

— В таком случае прислушайтесь к еще одному совету: не стоит усложнять себе жизнь излишними подозрениями на борту «Швабенланда». Вы же знаете, как трудно выходить в океан, а тем более — идти к берегам Антарктики, с людьми, которым не доверяешь. И не забывайте, что мы с вами, если и не друзья, то уж, во всяком случае, союзники.

Уже почти раздевшись, Брэд вдруг засомневался: не воспротивится ли Фройнштаг после всего, что здесь было сказано, близости с ним. И, похоже, что Фройнштаг и в самом деле решила было подняться с их корабельного ложа, но, осмотрев мощную полуоголенную фигуру Брэда, отказалась от этого демарша. Тем более, что перед ее начальством они с

доктором Брэдом обязаны была предстать в виде вполне доверяющих друг другу людей, а иначе каков смысл в ее поездке в Америку?

— У вас благородное лицо, доктор Брэд, — неожиданно для себя отвесила она комплимент этому эсэсненавистнику — Нет, правда: высокий лоб, почти миндалевидные глаза, прямой, римский нос, четко очерченные, слегка полноватые для мужчины губы, массивный волевой подбородок.

— Прекратите издеваться, Фройнштаг, — поеживался Брэд, прикрывая свою выпяченную волосатую грудь толстым белым свитером и все еще не решаясь лечь рядом с женщиной.

— Я не издеваюсь, Роберт. Я мысленно рисую портрет выдающегося полярника, героя международной антарктической экспедиции, чтобы затем оставить его любознательным потомкам.

— Я продрог и хотел бы лечь. В каюте довольно холодно.

— Вас загоняет под мое одеяло только прохлада корабельной каюты? Как же низко пали мои женские достоинства. А ведь я лелеяла мечту снова выйти с вами в Атлантический океан, на сей раз — на борту «Швабенланда».

— Вы?! А вам приходилось когда-нибудь бывать в полярных экспедициях?

— Нет, конечно. Как и большинству из тех людей, которые окажутся вместе с вами в каютах полярного авианосца. И потом, я ведь не собираюсь впрягаться в сани, чтобы, подобно капитану Скотту, — она потянулась рукой к лежащему на столике «Дневнику капитана Скотта», — тащить их за собой к Южному полюсу.

— И вы уже говорили о своем участии в экспедиции с руководством? — присел Брэд на краешек кровати.

— Пока что нет. Но барон фон Готт, который, наверное, будет возглавлять службу безопасности этой экспедиции, намекнул, что такое участие возможно. Если вы воспримете меня как секретного личного телохранителя.

— Но я не столь уж важная персона, чтобы приставлять ко мне еще и личного телохранителя.

— Вы даже не догадываетесь о том, насколько вы важная персона для всех, кто занимается этой экспедицией, подготовкой к которой интересуется сам фюрер. Замечу, что он лично одобрил вашу кандидатуру вслед за гросс-адмиралом Редером и командующим люфтваффе Германом Герингом.

— Неужели моей скромной персоной действительно занимались первые лица рейха? Это невероятно!

— Ничего невероятного, если учесть важность экспедиции.

— Обычная научная экспедиция. Какая-то группа сойдет на лед, пилоты сделают несколько сотен снимков. Образцы скальных пород и наблюдения синоптиков...

— Да кого там будут интересовать ваши «наблюдения синоптиков»?! — неожиданно сорвалась Фройнштаг, — стал бы фюрер тратить на них миллионы рейхсмарок и снаряжать такую экспедицию, если бы... Впрочем, я, кажется, увлеклась, — вдруг запнулась она на полуслове. — Что вы, Брэд, сидите на краешке кровати, словно пингвин на отколовшейся льдине?

— Не обращайтесь на меня внимания. И, ради бога, договаривайте, договаривайте! Для меня очень важно знать, почему экспедиции придается такое значение.

— Не говорите впредь ничего подобного, иначе вас заподозрят в шпионаже в пользу США.

— Никто меня ни в чем не заподозрит, Фройнштаг. Никому я там, в США, не нужен.

— Просто ваши америкашки еще не успели сообразить, в центре каких событий вы можете оказаться.

— Вот именно: каких? — нетерпеливо поинтересовался Роберт.

— Тем более, — избежала прямого ответа Фройнштаг, — что и наше правительство пока что старается не афишировать поход «Швабенланда», предпочитая заговорить о нем в тот день, когда миссия авианосца будет выполнена.

— Значит, за этой миссией что-то скрывается, — задумчиво проговорил доктор Брэд. — Это — не обычная экспедиция. Что за ней скрывается, Фройнштаг?

Лилия какое-то время задумчиво молчала, затем произнесла:

— Просто организаторы ее побаиваются, как бы нас кто-то не опередил: скажем, американцы, норвежцы или русские.

— Неубедительно вы все это говорите, Фройнштаг.

— Сама чувствую, что неубедительно, доктор Брэд. Но никакой более толковой версии предложить не могу. Пока что не могу. Поэтому прекратим этот бессмысленный разговор. Лучше вспомните, что это я лежу в вашей постели, сэр, а не вы в моей.

— Изумительная наблюдательность. И как я должен вести себя в этой ситуации?

— Соответственно, доктор Брэд, со-от-вет-ствен-но... — многозначительно, по слогам, изрекла Фройнштаг.

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика. Море Скоша.

**Полярная эскадра контр-адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Эскадра уже почти миновала опасную «банку», созданную скоплением блуждающих айсбергов и набившимися между ними осколками пакового льда, германо-аргентинская субмарина тоже исчезла, и теперь уже адмиралу Брэду ничто не мешало спуститься к себе в каюту выпить чашечку-другую кофе с коньяком и подремать. Но как раз в то мгновение, когда он готов был передать эскадру кэптену Николасу Вордану, с жестким требованием: «по пустякам не тревожить!», на связь неожиданно вышел командир идущего чуть впереди и слева линкора «Галифакс» командер Эркорт:

— Здесь творится явная чертовщина, сэр! — слышался в трубке его гортанный ирландский говор. — Обратите внимание на отдельно плывущий айсберг, в полумиле от меня.

Брэд тотчас же припал к окулярам бинокля. В полумиле от линкора, чуть прячась за его кормой, действительно восставал невысокий айсберг, с плоской, как площадка для гольфа, вершиной.

— И что в нем «чертовщинного», командер? Кроме того, что, насколько я могу судить, у него плоская вершина и что он, по-моему, сближается с вами?

— У него почти идеально ровная вершина, — уточнил Эркорт, которого на флоте так все и называли «Ирландцем», — имеющая форму большого овала.

— Природа способна создавать и не такие чудеса, взять хотя бы благословенную Богом Ирландию...

— Спасибо, за лестный отзыв об Ирландии, сэр, знаю, что вам приходилось бывать там.

— Вместе с тремя ирландскими полярниками я готовился к походу на Канадский Север, — не мог отказать себе в удовольствии вспомнить то далекое время Роберт Брэд. Он мог бы вспомнить и о том, как в него влюбилась невеста одного из ирландцев, дочь какого-то английского баронета-судовладельца из Ливерпуля, и дело чуть не кончилось дуэлью. Но о таких приключениях молодости следует вспоминать за бутылкой виски. — Тренировки проходили в ледовых фиордах в районе мыса Хорн-Хед.

— На северо-западе Ирландии, — определил Эркорт. — Так вот, остальные айсберга почти неподвижны, во всяком случае, движение их незаметно, а этот, плоский, державшийся позади линии айсбергов, неожиданно развернулся почти на 180 градусов и начал выдвигаться к концу их строя. Я не большой знаток Антарктики, однако подобная резвость одного из айсбергов кажется слишком странной.

— Даже если учитывать причуды течения, порождаемого недалеким проливом Дрейка?

— Мой специалист уже доложил, что течение здесь мизерное и направлено из Тихого океана в Атлантику, а не наоборот. Вам приходилось когда-нибудь встречать айсберг, движущийся против течения? А эта ледовая «рулетка» двигалась именно так. Причем теперь она идет почти параллельным со мной курсом, то есть во второй раз изменив направление движения.

— Это уже серьезно, — признал адмирал. — Продолжайте наблюдение и увеличьте скорость. У этого «крупье» может оказаться далеко выступающая подводная часть.

— Выполняю, сэр.

— Первый лейтенант Роберте еще в воздухе? — озабоченно поинтересовался Брэд у командира авианосца, который слышал его переговоры с бортом линкора «Галифакс».

— Командир пилотов только что запросил разрешения на посадку, — через полминуты доложил Вордан. — На исходе горючее.

— Свяжитесь с ним и нацельте на айсберг, который условно будем именовать...

— «Крупье», подсказал дежурный офицер Остин.

— Лучше — «Ледовым Титаником». Так вот, пусть пилот Роберте со своими парнями выяснит, что там мерещится нашему Ирландцу.

— Может, сразу поднять в воздух все наши бомбардировщики и устроить им учебное бомбометание?

— Дай-то Бог, чтобы нам не пришлось устраивать эти бомбометания в Антарктиде, дорожа при этом каждой бомбой.

— Понял, сэр, налет отряда бомбардировщиков отменяется.

— В любом случае, нам следует доложить об этом случае в штаб флота и генералу Доновэну, — молвил полковник разведки Ричмонд.

Командующий эскадрой смерил его тяжелым испепеляющим взглядом и саркастически хмыкнул.

— Если хотите, чтобы и в штабе флота, и в разведке решили, что во главе экспедиции оказалась кучка идиотов, — валяйте, полковник. За собственной подписью.

Ричмонд обиженно набычился, а вот командир авианосца, недолюбливавший полковника уже хотя бы за то, что тот принадлежит к разведке, наоборот, довольно ухмыльнулся.

— Обратите внимание, полковник, — подчеркнул он, — только за собственной...

Однако облет айсберга всеми четырьмя находившимися в воздухе самолетами ничего не дал. Во время авиаразведки айсберг оставался совершенно неподвижным, а из того, что вершина его напоминала пилотам «палубу авианосца с небольшой надстройкой на баке» и почти овальной, глубокой трещиной в центре, абсолютно ничего не следовало. Тем более что и командиры левофланговых линкоров «Галифакс», «Сан-Антонио» и «Колорадо» тоже подтвердили, что Крупье прекратил крутить свою рулетку и уgomонился.

— Скорее всего, этот айсберг оказался в центре гигантской воронки, — предположил первый лейтенант Роберте, в последний раз осматривая из своего поднебесья палубу «Ледового Титаника».

— И с этим стоит согласиться, — сразу же поддержал его толкование кэптен Ворман.

— Во время службы в авиации береговой охраны, — воодушевился его поддержкой Роберте, — мне не раз приходилось наблюдать эти дьявольские жернова в районе мыса Хаттерас, а однажды — чуть западнее Бермудских островов.

— Пилот прав, сэр, — вновь подтвердил командир авианосца. — Об этих «дьявольских жерновах» слышаны моряки всех авианосцев.

— В одну из таких воронок чуть не втянуло мою машину, — завершил свой доклад Роберте. — Это были не самые приятные минуты в моей жизни, сэр. Струсил, как кадет после первого неудачного захода на посадочную полосу.

— Ваше мнение учтено, — проворчал контр-адмирал. — Аргентинскую субмарину больше не наблюдаете?

— Нет, сэр. Похоже, теперь она окончательно ушла в сторону Огненной Земли. Прошу разрешения на посадку.

— Не возражаю, пилот.

— Инцидент исчерпан, — откликнулся на его просьбу и кэптен Вордан. — Самолеты — на палубу! Пилотам — благодарность командования.

Решив, что на сегодняшний вечер с него достаточно, контр-адмирал приказал адъютанту приготовить кофе и ванну, и, выйдя на продуваемую всеми ветрами командирскую палубу, еще с минуту понаблюдал в бинокль за движением эскадры. Словно предвидя, что командующий эскадрой устроит им вечерний смотр, командиры судов подтянулись, заняли отведенное им место в строю и жестко выдерживали заданную скорость.

В последний раз взглянув в ту сторону, в которой, за далеким горизонтом, оставался беспокойный, но все же более-менее освоенный человечеством мир, Брэд спустился в свою адмиральскую каюту и с удовольствием опустился в роскошное кожаное кресло между журнальным столиком и имитацией камина. Кюта эта меблировалась не для него, в ней не раз выходили в океан командующие Шестым флотом и всеми Военно-морскими силами США, а однажды в ней провел почти двое суток президент. Но все равно Брэду было приятно находиться в этом уютном корабельном закутке.

Как человек, много лет проведенный в полярных скитаниях и изнурительных арктических зимовках и привыкший ночевать в палатках, хижинах, эскимосских иглу и просто на навьюченных санках, он обостренно воспринимал любое проявление комфорта и, ценил его так, как, возможно, не способны были ценить миллионы других американцев. Удобно было и то, что рядом, на специальном столике, располагался пульт связи, обслуживаемый дежурным связистом, обитавшим вместе с адъютантом командующего в соседней каюте.

— Ваша ванна готова, сэр, — доложил по межкаютной спецсвязи адъютант Шербрук, который

мог входить в ванную каюту со своей обители.

— Прикажите дежурному связисту докладывать обо всем, что достойно вашего, лейтенант-коммандер, внимания.

— То есть только в том случае, когда над авианосцем зависнет «летающий диск» инопланетян, — уточнил Шербрук.

— Смотрите, не напророчьте, коммандер, — недовольно проворчал контр-адмирал.

— Ну, пророком я всегда был никудышным...

— Согласен, пророком вы обычно бываете никаким, да только входим мы с вами в ту часть планеты, в которой все нематериальное обладает странной способностью материализоваться, Причем в самых причудливых формах.

В общем-то, Брэд никогда не отличался суеверностью, но с того времени, как ему было поручено командование Полярной эскадрой, в сознании его произошло нечто такое, что заставляло его с особой обостренностью относиться ко всему тому, что могло иметь хоть какое-то отношение к непознанному миру. А сам этот Непознанный Мир действительно стал проявляться в самых неожиданных формах и предположениях, наподобие тех, которые только что возникли у командира линкора «Галифакс».

«Хотел бы я, будучи в штабе флота, прочесть это донесение полковника разведки Ричмонда: «Айсберг развернулся на 180 градусов и принялся преследовать линкор «Галифакс!», — оправдывал он свое «недонесение» о странном наблюдении за айсбергом командира линкора. — Представляю себе, что бы написали после этого о командующем Полярной эскадрой в американских газетах! Кстати, о прессе... — вдруг вспомнил он, уже сняв с себя адмиральский мундир и облачившись в теплый шерстяной халат. — Ты ведь, черт возьми, совершенно забыл о том, что в

последний день на борт поднялось несколько журналистов! Странно, что они до сих пор не свалились тебе на голову».

— Адъютант, — прохрипел он, нажав кнопку переговорного устройства, — сколько в эскадре журналистов и где они обитают?

— На авианосце — трое газетчиков, — доложил он уже после того, как контр-адмирал погрузился в ванную. — Точнее, один из них радиокомментатор, а двое других...

— Да плевать, кто они там, — благодушно прервал его доклад командующий. — И потом, почему все трое на авианосце?

— Это ведь журналисты... Прежде всего их интересует командующий, — выразительно пожал плечами адъютант, словно речь шла о какой-то дичайшей странности, — и тот корабль, на котором решается судьба экспедиции.

— При первой же возможности одного из них переправьте на судно-базу.

— На «Монтерей», сэр, — для порядка уточнил адъютант. — Переправлю туда шведа. самого наглого и беспардонного. К тому же так и не удосужившегося протрезветь после пьянки в портовом отеле.

— «... Пьянки в портовом отеле!», — на сей раз повторил уже сам контр-адмирал. Однако вспомнил при этом другой порт, другой отель и другую страну.

Это был Гамбург 1938-го. Далекий Гамбург, и теперь уже далекого тридцать восьмого. Отель носил наименование «Фрегаттен-капитан», а женщину звали Лилией Фройнштаг. Он бы мог продолжить эти воспоминания, если бы они не казались слишком несвоевременными и взрывоопасными. Во время дальнего похода подобным бредням прошлого лучше не предаваться, даже мысленно.

— Однако никто из них ничего не должен знать о фантазиях по поводу айсберга «Ледовый Титаник».

— Никто и ничего, — по-привычке подтвердил Шербрук. Было время, когда эта его непреодолимая потребность повторять последние слова командующего слегка раздражала Брэда, но со временем он привык, и, когда адъютант забывал о своей привычке, уже воспринимал как невнимательность. Или отсутствие служебной ревности.

— И еще... Им категорически запрещено бродить по кораблю и приставать с расспросами к офицерам. Не говоря уже об уоррент-офицерах^[23] и прочих чинах.

— Категорически. Особенно — ко всем прочим.

— Всю необходимую информацию они будут получать у третьего помощника командира корабля, как его там...

— Лейтенант-коммандер Отто Шведт, сэр.

— Германец что ли?

— Не могу знать, сэр.

— Так выясните, черт возьми! Только германцев нам здесь и не хватало.

— Но он, очевидно, американский германец.

— Скорее, германский американец, — обронил командующий.

— Значит, спецслужбы проворонили. Однако списать его теперь можно только за борт, предварительно подняв на мачте авианосца «Веселый Роджер». Полковнику Ричмонду и двум его подручным следовало бы присмотреть за ним.

— В любом случае, информация, которую он будет предоставлять журналистам, должна исходить только от вас, адъютант.

— Мой же источник — мне хорошо известен, — заверил его Шербрук.

— Это уже слово полярника, — одобрил Брэд.

Погрузившись в ванну, адмирал несколько минут лежал в ней, блаженно закрыв глаза и ни о чем не думая. Он наслаждался ощущением благодати того состояния, в котором сейчас пребывал. Люди, не прошедшие через насквозь пронизанные пятидесятиградусными морозами палатки полярных паломников, вряд ли способны были так ощущать эти минуты физического и душевного комфорта и так ценить их.

**Ноябрь 1938 года. Германия.
Борт трансатлантического лайнера «Саксония».**

Теплое, пропитанное запахами недорогих духов и возбужденной плоти, тело германки показалось Роберту Брэду как никогда ранее вожделенным и почти родным. Медленно, почти с суеверным трепетом исцеловывая ее шею, грудь и подрагивающие мышцы живота, Роберт оттягивал тот момент, когда их тела должны были слиться во взаимовоспламеняемой страсти.

Несколько ночей, проведенных в постели с этой ржановолосой арийкой, достаточно насытили его физиологически, чтобы теперь он приучал себя дорожить мгновениями такого вот, платонически трепетного наслаждения близостью друг с другом.

— Вы ласкаете меня так, словно в самом деле влюблены, мой Полярный Паломник, — Роберт почувствовал волнительную дрожь ее голоса, и это придало его ласкам еще большей нежности.

— Мне и самому теперь уже кажется, что «в самом деле», — явно поспешил Полярный Паломник на комплимент или все ту же, милую постельную неправду, которая давно освящена устами миллионов влюбленных.

— Опять эта кроткая неуверенность, — не простила ему Фройнштаг, — с которой вы почти двое суток подступались ко мне, теряя невозполнимое время блужданий в океане ночных страстей.

Конечно, от этого оберфельдфебельского замечания Фройнштаг могла бы и воздержаться, так что Бог ей в этом судья. Но, в общем-то, она была права: после того,

как еще в порту, сразу же после посадки на судно, Лилия протиснулась к фальшборту между ним и, как он теперь знает, Куртом Древицем, на Брэда вдруг нахлынула волна апатичной стеснительности.

То поначалу ему все казалось, что эту женщину он уже несколько раз видел у своего дома в Бриджпорте, на окраине Нью-Йорка, — и Полярный Паломник пытался осторожно выяснить, так ли это и не в том ли районе она проживает. То, вновь встретившись с ней уже под вечер, когда нью-йоркский остров Лонг-Айленд остался далеко за горизонтом, долго не решался пригласить ее в бар, хотя девушка явно рассчитывала на это, мужественно выдерживая его пустословие и порывы холодного атлантического ветра.

И даже когда после бара она демонстративно не проявляла желания вернуться в свою каюту, Роберт все еще позорно мялся и что-то там, подобно влюбленному гимназисту, мямлил, пока Лилия не снизошла до спасительного круга в виде слов: «Я так понимаю, что вы ищете повода, чтобы познакомиться со мной поближе, сэр?».

Казалось бы, какой еще вопрос должна была подбросить Роберту эта привлекательная женщина, чтобы заставить его отказаться от своего гимназического блеяния? Но где-то там, в глубине то ли сознания, то ли интуиции, вновь, как чеку гранаты, рвануло какой-то морально-этический предохранитель, уже в который раз повергая тридцатипятилетнего доктора в состояние унижительной неуверенности, которой никогда раньше он, вроде бы, не страдал.

«Мы плывем на одном судне, — теряясь и явно оправдываясь, проговорил Роберт. — И поскольку впереди у нас много дней, и, как мне кажется, есть темы для общения...»

«Считаете, что дней действительно настолько много, что большую часть из них мы с вами должны

проводить на продуваемой всеми ветрами и взглядами палубе этой «галеры»? — почти язвительно поинтересовалась Лилия, называвшая себя в то время Эльзой. — Какой же вы неуязвимый оптимист, доктор Брэд!».

Кстати, именно тогда Фройнштаг впервые употребила в разговоре его ученую степень, хотя, представляясь, Роберт ее не называл. Уже тогда это должно было основательно насторожить его.

«Что вы предлагаете?».

Рассмеялась Лилия, вроде бы, кротко, и тем не менее убийственно.

«Я задумала против вас целую диверсию, — молвила Фройнштаг, почти у самого лба стягивая концы мехового ворота своей куртки и опасно налегая на невысокие деревянные перила, окаймляющие шлюпочную палубу, словно бы ставила перед ним условие: или в каюту, или за борт — Вот уже который час подряд я безуспешно пытаюсь подвести вас к совершенно неожиданной мысли: пригласить меня к себе в каюту».

«Вы действительно пытаетесь подвести меня к этой мысли?!»

«Мужайтесь, сэр! Я понимаю, что вам непросто будет решиться на подобный шаг, но обстоятельства, видите ли, обстоятельства...»

И опять, вместо того чтобы, воздав немке должное за догадливость и храбрость, сразу же галантно пригласить ее к себе, Брэд вдруг насторожился: «Что-то слишком легко эта красавица атакует твои сети, старый бродяга!». И тянул кота за хвост даже после того, как Фройнштаг без обиняков заверила его, что с венерическими болезнями она не дружит, а посему волноваться ему нечего.

Единственным оправданием его «непростительной осторожности» могло служить теперь только то, что в

подсознании срабатывало ощущение навязчивости этого знакомства и всего того, что за ним может скрываться. И если исходить из сведений, которые только что открылись ему, то предчувствие действительно не обманывало: оказывается, письмо Германского общества полярных исследований было лишь формальной стороной операции по «похищению американского полярника Брэда».

Как он теперь понимает, в эти же дни за ним велась негласная слежка, во время которой германская служба безопасности пыталась выяснить, как он отнесется к приглашению ступить на борт полярного авианосца «Швабенланд». А главное, не будет ли агентами Разведывательного управления стратегической службы США предпринята попытка завербовать Полярного Паломника (эта кличка пристала к Брэду еще во время его первого арктического рейда в составе международной группы на канадский остров Элсмир из архипелага Королевы Елизаветы) и «забросить его на авианосец уже в качестве своего агента».

И хотя никакого подтверждения своих опасений германские развед-гонцы не получили, их шефам, очевидно, трудно будет поверить, что к этому вояжу известного полярника в Германию американские спецслужбы не проявили абсолютно никакого внимания. Поверить, а главное, смириться. И это — после всех контрразведывательных страстей, которые они у себя, в Главном управлении имперской безопасности, накаляли, узнав о намерении баронов Риттера и Готта пригласить к себе на борт американца. После всех предпринимаемых СД мер и после жестких указаний, последовавших от высшего руководства рейха, как только фюрер и Гиммлер ухватились за идею полярных баронов «американизировать» экспедицию.

Но в это время доктор Брэд еще не знал, да и не мог знать, что, отбросив «мелочные» научные претензии и

амбиции полярников, Гитлер поставил две задачи, которые они должны были выполнить с военной неукоснительностью: выяснить, существуют ли в Антарктиде какие-то свидетельства того, что в глубинах ее обитает некая мифическая цивилизация Внутреннего Мира, и заявить дипломатические претензии на всю ту огромную часть континента, которую полярным летчикам удастся облетать, увековечить во множестве снимков и сразу же застолбить специальными металлическими вымпелами с гербом рейха.

Само собой разумеется, что тройка журналистов, которые уже были «приписаны» к «Швабенланду», должны были срочно передать сообщения об этом в германские, шведские и швейцарские газеты, которые они представляли.

Причем об исследованиях Внутреннего Мира и контактах с его обитателями американец вообще знать не должен был. Если же он каким-то образом станет обладателем такой информацией, то после возвращения в Германию и серии откорректированных цензурой интервью, заявлений для прессы и прочей рекламной суеты должен будет погибнуть в банальной автокатастрофе, выпасть за борт судна по пути в США или взорваться вместе с не вовремя взлетевшим самолетом.

Впрочем, об этой части «антарктического исхода» американского исследователя знали лишь немногие посвященные. Что же касается дипломатического захвата Новой Швабии, как планировалось назвать антарктический анклав рейха, то в этом деле, наоборот, участие известнейшего американского полярного исследователя было самым желаемым. Ему следовало предоставить возможность лично облететь какую-то прибрежную часть Новой Швабии, было бы очень хорошо, если бы на одном из снимков появилась

трогательная сцена того, как доктор Брэд выбрасывает из самолета очередной вымпел. А еще лучше — устанавливает его на одном из арктических холмов.

Руководство рейха понимало, что его антарктические претензии вызовут бурную реакцию правительств многих стран, и причастность — скандальная причастность! — американцев к совместной операции кригсмарине, люфтваффе и Германского общества полярных исследований оказалась бы очень кстати.

...Однако все аналитические терзания полярника Лилией Фройнштаг остались то ли незамеченными, то ли попросту проигнорированными. Резкими, сильными движениями уложив Брэда рядом с собой, она по-кошачьи потерлась щекой о его живот, а еще после нескольких томительных для мужчины минут напряженного ожидания предалась усладам орального блаженства.

— Вы даже представить себе, Фройнштаг, не можете, какое это изысканное наслаждение, — едва слышно проговорил, почти простонал доктор Брэд.

— Зато прекрасно представляю себе, — на минутку прервала она дарованные блаженства, — сколько времени вы потеряли, избегая нашей «бермудской постели».

— Впервые мы оказались в ней действительно где-то в районе Бермудских островов, — и мысленно добавил: «О которых среди моряков ходит очень недобрая молва».

— Вы никогда не сумеете просить себе этого — вот в чем заключается моя месть!

— Но ведь искупать свою вину я смогу не только на борту этого лайнера? — с надеждой спросил он.

— Судя по всему, вам, доктор Брэд, предстоит вечное искупление, — с уверенностью настоятельница

монастыря, горестно покачала головой гауптшарфюрер СС.

— Я готов взвалить на себя этот голгофный крест.

— О-ля-ля, готовы ли! Глядя на поле боя со стороны, каждый мнит себя Наполеоном.

Однако предаваться суесловию Фройнштаг уже не стала, а жертвенность его одобрила стрекозиной пробежкой своих пальчиков по адамовому подреберью мужчины.

Брэду нравилась эта любовная игра, нравилось, как Лилия относится к ней, как говорит, как смеется, а главное, как мастерски она ласкает.

Он не знал, стоит ли называть то чувство, которое зарождалось в нем, любовью, поскольку вообще старался избегать всяких сантиментов, но что все сильнее привязывался к германке — это уже было не только очевидно, но и необратимо. Почти необратимо.

И теперь Брэду уже не хотелось, чтобы лайнер входил в русло Эльбы, или вообще когда-либо достигал германских берегов. Пока эта женщина оставалась рядом с ним, он готов был разделить судьбу еще одного «летучего голландца», превращаясь в члена его незримой, но бессмертной команды.

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика. Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида».

Контр-адмирал все еще пребывал на вершине походного блаженства, когда вдруг ожил один из двух телефонных аппаратов, доселе мирно покоящихся в глубоких нишах мраморного столика, окаймленного высокими бортовыми планками.

Прежде чем вырвать трубку из латунных противоштормовых фиксаторов, Брэд проворчал проклятия в адрес адъютанта и всех тех, кому вздумалось тревожить его в такие минуты.

— Слушаю, — наконец произнес он, поняв, что на том конце провода слишком жаждут услышать его голос.

— Прошу прощения, сэр, но, позволю себе заметить, айсберг опять активизировался, — донесся до него взволнованный голос кэптана Вордана.

— Что на этот раз? — недовольно спросил контр-адмирал. — Только учтите, что легенда об океанской воронке в расчет уже не принимается.

— Но это уже действительно смахивает на чертовщину. Он резко активизировался.

— Вы говорите об этом айсберге так, словно на нем произошло извержение вулкана.

— Поверьте, сэр, это не так удивило бы нас, как вам кажется. Он вновь пошел параллельным курсом. Все скопление айсбергов медленно дрейфует в северо-западном направлении, в сторону южного побережья Аргентины, а этот возвращается в Антарктиду.

— Причем оптический обман и массовые галлюцинации исключаются.

— О причудах «Ледового Титаника» сообщают командиры «Галифакса» и «Сан-Антонио», а также арьергардного линкора «Колорадо». В то же время северо-западнее арьергардного эсминца «Ягуар» вновь всплыла германо-аргентинская субмарина. Хотел бы я знать, кто же это все-таки крысятничает: германцы или уже аргентинцы?

— Субмарина нас пока что не интересуется. С ней все ясно, — запрокинув голову на прорезиненную подушечку, Брэд с ужасом подумал, что сейчас ему придется оставить эту теплую ванну с океанской водой. Только не это! Да и какая разница, где он будет находиться сейчас: в ванной или на командном пункте, рядом с Ворданом и полковником разведки Ричмондом. — Как там айсберг, все еще движется?

— Почти с той же скоростью, с которой движемся мы, сэр. Помнится, вы говорили о ледовом авианосце, слепленном по проекту некоего британского инженера...

— Джеффри Пайка. Опытный образец ледового авианосца «Аввакум», построенный и испытанный на канадском озере Patricia Lake.

— Так не он ли испытывает сейчас наши нервы и терпение?

— Тот погиб под артиллерийскими залпами учебных стрельб и торпедами учебных пусков.

— И это произошло на ваших глазах?

Роберт Брэд поколебался. Он понял, к чему клонит Вордан, но возразить ему было нечего.

— Добивали его, естественно, уже без меня. К началу испытаний было ясно, что строительство подобных ледяных «Титаников» представляется слишком дорогим и неперспективным, и по этой причине от него попросту отказались. Так что мое слово

решающим стать уже не могло. Да оно и не прозвучало бы.

— Может, тогда, в сорок третьем, от проекта действительно отказались. Но в конечном итоге вышло так, что отказались от строительства ледяной флотилии союзников, но не от самой идеи, которую за прошедшие годы можно было основательно выверить и модернизировать.

— С сорок третьего — да, можно было. Во всяком случае, иного объяснения пока что не существует, — признал контрадмирал, делая несколько глотков из карманной коньячной фляги, заблаговременно пристроенной на подвесной мыльнице.

Они оба помолчали, и Брэд подумал, что, пожалуй, полковник разведки был прав: о странном айсберге следовало сразу же доложить в штаб флота и в офис генерала Доновэна. И потом, интересно, знают ли об этом «антарктическом голландце» в Международном ледовом патруле? Вряд ли. А если бы и узнали. Что они способны изменить?

— Скорее всего, это проделки англичан, — нарушил молчание командир авианосца. — Они ревниво следили за тем, как мы готовились к этому рейду.

— Согласен, канадцы вряд ли решились бы накалять страсти по такому пустяшному поводу, как рейд в Антарктиду Полярной эскадры американцев. У них там своя неисследованная «Антарктида» в виде Баффиновой Земли, Элсмира, Виктории и целого архипелага островов Королевы Елизаветы.

— Англичане или норвежцы, — неожиданно пошатнулся в своей уверенности Николас Вордан. — Вспомните: как только германцы уведомили мир о своих видах на «застолбленную» ими Новую Швабию, норвежцы тотчас же официально объявили эту территорию своей, чем-то вроде антарктической колонии.

— Причем «норвежский след» в данном случае выглядит, убедительнее, — вновь припал к фляге контр-адмирал. — Свяжитесь со штабом флота и попросите их сделать запрос в «Регистр Ллойда» и страховую компанию «Лондонский Ллойд»^[24], вдруг у них есть какие-то сведения об «Аввакуме» или о любом другом судне-айсберге какой-либо страны.

— О судне-айсберге? Вряд ли... — начал было кэптен, однако адмирал мгновенно прервал его.

— Понимаю, что шансов мало, что, скорее всего, мы имеем дело с некоей секретной разработкой, и все же. Хотя бы для удовлетворения профессионального любопытства.

— Сейчас же прикажу связаться, сэр.

Они несколько мгновений помолчали, прежде чем Брэд вновь поинтересовался, как ведет себя «Ледовый Титаник».

— Без изменений, — последовал ответ Вордана, успевшего отдать распоряжение относительно «Регистра Ллойда».

— Продолжайте внимательно следить за его маневрами. Прикажете сделать как можно больше снимков, и пусть гляциологи засвидетельствуют его движения на киноплёнке.

— Будет выполнено, сэр. Прекрасная мысль: предоставим эту загадку нашим гляциологам.

Услышав это, Брэд снисходительно ухмыльнулся: Вордан явно лукавил. Уж он-то, старый военный моряк, прекрасно понимал, что появление в море Скоша «Ледового Титаника» — это проблема не гляциологии.

— Они должны быть в курсе. Но не более того. — Адмирал хорошо помнил, как мало толку было тогда, в Канаде, и от гляциологов, и от него, исследователя-полярника, когда начались испытания судна-айсберга «Аввакум». — Не следует требовать от этих двоих

ученых мужей разгадки того, что не подвластно их знаниям и опыту.

— Может, вновь поднять в воздух разведывательное звено первого лейтенанта Робертса, сэр?

— Мы с вами уже знаем, что именно он сообщит. А вот в отряде бомбардировщиков боевую готовность объявить надо. И высшую степень готовности, с боезапасом на борту.

— В самом деле, пусть наши бомбардировщики и штурмовики поупражняются? Парни давно роют копытами землю. Впрочем, как и субмаринники командера Гриффина.

— Торпеды субмаринников нам еще могут пригодиться. Что говорят радисты? Что происходит в эфире?

— Была перехвачена шифровка, переданная радистом германо-аргентинской субмарины, которую мои парни уже прозвали «Мулаткой». Текст пока не расшифрован. А вот что касается «Ледового Титаника», то вокруг него полное радиомолчание. Простите, сэр, — вдруг прервал свой доклад Вордан, — там опять что-то происходит.

— Что там еще, дьявол бы вас побрал?!

Прошло несколько тягостных минут молчания, прежде чем вновь послышался голос кэптена:

— Сэр, «Ледовый. Титаник» увеличивает скорость и нацеливается прямо на линкор «Сан-Антонио»!

— Бред какой-то! — взорвался адмирал. — Нет-нет, кэптен, к вам это не относится, — тотчас же уточнил он.

— Мы, конечно, можем уйти от этого дьявольского наваждения, — Вордан прекрасно понимал его состояние, — но теперь уже нет сомнения, что эта безмозглая глыба льда кем-то и каким-то образом управляется.

— Хотелось бы знать: кем и каким образом? Неужели проект «Аввакум» нашел свое воплощение в

этом айсберге?

— «Аввакум» или какой-то иной, но нашел, сэр.

— Увеличивайте скорость, и одновременно — залп из орудий главного калибра всех левофланговых линкоров, а также из орудий авианосца. Цельтесь в центр правого борта, удар должен быть предельно массивным и мощным.

— Они не оставили нам иного выбора, разве не так, сэр?

— Решение принято, и приказ вы слышали, — холодно напомнил ему контр-адмирал, давая понять, что не нуждается в его, кэптена Вордана, оценках и оправданиях.

— Может, еще попытаться раскрошить его торпедой «Томагавк»?

— Это позволительно. Пройдитесь по нему еще и торпедой из аппарата крейсера «Томагавк». Увидим, понравится ли это вашей глыбе льда. Кстати, все, что сейчас происходит в районе пребывания эскадры, должно быть тщательнейшим образом отображено в вашем бортовом журнале.

— Со всеми возможными подробностями и эмоциями, сэр.

Адмирал уже вальяжно обронил свое «окей», но сразу же спохватился:

— Только без излишних, — нажал он на слове «излишних», — эмоций, кэптен. Вряд ли они помогут выяснению истинных обстоятельств.

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика. Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брада.

Борт флагманского авианосца «Флорида».

Вновь откинувшись на приятно пахнущую мылом прорезиненную подушку, Брэд взглянул на настенные часы. Залп должен был прогреметь не позднее чем через три минуты, сказал он себе, иначе, что это за артиллеристы и чего стоит их боевая выучка?

Вода все еще была достаточно теплой, чтобы, находясь в ней, на какое-то время забыть об айсбергах, скопившихся в районе пребывания эскадры, и о том «ледяном безмолвии», которое ждет его впереди, у берегов все еще таинственной Антарктиды. Как раз тогда, когда, блаженственно закрыв глаза, Брэд как можно глубже погрузился в ванну, ему вдруг вспомнилась та немка, с которой и тридцать восьмом пересекал Атлантику на лайнере «Саксония». Не должна была бы, явно не ко времени... Но, очевидно, теплая морская купель посреди ледяного океана располагала и к таким экскурсам в собственное прошлое».

Единственное, о чем Брэд мог пожалеть, вспоминая дни, проведенные на борту этого трансокеанского «аристократа», так это о том, что на нем он не смог стать обладателем такой вот прекрасной ванны. Впрочем, так ли уж и нужна была она на «Саксонии»? Насколько ему помнится, они с Фройнштаг вполне обходились скромной, слишком узкой, для двоих, даже влюбленных, лежанкой.

Во время этого перехода, связанного с готовящейся германской экспедицией в Антарктику, у Полярного Паломника тоже возникла тайна, правда, не столь угрожающая, — появление на судне этой прекрасной германки: романтической, загадочной, потрясающе сыгравшей свою роль. Вот именно, вздохнул он, всего лишь «сыгравшей роль» — такое определение будет самым справедливым.

Роберт так и не понял, была ли тогда Фройнштаг хоть немножечко влюблена или хотя бы увлечена им. Киноактриса Николь Верден, которой Брэд увлекся незадолго до того, как узнал о рейде в Антарктиду, как-то призналась ему: «Мне не удастся роль, если я хоть немножечко не увлечена своим партнером или режиссером».

Странно, что теперь в его сексуальных бреднях возникла не американская актриса Николь из недавних походов, а гауптшарфюрер СС Лилия Фройнштаг из далекого тридцать восьмого.

«Это потому — объяснил себе адмирал, — что тебе есть о чем вспомнить из того далекого тридцать восьмого. Нет, в постели Николь тоже не выглядела сторонницей платонических вздохов, и все же роль «любовницы адмирала Брэда» оказалась не лучшей в ее личном репертуаре. А еще потому, что сам ты оказался слишком плохим постельным актером и эта голливудка попросту не почувствовала в тебе партнера, — не стал щадить себя Полярный Паломник. — Иное дело, что по красоте и изысканности поведения она, конечно же, переигрывала Фройнштаг».

Адмирал открыл глаза и взглянул на часы. Отведенные им корабельным артиллеристам три минуты еще не прошли. Но он представил себе, с каким напряжением они расчехляют и заряжают сейчас громадные орудия, которые уже наведены стволами на цель.

«А что будет, если судно-айсберг каким-то образом ответит ударом на удар?! — вдруг спросил себя командующий эскадрой, вспомнив, что ведь фактор ответного удара он так и не учел. — Почему? — жестко поинтересовался он. — Только потому, что тебе как командующему не дали возможность заглянуть в ствол вражеского орудия? А ведь у судна-айсберга, у корабля такого класса может оказаться оружие погрознее, нежели стволы твоих главных калибров. Но не собираешься же ты отменять приказ? — въедливо спросил Брэд некстати проснувшегося в нем флотоводца. — Значит, положишься на волю судьбы и дай возможность морякам заниматься тем, чем они призваны заниматься по самой своей природе. А поскольку изменить ты уже ничего не можешь, лучше вернись в грезы тридцать восьмого».

Даже после того, как Брэду со всей убийственной откровенностью открылось, что гауптшарфюрер СС Лилию Фройнштаг самым наглым образом подсунули ему в виде сексуальной приманки, отношение с его стороны ничуть не изменилось. Не ему знать, какой Лилия Фройнштаг представала где-то там, в Берлине, в лице агента СД, но что в постели она оставалась бесподобной, — в этом у него была возможность убедиться лично.

— Командир авианосца интересуется, находитесь ли вы все еще в ванной, — просунул голову в проем двери адъютант, который так и не сумел избавиться от детской привычки заглядывать вот так, в дверную щель, без разрешения и доклада.

— Один раз в жизни можете сказать ему правду, — разрешил командующий эскадрой. — Снизойдите до его любопытства. Уверен, кэптен будет приятно тронут.

— Ему — только один раз в жизни, сэр, — охотно принял правила игры адъютант. Ему льстило, что время от времени адмирал создает какую-то маленькую тайну

на двоих. А главное, ему это нравилось быть союзником своего адмирала.

— Кстати, вы не выяснили, зачем ему это понадобилось?

— Возможно, кэптен удивлен тем, что, выслушав его доклад, вы не бросились на командный пункт.

— Какого же вы плохого мнения обо мне, Шербрук! Вам это непростительно.

— Не я, а кэптен Вордан, — напомнил адъютант, прежде чем исчезнуть за дверью.

Контр-адмирал понимал, что кэптен имел право осуждать его за нежелание покинуть ванну даже в такие минуты океанской чертовщины, однако решил, что в этом его пренебрежении к опасности есть что-то бонапартистское. И было бы слишком банально — прерывать свое купельное блаженство из-за какого-то осколка льда, пусть даже и ведущего себя со всеми возможными в этом мире странностями.

Он услышал залп только орудий авианосца и ощутил, как огромное судно содрогнулось всем своим мощным корпусом. Взглянул на часы: артиллеристы старались уложиться в намеченный им норматив.

Телефон молчал, и Брэд тоже молчал, никаких докладов ни от кого не требуя. Он ждал. Стоически ждал.

Лишь когда он выбрался из ванны и, укутавшись в халат, принялся тщательно высушивать полотенцем седеющие волосы, в трубке наконец проявился сипловатый голос командира авианосца.

— Мы остановили его, сэр.

— Остановили или разнесли в клочья?

— Всего лишь остановили.

— Надолго ли?

— Не могу знать, сэр.

Гладкое, что судно-айсберг не ответило огнем на огонь или каким-то иным образом, мысленно

поблагодарил Господа адмирал. Странно, что кэптен не понимает, на какой грани риска оказалась вся их эскадра, прибегая к этому артналету.

— Какова степень разрушений судна-айсберга?

— Нам не удалось расколоть его хотя бы на две части, сэр.

— Это я уже уловил.

— То ли артиллеристы не сумели достичь нужной кучности, то ли наши снаряды и торпеда оказались не того калибра и той мощности, чтобы прекратить его существование. Да, подолбили мы его основательно, но не настолько, чтобы праздновать победу.

— Значит, владельцы этого «Титаника» все же воспользовались изобретением Джеффри Пайка, — Брэд попытался вспомнить, как Пайк назвал изобретенный им лед, но так и не смог.

— Насколько мне помнится, инженер этот являлся англичанином.

— Англичанином, да. И лед свой Джеффри амбициозно именовал «пайкритом», увековечивая в нем свою фамилию.

— Предполагаю, что джентльмены из Ливерпуля или Плимута вморозили в этот айсберг одно из военных судов, возможно, какой-то старый ледокол, и, зная о нашем рейде, решили испытать свой «Ледяной Титаник» в действии.

— Провоцируя нас на артиллерийскую атаку?

— Экономя при этом собственные снаряды и приближая конфликт к реальной, почти военной ситуации.

— Правдоподобная версия. На ней мы и остановимся в своих официальных отчетах.

— А может, ударить по нему еще двумя залпами?

— Какой в этом смысл?

— Иначе уйдем из этого района, так и не разгадан загадки «Ледяного Титаника», сэр.

— Официальная версия у нас уже есть, она вполне приемлема, так что об инциденте уже можно забыть.

— Не для отчета, для себя — разгадать, — уточнил Вордан.

Брэд покряхтел и, не кладя трубки, свободной рукой взялся за карманную флягу.

— Утешайте себя тем, кэптен, что это не последняя загадка, с которой нам придется столкнуться в водах Антарктики.

— Если так пойдет и дальше, то не сомневаюсь...

— Их будет множество, — опустил командующий эскадрой в глубокое кожаное кресло.

— Следует предполагать, сэр.

Ванная каюта была меблирована таким образом, чтобы обладатель ее не торопился оставлять стены своей купели. Кресло, столик, картина — с видом на какой-то экзотический островок при неизменных пальмах, пирогах и индейских хижинах... Сама обстановка этого вполне мирного и достаточно цивилизованного уголка позволяла забыть, на каком судне ты находишься и какие тонны смертоносного груза таятся за стенками каюты, особенно в трюмах этого океанского гиганта.

— Их, этих тайн, ещё будет немало, кэптен, да только вряд ли нам удастся разгадать хотя бы одну из них.

— Именно поэтому я и предлагаю развернуть эскадру, охватить айсберг-«Титаник» полукругом и дать ему настоящий бой.

— Убежденно рассчитывая, что в ответ не прозвучит ни одного выстрела?

— Но ведь пока что не прозвучало, сэр. Не спорю, каким-то оружием эта ледяная гробница все же должна обладать. Вопрос: каким именно?

— Мы не станем терять времени на стычки с айсбергами, которые неминуемо превратятся в «войну с

ветряными мельницами», — назидательно произнес Брэд. — Я и так уже становлюсь суеверным. А мне бы этого не хотелось, я им никогда не был. С какой скоростью мы идем?

— Все еще девять узлов, сэр.

— Это что за скорость такая, кэптен?

— Как утверждают пушкари, самая удобная для прицельной стрельбы.

— Передайте по эскадре: «Увеличить до двенадцати». Уходим на всех ларах. Вахтенным на авангардном крейсере «Томагавк» максимально усилить бдительность.

Как только контр-адмирал вернулся в свою каюту, с ним по внутренней связи сразу же связался адъютант:

— К вам пытаются прорваться журналисты, сэр.

— Они уже знают о странностях поведения «Ледяного Титаника»?

— Нет, сэр.

— Не может такого быть!

— Все это время они ужинали и обживали каюты. Правда, подозреваю, что проныра-журналистка уже кое о чем догадывается, кое-что пронюхала. Смазливая. Такой нетрудно налаживать отношения и обрастать собственной агентурой.

— Среди журналистов есть и женщина?! — удивился адмирал. — В списке значились только мужчины.

— Она появилась в последние минуты. По-моему, кэптен даже немного знаком с ней.

— Вот оно что!

— По крайней мере, мне так показалось. Но дело сейчас не в ней. В виде стюарда к журналистам приставлен один из парней полковника разведки, который по мере возможности следит, чтобы гости авианосца не забивали себе головы ненужной информацией.

— Тогда что их привело ко мне?

— Интересуются, почему прозвучали выстрелы.

— И вы не знаете, как эти выстрелы объяснить?! Вас и этому учить надо, лейтенант-коммандер? Обычная учебная! тревога. Обычная, учебная, — почти по слогам повторил адмирал. — И напомните журналистам, что они находятся на флагмане военной эскадры, а не на торговой барже.

**Ноябрь 1938 года. Германия.
Гамбургский порт. Отель «Фрегаттен-капитан».**

Об этом отеле адмирал Брэд всегда вспоминал с каким-то смешанным чувством.

Барон Людвиг фон Риттер сразу же предложил ему поселиться на «Швабенланде», где его ждала отдельная каюта, и был удивлен, что американский исследователь, которого он так ждал, отказался заранее обживать свою каюту, предпочитая тратиться на отель.

Руководитель экспедиции словно бы предчувствовал, что само появление здесь известного заокеанского исследователя еще ни о чем не говорит. Мало того, прежде чем судно причалило к гамбургской пристани, Фройнштаг прозрачно намекнула Брэду: не все в окружении Странствующего Бездельника довольны, что в столь важную для рейха экспедицию ее начальник пытался вовлечь американца. Правда, тогда полярник не придавал этому значения, но потом...

Во «Фрегаттен-капитане» он, тоже поначалу решил поселиться только для того, чтобы свободно можно было встречаться с Фройнштаг. Однако вечером на встречу с ним Лилия не пришла. А наутро, когда Брэд вернулся из отельного ресторанчика, у портье его ждала записка, в которой корявым, почти детским почерком было начертано: «Внимательно смотрите и старательно думайте. Сейчас в Гамбурге часто меняются ветры. Осенний лов может оказаться слишком рискованным. Питер».

— И кто передал эту записку? — поинтересовался он у хромого портье, который, как он уже знал, в

недалеком прошлом служил боцманом на тральщике.

— Портовый босяк. Сказал, что от того рыбака, с которым вы собирались идти на рыбалку.

— Осторожные тут у вас рыбаки, — проворчал доктор Брэд, прекрасно понимая, что автором этой записки может стать только один человек — Лилия Фройнштаг. Вот только не слишком ли она переусердствовала в своей конспирации?

— Единственное занятие, при котором в Германии еще можно хоть как-то побережься — это рыбалка, — грустно взглянул на него боцман-портье.

Что же касается истинной причины экспедиции, то она открылась Брэду уже на следующий день, когда фон Риттер решил провести проверку готовности своей, лишь недавно сформированной, команды.

Трех часов, проведенных Робертом на «Швабенланде», оказалось вполне достаточно, чтобы определить: добрая половина людей, с которыми он должен был идти через Атлантику, моряками никогда не была. Выправка большинства сразу же выдавала в них неплохо вымуштрованных военных. К тому же Брэд слышал, как один из лже-матросов, обращаясь к другому, назвал его «шарфюрером», то есть унтер-фельдфебелем СС, и как кто-то из настоящих моряков посетовал: «Вместо того, чтобы забивать трюмы оружием, лучше бы эти эсэсманы позаботились о запасах еды, а то ведь потом придется пожирать акул!».

Не подозревая, в чем заключается смысл «глубинного знакомства с судном», о котором говорил американец, барон фон Риттер предоставил ему полную свободу передвижения. И в этом была его ошибка. Возвращаясь под вечер к себе в отель, доктор Брэд уже прекрасно понимал, что ни о какой исследовательской экспедиции речь не идет. На самом деле его хотят втянуть в задуманную руководством СС военную

авантюру, у которой может быть только две цели: создание в Антарктиде германской военно-морской базы и превращение части территории этого континента в территорию Третьего рейха.

О затеянной Фройнштаг конспирации он тоже вспомнил сразу же, как только заметил, что от судна до отеля его сопровождает какой-то тип в низко нахлобученной шляпе и в давно неутюженном плаще. Этого же типа он видел и утром, когда тот околачивался возле «Фрегаттен-капитана», просто тогда он не придавал этому значения.

Когда вечером он сообщил об этом своем открытии барону фон Риггеру, тот снисходительно улыбнулся.

— Американцам трудно привыкать к некоторым реалиям нашей жизни, доктор Брэд. Но ведь прибыли вы сюда не для того, чтобы оценивать уровень демократии в Германии, а что бы уйти от ее берегов к великой славе исследователя Антарктиды. Вот и следуйте к этой цели.

Они сидели в старинном, просторном ресторане «Саксония», расположенном рядом со штабом танковой дивизией, который в обиходе так и называли «штабным», и который давно облюбовали старшие офицеры гарнизона.

— Понимаю, что далеко не все в этой экспедиции зависит? от вас, барон...

— Далеко не все, — согласно кивнул барон. Он был облачен в мундир флотского офицера, и девицы, которые ожидали своих «генералов на вечер» за соседним столиком, бросали на него взгляды, преисполненные любопытства, совершенно не обращая при этом внимания на сидевшего напротив него гражданского. Похоже, что гражданских как мужчин здесь вообще не воспринимали.

— И все же позволю себе заметить, что ваш «Швабенланд» слишком мало похож на научно-

исследовательское судно, а эсэсовцев, которыми вы укомплектовали добрую половину своей команды, трудно воспринимать в роли полярных исследователей.

Первое, на что Брэд обратил внимание, как задрожал в руке фон Риттера бокал с вином. Поставив его, барон навалился грудью на стол, и лицо его апоплексически побагровело.

— Я так понимаю, что от участия в экспедиции вы решили отказаться? — сурово спросил он, испепеляюще глядя на Брэда.

— По правде говоря, к такому выводу я еще не пришел, однако хотел бы, чтобы между нами была абсолютная ясность.

— Вы уже добились этой «ясности», — фон Риттер беспардонно высморкался прямо в ресторанный салфетку. Обнаружив это, он расстроился еще больше. — Если вы хотите вернуться в свои Штаты героем, который, развенчивая участие германских нацистов в экспедиции в Антарктиду, отказался от нее, то вы жестоко просчитаетесь. Кстати, перед вами тоже нацист. И даже член СС, Так что вы уже просчитались.

— Что вы имеете в виду? — почти по слогам спросил доктор Брэд, явно уловив в словах барона скрытую угрозу.

Барон вспомнил о бокале, решительно опустошил его и вновь наполнил. Брэд понимал, что лучше всего было бы тотчас же оставить этот ресторан и поговорить с бароном где-нибудь на свежем воздухе. Или хотя бы просто помолчать, но вне этого зала. Однако и в этом случае заказывал музыку не он.

— Вы прибыли сюда для участия в экспедиции барона фон Риттера? Так? — Несмотря на выдержанную бароном длительную паузу речь его не стала ни спокойнее, ни деликатнее в выражениях. Наоборот, она стала осмысленнее, а потому еще более угрожающей. — Замечу, что вы сами раструбили об этом в нескольких

интервью перед посадкой на судно. У меня есть сообщение из посольства Германии в Штатах.

— Не отрицаю, какие-то интервью должны были появиться, правда, я их пока что не видел.

— Зато я видел! И не только я. Поэтому требую, чтобы вы сдержали свое слово и отправились со мной в Антарктиду. И, если только вы человек слова, а не политический интриган, вы пройдете этот путь к глубинам Антарктиды и к вершинам славы вместе со мной! Или к бездне гибели — возможно и такое. Но тоже вместе со мной. И да! конца.

— Видите ли, барон, я уже говорил вам, что, отправляясь сюда, я сказал себе: сначала следует осмотреться, а уж затем принимать окончательное решение, — напомнил он начальнику экспедиции.

— До отхода судна осталось семь дней. Я не могу допустить, чтобы вы охаивали мою экспедицию где-нибудь за пределами Германии, скажем, в Дании или Швеции, не говоря уже о США.

— Вчера меня уже атаковали иностранные журналисты, однако я не сказал ничего такого...

— Потому что опасаетесь. Здесь пока что опасаетесь. Я же веду речь о вашем поведении за рубежами Германии. В некоторых спецслужбах меня и так обвиняют, что я слишком необдуманно пригласил в экспедицию американца.

— Мне так не показалось, — слова барона задела Брэда за живое. — За этим приглашением стоял трезвый расчет. Причем не только ваш, личный.

— Да, и расчет — тоже. Поймите вы, — еще ниже наклонился к столу фон Риттер, — для меня очень важно осуществить эту экспедицию. Когда еще и в какой стране государство брало на себя организацию подобных экспедиций, с таким мощным техническим оснащением и такими финансовыми затратами? У нас будет даже гидросамолет с фото- и кинокамерами. Это

вам не санки тащить, с лямкой на собственном плече. И я не позволю...

Барон вновь взялся за салфетку, но вовремя остановился, достал носовой платок, извинился, объяснив, что всякий раз, когда он волнуется, у него появляется аллергический насморк, и потребовал официанта со счетом.

Когда барон сухо попрощался с Брэдом, тот понял, что испорчен не только этот скромный ужин в ресторане. Испорчены, причем основательно, отношения с этим известным и влиятельным человеком.

Еще три дня доктор Брэд прожил в отеле «Фрегаттен-капитан», словно в вакууме: никто им не интересовался, никто за ним не следил, никто из участников экспедиции не объявлялся. Фройнштаг, Риттер и его помощник, организатор экспедиции барон фон Готт, словно бы испарились. У него по-прежнему сохранялся пропуск на «Швабенланд», но Брэд наведался туда только однажды, и впечатление у него было такое, будто он случайно забрел на незнакомое судно, где до него никому нет дела.

Однако на четвертые сутки вновь все резко изменилось. Появилась слежка, откуда-то возникла у отеля Целая стайка германских и иностранных журналистов. Фон Риттер и фон Готт вдвоем встретили его на судне у трапа — очевидно, им по телефону сообщили о появлении американка из портовой проходной — и, мило беседуя, провели к каюте, вежливо извинившись при этом за тесноту и скромность обстановки.

— Адаптацию к полярным условиям настоящий исследователь должен начинать с каюты, — вежливо простил их доктор Брэд.

Почти весь этот день он провел на судне. Внешне там мало что изменилось, разве что команда стала еще военизированнее да значительно больше появилось

портретов фюрера, как, впрочем, и носителей его идеологии. Но теперь это уже никто не пытался скрыть от американца. Перед ним открывались любые двери, ему, не опасаясь, давали любые объяснения.

Зато при выходе с судна гауптштурмфюрер СС проверял пропуск и американский паспорт Брэда с такой же тщательностью, как и во время подъема на его борт.

— Почему вы решили сойти на берег? — жестко спросил он, так и не найдя причины, по которой мог бы признать эти документы недействительными.

— Потому что мне надоело находиться в консервной банке под названием «Швабенланд», — ответил Брэд так, как и должен был ответить истинный американец, твердо знающий свои права и не привыкший к тому, чтобы эти права ущемляли. Однако такой ответ был бы верно воспринят где-нибудь в США, но не в нацистской Германии.

— Тем более, — невозмутимо произнес гауптштурмфюрер. И тут же напомнил: — Вы так и не ответили на мой вопрос: «Почему вы оставляете судно?»

— Потому что живу в отеле.

— Тем более. Но вы так и не ответили на мой вопрос: «Почему вы до сих пор живете в отеле?».

Брэд похмельно покачал головой: этот парень начинал ему нравиться.

— Потому что номер в отеле устраивает меня больше, нежели каютка бывшего почтового судна, которое еще сто раз успеет мне надоесть.

Тем более, — оставался верен своей манере ведения беседы гауптштурмфюрер, и ничто не способно было выбить его из седла. — Утром вы должны прибыть на судно со всеми своими вещами и впредь не покидать его без особого разрешения службы безопасности

экспедиции и местного отделения гестапо. Кстати, вам известно, что такое гестапо?

— Известно, — поспешил заверить его Брэд, пытаясь поскорее закончить с этой формальностью.

— Тем более. Потому что вы еще не знаете, что такое в действительности наше гестапо. Даже далеко не все германцы пока что знают, что это такое. Так что прошу завтра с вещами — на судно.

— Простите, но это противоречит моим желаниям! — попробовал возмутиться Брэд.

— Тем более! — нервно рассмеялся офицер.

— Я — гражданин США, свободной демократической страны.

— Именно поэтому я и сказал: «Тем более!» — буквально прорычал гауптштурмфюрер, помахивая перед носом у Брэда его пропуском и паспортом.

И в какую-то минуту американец вдруг с ужасом подумал, что эсэсовец в раздумьи: стоит ли отдавать ему документы: или же оставить их у себя, а заокеанского демократа вернуть на борт.

— Я должен воспринимать это ваше требование как домашний арест?

— Если бы это был арест, — вдруг улыбнулся эсэсовец, произнося столь милое его сердцу слово, — то какого дьявола я тратил бы на вас столько времени, а главное, столько драгоценных слов?! Но теперь уж тем более, завтра быть на судне. С вещами. Весь состав экспедиции переходит на казарменное, или, как его в данном случае следует называть, положение.

— На казарменное, — доктор Брэд буквально вырвал у него из рук свои документы. — Точнее не скажешь.

От проходной до отеля «Фрегаттен-капитан» пролегало все три квартала, поэтому машину Брэд никогда не вызывал, предпочитая идти пешком. Точно так же поступил он и на сей раз. Вот только агентов гестапо теперь было сразу...трое. Причем двое

проводжали его совершенно открыто и нагло. А третий — рыжеволосая бедрастая девица лет двадцати пяти следовала чуть позади, по противоположной стороне улицы.

Брэд, возможно, не воспринял бы ее как агентку, если бы вскоре она не засветилась еще раз, уже в ресторане. Но это произошло чуть попозже, а пока что в фойе отеля у Брэда состоялся еще один короткий, с недомолвками, разговор с боцманом-портье.

— Значит, завтра вы от нас съезжаете, господин Брэд? — как бы между прочим, произнес он, осматривая стенд с ключами от номеров.

— Кто вам об этом сказал? — удивился полярник.

— Не сказал, а официально уведомил. И дело тут не в имени и чине. Главное, что вы наконец решились идти в экспедицию на борту «Швабенланда».

— В Антарктиду попасть не так-то просто, — словно бы оправдываясь перед ним Брэд. — Туда не каждый день отправляются такие суда.

Боцман-портье украдкой взглянул на оставшихся за дверью гестаповцев и едва слышно проговорил:

— Теперь вам уже следует думать не о том, как попасть в Антарктиду, а как из нее вернуться. Ибо во льдах всякое случается. — Они мельком встретились взглядами, и, протягивая ему ключ, боцман-портье продолжил: — В ресторане вам бросится в глаза рыжеволосая ирландская аристократка. Доверьтесь ей. Она все объяснит. Спускаясь в ресторан, соберите свои вещи и оставьте их в номере у самой двери.

— Поднимаясь по широкой извилистой лестнице, Брэд видел, как один из агентов метнулся к боцману-портье, чтобы выяснить, о чем тот беседовал с иностранцем.

— Моряки всегда найдут о чем поговорить, — неоправданно громко ответил хромоногий отставной

боцман, явно рассчитывая на то, что будет услышан Брэдом.

Теперь Роберт уже не сомневался, что ему нужно следовать указаниям боцмана. Быстро собрав в чемодан свои пожитки (а путешествовать он привык налегке, и теплую одежду ему выдали из запасов экспедиции, она уже висела у него в каюте), Брэд бросил сверху на него свое пальто и, прихватив лишь папку с дневником и прочими бумагами, спустился в ресторан. Агентов в фойе не было, очевидно, они решили перекусить в кафе напротив, откуда легко можно было держать под наблюдением выход из отеля. Да и вряд ли они предполагали, что американец решится бежать из «Фрегаттен-капитана». Куда ему теперь деваться?

Аристократку он заметил сразу же. Это была та же девица, которая сопровождала его от порта до отеля. На аристократку она, конечно, смахивала мало, и гестаповцы, скорее всего, приняли ее за обычную портовую проститутку.

Брэд сразу же направился к ее столику, но, заметив, как она медленно, но решительно покачала головой, уселся за столик от нее. Как только он допил свой кофе с коньяком и рассчитался, рыжеволосая встретила с ним взглядом, призывно улыбнулась и направилась в сторону того закутка зала, который был отгорожен ширмой и в котором начинались два коридора: один вел на кухню, а другой — к туалетным комнатам и в подсобные помещения.

Несмотря на то, что у входа в «туалетный» коридор околачивался какой-то джентльмен, девица прямо у ширмы бросилась Брэду на шею.

— Как я рада нашей встрече, милый, — нежно молвила она, просовывая ему что-то в боковой карман пиджака. И тотчас же прошептала на ухо. — Там билет на судно, идущее до Дублина, и записка без подписи, но сотворенная женским почерком. Господин, который

сейчас так завидует вам, выведет вас через черный ход во внутренний двор, — ворковала она, — где вас будет ждать машина. Ваши вещи уже там.

— Думаете, что при подъеме на судно меня не задержат?

— Оно стоит не в военной гавани, куда поставили «Швабенланд», и потом, вы находитесь под опекой некоей госпожи Фройнштаг, с которой лично я, к сожалению, не знакома, а значит, и под защитой СД, то есть службы безопасности С С. У них там из-за вас возникла какая-то драчка с гестапо, но, полагаю, вас это уже не касается. К тому же они постоянно из-за чего-то соперничают, это известно многим.

— А вы?

— Не обольщайтесь, доктор Брэд, каюта на двоих со мной вам не светит, — все так же мило улыбнулась она. — И вообще, я всего лишь играю роль агента, выполняя мелкое поручение своего дядюшки, тоже сотрудника СД.

— В таком случае вы гениальная актриса.

— Попробуйте убедить в этом режиссера хотя бы одного из германских театров.

— Но почему меня отправляют в Ирландию? — едва слышно спросил Брэд, когда объятия агентурной актрисы совершенно ослабли.

— Дело не в Ирландии. Дублин — всего лишь случайность. Ближайшее судно. По замыслу барона фон Риттера, в течение всей экспедиции ваше имя использовали бы как прикрытие, а затем избавились бы от вас, поскольку ваше возвращение в Германию, а уж тем более — в США, ими не предусматривалось.

— И давно фон Риттер так решил?

— После того, как узнал, что вы возмущены причастием к экспедиции эсэсовцев. Тогда он перестал доверять вам и долго решал, как с вами поступать: сразу подставить вас какому-то наемному убийце, с

миром отпустить в США или сначала заставить вас дойти до Антарктиды, а уж затем... Однако об этом вы уже знаете. Вот только фон Риттер не учел мнения Фройнштаг, и того, что в СД есть люди, которые смотрят на всю эту историю несколько иначе. Они считают, что не стоит завершать столь важную экспедицию международным скандалом, который совершенно не нужен сейчас ни фюреру, ни Герингу, под попечительством которого идет подготовка к антарктическому походу.

— Теперь многое проясняется, — благодарно произнес доктор Брэд.

— А что касается вас, то в СД считают, что вы еще можете пригодиться им. Все, мой милый, в машину! Этот господин проведет вас до самой каюты. Как можно реже оставайтесь на палубе один и как можно быстрее убирайтесь из Дублина в США.

Дверь своей одноместной каюты доктор Брэд открыл только когда «Ирландия» оставила позади себя устье Эльбы и вышла в Гельголандскую бухту «Если бы агенты гестапо узнали, что ты находишься на этом судне, — сказал он себе, — то перехватили бы его еще на Эльбе. Так что усердно помолись, кажется, ты спасен!».

Ноябрь 1946 года. Южная Атлантика. Море Скоша.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида».

Вечерняя купель и щадящая порция коньяку сделали свое дело: проснулся Брэд, как и положено просыпаться бравому адмиралу во время боевого рейда: со свежей головой и воинственным настроением.

Быстро приведя себя в порядок, он облачился в мундир, затем выпил чашечку приготовленного адъютантом кофе, и, облагородив этот напиток рюмкой французского коньяку, вышел на палубу.

Трудно было определить, что это за время суток: серый туман, серое поднебесье и серый корпус шедшего в правой линии линкора «Онтарио», скользящего по серой поверхности скованного штилем моря. И над всем этим — витание леденящего тело и душу холода.

В Антарктике, к которой приближалась его Полярная эскадра, вся эта ледяная вселенская серость должна была именоваться «антарктической весной», с ее круглосуточным «полярным днем». Но пока что они находились где-то между Атлантикой и Антарктикой, между Южной Америкой и Северной Антарктидой, и стоит ли удивляться, что все в этом неопределенном «промежутке» оставалось промежуточно-неопределенным?

— Где, конкретно, мы пребываем, кэптен? — поживаясь, спросил полярник у приближающегося командира авианосца, который, завидев адмирала, поспешил к нему с командного пункта.

— Два часа назад миновали острова Шишкова и Мордвинова из Южно-Шетландского архипелага.

— Неужели и здесь русские?! — возмущился Брэд с такой искренностью, будто впервые слышал о подобных островах.

— Они оказались открывателями этих земель, — объяснил кэптен извиняющимся тоном, словно это он сам только что наделил эти острова именами русских мореплавателей. — Мне тоже не хотелось бы видеть их имена в этой части мирового океана.

— Однако справедливость требует... — признал правшу картографов адмирал.

— Вскоре справа по борту появится остров Жуэнвиль. И тоже, как видим, назван именем француза, а не кого-то из потомственных майамских моряков.

Они прошли на командный пункт и несколько минут молча осматривали в мощные бинокли пространство впереди.

— Аргентинская субмарина больше не нагледла?

— Не замечена.

— Что, вообще в течение ночи никаких странных явлений больше не наблюдалось?

— Вчерашнее появление судна-айсберга, очевидно, следует воспринимать как чье-то предупреждение. Но чье? И почему оно преподнесено таким странным образом?

Адмирал выслушал его молча. Он предпочитал не возвращаться к теме «Ледового Титаника» до тех пор, пока в этом событии что-либо не прояснится. Уловив его настроение, кэптен тоже умолк, однако его безмолвие длилось недолго. Уже через минуту дежурный радист доложил, что поступила шифрограмма из штаба флота. Сообщали, что никаких сведений о судах, созданных из льда, в Регистре Ллойда не имеется. Там даже не слышали о том, чтобы кому-либо приходило в голову создавать их.

— Странно, — проворчал адмирал. — И это называется «Регистр Ллойда»!

— Да, но если ни одна из стран не сообщала о постройке этого айсберга-судна из нашего арктического миража, — мягко возразил Вордан, — тогда...

— Слышать об «Аввакуме» они обязаны были, — отрубил адмирал, — невзирая ни на какую секретность его создания и испытаний. Во всяком случае, хвастаться этим неведением ллойдовдам не пристало.

Вчерашний необъявленный визит сразу двух странных судов-призраков не давал ему покоя большую часть ночи. У Брэда появилось гадкое предчувствие неудачника. Даже проявления успеха дней минувших он начал воспринимать теперь как некие знамения грандиозного провала. Сначала ему показалась странной и несвоевременной сама идея военного рейда в Антарктиду. Проявляя здравомыслие, Брэд полагал, что сначала следовало, не привлекая особого внимания и не поднимая шумихи, направить в Новую Швабию небольшую, но хорошо экипированную и технически оснащенную экспедицию. В качестве командующего эскадрой тогда рассматривался другой контр-адмирал, и Брэд на его должность не претендовал, он хотел лишь мирного развития антарктической эпопеи.

Целью этого ледового десанта, убеждал он в свое время адмирала флота, должна была бы стать разведка в окрестностях германской «Базы-211», если таковая вообще существует. А еще нужно было обнаружить хоть какие-то убедительные признаки существования так называемого Внутреннего Мира — некоей особой подземной цивилизации. Хоть какие-то. А еще лучше — попытаться установить связь с ее представителями. Ведь удалось же это, по слухам, экспедиции барона фон Риттера. Возглавить именно эту экспедицию и готов был контр-адмирал Роберт Брэд. Однако атомно-

бомбовая победа над Японией кому-то там, в штабе Военно-морских сил, настолько вскружила головы, что решено было организовать не высадку антарктической разведывательной группы, а рейд мощной военной эскадры. Только теперь уже с ним, адмиралом Брэдом, во главе.

— Зато теперь мы точно знаем, что рассчитывать на их помощь не имеет никакого смысла, — несколько запоздало утешил его командир авианосца.

Но вместо ответа адмирал потребовал, чтобы его связали с флагманским ледоколом отряда коммодора Бертолдо. Брэд, как это часто случалось с ним, вдруг впал в свое «полярное молчание», которое иногда могло длиться часами, и из которого он и сам не всегда способен был выйти.

По каким-то причинам установить связь с «Принцем Эдуардом» удалось не сразу, и то время, которое Брэд провел в своем молчаливом ожидании, показалось ему вечностью.

— Что там у вас происходит, коммодор? — резко спросил он, когда в трубке наконец-то прорезался высокий, явно не командирский, голосок Антуана Бертолдо. Штабные языки утверждали, что именно из-за этого, режущего слух всякого старого моряка «голоска», Бертолдо в свое время так и не возвели в чин контр-адмирала.

— Ждем вас. Ведем ледовую разведку и готовимся к рейду на Новую Швабию, сэр, — четко доложил коммодор.

— Никакие подозрительные иностранные суда в районе вашего базирования не появлялись?

— Подозрительные? Нет.

— Убеждены?

Бертолдо понадобилось несколько секунд, чтобы сообразить, что скрывается за этим провокационным вопросом.

— Если речь идет о бдительности, то... субмарина «Хардести» постоянно патрулировала подходы к стоянке. Правда, в течение двух суток рядом с нами в бухте находился аргентинский китобоец «Кордова», команда которого занималась ремонтом судна после столкновения с айсбергом.

— Вот с этого и следовало начинать свой доклад! — рявкнул Брэд. — Значит, аргентинский китобоец все же стоял рядом с вашими судами? А вы говорите, что ничего подозрительного.

— Позвольте, сэр, это обычное китобойное судно, старое и ржавое, которое давно следовало списать. Мне уже приходилось встречаться с ним в прошлом году, я знаком с его капитаном. Вчера, по его просьбе, переправлял на «Кордову» сварщика.

— Понятно-понятно, коммодор, — примирительно молвил командующий эскадрой. — Кто-нибудь из китобоев проявлял какой-то особый интерес к вашему отряду и его целям?

— Особого, профессионального интереса не наблюдалось. Час назад «Кордова» ушла в сторону Земли Палмера.

Брэд помолчал, и Бертолко уже решил было, что разговор завершен, как вдруг контр-адмирал вновь «ожил».

— В вашем районе, наверное, много айсбергов? — Брэд так и не решился напрямую спросить о появлении в районе стоянки ледоколов судна-айсберга, опасаясь того, что придется слишком долго объяснять коммодору предысторию столь странного вопроса.

— На траверсе все еще высится одна громадина. Мы опасались, как бы она не двинулась на нас и не заблокировала выход из бухты. Китобои утверждают, что такое здесь уже случалось. Видите ли...

— Понятно, понятно, — едва скрывая раздражение, прервал его Брэд. — Обойдемся без подробностей.

— В таком случае, какие последуют приказы, сэр? — мгновенно сориентировался Бертолдо.

Выяснив у кэптена, в каком квадрате находится сейчас их эскадра, адмирал приказал коммодору вести свой отряд на сближение с основными силами, которые уже взяли курс на мыс Норвегия, выступающий на северной оконечности берега Принцессы Марты. И указал Бертолдо координаты, в которых их отряды должны будут встретиться.

— Через полчаса вернутся моряки, гостящие на базе полярников, и мы сразу же направляемся в море Уэдделла, сэр.

Тот факт, что за время, понадобившееся отряду Бертолдо, чтобы добраться до Антарктического полуострова и дожидаться эскадры, коммодор не заметил ничего стоящего внимания военного моряка, должно было бы успокоить Брэда. Однако на самом деле такое невнимание к разведывательно-ледокольному отряду коммодора лишь усложнило его понимание того, что происходит вокруг эскадры, и породило несколько дополнительных вопросов.

Впрочем, адмирал прекрасно понимал, что, к какому бы выводу он ни пришел, на поставленную перед эскадрой задачу повлиять это уже не сможет.

— А мне почему-то кажется, что наш рейд будет удачным, — молвил полковник разведки Ричмонд, успевший появиться на командном пункте в разгар переговоров адмирала с коммодором.

— Это вам предчувствие разведчика так подсказывает? — саркастически осклабился кэптен, хотя полковник явно обращался к контр-адмиралу.

— У вас есть повод не доверять ему? — мгновенно отреагировал Ричмонд, даже не повернув к нему головы.

— Почему же?! Овеянное легендами чутье...

— Лучше бы вы связались с генералом Доновэном, — вмешался контр-адмирал, — и попросили поднять на ноги наших агентов, работающих в южной части Аргентины. Возможно, им удастся что-либо узнать о странной аргентинской субмарине, разгуливающей с германскими крестами на командной рубке.

— Такой запрос уже послан, сэр. — И только теперь Ричмонд победно взглянул на кэптена. На авианосце у полковника разведки была своя рация, расположенная в той же каюте» в которой обитали двое его подчиненных. — Думаю, в ближайшие два-три дня мы будем знать не только имя командира субмарины, но и постельные клички всех его любовниц.

— Я терпеть не могу слежек и доносов, полковник, — сказал Роберт Брэд, — но случай у нас особый. Поэтому хочется быть уверенным, что и на борту у нас не оказалось кого-то, кто под полосатым флагом скрывал бы свастику или красную звезду.

— Никакие угрызения совести по этому поводу преследовать вас не должны, сэр. Я официально отвечаю за внутреннюю безопасность экспедиции и, кроме штатных сотрудников, у меня есть несколько «откровенных» парней, которые не утаят от нас никакого проявления в эскадре недружественных нам сил.

— Это успокаивает, — безо всякого энтузиазма обронил контр-адмирал. И в ту же минуту вахтенный офицер объявил, что впереди, слева по борту, возник силуэт огромного айсберга.

Брэд перешел на левую часть командного пункта, остановился рядом с вахтенным и поднес к глазам бинокль. Нет, это был не тот «ледовый голландец», от опеки которого они с таким трудом избавились вчера. Убедившись в этом, адмирал облегченно вздохнул. Передняя, самая высокая часть этой громадины в каких-

то своих очертаниях напоминала покоящуюся на домашнем коврикe морду лежащего бульдога.

— Ведет он себя, вроде бы, вполне естественно, — неуверенно произнес вахтенный офицер.

— И все же присмотреться к нему надо. — Молвив это, Брэд понял, что теперь он уже до конца дней своих с подозрением будет присматриваться к любой встретившейся ему ледяной глыбе. И что ледяные осколки давно минувших тысячелетий уже никогда не смогут вызывать у него того восхищения, которым он проникался во времена всех своих предыдущих экспедиций.

Ничто так не очаровывало его в этом мире, как айсберги. Он и «полярным паломником» стал только потому, что еще в юности был, потрясен фотографиями, на которых были запечатлены заснеженные горы хребта Брукс на Аляске и неимоверной формы и красоты айсберги, величественно восстающие то посреди моря Бофорта, то в Датском проливе у юго-восточных берегов Гренландии.

С той поры, когда школьник Роберт Брэд познакомился с этим красочным фотоальбомом, подаренным ему отцом, капитаном рыболовецкого судна, ко дню рождения, — все остальные его впечатления детства растворились в одном-единственном стремлении: во что бы то ни стало побывать в краю айсбергов и собственными глазами увидеть красоты арктических гор.

**Ноябрь 1946 года. Антарктика. Море Уэдделла.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Адмирал завтракал в своем номере, когда стюард, принеся ему кофе, положил рядом с салфеткой записку, написанную почти печатным готическим шрифтом! каллиграфическим женским почерком.

— Прошу прощения, сэр, но журналистка очень просила передать вам это свое маленькое послание.

— Какая еще журналистка? На борту разве есть журналистка? — искренне удивился Брэд.

— Что не может вызывать никакого сомнения, сэр. — Стюард мог служить классическим образцом американского метиса. Его продолговатое лицо цвета молочного шоколада было не по-мужски миловидным, а форма сидела на нем с такой безупречностью, словно над ней колдовали лучшие портные Парижа. — Она слишком красива, чтобы усомниться в этом.

— Ах да, вспомнил, — поморщился Брэд, — среди журналистов действительно оказалась женщина...

«Мне хотелось бы встретиться с Вами, господин контрадмирал, чтобы сделать интервью для швейцарского журнала Общества естествоиспытателей «Исследователь», — сообщалось в записке. — Обещаю не отнимать у вас лишнего времени и не задавать вопросов, касающихся аномалий Вашей личной жизни. Обозреватель Эльза Крафтк.

Она допустила грубую ошибку, пообещав «не задавать вопросов, касающихся аномалий личной жизни», сказал себе адмирал. Слишком грубый намек на обладание некой информации, граничащий с

завуалированным шантажом. Человек, пишущий такие записки, не имеет права рассчитывать на то, что ему будет уделять какое-то особое внимание командующий эскадрой.

— Передайте этой самодовольной дуре, — отшвырнул он записку, — что «аномалиями личной жизни» она может запугивать трюмных seaman's-recruit's^[25].

— Есть передать, сэр.

— И напомните, что ей прекрасно известно, у кого она может получать всю официальную информацию — это лейтенант-коммандер Отто Шведт, очевидно, её соплеменник.

— Я слышал, как они разговаривали между собой на германском, сэр.

— Значит, я не ошибся.

— Это господин Шведт назвал ей ваше имя и, очевидно, посоветовал обратиться с этой запиской.

— Тоже владеете германским?

— Двумя десятками фраз, сэр.

— На этом судне можете считать себя эскадренным полиглотом.

— Благодарю, сэр. Осмелюсь заметить, что она действительно очень красива, сэр.

— Так «заметить» или сразу же посоветовать? — мягко поинтересовался адмирал, чуть не обжегшись огненным кофе. — Вы уж, будьте добры, договаривайте, младший матрос^[26].

— Прошу прощения, сэр. — Даже сквозь естественную «шоколадность» лица стюарда просматривалась теперь предательская бледность, выдававшая его испуг, — Я всего лишь позволил себе высказать мнение, сэр. Понимаю, что делать этого не следовало, сэр.

— Зато я буду знать, к кому обращаться за советами в подобных случаях, — добродушно ухмыльнулся адмирал. — Напомните о себе в ближайшем порту, наш эскадренный полиглот.

Как только стюард закрыл за собой дверь, адмирал тотчас же связался с полковником разведки и попросил занести ему данные на швейцарскую журналистку Эльзу Крафт. Ричмонд не давал знать о себе добрых полчаса, так что можно было подумать, что он то ли запрашивает сведения у швейцарской службы безопасности, то ли с пристрастием допрашивает саму журналистку. Брэд уже совершенно разуверился в возможности пообщаться с полковником на эту тему еще раз, когда в дверь каюты постучали.

— Не полагаясь на телефон, которому я по привычке хронически не доверяю, решил сам заглянуть к вам, — объяснил он командующему эскадрой.

— Доложите, — оторвался Брэд от чтения «Дневника капитана Скотта», который специально прихватил с собой в этот рейд. Записки этого антарктического неудачника он почитал с таким же уважением, как и «клондайкские» рассказы Джека Лондона.

— Сведения, касающиеся Эльзы Крафт, сэр. Двадцать девять лет, — назвав возраст журналистки, Ричмонд оторвал взгляд от бумажки и вопросительно взглянул на адмирала.

— Буду знать, что определить возраст женщины для нашей разведки — не проблема, — мрачноватоотреагировал тот. И тем не менее, движением руки указал полковнику на кресло, в которое тот может опуститься.

— Уроженка Цюриха. Университет в Женеве. Дочь банкира. — Опять вопросительный взгляд на адмирала, однако на сей раз без какой-либо реакции.

— И жена управляющего одного из крупнейших швейцарско-австрийских банков.

— Я не собираюсь делать ей предложение, полковник, — не стал дожидаться очередного вопросительно-пронизывающего взгляда Полярный Паломник.

— Это всего лишь строчки из биографии журналистки Эльзы Крафт, сэр. Получила журналистскую премию за статьи по проблемам экологии и исследования альпийских ледников. Альпинистка. Побывала на нескольких альпийских вершинах. Увлекается охотой.

— Какой еще охотой?

— На медведей и волков. То есть классическим мужским занятием. Отличается снайперской меткостью. Кстати, страстная коллекционерка айсбергов, разумеется, в виде открыток, фотографий и прочих Отображений.

В этом месте адмирал вздрогнул и теперь уже сам вопросительно взглянул на полковника разведки, который, несомненно, хорошо был осведомлен и об его, Брэда, собственном увлечении. До коллекционирования открыток он, ясное дело, не снисходил, но кто не знает, что домашний и служебный кабинеты его увешаны картинами, от которых веет космическим холодом Арктики и романтикой первых золотоискателей на Юконе в духе Джека Лондона?

— Излишние подробности, — скептически подвел итог адмирал.

— Однако женщина, судя по всему, суровая.

— Это все?

Ричмонд выразительно пожал плечами.

— У нее прекрасные рекомендации и редакционная аккредитация. Никаких иных препятствий, кроме нежелательности появления на военном судне

гражданского женского пола, при ее допуске к участию в экспедиции не возникало.

— Понятно. Благодарю за оперативность. Хотите что-то добавить? — спросил адмирал, видя, что полковник все еще не торопится «откланиваться». И даже не поднялся из-за столика.

— Почему вас заинтересовала личность этой журналистки, сэр?

— Уже хотя бы потому, что она — журналистка, — сделал Брэд ударение на последнем слоге, — а не журналист.

— Мне почему-то показалось, что вас что-то настораживает в самом факте появления этой женщины на борту авианосца.

— Я представления не имею об этом человеке, которого ни разу в жизни не видел. Но дело не в этом. Не думаю, что это ваши собственные наблюдения, полковник.

— Почему?! — изумился Ричмонд.

— Подозреваю, что сейчас вы пользуетесь чьей-то подсказкой.

— Почему вы так решили?

— Например, моего стюарда, младшего матроса Эстадио.

Полковник замялся и нервно потер рука об руку, словно пытался согреть их после длительного пребывания на морозе.

— Нет, я, конечно, поинтересовался, знаком ли он с госпожой Крафт.

— И этого оказалось достаточно.

— Простите, адмирал, но у разведки свои методы сбора информации, которые вы совсем недавно поощряли.

— Не отрицаю, — сухо пробубнил адмирал. — Просто я не думал, что ваше рвение столь бурно проявится на единственной на этом судне (остальные шестеро

военнослужащих — не в счет) по-настоящему красивой, как меня убеждали, женщине.

— А тем временем, — стоически принял этот удар ниже кобуры колонел от разведки, — я узнал, что госпожа Крафт упорно пытается пробиться к вам в каюту. Только для того, чтобы взять интервью, разумеется, — поспешно уточнил Ричмонд.

— Тем более — не отрицаю. И не вздумайте устанавливать за этой журналисткой слежку, — и это прозвучало так, словно адмирал предупреждал, чтобы Ричмонд не вздумал ухаживать за ней.

— Это исключено, сэр, — иронично заверил командующего питомец генерала Доновэна, — авианосец «Флорида» — часть свободной, демократической Америки, сэр.

— Поэтому сосредотачивайтесь на остальных четырех, — в том же тоне и духе предложил ему адмирал. — Вы свободны, полковник.

Разговор с Ричмондом оставил в душе Брэда настолько гнусный отпечаток, что ему тотчас же захотелось пригласить ничего не подозревающую Эльзу Крафт к себе в каюту. Разумеется, только для того, чтобы позволить проинтервьюировать себя. Тем более что в «портрете», созданном для него холодной информационной кистью разведчика, уже появилось нечто такое, что способно было заставить адмирала-полярника относиться к ней с должным уважением.

...Но вместо голоса швейцарки в: телефонной трубке прозвучал голос вахтенного офицера:

— Докладываю, сэр, что айсберг никоим образом не проявил себя. Есть основания считать, что это был самый обычный айсберг. И теперь он остался далеко позади эскадры.

— И все же следите за каждой льдиной, которая приближается к эскадре, и особенно к нашему судну.

— Есть, следить, сэр.

Адмирал уже подумывал о том, чтобы прилечь на несколько минут, дабы окончательно вытравить из себя остатки ночной бессонницы, как вдруг по внутренней спецсвязи позвонил полковник Ричмонд.

— Забыл сообщить интересную деталь, о существовании которой вы наверняка не знаете.

— И опять-таки она касается журналистско-альпинистки?

— Когда окончательно решался вопрос о назначении командующего Полярной эскадры и рядом с вашим именем появилось имя еще одного полярного моряка-исследователя, но с более углубленной морской подготовкой, все решила броская статья в американском исследовательском журнале «Исследования в Арктике и Антарктиде», автором которой стала некая швейцарская журналистка Эльза Крафт.

Адмирал, знал, что этот журнал издается очень небольшим тиражом и распространяется в узком кругу специалистов. Тем не менее к нему постоянно проявляют интерес в канцелярии президента, в штабе ВМС и в разведке. После огненной войны в Европе и в Азии теперь разгоралась ледяная война нервов за обладание огромными просторами Арктики и Антарктики, все проявления которой на страницах «Исследований в Арктике и Антарктике» отслеживались тщательно и профессионально.

— Это еще одна шутка из матросского кубрика, полковник?

— Никак нет, сэр.

— В таком случае жду объяснений.

— Просто люди, от которых зависело решение вопроса, узнали об этой статье и получили ее по почте еще до того, как журнал увидел свет. А увидел он его только тогда, когда мы уже были на Фолклендах.

Адмирал растерянно молчал, ему нужно было какое-то время, чтобы прийти в себя от всего только что услышанного.

— Это может остаться сугубо между нами, сэр: вы действительно знали о подготовке этой статьи?

— Для меня это сногшибательная неожиданность.

— А ведь пока вы готовили эскадру к отходу, по штабу ВМС ползали всевозможные слухи о том, что будто бы вы знакомы с Крафт и статья появилась по вашей просьбе.

— Почему же никто так прямо и не спросил меня об этом.

— Во-первых, вы были за сотни миль от штаба, а во-вторых, это было бы неэтично» Да и вряд ли вы признали бы этот факт.

Только теперь вдруг адмирал вспомнил, что один из офицеров, сторонников его назначения, прибывший с проверкой готовности эскадры к антарктическому походу, намекнул ему на какую-то статью в журнале:

«Эта странная статья в журнале, которая откровенно дискредитирует вашего соперника и возносит к вершинам профессиональной чести вас... — сказал он на прощальном фуршете. — Кто бы мог подумать, что она окажет такое влияние на ход событий?!».

«Какая еще статья?», — благодушно поинтересовался тогда Брэд. И встретился с удивленным и слегка разочарованным взглядом кэптен-штабиста.

«Впрочем, теперь это уже не важно, — вынужден был отступить кэптен-штабист Хордсэн. — Просто, когда я, по просьбе редактора журнала, докладывал о ней своему шефу, чтобы он, в свою очередь, доложил главному ВМС, то не предполагал, что она может оказать такое воздействие. Тем более что это еще была,

собственно, не журнальная публикация, а всего лишь верстка ее».

Погоди, сказал себе Брэд, ты совсем упустил тогда из виду эти его уточнения: что «по просьбе редактора журнала», и что статья попала в штаб еще в версточном виде, задолго до выхода самого журнала. Если бы ты оказался внимательнее, то открыл бы для себя, что статью специально написали и в буквальном смысле подсунули еще в версточном виде штабистам ВМС. Значит, кто-то очень был заинтересован в том, чтобы командующим эскадрой стал именно ты. Кто и с какой стати? И почему об этом не известили тебя?».

Объяснение, попытался уяснить для самого себя Брэд, может быть только одно: главной целью организаторов этой публикаций было — сокрушить человека, оказавшегося твоим основным соперником. Любой ценой не допустить его к командованию эскадрой. А уж кто там окажется потом в каюте командующего — особого значения для них не имело.

— Тогда почему вы решили, что я признаю его сейчас? — вернулся адмирал к разговору с полковником разведки.

— Потому что теперь мы уже в Антарктике и командуете эскадрой именно вы, а не кто-либо другой из бывших претендентов на эту должность.

— Но вы понимаете, что привязка моего назначения к появлению некоей статьи в журнале — унизительна для меня.

— И даже оскорбительна, — не стал жалеть его полковник разведки. — Мне это понятно, сэр. Но я никогда бы не завел разговор об этом, если бы вы сами не заинтересовались появлением на борту авианосца госпожи Крафт. И поскольку такой интерес у вас возник, то, по долгу службы, я обязан был...

— Но в этом и подобных ему журналах появляются сотни всевозможных статей, в том числе и скандальных.

Почему именно эта оказала такое давление на штаб ВМС и канцелярию президента?

И тут полковник вновь не только с любопытством, но и с чувством какой-то неловкости взглянул на контр-адмирала. «Что «не так» на этот раз?» — насторожился Брэд, предчувствуя, что и на сообщении о статье информационный «ящик Пандоры» полковника не исчерпал себя.

— Вы действительно не в курсе, сэр?

— В курсе чего, полковник?

— Что рейд вашей эскадры мог бы и не состояться. Как не была бы сформирована и сама эскадра. Сенаторы отказывались голосовать за выделение таких средств на весьма сомнительное предприятие, не сулящее Штатам ничего, кроме огромных финансовых затрат. Они считали, что Америка слишком много экономических потерь понесла в годы войны, чтобы уже через два года после нее позволять себе подобные антарктические прогулки.

— Да, я слышал, что рейд чуть не сорвался из-за возникших финансовых проблем. Но ведь в конечном итоге все решилось. А разве экспедиции англичанина Роберта Скотта, норвежца Амундсена, немцев Филшнера в 1910 году на корабле «Дойчланд» или Мерца — в 1925 году на корабле «Метеор» не становились на грань срыва в связи с такими же финансовыми трудностями?

— Эти трудности возникли не в связи с вашим назначением, сэр, — холодно заметил полковник. — вообще, сейчас нас интересуют не причины финансовых проблем, а то, каким образом они были устранены. Дело в том, что автор статьи и редактор журнала оказались хорошо осведомленными об этих проблемах. Ну а решение самих проблем явилось полной неожиданностью для организаторов рейда. Швейцарско-австрийский «Альпийский банк»,

возглавляемый мужем госпожи Крафт, неожиданно предложил круглую сумму пожертвований на, как было обусловлено в контракте, «организацию антарктической экспедиции доктора Брэда».

— Таковым было условие банка?! — переспросил Брэд, отказываясь верить словам полковника.

— Вот именно, сэр. Адмирал флота был удивлен не меньше, чем вы сейчас.

Доктор Брэд в изумлении покачал головой и, склонив голову на грудь, задумался. «Однажды тебя уже пытались втянуть в антарктическую авантюру, — напомнил себе адмирал. — Но тогда все выглядело скромнее, и единственное, что от тебя требовалось, так это участие в экспедиции. Теперь все выглядит грандиознее, но опека тоже довольно навязчивая. Знать бы, что за этим скрывается, кроме, конечно, докторских амбиций некоей альпинистки-банкирши».

— Дальше, — подстегнул он полковника, поигрывая пустой кофейной чашкой.

— После подписания контракта с «Альпийским банком» вопрос о том, может ли кто-либо оттеснить вас от должности командующего, уже не возникал.

— Ноя так понимаю, что пожертвованием дело не ограничилось?

— Еще вдвое большую сумму «Альпийский банк» выделил в виде очень выгодного кредита.

— С условием?..

— В том-то и дело, что каких-то особых условий кредиторы не выдвигали. Кроме одного, ничтожного и вполне приемлемого — что госпоже Крафт, которая, к слову, и сама является крупнейшим акционером «Альпийского банка», будет позволено принимать участие в экспедиции, после завершения которой, она получит доступ ко всей научной информации, собранной группой ученых Полярной эскадры.

— И организаторы рейда согласились с такими условиями? — механически как-то уточнил адмирал. На самом деле его интересовало сейчас не это.

— Речь ведь идет о сугубо научной информации, — напомнил ему колонел, — которая особой ценности для нас не представляет. Точнее, представляет для нас такую же ценность, как и для всего прочего мира.

— Вы хотели сказать: «Которой все равно придется делиться с остальным миром».

— Вы правы, сэр. Но в массе этой информации госпожа Крафт не получит ничего того, что будет касаться «Базы-211» и Внутреннего Мира. А все, что она вздумает написать без нашего разрешения, будет подвергнуто опровержению как дешевый вымысел «во имя сенсации на страницах желтой прессы». Всех пленило другое — что «Альпийский банк» не требовал никаких гарантий, никаких залогов, похоже, его вообще не интересовали вопросы финансового риска.

— Что, естественно, не могло не вызывать подозрения... — молвив это, адмирал вдруг поймал себя на том, что вот уже несколько минут подряд он по существу допрашивает полковника разведки, выдавливая из него все новые и новые порции сведений. Хотя начиналась беседа с того, что полковник разведки пытался выжать из него какую-то информацию, которая позволила бы последними мазками довершить развед-портрет загадочной банкирши Эльзы Крафт.

— Правда, сам банк возник относительно недавно, собственно, лишь в конце войны, и некоторые опасения вызывает его финансовое благополучие, в основе которого лежат какие-то сомнительные средства, возникшие в ходе Второй мировой войны.

— Говорите прямо: что в основе финансового благополучия банка лежат деньги нацистской партии Германии вместе с секретными счетами СС и гестапо.

— О нет, прямых указаний на это не получено. И потом, сейчас, в сорок седьмом, послевоенном, трудно найти процветающий европейский банк, который бы не нажил свой капитал на этой самой войне. Тут у меня есть несколько интересных записей, — полез полковник в карман за записной книжкой, однако доставать ее так и не стал.

Роберт Брэд не ответил.

Взглянув на адмирала, полковник разведки обратил внимание, что тот сидит, откинувшись на спинку кресла, и рассеянно смотрит куда-то в потолок. Ричмонду показалось, что командующий пребывает в состоянии, близком к шоковому. И не ошибался. Еще несколько минут назад адмирал Брэд и представить себе не мог, какой пласт событий и пласт его собственной судьбы скрывается за именем иностранки, которую он до сих пор не удостоил даже мимолетным вниманием.

— Из неофициальных источников стало известно, что на основе полученных сведений госпожа Крафт намерена защитить докторскую диссертацию, а обещанные ей гонорары от публикаций в швейцарской, австрийской и шведской прессе почти полностью покроют сумму пожертвований ее мужа. Плюс реклама банка, которая...

— Такие подробности меня, полковник, уже не интересуют, — решительно прервал его Брэд.

— Как прикажете, сэр, — спокойно воспринял это Ричмонд. — Но мне хотелось всесторонне подготовить вас к разговору с госпожой Эльзой Крафт.

— Я к нему уже готов.

— Теперь я в этом тоже почти уверен, — только теперь поднялся полковник со своего места. — Если говорить честно, то мне очень хотелось бы присутствовать при вашем первом разговоре. — Перехватив удивленный взгляд адмирала, Ричмонд едва

заметно улыбнулся: — Лишь при первом, сэр, сугубо деловом, разговоре. И не из мужского, а из чисто профессионального интереса к этой германке.

— Весьма признателен вам за предоставленную информацию, — убил в нем надежду на участие во встрече доктор Брэд. — Она оказалась сногшибательной.

Лицо полковника разведки вмиг стало постным и мрачным. Информация, которую он только что продал командующему Полярной эскадрой, стоила значительно дороже сухой признательности. Понимал он и то, что не решится просить адмирала поделиться с ним конфиденциальной информацией, которую, возможно, удастся извлечь из этой встречи.

Будь Роберт Брэд обычным адмиралом, полковник, конечно, попытался бы превратить его в своего информатора. Однако перед ним стоял не просто адмирал, а ученый и арктический путешественник с мировым именем. И это невероятно усложняло задачу «вербовки».

— Как выражается в подобных ситуациях мой брат-физик, — не скрывая своего разочарования, проговорил полковник, — вы оказались «в петле событий», из которой я великодушно попытался изъять вас.

— Почему я не видел госпожу Крафт среди журналистов, поднимавшихся на борт во время отхода эскадры из Нового Орлеана? — пропустил мимо ушей его «великодушие» адмирал.

— Потому что она взошла на него уже на Фолклендах, в Порт-Стенли, куда прибыла на частном самолете. Она может позволить себе такие рейсы, сэр.

— Теперь многое проясняется. — Однако это он произнес вслух, а мысленно добавил: «А проясняется только то, что «петля событий» затягивается все туже и безнадежнее.

**Ноябрь 1946 года. Антарктика. Море Уэдделла.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Полковник давно покинул каюту адмирала, а тот все сидел, откинувшись на спинку кресла, в позе человека, только что извлеченного, но только не из «петли событий», а из самой настоящей петли. И чувствовал он себя предельно уставшим и опустошенным.

«А что, собственно, тебя задевает в этой истории? — спросил себя Брэд, пытаюсь найти примирение между двумя раздвоившимися в его сознании личностями, — То, что некая фрау попыталась употребить все свои финансовые и личностные возможности, чтобы попасть на борт флагманского авианосца? Все те финансовые игры, которые затеял вокруг рейда Полярной эскадры некий «Альпийский банк»? А тебе известно, какие сюжеты возникали вокруг этого рейда в отношениях между разведкой, командованием ВМС и президентской командой, прежде чем было получено добро на его проведение. А главное, были определены его явные и тайные цели? Тогда какого дьявола ты пытаешься разыгрывать из себя уязвленного святошу?».

Вахтенный офицер доложил ему, что отряд коммодора Бертолдо уже приближается к указанному командующим квадрату, эскадры пока не наблюдает и предупреждает о надвигающемся тумане и скоплении южнее расположения отряда нескольких айсбергов.

— Принято к сведению, лейтенант-коммандер, — устало ответил адмирал, думая сейчас о не менее опасной встрече с айсбергом в женском обличье. При этом Брэда не покидало предположение, что от него, до

поры, специально скрывали все, что касалось переговоров с «Альпийским банком». — Продолжайте наблюдение.

Вызвав адъютанта, адмирал долго молчал, словно вдруг забыл, зачем пригласил его. Шербрук переминался с ноги на ногу, кряхтел, натужно прочищая горло, и вообще, как только мог, привлекал внимание к себе, однако Брэд продолжал прохаживаться по каюте, время от времени едва не задевая его плечом, но всякий раз отрешенно не замечая.

— Что вы там вещали об этой журналистке, Шербрук? — наконец спросил он, останавливаясь спиной к адъютанту.

— Которая мечтает взять у вас интервью, сэр? — как можно вежливее поинтересовался офицер.

— Которая мечтает...

— Я как раз и говорил о том, что она мечтает встретиться с вами, чтобы взять интервью.

— Она видела вас уже после того, как вы сообщили мне о ее просьбе?

— Видела, сэр.

— И вы сообщили ей, что я не намерен встречаться, с ней?

— Она не интересовалась вашим мнением, сэр. Внимательно взглянула на меня и промолчала. Я тоже почему-то не решился заговорить с ней.

— Теперь вы понимаете, как плохо иметь адъютанта, у которого все можно вычитать по его лицу?

— Не исключено, что все те сведения, которые нужны были ей для статьи, она уже получила, сэр.

— От помощника командира авианосца лейтенант-командера Отто Шведта?

— Никак нет, сэр, от самого командира авианосца. Я видел, как они Мило беседовали в офицерской столовой, за чашкой кофе, — в голосе адъютанта явно

проскальзывало уязвленное самолюбие слуги, которому досадно за отверженного женщиной хозяина.

— И можно предположить, что они уже давно знакомы?

— Так точно, сэр, давно. Я уже сообщал вам об этом. Еще в Новом Орлеане, перед выходом эскадры в море, кэптен Вордан нервничал по поводу того, что госпожа Крафт по каким-то причинам не успевала прибыть туда из Европы. Точно так же волновался он и в Порт-Стенли, когда узнал, что самолет Крафт задерживается в уругвайской столице Монтевидео. Из-за мерзких погодных условий.

— Почему же вы не сообщали мне об этих волнениях кэптена Вордана, адъютант? — причем это «адъютант» прозвучало в устах адмирала глухим укором.

— Простите, господин контр-адмирал, но вы не проявляли к ней абсолютно никакого интереса.

— Разве?!

— Во всяком случае, мне об этом ничего известно не было.

— Существенное замечание, — вынужден был признать доктор Брэд. — Но теперь я проявляю интерес к этой леди. И готов встретиться с ней.

— Сейчас же приглашу ее, сэр, — двинулся адъютант к двери.

— Не торопитесь, Шербрук, не торопитесь! — поморщился адмирал. — Что за спешка? Пригласить такую женщину, это ведь не вахтенного вызвать.

— Такую — да. Все сходятся на том, что леди Крафт — роскошная женщина, сэр.

— Не о роскоши телес ее речь сейчас, Шербрук, а о том, что и кто стоит за ней. Поэтому не торопитесь, сделайте так, чтобы она вновь попросила вас устроить встречу со мной.

— То есть? — простовато спросил адъютант.

— Что значит это ваше «то есть», Шербрук? Я ведь уже все сказал. Спровоцируйте ее на эту просьбу. Заговорите о чем угодно и подведите к необходимости встречи со мной. Например, поинтересуйтесь, встречалась ли она уже со мной, или намекните на то, что кто-то из ее коллег-журналистов уже договорился о встрече с командующим. Проявите хоть какой-то проблеск фантазии, дьявол бы вас побрал, Шербрук!

— Есть проявить фантазию, — по-солдафонски отчеканил адъютант.

— Кстати, как складываются у нее отношения с другими журналистами?

— По-моему, никак.

— Конкретнее, адъютант. Вы обладаете удивительной способностью умолкать именно тогда, когда от вас требуются слова и подробности.

— Она их попросту не замечает.

— Чисто германское высокомерие. Исходя из девиза фюрера: «Там, где есть мы, нет места никому другому!». Это на них похоже, Шербрук.

— Германцы, сэр, — пожал плечами Шербрук, давая понять, что этим «германцы» уже, собственно, все сказано.

— Многих из них война так ничему и не научила, они уже постепенно приходят в себя и готовятся к созданию очередного, на сей раз — Четвертого, рейха. А точнее, уже создают его, причем сразу на нескольких континентах, не ограничиваясь, как в былые времена, лишь Германией и Австрией.

— Можно истолковать ее поведение и так, — не стал ударяться в собственное толкование адъютант. — В любом случае, она их вежливо игнорирует. Но ведь в любом случае она нужна нам, разве не так, сэр? Невзирая на гитлеровское прошлое ее соплеменников.

— Теперь уже нужна, Шербрук.

— А значит, Гитлера нам придется ей простить?

— Особенно здесь, оказавшись лицом к лицу с империей льда.

— Тем более что вместо Гитлера над Европой возникла тень другого фюрера — Сталина, которого все мы, американцы, ненавидим больше, чем в свое время бесноватого ефрейтора. Смею вас заверить, адмирал, — входил он в азарт политического трибуна, — значительно больше.

— Политические дебаты закрыты, — как можно внушительнее произнес адмирал. — Не теряйте времени, адъютант, действуйте.

— Я одного опасаюсь — что вновь встречу ее в офицерской столовой, за одним столиком с кэптенем Ворданом, который не только не сторонится этой экс-фашистской германки, но и всячески ищет встреч с ней.

— Если такое случится, немедленно вызовите его на дуэль, — напутствовал адмирал своего адъютанта. — Стреляться будете прямо на командном пункте.

Выходил Шербрук с таким отсутствующим взглядом, что адмирал дрогнул: вдруг этот идиот и впрямь вызовет кэптена или кого-либо другого, замеченного рядом с ней, на дуэль?!

К счастью, никого вызывать на дуэль адъютанту не пришлось. Он появился минут через сорок и сообщил, что госпожа Эльза Крафт обещала появиться с минуты йа минути.

— И как вам удалось заманить ее сюда? — поинтересовался Брэд.

— Очень просто: увидел ее выходящей из кают-компаний, где она вместе с другими журналистами встречалась с помощником командира авианосца Отто Шведтом, подошел и сказал, пусть она заходит к адмиралу, пока у него есть немного свободного времени, а главное, пока в духе, что случается с ним — вы уж простите, сэр, — нечасто.

— Как талантливо вы умеете упрощать все мои замыслы, мой неподражаемый адъютант!

— Еще раз прошу прощения, сэр, но обстоятельства требовали...

— А в каком расположении духа сама Крафт?

— В прекрасном. Первое сообщение, которое она передала по телеграфу в Швейцарию, уже опубликовали в пяти или шести газетах и передали по радио. Еще три агентства из разных стран мира предложили ей сотрудничество.

— Она что, решила делиться с вами всеми своими новостями, Шербрук? — поползли брови адмирала к его залысинам.

— Я узнал об этом от Шведта, который отвечает за обеспечение связи журналистов с их редакциями.

— Зря полковник разведки Ричмонд недооценивает вас, Шербрук. — На его месте я бы давно присмотрелся к вам.

— А он присматривается, — сухо вато ответил адъютант, уже берясь за дверную ручку. — Причем давно.

— Вот как?! — поразился адмирал, но Шербрук уже закрыл за собой дверь.

«А ты удивляешься появлению какого-то там айсберга-судна, — упрекнул себя Брэд. — Не тому удивляешься. На этом судне и вокруг него происходит нечто не менее загадочное. Знать бы только, что именно и кто в действительности за всем этим стоит».

Не успел он произнести этот свой внутренний монолог, как дверь вновь открыл адъютант Шербрук, но лишь для того, чтобы, испросив разрешения, впустить в каюту журналистку.

**Ноябрь 1944 года. Антарктика. Море Уэдделла.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

— Позвольте представить вам, господин контр-адмирал, швейцарская журналистка госпожа Эльза Крафт, — произнес адъютант тоном дворецкого или распорядителя бала, объявляющего появление в графском дворце очередного высокого гостя.

— Журналистка Эльза Крафт? — почти по слогам, но уже вопрошающе, повторил доктор Брэд.

— Вы просили пригласить ее, — напомнил адъютант, не понимая, что, собственно, так удивило адмирала.

— Рад видеть вас, мэм, — все так же заторможенно проговорил Брэд.

— Да, перед вами действительно Эльза Крафт, мой адмирал^[27], — вежливо склонила аккуратно стриженную светловолосую головку процветающая банкирша-авантюристка.

И адмиралу очень повезло, что адъютант догадался сразу же выйти, иначе он заметил бы, как его шеф застыл посреди каюты с полуоткрытым ртом и широко открытыми от удивления глазами.

— Так это все же вы?.. — но прежде чем адмирал произнес настоящее имя женщины, она успела поднести палец ко рту и заставить его замолчать.

А ведь сомнений быть не могло: перед ним действительно стояла Лилия Фройнштаг. Гауптшарфюрер СС Лилия Фройнштаг, с которой у адмирала было связано так много воспоминаний,

касающихся его несостоявшейся экспедиции в Антарктику в далеком 1938 году.

За те девять лет, которые они не виделись, Лилия Фройнштаг — теперь уже Брэд отказывался воспринимать ее как Эльзу Крафт — внешне, возможно, каким-то образом изменилась, вот только адмирал не мог понять, в худшую ли сторону. Впрочем, к какому бы выводу Брэд, в конечном итоге, ни пришел, все равно вынужден был бы констатировать, что перед ним стоит прекрасно сложенная, зрелая сорокалетняя блондинка, с аккуратной короткой стрижкой и почти правильными чертами лица, на котором все: и старательно выточенный римский носик, и четко очерченные, чувственные губы, и бирюзовые, с голубоватой поволокой, глаза — создавало образ удивительно красивой женщины. Которую вполне можно было прямо вот так, живьем, выставлять в Лувре в качестве эталона красоты женщины-арийки. Именно так: эталона! И никакой кисти художника или резца скульптора в этом случае не понадобилось бы. Такую утонченную красоту следовало увековечивать только в самом естественном виде, подчеркивая при этом, что она принадлежит не носительнице ее, и уж тем более, не ее супругу, а всему человечеству. Если бы Брэд не помнил о том, сколько страсти и нежности было растрчено на эту женщину в каюте «Саксонии», а затем в каком-то портовом отеле в Гамбурге, то влюбился бы в нее прямо сейчас, с первого взгляда — и навсегда, до последнего вздоха.

— Да, это я, — перехватила тем временем инициативу гостя, позволив перед этим адмиралу вдоволь насмотреться на себя. — Как вам уже представили, меня зовут Эльза Крафт. Швейцарская журналистка. — Она приоткрыла дверь, выглянула, нет ли кого-либо за ней, и вновь закрыла ее.

— И как я должен воспринимать ваше появление здесь под чужим именем? — спросил адмирал, слегка

приглушив голос.

— С нежностью, — мило улыбнулась Крафт. — Как и положено встречать женщину, в которую когда-то были безумно влюблены, и которая отвечала вам взаимностью.

— Не об этом сейчас речь, госпожа...

— Об этом, об этом, мой адмирал. — Конечно же, за те годы, которые прошли после их последней встречи, доктор Брэд сильно сдал. И скрыть это не способен был даже его прекрасно скроенный адмиральский мундир: уже не тот ли

<... [\[28\]](#)>

ке. Куда важнее: было привести вас к адмиральской короне исследователя Антарктики. И согласитесь, мне это удалось. Неважно, какими методами, нервами и финансами пришлось при этом оперировать. А ведь я вторгалась не просто в формирования научной экспедиции чужой мне великой страны, я вторгалась в вотчину военно-морского ведомства США, что само по себе казалось многим бессмысленной авантюрой, а то и безумием.

— Но зачем вам, супруге швейцарского финансового магната и успешному акционеру банка, понадобились все эти хлопоты? Вы ведь запросто могли сами нанять любое пригодное для подобной экспедиции судно и снарядить свою собственную экспедицию хоть к Новой Швабии, хоть к морю Росса или на южный купол мира.

— Именно этот вариант и предлагал избрать мой дражайший супруг, герр Алекс Крафт. Мало тою, заботясь о моей безопасности, он лаже сам готов был стать на капитанский мостик, вспомнив свою мореманскую молодость.

— Вот как? Он — бывший моряк?

— Подводник.

— Из соединения субмарин «Фюрер-конвоя»?

— Это не имеет значения. — не меняя ни тона, ни выражения лица, ответила Фройнштаг. «Что ни говори, а служба в СД наложила свой отпечаток на поведение этой арийки», — молвил себе Роберт Брэд. — Что-то я не припоминаю, чтобы служба в этом элитном соединении субмарин была объявлена преступной.

— Простите, госпожа Фройнштаг, этот вопрос я задал из профессионального любопытства, как-никак мы с вашим мужем коллеги.

— И потом, учтите, адмирал: еще не известно, как лет через пять-десять будет оценен рейд вашей Полярной эскадры.

— Будем считать эту тему исчерпанной, — резковато предложил адмирал, — лучше объясните, почему вы не избрали этот — снаряжение собственной экспедиции — весьма престижный, способ войти в историю исследования Антарктики, которого втроене хватило бы и для статей, и для книги путешествий, и для защиты докторской диссертации?

Прежде чем ответить, Фройнштаг еще раз озарила свое лицо нежной улыбкой светской львицы, почти с нежностью взглянула на посеревшее и утратившее былую мужскую красоту лицо адмирала и только затем пригубила хмельной напиток. Очевидно, для ощущения храбрости ей вполне хватило первой порции отменно выдержанного «Наполеона».

— Если бы я на нем остановилась, то лишила бы себя удовольствия осуществления давнишней мечты: побывать в Антарктиде под крылом всемирно известного доктора Брэда, об экспедиции попасть в которую так неуместно размечталась тогда, на борту фешенебельной «Саксонии». Я могла бы нанять судно и снарядить экспедицию, но это была бы всего лишь экспедиция никому не известной Эльзы Крафт, а не

известного американского адмирала Брэда, который вряд ли снизошел бы до того» чтобы сменить мундир американского контр-адмирала на скромный сюртук капитана частного парохода. Или, может быть, я ошибаюсь, мой адмирал?

— Признаю, не сменил бы.

— Благодарю за искренность, которая поможет нам полностью проанализировать ситуацию. Итак, теперь я вхожу в историю цивилизации как участница грандиозной экспедиции адмирала Брэда, которая по масштабности своей затмила все доселе известные и которую сама я не способна была сформировать, даже если бы мне удалось обанкротить при этом половину банков Швейцарии. В Европе и в Латинской Америке будут читать мои репортажи из Антарктиды после возвращения из Экспедиции, на трех континентах сразу — в Европе, в Азии и в Америке — на нескольких языках появится моя книга. И вот тогда — вы слышите меня, адмирал, — вот тогда я снаряжу свою собственную экспедицию.

— Значит, идея вашего собственного рейда в Антарктиду, а возможно, и броска к полюсу все же существует? — оживился доктор Брэд.

Но во главе ее будет стоять уже не никому не известная фрау Крафт, а та самая путешественница-журналистка, участница экспедиции адмирала Брэда, автор нашумевшей книги, только что защитившая докторскую диссертацию. Как вам такой путь восхождения на Фудзияму собственной славы, мой адмирал?

**Ноябрь 1946 года. Антарктика. Море Уэдделла.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Роберт Брэд сидел, откинувшись на высокую спинку кожаного кресла, смотрел куда-то в низкий потолок каюты, вертел между пальцами ножку серебряной рюмочки и молчал.

Впечатляет, — наконец произнес он, чувствуя на себе пронизывающий взгляд антарктической авантюристки. — Даже если все, что вы только что изложили, следует воспринимать лишь как вашу агентурную легенду, то и в этом случае ее следует признать гениальной, достойной шпионского романа.

— Ну почему же шпионского, мой адмирал?!

— Насколько мне помнится, на борту «Саксонии» вы представляли передо мной под именем Лили Фройнштаг.

— Да к тому же эсэсовки, сотрудницы СД.

— Ваша служба в элитных подразделениях рейха меня не интересует. С этим должен разбираться не я и не посреди моря Уэдделла, в двухстах милях от Антарктиды.

— Но вы хоть время от времени вспоминали о нашем трансатлантическом турне на «Саксонии»? — спрашивая об этом, Фройнштаг-Крафт по-детски высунула кончик языка и скорчила игривую рожицу.

— Если уж говорить честно... — Брэд замялся, и Фройнштаг тотчас же подбодрила его:

— Признавайтесь, мой неукротимый адмирал, признавайтесь.

— В последние дни, во время перехода от Нового Орлеана до Фолклендских островов, да и после выхода

из Порт-Стенли, воспоминания о «Саксонии» стали просто-таки навязчивыми.

— Вот видите, а вы уже готовы были приказать своим матросам, чтобы они вздернули меня на рее, как швейцарскую или какую-то там еще, шпионку.

— Ну, до такой жестокой расправы дело, конечно, не дошло, бы, — заверил ее командующий эскадрой. — Тем не менее...

— В любом случае мне лучше сразу же и окончательно развеять ваши шпионские страхи, разве не так?

— Так будет лучше для нас обоих. Особенно если учесть, что ваша личность привлекает внимание не только тоскующих по женским ласкам морских офицеров, но и тоскующих по новым разоблачениям офицеров разведки.

— Это вы о полковнике Ричмонде? — язвительно уточнила Фройнштаг и загадочно как-то ухмыльнулась. — Давайте никогда больше не вспоминать об этой грозе русских шпионов, это унижительно. Что касается моей фамилии, то с ней все ясно: я перешла на фамилию мужа, за которого вышла замуж незадолго до капитуляции рейха. Эльза — мое второе официальное имя, которое используется наравне с Лилией. Мой жених знал меня под этим именем, поэтому я и придерживаюсь его.

— Это уже многое объясняет, — признал адмирал. Наблюдая за ним, Крафт видела, как по ходу ее рассказа лицо командующего все больше проясняется. — Кстати, если позволите, я по-прежнему буду воспринимать вас как Лилию Фройнштаг.

— Но только при нашем с вами общении наедине, дабы не вызывать излишнего любопытства у посторонних.

— Естественно, только при личном общении.

— Несмотря на то, — продолжила свой рассказ Фройнштаг, — что к моменту оккупации Германии войсками союзников я уже была гражданкой нейтральной Швейцарии, я все же добровольно прибыла в Нюрнберг и ответила на все вопросы Международной следственной комиссии. Как вы понимаете, я сделала это с дальним прицелом, дабы впредь никто не смог упрекнуть ни меня, ни моего супруга в тех преступлениях против человечества, которых мы не совершали.

— Это не требует особых объяснений, — великодушно согласился адмирал.

— Что и говорить, члены комиссии были беспредельно придирчивы к каждому, кто в свое время был связан с СС, а особенно со службой безопасности войск СС, то есть с СД. Придирчивыми, а в каких-то моментах и предвзятыми, оставались они и по отношению ко мне — что было, то было.

— Это были люди, которые, прежде чем допрашивать многих высокопоставленных чиновников и военных рейха, лично побывали на местах гитлеровских концлагерей и лагерных крематориев, они ознакомились с тоннами всевозможных документов и выслушали сотни свидетельских показаний очевидцев, — напомнил ей доктор Брад. В эти минуты в нем закипало сознание военного моряка, который сам принимал участие в боевых действиях против германского флота и в высадке морского десанта на юге Италии, а затем в Нормандии.

— Мне понятны ваши чувства, контр-адмирал Брэд. Но мы все же вернемся к моему сотрудничеству с международной комиссией. В конечном итоге она так и не нашла в моих служебных деяниях ничего такого, что достойно было бы внимания Международного трибунала. Тем более что из состава СС я вышла еще до окончания войны, а, следовательно, до того, как СС

была признана преступной организацией. Кстати, нетрудно заметить, что тысячи бывших членов СС, в том числе и сотрудников СД, занимают достаточно высокие посты в различных сферах в самой Западной Германии, не говоря уже о других странах.

— Простите за любопытство, но... До какого чина вы дослужились в своем СС? На «Саксонии», вы, помнится, были фельдфебелем.

— Обижаете, мой адмирал, обер-фельдфебелем — гауптшарфюрером СС. Но потом меня все же произвели в офицеры.

— Учитывая заслуги в операции по заманиванию в рейх некоего полярника-американца?

— И их тоже, — мило улыбаясь, подтвердила Фройнштаг. — Хотя после вашего побега с борта «Швабенланда», а затем и из Германии мне здорово досталось от начальства.

— Но ведь вы же сами помогали мне в этом бегстве.

— В гестапо об этом так и не узнали. Никто, кроме очень узкого круга сотрудников СД, о моем участии в вашей судьбе не догадывался. А что касается гестапо, то от меня потребовали... Однако это уже не важно.

— Договаривайте, Фройнштаг, договаривайте.

— Это уже детали, которые вам знать необязательно.

— От вас. потребовали соблазнить меня еще раз и под любым предлогом вернуть на «Швабенланд»?

Фройнштаг взглянула на командующего эскадрой, как на городского юродивого, и не было в этом взгляде ничего, кроме сочувствия, замешанного на великосветской брезгливости. Но вслух произнесла:

— Потрясающая прозорливость, адмирал. В сугубо американском стиле.

— Любой ценой найти и убить?

— ...Ну а дослужилась я всего лишь до гауптштурмфюрера СС, то есть до капитана, — ушла

Фройнштаг от ответа на этот вопрос. — Хотелось, конечно, до генерала войск СС, но почему-то не получилось.

Брэд кисло вато улыбнулся, однако возвращаться к теме гестаповской мести не решился.

— Действительно, стремились дослужиться до генерала? — спросил только для того, чтобы продолжить разговор.

— Иначе зачем бы я служила? Я человек самолюбивый и амбициозный. Причем в моих устах самокритичностью это не выглядит.

— Учту на будущее.

— Ну а мотивы, которые побудили меня принять участие в подготовке этой экспедиции, я вам уже, кажется, изложила.

— Все... мотивы?

— Кроме одного. Когда я узнала, что вы являетесь одним из претендентов на пост командующего эскадрой и руководителя экспедиции, я сказала себе, что сделаю все возможное, чтобы на этом посту оказались именно вы.

— Почему вдруг?

Лилия Фройнштаг пожала плечиками и посмотрела на доктора Брэда невинными глазами наивной гимназистки.

— Не так уж и «вдруг». На такой вопрос имеет право полковник разведки Ричмонд или кто-либо иной, но только не вы, мой адмирал.

— Неужели и в вашу грудь «постучался пепел» воспоминаний о днях, проведенных на «Саксонии»?

— Скорее о ночах, проведенных на «Саксонии» — так будет точнее. Хотя и дни тоже случались. Не спорьте, случались, мой адмирал.

Последние слова ее командующий эскадрой выслушал, держа на весу бутылку с коньяком, из которой только что наполнил рюмку немки. Оставив в

покое бутылку, он откинулся на спинку кресла, и какое-то время сидел так, закрыв лицо руками, в каком-то странном, умиротворенном бездумии.

— Я рад, что Эльзой Крафт оказались именно вы, Фройнштаг, — произнес он, открывая лицо и решительно наклоняясь к женщине через стол. — И что вам удалось убедить меня...

— В чем, позвольте спросить?

— Вы знаете, в чем, Фройнштаг.

Она отпила немножко коньяку, с наслаждением подержала его во рту, наслаждаясь то ли букетом, то ли легким пламенем напитка.

— Знаю, конечно, мой адмирал. Правда, в глазах полковника разведки я выгляжу не столь убедительной рассказчицей, но меня это не волнует.

— Эскадрой и экспедицией командую я.

— А вот это меня и волнует и даже утешает.

— Антарктика, айсберги, исследования — для вас все это серьезно или просто цепь мимолетных приключений сытой, ухоженной, но истосковавшейся по романтике леди?

— Теперь уже — очень серьезно.

— Но почему Антарктика? Благоденствуя в центре Европы, в сытой, ухоженной, не знавшей войны Швейцарии... К тому же владелица большого пакета акций, жена банкира, и вдруг — Антарктика!

— Я могла бы по-разному объяснять вам причину столь необычного — особенно для женщины — увлечения. Но объясню словами одной моей подруги, которой я, по молодости своей, не называя вашего имени, поведала о трансатлантическом романе с неким Полярным Паломником. Знаете, как она это прокомментировала? Она сказала: «После подобных приключений порядочные женщины или счастливо заражаются гонореей, или безнадежно беременеют. А тебе удалось одновременно: и заразиться, и

забеременеть. Правда, всего лишь Антарктидой»! — вдруг взорвалась хохотом Фройнштаг. — Извините, мой адмирал, но, сколько раз вспоминаю, столько и хохочу.

— Зато как образно и убедительно, — рассмеялся адмирал.

— Более чем убедительно! — мотала головой Фройнштаг, все еще хохоча. — Но если говорить серьезно, то каждый человек имеет право на исполнение своей мечты. Сколь бредовой она ни была бы. Там, на палубе «Саксонии», я вбила себе в голову, что должна побывать в Антарктиде вместе с вами. Ясное дело, речь шла об экспедиции на «Швабенланде».

— А мне казалось, что ваши полномочия ограничивались моей доставкой в Гамбург. Что-то я не заметил, чтобы вы интересовались моими предыдущими полярными экспедициями.

— Все правильно, именно этим мое задание и ограничивалось. Однако, появившись в Гамбурге, я тотчас же начала атаковать свое начальство просьбой отправиться на авианосце «Швабенланд» вместе с вами.

— Для меня это было тайной.

— Естественно.

— Почему же вы скрывали это?

— Хотелось, чтобы мое появление на «Швабенланде» оказалось для вас такой же неожиданностью, как и нынешнее появление на авианосце «Флорида». Характер у меня такой, мой адмирал: я привыкла внезапно появляться и с грохотом уходить.

Вновь ожил телефон, и вахтенный офицер сообщил, что на горизонте появились два судна из отряда коммодора Бертолда.

— Значит, будем считать, что эскадра в сборе, — без особого вдохновения молвил адмирал, и Фройнштаг почувствовала, что что-то гложет командующего.

Скорее всего, на него все еще тягостно действовало появление вблизи его кораблей судна-айсберга. — Ледоколы теперь нам очень понадобятся, — а выдержав небольшую паузу, добавил: — да и субмарина «Хардести» не помешает.

Положив трубку на рычаг, Брэд с минуту сидел, глядя куда-то в сторону, совершенно потеряв нить своего разговора с Фройнштаг.

— По-моему, даже добилась такого решения. Правда, у меня создалось впечатление, что мой шеф узрел в этом капризе лишь желание продолжить с вами любовные игры, но остановить меня это не могло. Так что все разрушилось только из-за вас. Из-за вашего бегства.

— Это сама судьба давала отсрочку, чтобы вы одумались и нашли себе какое-то иное увлечение.

— На моем месте любая другая женщина действительно успокоилась бы и выбросила эти антарктические бредни из головы. Я же, как видите, не угомонилась. Прошли годы, отпыхала война, но, вопреки всему, мы с вами, мой адмирал, приближаемся к Антарктиде.

— И как тут не вспомнить о путях господних? — поддержал ее доктор Брэд.

В это мгновение днище судна заскрежетало, и по всему корпусу прошла такая вибрация, словно огромное судно вспахало подводную скалу. Заметив, как побледнело лица Лилии Фройнштаг, адмирал успокаивающе улыбнулся.

— У полярных моряков это называется «крещение льдами», Мы напоролась на подводную часть небольшого полурастаявшего айсберга, и при этом авианосец уподобился ледоколу. Надо бы впредь таких столкновений избегать, хотя в этих широтах они практически неизбежна.

— Постараюсь привыкнуть к подобным «крещениям льдом», мой адмирал.

— Кстати, — сразу же попытался уйти от этой темы доктор Брэд, — если при написании докторской диссертации вам понадобится консультант по проблемам Арктики и Антарктики...

— Понадобится, доктор Брэд, можете не сомневаться.

— Даже готов предоставить часть исследовательского и статистического материала, связанного с дрейфом айсбергов, их численностью и характеристиками. У меня есть результаты многолетних наблюдений, которыми я могу поделиться с вами как с коллегой.

— Что было бы великодушно с вашей стороны.

— И отныне вы будете получать сведения обо всем, что происходит в составе экспедиции и вокруг нее. Мало того, вы сможете получать даже ту информацию, которая окажется недоступной для ваших коллег.

— Слишком уверенно говорите об этом, мой адмирал.

Брэд удивленно уставился на журналистку.

— Что вас смущает, Фройнштаг?

— Когда вам удастся разгадать тайну преследовавшего вас судна-айсберга, которое, под видом учебных стрельб, ваши артиллеристы пытались разнести в осколки, — г вы тоже поделитесь со мной этой секретной информацией?

Понадобилось несколько секунд, чтобы, придя в себя после этого заявления, доктор Брэд мог сказать:

— Насколько я понимаю, вы и сами научились добывать нужную вам информацию.

— Научилась, как видите, мой адмирал.

— Причем делаете это профессионально.

— Иначе я бы не стала журналисткой.

— И журналисткой — тоже, — многозначительно молвил адмирал Брэд, имея в виду все же профессиональные навыки Фройнштаг как сотрудницы СД. Вот только высказать это вслух не решился.

— Вы ушли от прямого ответа, мой адмирал, — неожиданно сухо напомнила она ему, поскольку была не столь щепетильной, как Роберт Брэд.

— Вы сможете получать у меня любую информацию, которую командование эскадры и ее служба безопасности не отнесут к разряду государственных тайн.

— Вот теперь все прояснилось, мой таинственный адмирал, — вновь беззаботно улыбнулась ему Фройнштаг и впервые не смогла скрыть откровенной фальши этой своей улыбки.

Еще несколько минут, проведенных ими в каюте в неловком молчании, лишь подтвердили, что визит дамы исчерпал себя, и Брэд был признателен Лилии, что она первой поняла это и поднялась.

— Я признателен вам за этот визит, госпожа Фройнштаг, — командуя тоже встал, чтобы проводить гостью.

— Умение вовремя и красиво оставить мужчину в покое — такое же искусство, как и умение ненавязчиво и элегантно свалиться ему на голову.

— Сегодня вам удалось продемонстрировать то и другое, — вежливо заверил ее адмирал.

— Провожать меня не нужно, появляться на палубе в сопровождении женщины в этом заповеднике мужчин равносильно вызову на дуэль половины команды, прежде всего, ее офицерской половины.

— Вы правы, Фройнштаг, — согласился Брэд, прощаясь с ней в миниатюрной приемной, вмещавшей стул и крохотный столик с телефоном для адъютанта, которого сейчас не было.

— А вот вы будете не правы, если не пригласите меня к себе на вечернюю чашку кофе. Ясное дело, что явлюсь я, соблюдая все меры конспирации.

— Буду рад видеть вас, госпожа Фройнштаг, у себя за чашкой кофе.

— Приглашение могло быть составлено и в более нежной форме, — заверила его Лилия, — но спишем это на вашу армейскую неуклюжесть.

Декабрь 1946 года. Антарктика. Море Уэдделла.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида».

Адмирал поднялся на закрытую вахтенную площадку, которая по старой традиции называлась «марсовой бочкой» или «гнездом впередсмотрящего», и оттуда окинул взором огромный авианосец.

Это был настоящий плавающий город — со своим аэродромом, электростанцией, пунктом связи и оборонными редутами в виде мощных оружейно-пулеметных башен. Окруженный судами-«предмествами», он казался затерянным между волнистой бесконечностью океана и окаймленной разноликими айсбергами ледовой пустыней.

Вот уже третьи сутки эскадра шла вдоль этой антарктической пустыни, выискивая огромные полыньи и все приближаясь и приближаясь к скованному вечной мерзлотой таинственному материку в районе берега Принцессы Марты, являвшегося северо-западной оконечностью Новой Швабии^[29].

— Оттуда уже виден полюс, сэр?! — спросил медленно поднимавшийся вслед за адмиралом его адъютант.

Он и не скрывал, что побаивается высоты, однако считал, что по долгу службы ему полагается находиться сейчас рядом с командующим. Когда в воздух взлетала авиация, на вахтенной площадке обычно находился кто-то из уоррент-офицеров, который затем помогал пилотам наводить машины на посадочную полосу.

— Отсюда хорошо видна та ледовая бездна, над которой мы оказались! — мрачновато ответил Брэд, отпивая из фляги немного душеспасительного коньяку и берясь за бинокль.

— Но ведь вы так молили Бога, чтобы помог вам оказаться в центре этого, душу и тело ледящего, ада!

— Так всегда бывает: сначала полярники молят Господа, чтобы помог им забраться в его полярную преисподнюю, а затем — чтобы помог выбраться из нее.

— Тогда в чем смысл этих арктических порывов?

— В самом смысле нашего бытия. Между этими, как когда-то говорил мой германский коллега барон фон Готт, «молитвами идиотов, не умеющих ценить привычный земной рай», мы пытаемся проложить для человечества путь к полюсам планеты, к ее куполам.

— В таком случае весь наш антарктический рейд следует воспринимать как очередную «молитву идиотов».

Доктор Брэд снисходительно улыбнулся. Предыдущие полярные экспедиции приучили его ко всепрощающему терпению, поскольку приходилось выслушивать и не такие исповеди. Не говоря уже об истериках людей, готовящих себя к бегству через самоубийство.

— Это еще не раскаяние, лейтенант-коммандер, а всего лишь легкое брюзжание. Истинное раскаяние приходит потом, со временем, когда полярник покидает борт уютного судна или самолета и оказывается наедине с Антарктидой или Северным Ледовитым океаном.

— Но ведь вам, командующему эскадрой, нет особой нужды оставлять флагманский авианосец? — с надеждой спросил адъютант, с ужасом представивший себя бредущим по ледовой пустыне Антарктиды. — На борту эскадры находится целая группа исследователей, и вообще, более семи тысяч ваших подчиненных.

Над Антарктикой уже воцарился неугасающий летний день. Вот и сейчас солнце зависало в низком голубом поднебесье огромным огненным шаром, пламя которого, однако, не выдерживало испытания космическим холодом, царящим на этой непознанной планете.

Зато айсберги представляли перед адмиралом в виде огромных бриллиантовых светильников, расставленных Господом на подходах к просыпающемуся материку. Когда-то они восхищали Брэда, потому что казались какими-то ритуальными святынями Космоса, но, похоже, что время увлечений прошло. Он вел к этому континенту не исследовательские суда, а боевую эскадру, готовую принять бой. Вот только странность этого рейда заключалась в том, что как командующий он все еще не имел ни малейшего представления о том, кто именно ему противостоит, какими техническими и людскими силами этот противник располагает, и каковы его стратегические намерения.

— Как считаете, господин контр-адмирал, — спросил Шербрук, — там, в глубинах Антарктиды, они уже знают о нашем появлении у своих берегов?

Брэд с удивлением взглянул на него и растерянно pokrхтел. До сих пор они ни разу не говорили между собой о предполагаемом «полярном противнике», делая вид, что речь идет всего лишь об очередной антарктической экспедиции. Но теперь Шербрук напомнил ему как адмиралу, что в лице своего адъютанта он должен видеть еще и боевого морского офицера, имеющего три награды за операции в Атлантике, в Средиземном море и в Тихоокеанском бассейне.

— Конечно, знают. Иначе, чего бы стоило их военное командование, и о каких мерах защиты своих рубежей они могли бы говорить?

— Тогда чего они ждут? Хотят видеть, как у нас получится отыскать-обнаружить их?

— К счастью, они неагрессивны и не заражены бредовым вирусом мирового господства. Им хватает своего Внутреннего Мира. По крайней мере, так было до сих пор.

— Вот именно: так было. Из тех сведений, которыми мы располагаем, вытекает, что арий-атланты прожили в полной безопасности несколько столетий и до сих пор они оставались недосыгаемыми для нашей, наземной цивилизации. Вряд ли их командование имеет полное представление о нашей военной мощи, а главное, вряд ли их генералы и адмиралы, если таковые вообще существуют, знают, каким образом следует вести боевые действия с нами.

— С тех пор, когда эти арий-атланты начали делить свой Внутренний Мир с германцами, бежавшими из Третьего рейха, они получили образцы всех видов наземных вооружений, а главное, у них появились опытные военные консультанты. Да и недостатка в инструкторах у них теперь тоже нет. — Адмирал помолчал, утешился несколькими глотками «Наполеона», которым всегда своевременно подпитывал свою флягу, и продолжил: — Существует подозрение, что на «Базу-211» фюрер перебросил значительные конструкторские силы, которые работают над новым поколением «летающих дисков».

— Но ведь главный его конструктор барон фон Браун почему-то оказался в Штатах, — возразил Шербрук.

— Верно, Ракетный Барон, как его называли в Европе, теперь у нас. Что всегда вызывало у меня какое-то двойственное чувство.

— И собрал вокруг себя еще с десятков талантливых ученых и инженеров, еще недавно создававших для фюрера ракеты «Фау». Чем это объяснить?

— Очевидно, только тем, что до последних дней существования своего режима Гитлер использовал его как устрашение для врагов. Пока Вернер Браун находился в своем ракетном центре в Пенемюнде, до тех пор можно было морочить голову и германцам, и русским угрозами создания некоего сверхоружия возмездия. Наверняка предполагалось, что Ракетного Барона в конце концов тоже перебросят на «Базу-211» с последней «антарктической волной» беженцев, но то ли русские слишком быстро ворвались в Берлин...

— То ли, может, сам барон фон Браун не проявлял никакого желания оказаться в числе обреченных на жизнь полярных кротов.

— А что, — оторвавшись от бинокля, с уважением взглянул адмирал на своего адъютанта, — это аргумент. Ракетный Барон прекрасно понимал, что его с удовольствием примут в любой стране: хоть в Англии, а хоть в США или во Франции. Но у меня возникла и другая, более экзотическая, версия. Возможно, фюрер и его подчиненные специально подбросили Вернера Штатам, чтобы они могли создать с его помощью ракетное оружие, способное противостоять русским.

Адмирал умолк и вновь взялся за бинокль. Шербруку хотелось продолжить этот разговор, поскольку не так уж часто командующий эскадрой снисходил до беседы с ним, однако, увидев, с каким вниманием тот всматривается в полосу пакового льда, решил не рисковать и тоже поднес бинокль к глазам. О потенциальном противнике на какое-то время было забыто, и на вахтенном наблюдательном пункте воцарилось умиротворяющее молчание.

Кто знает, как долго оно продолжалось бы, если бы вдруг в переговорном устройстве не возник встревоженный голос кэптана Воргана:

— Сэр, здесь командир авианосца. Вы уже видите его, сэр?

— Кого?

— К нам опять пожаловали гости, причем посерьезнее судна-айсберга! Прикажите объявить по эскадре боевую тревогу.

— Конкретнее, кэптен, конкретнее!

— Взгляните на юго-запад! Ориентир — мачта эсминца «Ягуар».

Брэд и Шербур мгновенно развернулись так, чтобы видеть арьергардный эсминец, и замерли от удивления. В какой-нибудь миле от «Ягуара», над шарообразной вершиной айсберга, завис огромный летающий диск.

— А вот и ответ на все ваши наивные вопросы, адъютант, — негромко проговорил Брэд.

— Во всяком случае, на первый из них, — пробормотал Шербрук, ощущая, как губы его деревенеют от испуга.

Мощные бинокли адмирала и его адъютанта хорошо различали квадратные иллюминаторы, расположенные по периметру этого летающего гиганта, а также два иллюминатора поменьше, которые просматривались на башнеобразной надстройке, возможно, на командной рубке этой машины.

— Кэптен, всей эскадре: «Боевая тревога!», — прокричал адмирал в переговорное устройство, не отнимая от глаз бинокля. — Быть готовыми поднять в воздух два трехмашинных звена!

— Есть подготовить к вылету шесть самолетов, — глухим и явно испуганным голосом отозвался Вордан. — Но боюсь, что это ничего не даст.

— Без команды огня не открывать! — не стал полемизировать с ним адмирал.

— А если вдруг?

— Пилотов «летающего диска» на конфликт не провоцировать! — еще жестче приказал командующий эскадрой.

Но, как оказалось, запрет на открытие огня поступил слишком поздно. Уже в следующую минуту орудия эсминца «Ягуар» и базового судна «Монтерей» открыли по дисколету беглый огонь.

— Прекратить! — испуганно заорал адмирал Брэд. — Я приказываю: «Прекратить огонь»! — орал он так громко, словно его должны были слышать не только командир и вахтенный офицер авианосца, но и артиллеристы «Ягуара».

— Поздно, — некстати попытался уговорить его Шербрук.

— Что значит «поздно»?

— Огонь уже открыт, — на удивление спокойно констатировал адъютант. — Они там, на эсминце, и на «Монтерее», палят из всех орудий, забыв перед этим помолиться Господу во спасение своих душ. Но что странно, остальные суда огня не открывали.

— Прекратите болтовню! — буквально прорычал адмирал. — Вы передали мой приказ, кэптен?

— Так точно, сэр!

— Но они продолжают стрелять!

— Так точно, сэр, они ведут огонь по воздушному судну противника.

— Но почему они это делают?!

— Они военные моряки, сэр, — напомнил Вордан доктору Брэду разницу между одетым в военный мундир гражданским полярным исследователем и истинно морским офицером. — На море случаются ситуации, когда моряк должен действовать, исходя из безопасности судна, не дожидаясь приказа. Этим огнем они пытаются спасти свое судно.

— Этим огнем они всех нас погубят! Вы хоть это понимаете?!

Командир авианосца помолчал, пытаясь усмирить гнев своей призрачной смиренностью, а затем, вернув себе обладание обреченного, сказал:

— Пилоты уже в кабинах, господин командующий. Давать команду на взлет?

— Какой смысл? Пусть остаются в кабинах, но взлетать пока что не следует.

Соломоново решение, признал Вордан, понимая, что на самом деле командующий эскадрой попросту растерялся. Как растерялся и он сам, командир авианосца.

— Но командир пилотов настаивает, — все же попытался подтолкнуть его к иному решению кэптен. — С ним трудно не согласиться. Самолеты лучше рассредоточить в воздухе, так безопаснее.

— Групповой взлет авиации может быть воспринят пилотами дисколета как начало воздушной атаки.

— Так точно, сэр, — не понял истинного смысла сказанного кэптен. — Они должны видеть нашу мощь и знать, что если понадобится, мы полны решимости атаковать их.

— Не мощь, а миролюбие наше видеть они сейчас должны, кэптен!

— Но они пожгут наши штурмовики прямо на палубе, и тогда... — начал было Вордан, однако адмирал прервал его:

— Я сказал: штурмовикам палубы не покидать! Это приказ!

Кэптен не ответил, но не потому, что не согласился с командующим. Он тоже не выработал никакого плана действий, что, конечно же, не делало ему чести. Все орудия вдруг умолкли, ни один из самолетов на взлетную полосу не вырулил, а между тем огромный дисколет медленно надвигался на базовый корабль «Монтерей». Он не знал, что предпринять, как не знал этого и контр-адмирал Брэд.

«Нас не готовили к борьбе с таким противником, — оправдывался перед самим собой кэптен. — Мы понятия не имеем, как ему следует противостоять, а главное,

каковы его методы военных действий и каков его арсенал».

Тем временем адмирал наконец вышел из оцепенения и бросился к ведущей вниз винтовой лестнице. Он понимал, что в такие минуты обязан находиться на командном пункте или в расположенном рядом с ним бронированном отсеке. И решения придется принимать вместе с командиром авианосца и полковником разведки.

Спустя две-три минуты он действительно оказался на командном пункте. Запыхавшийся адъютант влетел вслед за ним.

— Что тут у вас, кэптен? — просил адмирал.

— Боевая тревога объявлена, — произнес кэптен то единственное, что он мог в такие минуты произнести, — вся команда заняла свои места в соответствии со штатным расписанием. Артиллеристы и летчики ждут приказа.

— Так вот, передайте командирам всех кораблей: «Прекратить движение! Застопорить двигатели!».

— Но в таком случае мы лишаемся маневренности, — пожал плечами командир авианосца.

— Маневренность наших судов никакой роли теперь уже не играет, — отрубил адмирал.

— Вахтенный офицер, — не стал возражать кэптен, — передать командирам всех судов приказ командующего эскадрой.

Дисколет по-прежнему надвигался на базовый корабль «Монтерей» и делал это с такой угрожающей неспешностью, словно намеревался навалиться на него и самой массой своей погрузить боевое судно в глубины океана. «А ведь там все наши запасы! — с ужасом напомнил себе адмирал. — Если мы их лишимся, экспедиция будет сорвана. — Но тут же спросил себя: «Так что ты предлагаешь?».

— А ведь ни один снаряд до этой чертовой машины не долетел, — вдруг молвил Шербрук, обращая внимание адмирала на этот, самый ужасающий, факт противостояния артиллерии двух судов и «невозмутимого» дисколета.

— Вижу, — едва слышно молвил Брэд.

— На этом воздушном танке действительно нет ни одной вмятины, — поддержал его полковник разведки Ричмонд, которого кэптен тоже вызвал на командный пункт.

— Вижу, полковник, вижу!..

Брэд так и не понял: зависал ли дисколет на какое-то время над огромным базовым судном или же медленно проплыл над ним, угрожающе надвигаясь теперь уже на флагманский авианосец. По мере того, как этот «посланец небес» приближался, адмирал терял ощущение реальности. Воля и сознание его были полностью парализованы.

Оставив в покое бинокли, они с адъютантом, полковник Ричмонд, кэптен и старший вахтенный офицер, молча наблюдали, как, все увеличиваясь в размерах, дисколет восставал между авианосцем и небом, заставляя воспринимать себя с покорностью людей, дождавшихся давно обещанного им Судного дня.

Декабрь 1944 года. Антарктика. Море Уэдделла.

Полярная эскадра адмирала Брэда.

Борт флагманского авианосца «Флорида».

Когда дисколет завис над флагманом где-то на высоте двадцати метров, все лампы внутреннего освещения и приборных подсветок тотчас же погасли.

Адмирал несколько секунд неотрывно наблюдал за тем, как, взбесившись, завертелась стрелка огромного морского компаса, и лишь огромным усилием воли он сумел отвести взгляд, чтобы вновь обратить его на дисколет. Вся высокая, мощная палубная надстройка авианосца размещалась в левой части палубы, освобождая ее центр и правую часть под взлетно-посадочную полосу и стоянки для самолетов, поэтому с командного пункта хорошо был виден серебристо-пепельный корпус дисколета, который, казалось, вот-вот рухнет на палубу, уничтожая все, что только могло на ней располагаться.

— Двигатели всех самолетов заглохли, сэр, — на удивление спокойно прозвучал в наступившей тишине голос вахтенного офицера.

— Этого следовало ожидать, — прозвучал ответ полковника разведки, поскольку оба морских командира продолжали хранить молчание.

— И хорошо, что заглохли они на палубе, — поддержал его вахтенный.

В ту же минуту дисколет неслышно сместился вправо и вниз, оказавшись теперь между авианосцем и линкором «Онтарио». Никаких орудий, ничего похожего на ракетные или торпедные установки адмирал на

корпусе дисколета не заметил, однако это его не успокаивало, а наоборот, угнетало: значит, это небесное судно обладало каким-то совершенно неизвестным им, флотским морякам, оружием — мощным, рассчитанным на всеобщее истребление людей и техники.

Подчиняясь приказу внутреннего голоса, адмирал вышел на открытую площадку у командного пункта и увидел прямо перед собой фигуры трех рослых пилотов в наглухо застегнутых серебристых комбинезонах. Один из них стоял у самого иллюминатора, а двое — в шаге, справа и слева от него. Изнутри кабина была ярко освещена каким-то ослепительно-белым, непривычным для людей светом, а стекло иллюминатора представляло идеально прозрачным и, как показалось адмиралу, увеличительным. Во всяком случае, он отчетливо видел крупное, отмеченное благородными морщинами лицо командира дисколета, его густую русую шевелюру и какой-то свиток в руках, который он Держал так, словно собирался передавать командующему эскадрой некое послание.

— Чего они хотят? — дрожащим голосом спросил Вордан, оказавшийся вместе с адъютантом за спиной у адмирала.

— Пока не ясно, — не отрывая взгляда от командира дисколета, ответил Брэд.

— Очевидно, это явление пилота следует воспринимать как приглашение на борт? Или как ультиматум?

— Они вежливо дают нам понять, кто является истинным хозяином этого континента.

— А если попытаться пригласить их на авианосец?

— Они не нуждаются в наших приглашениях, поскольку привыкли появляться, где и когда захотят. Считайте, что они уже на борту «Флориды».

Кэптен понимал справедливость его слов, поэтому на какое-то время удрученно умолк. Дисколет все еще висел над краем судна, однако никаких признаков работы двигателей адмирал обнаружить не мог, как не мог он понять и того, какая сила удерживает эту машину в воздухе.

«Только бы никто из пушкарей эскадры не открыл огонь, — в который уже раз взмолился доктор Брэд, понимая, на какой грани конфликта между цивилизациями находится в эти минуты его эскадра. — Только бы ни у кого не сдали нервы! Тогда уже битвы не миновать. Эти пришельцы истребят нас!».

«Битвы не будет, — вдруг раздался у него в голове мягкий, но в то же время уверенный и внушительный эфирный голос. — Истреблять вас пришельцы не будут».

Адмирал чуть приподнял голову и увидел, как командир диоколета молитвенно, жестом библейского проповедника, вознес вверх, к небесам, руки с раскрытыми ладонями. При этом свиток, находившийся в правой руке его, куда-то исчез. Это уже был хоть какой-то контакт. Пилот знал, что этот умиротворяющий жест хорошо известен землянам. — Мы прибыли сюда не для того, чтобы истреблять вас».

«Тогда в чем заключаемся смысл вашего визита в Антарктиду?» — так же мысленно спросил адмирал.

«В том же, в чем заключались ваши предыдущие экспедиции в Антарктиду, — последовал ответ, — Пытаемся понять, что здесь происходит и кто обитает. Это наш обычный инспекционный полет».

«Вот как, уже «инспекционный»?».

«Инспекционный», — подтвердил командир дисколета, очевидно, не уловив подтекста в этом ироничном адмиральском «уже».

«Значит, вы не базируетесь в Антарктиде? Вы не являетесь хозяевами ее Внутреннего Мира?»

«Мы базируемся везде, — откликнулся пилот после небольшой паузы. — Но мы не владеем Внутренним Миром».

— Странно: почему они не пытаются связаться с нами? — вдруг вновь, совершенно некстати, обрел дар речи командир авианосца.

— Разве вы не слышали слов, сказанных пилотом? — удивился адмирал.

— Каких... слов?! — с еще большим удивлением переспросил его Вордан, убеждая доктора Брэда, что мысленная беседа ведется только с ним.

— Это многое проясняет, — проговорил адмирал как бы про себя. А мысленно добавил: «Значит, они предпочли вести переговоры только с тобой, Роберт, прекрасно зная, кто ты. Это заслуживает уважения».

Для адмирала это было очень важным выводом, поскольку в ответах и требованиях командира дисколета могла проскальзывать такая информация, которой не обязательно было обладать кому-либо из команды авианосца.

— А вам что-то удалось расслышать, сэр?

— Кое-что.

— И что они говорят? — нетерпеливо уточнил кэптен.

— Все, что они хотели сказать, они уже сказали самим своим появлением, — уклончиво ответил командующий.

— Тогда что нам следует делать?

— Молиться.

— Кому? Этим пришельцам?? — возмутился Вордан. — Считаете, что они воспримут наши молитвы? Да и вряд ли Христос что-либо значит для них.

— Христос — вряд ли.

— Если мы тотчас же не повернем эскадру на северо-запад, к берегам Южной Америки, они попросту истребят нас.

— У этого визита иная цель. Они пытаются... — адмирал хотел сказать еще что-то, но в это время в сознании его вновь прозвучал жесткий и в то же время какой-то небесно-возвышенный голос командира дисколета:

«Так что же привело вас в Антарктиду на этот раз, адмирал Брэд? И почему во главе военной эскадры?»

Прежде чем ответить, Брэд растерянно оглянулся на командный пункт, словно ждал, что кто-то вынесет ему микрофон переговорного устройства или хотя бы рупор, но тот же голос по-английски, но с каким-то странным акцентом, произнес:

«Я смогу услышать вас, адмирал, говорите мысленно».

«Несмотря на то, что эскадра состоит из боевых кораблей и самолетов, цель этого рейда мирная. Но мы опасаемся, что здесь может находиться секретная военная база и против нас могут развернуть боевые действия».

«На борту вашего или какого-либо иного судна находится атомное оружие?»

«Нет, — мгновенно и как можно тверже ответил адмирал, дабы не вызывать подозрения в неискренности. И ему показалось, что командир дисколета облегченно вздохнул. Но, может быть, это только показалось. — На судах моей эскадры его и не может быть».

«Почему?»

«Никто не позволил бы применять ядерное оружие в Антарктиде».

«Но мы знаем, что ваша страна применила его в Японии, куда направлялась такая же эскадра, как и ваша».

«Тогда шла война. Если бы это оружие не было тогда применено, война могла бы длиться до сих пор. И

погибло бы значительно больше людей и значительно больше городов».

«В Антарктиде вас интересует подземная база германцев?»

«Точнее будет сказать, что мы опасаемся этой базы, — не без сомнений в душе ответил адмирал, понимая, что за каждым его словом о целях рейда скрывается отзвук военно-государственной тайны, — Антарктида принадлежит всему человечеству, и нам не хотелось бы, чтобы обладателями ее стали те, кто после поражения бежал из Германии, не так давно развязавшей мировую войну. Вы понимаете, о чем идет речь?».

«Ваше объяснение принято», — как-то отстраненно, с нотками безразличия, произнес командир дисколета.

— Вам что-либо известно об этой подземной германской базе?» — на мгновение забывшись, адмирал задал свой вопрос вслух, однако ответ по-прежнему прозвучал в его голове.

«Нам известно только то, что она существует. И что рядом с ней создается целая страна».

«Вы могли бы поделиться с нами хоть какой-то конкретной информацией о ней, о вооружении германцев этой... Рейх-Атлантиды?»

«Нам запрещено вмешиваться в ход событий на вашей планете, — последовал резкий, категорический ответ. — Мы всего лишь наблюдатели. Вмешательство в дела землян возможно только тогда, когда возникнет угроза самому существованию вашей планеты. Мы не имеем права допустить этого».

«Но вы можете сообщить нам хотя бы о том, где именно находится эта база?»

«Она подчинена правителю Внутреннего Мира. Вы не собираетесь нападать на Внутренний Мир?».

«Только благодаря вашему свидетельству, я могу убедиться в том, что таковой мир действительно

существует».

«Вам ничего не известно о существовании Внутреннего Мира?! — Брэд мог поклясться, что удивление командира дисколета было искренним. — Который на протяжении тысячи земных лет существует рядом с вашим, наземным миром».

«Очевидно, потому что обитатели этого мира никак не проявляют себя и не участвуют в судьбе земной цивилизации. Кстати, корабли вашей цивилизации тоже, наверное, не впервые посещают нашу планету».

«Впервые это. произошло более трех тысяч земных лет тому назад».

«Почему же вы ни разу не провели переговоры с землянами, с кем-то из правителей землян?».

«С кем именно с Гитлером, Сталиным, Рузвельтом, Трумэном, Черчиллем?., Разве у вашей планеты есть одно правительство и один правитель?»

«Их нет», — вынужден был признать доктор Брэд.

«Значит, и вести переговоры пока что не с кем, — поучительно молвил командир дисколета. — Правитель любого из современных земных народов сразу же использует нашу технику и наши технологии для того чтобы захватить планету, истребив или поработив все остальные народы. Мы не можем этого позволить. Вернее, нам это не позволено».

«Кем не позволено? — с надеждой спросил доктор Брэд, чувствуя, как близко находится от разгадки тайны, над которой в течение столетий бьются лучшие умы человечества. — Кем именно? Кому вы подчинены?»

«Не позволено сводом наших законов — «Космическим кодексом», адмирал».

— Что это такое? Кем этот кодекс составлен? Кто следит за тем, чтобы положения его не нарушались? — зачастил командующий эскадрой, вновь упуская из виду то, что произносит эти свои вопросы вслух.

«Ой составлен и контролируется Высшими Космическими Силами».

«Нам, землянам, это ни о чем не говорит, — объяснил Брэд дисконавту — Вы не могли бы поподробнее рассказать?..»

«Не могу. Я сказал все, на что имел право».

«Точно так же вы не имеете права раскрывать тайну появления уже здесь, на Земле, цивилизации Внутреннего Мира?»

«Я не знал, что американцам ничего не известно о существовании такого мира, существовании Страны Атлантов. Даже трудно предположить, чтобы Появление такой страны оставалось незамеченным для Наземного Мира».

Командир дисколета немного помолчал, очевидно, пытаясь не только для адмирала, но и для самого себя истолковать странности параллельного сосуществования двух земных цивилизаций, а затем произнес:

«Но вы должны знать, что правитель Внутреннего Мира тоже давно запретил своим воинам вмешиваться в дела наземной, континентальной цивилизации. Так ему предписано «Космическим кодексом». Его народ выйдет на поверхность Земли только тогда, когда будет готов к исходу, но случится это нескоро. Его не прельщает земля на поверхности планеты, и беспокоит только безопасность его Внутреннего Мира».

«Однако теперь этот народ приютил у себя тысячи военных преступников, которые бежали из Германии, чтобы налаживать производство нового оружия там, в недоступных нам подземельях. Вот почему мы хотим знать, что происходит на германской базе».

«Вы окажетесь неготовыми к нападению германцев».

«Мы окажемся неготовыми только в том случае, когда они бросят на нас такие же дисколеты, как ваш. У

них есть такие машины?»

«Есть. Но не такие. Но даже им ваши корабли и самолеты противостоять не смогут. И уж тем более они не смогут противостоять воздушным эскадрам Страны Атлантов, которые выступят на защиту. Поэтому возвращайте свои суда в Америку, адмирал...»

Это было последним, что услышал командующий Полярной эскадрой, прежде чем огромный дисколет взмыл ввысь и, стремительно уменьшаясь в видимых размерах, ушел в сторону Антарктиды.

**Декабрь 1944 года. Антарктика.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Когда после исчезновения дисколета Брэд повернулся к стоявшим возле него офицерам, лицо его было смертельно бледным, а сам он, казалось, пребывал в предобморочном состоянии.

— Так что он сказал, этот пилот? — первым опомнился полковник разведки.

— Главное не то, что он сказал, — адмирал Брэд едва шевелил непослушными губами, — а что сделал. В конечном итоге он спас всех нас.

— Но они из глубин Антарктиды или... пришельцы? — спросил командир авианосца.

Адмирал молча прошел мимо офицеров к командному пункту и, добравшись до стоявшего в его глубине кресла, обессилено опустился в него.

— Скорее всего, пришельцы, — глухо произнес он. — Хотя теперь я в этом уже не уверен.

— Но вам хоть что-нибудь удалось узнать о «Базе-211»?

— Косвенно — да, — произнес адмирал, закрывая глаза и откидываясь на спинку кресла. Казалось, он вот-вот погрузится в летаргический сон.

— В таком случае переговоры можно считать успешными, — все еще не терял оптимизма полковник Ричмонд.

— База действительно существует, и гарнизон — ее тоже обладает летающими дисками, хотя, как намекнул командир этого дисколета, они еще не настолько

совершенны, как тот, который только что нанес нам визит.

— Уже кое-что, — подбодрил его полковник разведки, — если учесть, что нашей агентуры на «Базе-211» нет, и мы абсолютно никакими сведениями о ней не обладаем.

— А еще он предупредил, что германцы неминуемо нападут на нас и что противостоять им наша эскадра и наша авиация не смогут.

Командир авианосца и полковник разведки многозначительно переглянулись.

— То есть он потребовал, чтобы мы прекратили свой рейд и вернулись в Штаты? — попытался уточнить полковник Ричмонд.

— Он ничего не требовал.

— Однако настоятельно рекомендовал...

— Свой долг он видел в том, чтобы предупредить нас о надвигающейся опасности.

— Только поэтому и явился в распоряжение эскадры? — усомнился командир авианосца. — Стоило ли нашим космическим братьям так беспокоиться?

Адмирал извлек флягу и, основательно приложившись к ней, вновь откинулся на спинку кресла. Силы постепенно возвращались к нему, а вместе с ними возвращалась и уверенность.

— Главное, что его интересовало: есть ли на борту авианосца или любого другого судна ядерное оружие.

— Пилот так прямо и заявил об этом? — ухватился за его слова полковник разведки.

— Во всяком случае, — пожал плечами адмирал, — это единственное, что его по-настоящему интересовало.

— Отсюда следует вывод, — полковник возбужденно прошелся перед адмиралом и кэптенем, — что на борту дисколетов нет приборов, которые способны обнаруживать ядерные боеголовки.

Остановившись, он осмотрел адмирала, его безмолвного адъютанта и кэптана с таким высокомерием, словно сам и добыл эти сведения.

— Но вы сумели убедить его в этом, сэр? — поинтересовался Вордан.

— Для этого мне даже не пришлось клясться на Библии. К слову, получив мои заверения в том, что на борту авианосца ядерного оружия нет, командир дисколета, похоже, потерял к нам всякий интерес.

— Неужели их беспокоило только это?

— Ядерный взрыв над Антарктидой, с таянием километровой толщи льда на огромной территории, — как бы про себя прогнозировал ситуацию лейтенант-командер Шербрук, — с повышением уровня мирового океана и вероятным смещением сразу двух полюсов — географического и магнитного. Со всеми возможными последствиями.

— Слишком мрачно, мистер Шербрук, — заметил кэптен.

— Взорвать здесь хиросимскую бомбу — значит, поставить человечество на грань всемирного потопа, — не отреагировал на его слова адъютант командующего. — По-моему, джентльмены, более веской причины для беспокойства выискать трудно.

Лишь произнеся этот свой монолог, Шербрук заметил, что все присутствующие, включая и вахтенного офицера, удивленно смотрят на него.

— Им в самом деле хорошо известно, что произошло в Хиросиме и Нагасаки, — поддержал его командующий эскадрой. — Возможно, после этой ядерной атаки Высший Космический Разум перестал понимать наши стратегические цивилизационные намерения. Или же, наоборот, очень четко представил себе, с кем имеет теперь дело. Выводы его, судя по всему, не в пользу нашего дальнейшего существования.

Не поднимаясь с кресла, доктор Брэд по очереди взглянул на каждого из офицеров, ожидая их реакции, однако никто из них не стал ни поддерживать, ни оспаривать его версию.

— А если бы командир дисколета не поверил вам, сэр? — вдруг спросил доселе молчавший вахтенный офицер и тотчас же извинился, справедливо решив, что непростительно нарушает субординацию. Адмирал узнал его: это был тот же лейтенант-коммандер Остин, который нес вахту и в день выхода авианосца из Порт-Стенли — приземистый крепыш со смугловатым, худощаво-суровым лицом вождя индейского племени.

— В своих расчетах, — объяснил он, — мы всегда должны принимать во внимание, что, защищенный от наших снарядов, этот чертов дисколет за каких-нибудь пять минут способен уничтожить всю нашу эскадру.

— Поневоле задумаешься, чего стоит вся эта Непобедимая Американская Армада, и вообще, вся наша армейская мощь — перед лицом космических пришельцев, — прокомментировал его предостережение Остин.

— Но-но, — полушутя осадил его кэптен, — так скептически оценивать мощь самой сильной армии мира, да еще в присутствии полковника разведки!..

— ...который подумал о том же, и почти теми же словами, проворчал Ричмонд.

— И что теперь? — спросил кэптен.

— Теперь я, пожалуй, пойду и прилягу, никогда не чувствовал себя настолько уставшим и опустошенным.

— После того, как вы отдохнете, сэр, очевидно, следует собрать здесь, на борту «Флориды», командиров всех судов, командиров обоих авиационных отрядов и командира роты морской пехоты, — молвил полковник разведки.

— Лучше позаботьтесь» полковник, чтобы ни один журналист не сообщил в свою редакцию о

необъявленном визите дисколета.

— Слушаюсь, сэр.

— Сделайте это во имя спокойствия землян.

Полковник тотчас же связался с лейтенант-командером Отто Шведтом, отвечающим за связи с прессой, и отдал необходимые распоряжения, суть которых сводилась к тому, что ни одно сообщение о визите дисколета уйти на Большую Землю с борта авианосца не должно. До особого разрешения. Переговоры с командиром дисколета объявлены государственной тайной, и запрет на публикацию о них будет действовать до возвращения эскадры в США.

— Однако я Все же вынужден буду информировать о ваших, господин контр-адмирал, переговорах с командиром дисколета генерала Доновэна, — зарезервировал за собой «право первой информации» сам полковник. — В перечне моих обязанностей информирование о любых контактах с неизвестной нам цивилизацией стоит на первом месте.

— И что вы ему сообщите? Что над эскадрой появился летающий диск?

— Вам подобное сообщение кажется несущественным, сэр?

— Сотрудники особого, «космического», отдела разведки чуть ли не каждый день получают подобные сообщения со всех концов американского материка и Европы. Их этим не удивишь.

Полковник непонимающе взглянул на адмирала, затем на кэптена, и вновь на адмирала.

— Простите, сэр, но полагаю, что мы стали свидетелями исключительного случая: командир дисколета инопланетян вступил в прямые переговоры с командующим американской Полярной эскадрой, то есть с официальным лицом, представляющим интересы США в этой части земного шара. Не исключено, что

подобное происходит впервые в истории человеческой цивилизации.

— Не исключено, — согласился адмирал. А затем, немного поразмыслив, добавил: — Впрочем, если такая информация вашего шефа устроит — отправляйте.

— Понятно, что после моего сообщения об этих переговорах генерал Доновэн и командование Военно-морским флотом потребуют самого подробного изложения сути этих переговоров, которые, конечно же, будут получены от вас, сэр.

— Будут. Но только после того, как я лично встречусь с генералом Доновэном.

— О чем я тоже уведомяю генерала, и будем считать это решение компромиссным.

— Хотя бы в этом мы должны проявлять благоразумие, — согласился с ним Брэд. — Полковник нравился командующему эскадрой уже хотя бы тем, что, несмотря на свой чин и причастность к секретным службам, никогда не прибегал к нервной подозрительности и не пытался самоутвердиться в статусе офицера на особом положении, — а с такими случаями Брэду уже приходилось сталкиваться во время войны. — Замечу, что после переговоров с командиром дисколета мы можем быть уверены, что на стороне антарктических германцев инопланетяне выступать не будут.

— Что немаловажно.

— А теперь извините, джентльмены, мне пора отдохнуть. Боевой тревоге — отбой. Ведите эскадру дальше, кэптен Вордан. Курс прежний: Антарктида, мыс Норвегия, берег Принцессы Марты.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Полярная эскадра адмирала Брэда.
Борт разведывательного самолета.**

Облетев на низкой высоте базовый лагерь, Брэд остался доволен им. «Адмирал-Форт» располагался в более или менее защищенной от полярных ветров горной чаше, представлявшей собой некий климатический оазис, температура в котором, как сообщили командующему, постоянно была на два-три градуса выше, чем за пределами обрамлявшей этот огромный кратер скалистой короны.

Вспомогательный «отряд эскимосов», в составе девяти этнических эскимосов и двенадцати морских пехотинцев, чьи детство и юность проходили в северных районах Аляски, дело свое знал. Он составил строительный костяк гарнизона форта, а также его самое стойкое к холодам и приспособленное к обитанию в ледяной пустыне подразделение.

Внутренняя часть базы, состоящая из расставленных по небольшому кругу вокруг скалы двух больших металлических контейнеров, трех деревянных домиков, складского помещения, нескольких тягачей с прицепами и шатроподобных эскимосских иглу — напоминала то ли цыганский табор, то ли лагерь какой-то разбитой, а посему сильно поредевшей, повстанческой армии. Тем не менее у солдат она создавала ощущение некоей оборонной замкнутости, а значит, и защищенности.

К тому же двухметровой высоты обводная стена, сооруженная из ледяных блоков — с бойницами у ворот и несколькими пулеметными гнездами в виде башенок,

превращала этот антарктический форт в настоящую крепость.

— Осталось вооружить наш «Адмирал-Форт» двумя башенными зенитными орудиями, которые можно снять с судов, да несколькими пулеметами, и форт готов к отражению любого десанта, — прокричал на ухо адмиралу командир батальона морских пехотинцев и вспомогательного подразделения майор Растон.

Он явно был удовлетворен строительными талантами своего гарнизона, насчитывавшего теперь около двухсот человек, и относился к созданному под его командованием форту с той же гордостью, с какой первопоселенцы Дикого Запада относились к заложенным ими городкам золотоискателей. Во всяком случае» теперь этот лагерь он уже воспринимал как неотъемлемый факт своей офицерской биографии.

— Выглядит внушительно, — сдержанно признал командующий эскадрой.

— К тому же оборона будет усилена двумя небольшими пушченками и пулеметами, оснащенными, бронетягачами, выступающими здесь и в роли танков, и в роли десантных машин морской пехоты. Как видите, они и сейчас расположены у ворот, представляя собой передвижные огневые точки.

— Логично, — проворчал Брэд, и майор так и не смог определить для себя: нравится ему лагерь или нет. В оценках своей или чьей-либо работы он предпочитал полную ясность.

— И посадочная полоса расположена так, что, входя сюда через пролом в кратере, самолет останавливается как раз у ворот.

— Вижу, майор, вижу Лагерь заложен продуманно. Признаюсь, мне еще никогда не приходилось закладывать где-либо столь большие и основательные лагеря. — Брэду хотелось добавить, что он предпочитал бы видеть в Антарктиде лагеря, вооруженные не

зенитками и пулеметами, а научной аппаратурой, однако понимал, что с майором-фортификатором подобные разговоры не имеют смысла.

— Кстати, в случае опасности самолет можно заводить вон в тот, «привратный», ледовый ангар, где он может быть поражен только прямым попаданием снаряда или бомбы.

— Оказывается, у вас, Растон, особый талант — фортификатора.

— Скорее, фортостроителя.

— Кто бы мог предположить?! Почему до сих пор скрывали?

И майор вновь уловил в интонациях командующего эскадрой какое-то слегка замаскированное безразличие ко всему, что здесь происходит. О его, Растона, таланте фортификатора адмирал тоже заговорил как-то по инерции, лишь бы поддержать разговор. А ведь там, в бухте неподалеку от Нового Орлеана, где они впервые встретились, адмирал держался совершенно по-иному. Он рвался в этот антарктический рейд, отстаивал его, верил в его целесообразность, он буквально предвкушал величие и успех этой экспедиции, заражая всех вокруг своим азартом путешественника. В звезду и удачу такого командира хотелось верить, за ним хотелось идти даже в этот ледовый ад.

Порой Растону казалось, что если бы командование ВМС вдруг отменило подготовку Полярной эскадры, адмирал нанял бы какое-то частное судно, вооружил его, набрал команду из морских волков и таких же полярных бродяг, как сам, и отправился к берегам Новой Швабии на свой страх и риск. Это выглядело бы настолько благородно, что Растон готов был сделать все возможное, чтобы оказаться в числе его единомышленников. Даже если бы это стоило ему карьеры офицера морской пехоты, в которой он оказался исключительно по настоянию своего отца,

старого морского пехотинца, случайно погибшего в чине капитана во время учений где-то у берегов Пуэрто-Рико.

Да, в дни, когда решалась судьба операции «Высокий прыжок», он, Растон, был настроен именно так.

Однако теперь перед майором представал совершенно иной человек. С Брэдом явно что-то произошло. Что-то во взглядах, в намерениях, в душе, в самой психике адмирала надломилось. Растон заметил это еще в тот день, когда они вошли в бухту-оазис, то есть вплотную подошли к континентальному берегу Антарктиды. Не было на лице полярника того озарения, которое неминуемо должно было появиться при осознании того, что судьба вновь вернула его к таинственным берегам мечты. Не чувствовалось азарта первооткрывателя, не улавливалось отрешенности странствующего фаталиста.

Вот только появились все эти симптомы усталости и разочарования не во время прибытия в бухту-оазис, а значительно раньше, после того, как эскадре нанес визит инопланетный дисколет. Да, именно тогда, майор был уверен в этом.

Иное дело, что морскому биологу по несостоявшейся профессии Растону трудно было объяснить, почему мирный, хотя и необъявленный, визит командира дисколета так повлиял на умонастроения командира Полярной эскадры. То ли он почувствовал всю военную никчемность своей «Непобедимой Армады», то ли был поражен благородством экипажа дисколета, который, несмотря на неистовство артиллеристов двух судов, не причинил эскадре и ее команде никакого вреда, то ли наконец осознал ошибочность и несправедливость этого военного рейда на заповедный материк.

— Наверное, это покажется наивным, но увлечение фортами — это еще из подростковых фантазий, сэр, —

все же объяснил Растон явно поугасшему в своем антарктическом рвении адмиралу-полярнику.

— Из «подростковых», говорите? — задумчиво удивился адмирал.

— От которых в большинстве своем взрослые люди благоразумно отрекаются.

— Не все майор, не все, — возразил адмирал, доставая из внутреннего кармана обтянутую кожей коньячную флягу. — И не всегда благоразумно.

— Вы так считаете, сэр? — слегка смутился майор. На него, выпускника университета, всегда большее впечатление производил не адмиральский мундир Брэда, а его научная слава и докторская степень.

— И как же это выглядело в ваших фантазиях, тогда, в подростковости? — неожиданно продолжил разговор сам доктор Брэд.

— Как и у многих других людей в этом сумбурном возрасте. Множество раз представлял себя во главе какого-то небольшого отряда, оказавшегося в лесу в прериях, на каком-то пиратском острове, в сельве Амазонии или в каменистой пустыне, где сразу же принимался за сооружение некоего форта, который должен был защищать нас от индейцев, грабителей и диких зверей.

— Но вы ничего не сказали об Арктике, о ледовых видениях Антарктиды, Растон.

— По правде говоря, арктических видений не припоминаю. Очевидно, до ледовых кратеров Антарктиды фантазии мои никогда не восходили. Возможно, потому, что никогда не воспринимал ледяные глыбы в виде строительного материала. Но это уже вопрос вариантности.

— Антарктические фантазии посещают только самых изощренных мечтателей-мазохистов, — грустновато улыбнулся Брэд, вспоминая свои собственные фантазии детства, в которых он то и дело

видел себя в лютую пургу где-то посреди оторвавшейся льдины или в заснеженных горах. Это ж с какой безжалостностью нужно было относиться к себе, чтобы напророчить будущее в таких жутких видениях?! — Только самых изощренных — вот в чем дело, Растон. «Полярная болезнь» — это как колдовская метка на плече. Проступает даже тогда, когда ее пытаются выжигать каленым железом.

Они помолчали, но каждый о своем. Растон считал, что адмирал слишком невовремя увел его в сторону от темы «фортостроительства».

— Я считаю, что нам, в Америке, следует вернуться к идее создания фортов как к военной доктрине. Каждая часть должна иметь свой форт, и в первую очередь те части, которые находятся на чужих территориях. Ими же должна быть укреплена вся граница с Мексикой. К идее фортов как основе освоения и охраны новых территорий можно было бы обратиться и Монголии, а также многим другим азиатским и африканским странам.

— Да у вас, Растон, целая теория!

— Хочу признаться вам, сэр, как ученому: буквально вчера у меня возникла идея написать исследование по истории военных фортов Северной Америки, собрав при этом все рисунки, описания, в том числе и литературные, а также фотографии, которые сохранились со времен освоения Штатов и Канады. Полагаю, это будет захватывающее чтение для военных историков и романтиков.

— Даже затрудняюсь сказать, пытался ли кто-либо из ваших предшественников-«фортистов» прибегать к подобным исследованиям.

— Полагаю, что такого обстоятельного исследования не существует. Вряд ли кому-либо приходила в голову такая мысль.

— Лучше всего это проверить по работам, имеющимся в военно-историческом отделе библиотеки конгресса, — вмешался в их разговор лейтенант-коммандер Шербрук.

— Что я и сделаю, как только вернемся в Штаты, — заверил его майор. — Спасибо за совет.

— А я полагаю, что вы станете уговаривать, чтобы я оставил вас здесь, с небольшим отрядом, на полярную зимовку. Разве не так? — едва заметно ухмыльнулся Брэд, понимая, что вопрос явно застанет Растона врасплох. Но именно на это, на змеиную «подколодность», он, в конечном итоге, и был рассчитан. Адмиралу почему-то вдруг захотелось проверить его на «антарктическую прочность», а следовательно, сбить с него спесь.

Майор действительно отшатнулся от командующего и Удивленно уставился на него. Похоже, Растону даже не верилось, что адмирал Брэд всерьез мог предположить такое — будто он станет напрашиваться на зимовку!

— Видите ли, сэр, если бы был приказ о походе на Южный полюс, я бы, возможно...

— Лавры Амундсена и Скотта покоя не дают? — еще ироничнее ухмыльнулся доктор Брэд.

— Они не дают покоя не только мне, сэр, — довольно прозрачно намекнул Растон. — Так что я в своих амбициях и в самолюбии своем — не одинок.

— Похода на полюс не будет, майор, — простил ему этот выпад доктор Брэд. Он предпочитал уязвлять, а не огрызаться. — К счастью, на полюса по армейским приказам еще не направляют, согласитесь, что это выглядело бы слишком пошло. А еще это было бы оскорбительно для тех, кто шел к ним как к величайшим вершинам человеческого познания, и чьими останками устланы тысячи километров ледовых

пустынь. В том числе и останками группы капитана Скотта.

— Но речь шла о том, согласен ли я остаться в Антарктиде на зимовку, в должности коменданта этого временного лагеря, сэр, — холодно напомнил ему командир батальона морских пехотинцев и вспомогательного подразделения. — Откровенно скажу: меня это не привлекает. И потом, я — морской пехотинец, а не полярный зимовщик, это разные профессии и разные призвания.

— Это вы верно заметили, — хрипловато проворчал адмирал, — разные профессии и разные признания.

— Конечно, если последует приказ моего непосредственного, — акцентировал Растон внимание на словах «моего непосредственного» — командования, я вынужден буду подчиниться.

— Не волнуйтесь, Растон, его не последует, и теперь вы уже знаете, почему не последует, — еще более хрипло пробубнил адмирал.

— Благодарю вас, сэр, — сразу же решил исчерпать конфликт майор, прекрасно осведомленный о том, каким авторитетом и влиянием пользуется в армейских кругах адмирал и доктор Брэд.

Декабрь 1946 года. Антарктида.
Базовый континентальный лагерь «Адмирал-Форт».

В очередной раз облетев лагерь, военно-разведывательный гидросамолет приземлился на хорошо расчищенную полосу и замер у ледовых ворот форта.

— Наш самолет совершил посадку в столичном аэропорту Антарктиды, джентльмены! — вышел из кабины командир самолета капитан Элфин. — Если, позвольте, сэр, — обратился он к адмиралу, открывая дверцу, — я первым ступлю на благословенную землю «Адмирал-Форта», официальной столицы Ледового Континента. У нас, в военной авиаразведке, так принято.

Вслед за капитаном вышли двое рослых морских пехотинцев из личной охраны адмирала и его адъютант, а затем уже по трапу спустились сам контр-адмирал и майор Растон.

Светило яркое солнце антарктического лета. Оголенная вершина невысокой конусообразной горы, расположенной в центре форта, отражала его лучи мириадами миниатюрных слюдяных зеркал и напоминала огромный ритуальный факел, водруженный кем-то над ледяным жертвенником. Эта вершина возвышалась над большей частью эллипсовидного окаймления чаши, поэтому на ней уже был сооружен каменный блиндаж, из которого часовой мог осматривать в бинокль все подходы к базе.

В горной чаше действительно было не по-антарктически тепло, и если бы не пролом в южной

части гряды, со стороны полюса, через который прорывался поток полярного холода, эту местность вполне можно было считать антарктическими тропиками.

— Еще раз убеждаюсь, какое прекрасное место вы избрали для закладки базы, майор Растон.

— Если честно, то первым на него указал второй лейтенант Максвилл, исполняющий сейчас обязанности заместителя коменданта.

— Следует полагать, что в этом деле он кое-что смыслит. Надо бы учесть.

Сам второй лейтенант морской пехоты Максвилл, в сопровождении уоррент-офицера и сержант-майора, ^[30] уже ждал адмирала у ворот, чтобы тотчас же доложить, что создание базы завершается и что никаких происшествий за последние трое суток, которые комендант базы отсутствовал, в «Адмирал-Форте» не произошло.

Исключительно из уважения к труду двух сотен людей, которых он обрек на обитание в этом ледовом котле, адмирал обошел большую часть крепостной стены, осматривая недостроенные лестницы, ведущие к зубчатым вершинам, гроты-укрытия и пулеметные гнезда в виде башенных площадок. Все это было сработано добротнo и даже с некоторыми архитектурными изысками, так что чувствовалось, что человек, проектировавший этот форт, относился к своим сооружениям как градостроитель, заботящийся о том, чтобы его строения дошли до потомков в виде архитектурных шедевров.

— Основательно, основательно... — время от времени повторял он, считая, что это и есть высшая степень похвалы.

— Творение майора Растона, сэр, — объяснил второй лейтенант, когда, завершив осмотр, адмирал

направился к домику, в котором располагалась радиостанция. — По его чертежам. Классика фортификационной мысли, сотворенная из льда. Если бы еще установить доты-бронеколпаки с зенитными орудиями вот на этой, которую мы называем «Адмиральской», скале и на скалах у пролома, можно было бы считать наш форт неприступным.

— Даже для пингвинов, — мрачно пошутил капитан ВВС Элфин.

Однако шутку его никто не воспринял и не оценил. Все, кто находился сейчас в лагере, помнили о визите дисколета и о том, что где-то рядом, в антарктических подземельях, находится германская военная «База-211». Поэтому к обороноспособности форта относились так, словно сооружали его в двух километрах от передовой.

— Вряд ли нам придется прибегать к чрезмерной милитаризации лагеря, — молвил адмирал, как бы поддерживая скепсис Элфина.

— Почему? — несказанно удивился второй лейтенант.

— Все должны знать, что мы пришли сюда не для захвата ледового континента, а для освоения его в интересах всего человечества.

— Так точно, сэр, — с солдатской готовностью откликнулся второй лейтенант, но тотчас же пустился в недопустимые для его чина рассуждения: — В то же время, сэр, международного договора, который бы запрещал создание в Антарктиде военных баз, наш президент не подписывал. Реальный противник у нас есть, место выбрано очень удачно, и с военной точки зрения, и исходя из задач исследовательской группы.

— Исследовательской, считаете, тоже? — механически, без всякого любопытства, спросил командующий.

— Естественно! — ухватился за возможность выплеснуть свои восторги второй лейтенант Растон. — Неподалеку, в горах, расположен странный климатический оазис, с оголенными скалами и почти незамерзающим озером. Рядом с ним находится какое-то странное, окаймленное каньонами плато, над которым срываются с цепи все компасы, а пилоты впадают во временное беспамятство и теряют ориентацию. Найдутся и другие места. А главное, где-то здесь должен обнаружиться вход в подземелья «Базы-211».

— У вас на этот счет уже есть какие-то соображения? — оживился адмирал.

— На южных отрогах плато просматриваются какие-то ледяные пещеры.

— Вы запомнили это место? — мгновенно отреагировал адмирал-полярник. — Можете указать его на карте.

— Оно отмечено на моей карте с помощью пилотов.

— Благоразумно.

— Не исключено, что одна из этих пещер может служить входом во Внутренний Мир, о котором сейчас так много говорят в эскадре. Первое, что мы сделаем, как только покончим со строительством, так это, направим к плато разведывательный отряд. Если разбить там временный лагерь, соорудив в виде жилищ эскимосские иглу то можно будет успешно обследовать все окрестности, на несколько миль от лагеря.

— Принесите эту карту, я хочу видеть ее и нанести ваше плато на свою карту.

Пока Максвилл бегал за картой, Брэд рассматривал в бинокль вершины окрестных гор. Адмирал пока что не знал, как выглядит плато, на котором второй лейтенант обнаружил некие пещеры, но горная чаша, посреди которой он сейчас находился, вполне могла быть замеченной германскими пилотами, поднимавшими

свои машины с борта «Швабенланда». Не так уж много найдется на этом ледовом континенте подобных мест, чтобы это осталось незамеченным. Вот только найти подтверждение чьего бы то ни было присутствия здесь ему не удавалось. Пока что... не удавалось.

Адмирал посещал базу лишь во второй раз. Впервые он прилетал сюда, за сто километров от побережья Новой Швабии, через двое суток после того, как Растон во главе поисковой группы наткнулся на этот «кратер» и заложил здесь походный лагерь. Тогда же из бухты-оазиса, в которой стояли суда эскадры, потянулся в эти места санный поезд тягачей с конструкциями для сборки жилых контейнеров-бараков и утепленных полярных домиков. А затем поднялось в воздух звено военно-транспортных самолетов...

Получив от Максвилла карту, адмирал не стал изучать ее возле иглу, а, засунув за борт куртки, направился к штабу.

— То есть базу вы находите вполне перспективной, второй лейтенант? — просил он уже у самого входа в домик, где рядом с рубкой радиста находилась теперь и комнатка командующего, которая со временем должна будет стать кабинетом коменданта Адмирал-Форта.

— Так точно, сэр, весьма перспективной. Здесь бы еще сделать кают-компанию да перебросить пару юкатанских собачьих упряжек.

Второму лейтенанту было лет двадцать шесть-двадцать семь. Черты лица Максвилла свидетельствовали о том, что в венах его текла кровь эскимосов или еще какой-то северной народности, а рано огрубевшая смуглая кожа могла огрубеть так только на лютых юкатанских морозах и ветрах эндикоттских предгорий. Но главное, что он заметил в этом парне, — почти не сходявшая с лица улыбка и романтический восторг в голубых глазах.

— Жалко будет, — сказал, он, — если месяца через полтора придется сворачивать ее или просто оставлять и уходить?

— Такую станцию?! Так хорошо обустроенную, укрепленную и оборудованную?! Что вы, сэр?! — обеспокоено возразил второй лейтенант морской пехоты. — Уверен, что правительство позволит остаться здесь группе исследователей и отряду охраны.

— А родом вы, лейтенант, откуда? — Брэд всегда придавал значение тому, откуда человек родом, особенно если речь шла о людях, оказывающихся рядом с ним в Арктике или Антарктиде. Это был один из способов подстраховки при определении «случайно прибывшихся».

— Родом я из Форт-Юкона, штат Аляска, что в среднем течении реки Юкон. Это при впадении в Юкон реки Поркьюпайн.

— Довольно диковая местность. Мне несколько раз приходилось пролетать над ней, добираясь до городка Барроу, что на берегу Северного Ледовитого океана.

— На мысе Барроу, самой северной точке континентальной части Штатов. Я гостил там у своего дяди, начальника местной полиции.

— А сами вы, конечно же, потомок золотоискателей?

— Мой предок был первым шерифом Форт-Юкона и прилегающей местности. Но вы правы: прибыл он туда со второй партией золотоискателей, пришедших берегом Юкона с канадского Клондайка.

Адмирал заглянул в радиорубку и, поинтересовавшись у дежурного радиста, нет ли каких-либо тревожных сообщений с флагманского судна, вошел в свой кабинет. Обставлен он, конечно, был более чем по-спартански: небольшой походный столик с двумя полевыми телефонами, легкое плетеное кресло, узкая, устланная двумя медвежьими шкурами лежанка

да приземистая солдатская тумбочка, которая, очевидно, должна была служить командующему эскадрой, а затем и коменданту форта еще и «сейфом». Рядом с кабинетом находилась еще меньшая комнатка, в которой должен был располагаться адъютант командующего.

— Вы, майор, — отдал свое первое распоряжение адмирал Брэд, — прикажите устроить на отдых прилетевших со мной морских пехотинцев и летчиков, а вы, первый лейтенант Максвилл, останьтесь, нам еще нужно кое-что обсудить.

Когда все ушли, адмирал уселся в кресло и, указав Максвиллу на лежанку, больше усадить его было негде, с минуту молча рассматривал извлеченную из своего планшета карту Антарктиды, положив ее рядом с картой второго лейтенанта. Нанеся на карту изученное Максвиллом плато, он сразу же потерял интерес к лейтенантской карте и вновь углубился в созерцание своей собственной.

Второй лейтенант не мог знать, что это не обычная армейская карта, а копия той, которую американской разведке удалось заполучить во время захвата одного из германских морских штабов, обнаружив ее в портфеле одного из штабистов. Ценность ее заключалась в том, что на ней были нанесены все те места, которые были сфотографированы и изучены во время антарктической экспедиции германцев на «Швабенланде» в 1937 году. Кроме того, уже сам адмирал нанес на нее полярные маршруты капитана Скотта и Амундсена, а также объекты, которые были известны американским и норвежским исследователям.

Единственное, чего он до сих пор не мог нанести на свою секретную адмиральскую карту, так это месторасположения «Базы-211» и каких-либо географических указаний на существование Внутреннего Мира и таинственной Страны Атлантов.

— Позвольте спросить, сэр, как долго нам придется пробыть в «Адмирал-Форте»?

— Вы очень своевременно задали этот вопрос, лейтенант. Но и я тоже позволю себе задать вам несколько вопросов. Первый: понимаете ли вы, что создание здесь базы «Адмирал-Форт» — это уже событие, которое навеки войдет в историю изучения и освоения Антарктиды?

— Вполне можно предположить, сэр, — ответил второй лейтенант после некоторого колебания, во время которого он пытался понять, в чем заключается подноготная этого вопроса.

— И понимаете ли вы, что создавать здесь такую базу на каких-нибудь полтора месяца — непозволительная расточительность.

— Что совершенно очевидно, сэр.

— А допускаете ли вы мысль о том, что офицер, который согласится провести здесь будущую зимовку во главе с небольшой группой добровольцев, более-менее адаптированных к полярным условиям, войдет в историю и США, и Антарктиды, если уж не наравне с Амундсеном и Скоттом, то, по крайней мере, в их ряду?

— Что тоже вполне можно предположить.

— В таком случае лейтенант, не заставляйте меня задавать вам еще один наводящий вопрос.

— Задавать его не стоит, сэр, Я согласен возглавить эту группу зимовщиков, которую можно будет сформировать из бывших обитателей штата Аляска, включив в нее радиста и одного-двух ученых. Желательно, тоже из северян.

— Если быть откровенным, то раньше вас такое желание изъявил майор Растон, — глазом не моргнув, соврал командующий эскадрой. — И вам известно, что у него тоже есть определенная закалка.

— Так точно, сэр. Майор — опытный и храбрый офицер.

— Однако я ничего не обещал ему, имея в виду, что мне еще предстоит встреча с вами, лейтенант. И теперь я считаю, что поступил правильно. Кому, как не вам, молодому, прошедшему испытание морской пехотой, офицеру-северянину, стать во главе американской группы, зимовка которой станет началом нового, послевоенного освоения Ледового Континента?

— Благодарю за доверие, сэр! — подхватился второй лейтенант. — К формированию группы приступлю уже сегодня. Мы всегда будем помнить, именем кого из американских адмиралов назван этот антарктический форт, и зимовку выдержим достойно.

— Тем более что сам лагерь, самую основу «Адмирал-Форта», морские пехотинцы создавали под вашим командованием. И со своей стороны я сделаю все возможное, чтобы с первых дней зимовки ваше имя стало популярнейшим из имен молодого поколения американцев. Состав будущего гарнизона базы и детали подготовки его к антарктической зиме мы обсудим чуть позже. Свободны, второй лейтенант.

Декабрь 1946 года. Антарктида.
Базовый континентальный лагерь «Адмирал-Форт».

Часы показывали около десяти утра, когда адъютант наконец решился разбудить адмирала.

Он знал, что в неугасающем полярном дне командующий то ли плохо ориентируется во времени, то ли его попросту подводят биологические часы, поскольку обычно он просыпался ровно в шесть и в семь уже занимался делами. И не стал бы его будить, если бы не сообщение радиста о том, что через пятнадцать минут военно-разведывательный самолет «Кобра» взлетает с палубы авианосца и направляется к «Адмирал-Форту».

— На борту армейский разведчик-фотограф, специалист по геологии и гляциологии, а также три морских пехотинца под командованием младшего капрала Лорента из вашей личной охраны, сэр, — доложил Шербрук, едва адмирал открыл глаза. — Теплая вода для бритья и умывания готова, бутерброды и горячий шоколад будут поданы через десять минут.

— Вы идеальный адъютант, Шербрук, а я — закоренелый лентяй и бездельник, — проворчал адмирал, поёживаясь и морщась. Несмотря на теплое белье, выглядывающие из-под медвежьей шкуры и спального мешка плечи его ощущали ледяную сырость Антарктики, напоминая старому полярному скитальцу не только о годах его, но и о ревматических простудах молодости.

— Выбираться из теплой постели всегда трудновато, — пощадил его лейтенант-коммандер, —

тем более — посреди этой замороженной пустыни.

— Лучше скажите, Шербрук, что я чертовски постарел. Не находите?

И тогда адъютант сказал ему слова, которые затем надолго запомнились Брэду:

— Адмиралы не стареют, мой адмирал, — вытянулся он по стойке «смирно», — адмиралы становятся ветеранами Военно-морского флота. А это не одно и то же.

— Действительно, не одно... и то же, — признал доктор Брэд, — А ведь то, что вы только что изрекли, Шербрук, — не просто фраза, это уже философский канон.

— Не буду стеснять вас своим присутствием, мой адмирал. Наберитесь мужества вспомнить, что вы полярник, ибо самолет вот-вот взлетит.

«Адмиралы не стареют, — мысленно повторил Брэд, мужественно извлекая самого себя из-под медвежьих шкур, — адмиралы становятся ветеранами Военно-морского флота». Хоть какое-то да утешение. Особенно если учесть, что этот адмирал — еще и полярник. Так что набирайтесь мужества, мой адмирал!».

Брэд был убежден: о чем бы Шербрук ни говорил, он, как правило, говорит искренне. Даже когда откровенно лжет или несет околесицу. А еще он всячески старается ограждать своего шефа не только от всех, кто способен ранить его, но и шефа — от самого шефа. Впрочем, это, наверное, свойственно всем адъютантам, если только они по настоящему ценят своих командиров и свою службу.

— Передайте второму лейтенанту Максвиллу, — крикнул адмирал вдогонку Шербруку — чтобы он готов был лететь вместе со мной!

— Он давно готов, мой адмирал! — последовал ответ из-за двери. Адъютант никогда не забывал о привычке командующего самые важные поручения

давать ему уже тогда, когда он за дверью, а потому никогда не спешил удаляться от его кабинета. — И очень волнуется, как бы вы не забыли его на базе!

Наскоро позавтракав бутербродами и чашкой горячего шоколада, Брэд облачился в меховую полярную куртку — лучшее изобретение из всего, что когда-либо появлялось в запасах флотской службы обмундирования, и вышел на крыльцо домика.

День выдался чудным даже по меркам европейской зимы, если, конечно, забыть, что в Антарктиде сейчас разгар лета. Светило яркое солнце, искрился постепенно увлажняющийся снег, отливали поднебесной синевой застывшие между скалами ледовые ручьи. На какие еще изыски природы может рассчитывать человек, обрекший себя на созерцание этого ледового безмолвия.

Впрочем, безмолвия уже не существовало, его нарушал мерный гул мотора, приближающийся к северной части чаши. Однако самого самолета видно пока еще не было. Зато хорошо видно было, как солдаты вспомогательного, «эскимосского», как его еще называли, подразделения завершали сооружение очередного иглу — снежного ледового дома, внешне напоминающего небольшую юрту.

Подойдя поближе, Брэд с интересом понаблюдал, как «эскимосы» приступают к сооружению куполообразной крыши — самой сложной части этого строения. По опыту адмирал знал, что иглу — идеальное жилье для охотника-полярника и всякого путника, которого судьба забросила в гибельную арктическую пустыню. Даже в сильные морозы в таком жилье можно спать без верхней одежды, стоило его слегка обжить, как оно сразу же становилось теплым и достаточно комфортным. По арктическим понятиям, естественно.

— Кто-то из вас действительно решится проводить последующие ночи в этом иглу джентльмены? — подошел адмирал к строителям-эскимосам.

— Здесь будем обитать я и двое моих солдат, — отчеканил командовавший этой стройкой капрал. — Это южан наше иглу приводит в дрожь, а мой отец предпочитал проводить ночи в иглу даже тогда, когда у нас появился свой дом неподалеку от Мозес-Пойнта.

— Мозес-Пойнта? Это, очевидно, где-то на Аляске?

— Так точно, сэр, штат Аляска, юго-восточная часть полуострова Сьюард, на берегу бухты Нортон.

— И принадлежите вы, как я понимаю, к гордому племени эскимосов?

— Если быть точным, то я креол — отец эскимос, а мать норвежка, но с годами все выразительнее слышится во мне все же зов эскимосской крови. Кстати, сами мы, эскимосы, предпочитаем называть себя «инуитами».

— Помню. На каком-то из канадско-индейских языков, если не ошибаюсь, «эскимос» означает «сыроед», то есть человек, поедающий сырую рыбу, так что это скорее прозвище, нежели самоназвание.

— Однако официально мы с ним уже давно смирились, сэр, — избавил его от неловких объяснений капрал.

Он хотел сказать еще что-то, но в это время прямо над их головами пронесся, выпуская лыжное шасси, выкрашенный в белоснежный цвет самолет-разведчик. Прервав работу, солдаты, вместе с адмиралом, понаблюдали, как, развернув машину где-то за пределами кратера, пилот мастерски провел ее через перевал-пролом, настолько узкий, что, казалось, она лишь чудом не врезалась крыльями в его скалистый створ.

— Сэр, второй пилот Максвилл к полету готов, — непонятно откуда возник перед адмиралом заместитель

коменданта базы. — По вашему приказанию, сэр, — тотчас же напомнил он на всякий случай, подтверждая слова адъютанта о том, что побаивается, как бы командующий эскадрой не забыл его на взлетной полосе.

— Нет пределов совершенства вашей образцовой дисциплинированности, — успокоил его Роберт Брэд, направляясь к воротам форта, у которых на специальной площадке пилот уже разворачивал свою машину так, чтобы быть готовым ко взлету.

Первым из машины вышел командир экипажа — коренастый тридцатипятилетний капитан Элфин. Прежде чем отрапортовать адмиралу о своем прибытии, он как-то загадочно ухмыльнулся и посмотрел на механика, неспешно выпускающего трап из салона «Кобры».

— Пятнадцать минут для отдыха и осмотра машины вам, капитан, хватит?

— Боюсь, что его не хватит вам, сэр, — все еще желтозубо улыбаясь, удивил его первый пилот.

— Объяснитесь, капитан, — нахмурил брови командующий эскадрой, однако тут же обнаружил, что необходимость в каких бы то ни было объяснениях уже отпала: неспешной, пружинистой походкой по трапу спускалась швейцарская журналистка Лилия Фройнштаг.

Элегантные, изготовленные под унты сапожки, утепленные, тем не менее, прекрасно сшитые брюки и цвета хаки армейского образца куртка с накладными карманами и отброшенным капюшоном, над которым чарующе золотилась коротко стриженная головка, несомненно, одной из красивейших женщин Европы.

Однако адмиралу было сейчас не до любования ее женскими красотами. Он даже предположить не мог, что кому-то придет в голову впускать эту журналистку в его личный, разведывательный самолет,

отправлявшийся на опасные поиски Внутреннего Мира и «Базы-211». Он мог бы еще добавить: «СС-журналистку», однако прошлое гауптштурмфюрера СС Лилии Фройнштаг, как и прошлое их отношений, по-прежнему оставалось «тайной на двоих».

— Кто позволил, капитан? — сквозь зубы процедил адмирал, стараясь, чтобы его слова не долетели до слуха Фройнштаг. — Я спрашиваю: кто позволил брать на борт иностранного журналиста, тем более женщину? — наседал он, увлекая пилота подальше «Кобры».

— Она не журналистка, сэр, — растерянно пожал плечами Элфин. — То есть, возможно, она выступает и как журналистка, однако мне ее представили как геолога и гляциолога. Так все и было, господин контр-адмирал.

И тут Брэд вспомнил, что среди тех пассажиров самолета, которых адъютант называл, оказавшись у его «медвежьего» ложа, был ц некий «специалист по геологии и гляциологии», вот только ни ему, адмиралу, ни самому Шербруку, не хватило прозорливости поинтересоваться, кто это там предстает один о двух ученых лицах. Хотя стоит ли недооценивать своего адъютанта? Вполне может быть, что самому Шербруку тайна этого пассажира была известна.

— Кто вам ее представил? — по слогам произнес Брэд. — Кто конкретно? — допытывался он, одновременно отыскивая взглядом очень своевременно исчезнувшего адъютанта.

— Командир «Флориды» кэптен Вордан, сэр, — теперь уже по лицу первого пилота ухмылка не блуждала, он понял, что появление на борту разведывательного самолета, отправляющегося на секретное задание, иностранного газетчика — событие из ряда вон выходящее.

— А кто вам сказал, что комплектацией экипажа занимается командир авианосца? За этим должны были проследить командир авиаотряда полковник Колдуэн и полковник разведки Ричмонд. И, если мне не изменяет память, мой адъютант передал вам мои личные указаниям.

— Но поступил приказ кэптена Вордана взять на борт геолога и гляциолога, — Элфина окончательно сбила с толку напористость командующего эскадрой. — Если бы речь шла о журналистке, я, очевидно, придал бы этому какое-то иное значение.

— Что, мой адмирал, — улыбочиво уличила Брэда в его коварстве Лилия Фройнштаг, — вы ожидали прилета одной «Кобры», а прилетели сразу две?

— Вы даже не догадываетесь, леди, насколько предельно точно сформулировали суть проблемы, — язвительно похвалил ее Роберт Брэд.

— Не пойму, за что вы так не любите геологов и гляциологов, мой адмирал, — Фройнштаг изобразила оскорбленную невинность. — Неужели вы решитесь лишиться свою экспедицию последних признаков научности, изгнав из нее специалиста, у которого уже есть научные работы по полярной геологии? Не советовала бы, доктор Брэд, не советовала бы.

— Вы аккредитованы в моей эскадре в качестве журналиста, мэм.

— А вы — в качестве, извините, ее адмирала и командующего, однако это не мешает вам вести исследовательские записи, а военную разведку соединять с изучением неизученных территорий Антарктиды, мечтая при этом издать книгу об очередной экспедиции. Попытайтесь найти еще какие-то аргументы в пользу того, чтобы предательски бросить меня в этом лагере на сексуальное съедение вашего батальона морской пехоты, мой адмирал?

— С вами ничего не произойдет, я приставлю к вам охрану.

— Спасибо, я и сама за себя сумею постоять, а успокоение, связанное с охраной, свидетельствует о том, что ваши аргументы в пользу предательства исчерпаны.

Адмирал попытался возразить, однако Фройнштаг бесцеремонно взяла его под руку и отвела чуть в сторонку, под стену привратной ледовой башни.

— А вот у меня один очень веский аргумент все еще имеется, мой адмирал, — негромко, но внушительно произнесла Лилия. — Дело в том, что мне известна секретная миссия вашего антарктического рейда, адмирал Брэд.

Командующий исподлобья взглянул на Фройнштаг и решительно покачал головой. Неверие и отрицание — вот что прочла журналистка в этом взгляде.

— В том, что некая секретная миссия у моей экспедиции существует, — догадаться было нетрудно. Но сомневаюсь, что вам она действительно известна.

Фройнштаг обвела взглядом сгрудившихся неподалеку пилотов и морских пехотинцев. Никто из них даже не пытался скрывать, что с интересом наблюдает за тем, как иностранная журналистка уламывает адмирала. Причем по выражению их лиц нетрудно было догадаться, что в успехе Фройнштаг они не сомневаются. Конечно же, это ее вдохновило.

— Признайтесь, Брэд, — она буквально повисла на руке командующего эскадрой, — что основная цель вашего рейда заключается не в том, чтобы создать свою собственную базу, представляющую сейчас перед нами в образе «Адмирал-Форта», а в том, чтобы уничтожить базу Третьего рейха. Обнаружить ее, поскольку месторасположение вам не известно, и уничтожить. Вот в чем истинный смысл создания всей этой лихой

эскадры во главе с лучшим авианосцем Военно-морского флота США.

— Я спокойно могу отрицать этот факт, и ваши предположения так и останутся предположениями. А то и беспочвенным журналистским вымыслом.

— ...Однако вы рассчитывали увидеть своего противника только в облике подводников и морских пехотинцев фюрера, — не стала обращать внимания на его «лепет человека, спустившего все, с чем он явился в это полярное казино тщеславия», — а столкнуться пришлось еще и с дисколетом инопланетян. И это не только сбило вас на какое-то время с толку, но и основательно сбило с вас американский флотский гонор, — мило, но от этого не менее хищно улыбнулась Фройнштаг, — Станете возражать, мой адмирал?

Взглянув на ухмыляющиеся рожи «антарктической галерки», Брэд тоже понял, что окончательно проиграл, и что, как бы он ни старался сейчас держаться в седле и делать хорошую мину при плохой игре, публика эта уже давно отдала предпочтение его сопернице.

— Капитан Элфин, вам не кажется, что вы зря теряете время?! — решил он хоть как-то отыгаться на этой «галерке». — Вас, второй лейтенант Максвилл, это тоже касается. Если с самолетом проблем не возникает, отправляйтесь в столовую и выпейте по чашечке кофе.

— С удовольствием, сэр, — ответил Элфин. У него был свой командир — полковник авиации Колдуэн, поэтому к настроениям адмирала он относился спокойно, а порой и вызывающе.

— Думаю, минут десять у вас еще найдется, поскольку возникли кое-какие обстоятельства, которые нам с госпожой...

— Для них я — Крафт, — едва слышно напомнила Фройнштаг. Но если бы она знала, как Брэду не хотелось произносить эту «замужнюю» фамилию ее!

— Так вот, нам с госпожой Крафт следует обсудить кое-какие вновь открывшиеся обстоятельства. И сделаем мы это в моем штабном кабинете. Позаботьтесь, адъютант Шербрук, чтобы у нас на столе тоже появились две дымящиеся чашечки некоего божественного напитка.

**Декабрь 1946 года. Антарктида. Новая Швабия.
Штаб базового континентального лагеря
«Адмирал-Форт».**

К разговору о тайной цели рейда Полярной эскадры адмирал Брэд вернулся лишь тогда, когда он с Лилией Фройнштаг оказался в своем штабном кабинете и на столе перед ними появились чашки: перед Брэдом — горячего шоколада, перед Лилией — черного, и тоже горячего, кофе.

— Итак, Фройнштаг, вы дали мне ясно понять, что владеете такой информацией о германской базе...

— О «Базе-211», — уточнила Лилия.

— ...Которая способна помочь нам выявить эту базу.

— Собираетесь вербовать меня в агенты американской разведки? — грела озябшие руки о стенки чашки Фройнштаг. — Говорите откровенно, не стесняйтесь.

— Я не имею никакого отношения ни к одной разведке мира. Но как боевой адмирал, имеющий достаточный опыт войны в Атлантике и на Тихом океане, хорошо знаю цену любым сведениям, способствующим оценке сил и расположения противника.

— Это понятно, — смешливо сморщила носик Фройнштаг, давая понять, что воспринимает все происходящее со значительно меньшей долей серьезности, нежели того хотелось бы командующему Полярной эскадрой.

— Поэтому буду признателен за любую информацию, которую вы любезно предоставите мне. Помня при этом, что речь идет об осколках германского

рейха, которого больше не существует, а это снимает с вас как офицера СС, — умышленно проигнорировал адмирал определение «бывшего» офицера СС, — груз морально-этической и гражданской ответственности перед ним.

Адъютант появился с бутылкой коньяку. Быстро наполнив небольшие серебряные бокалы, он предложил первый тост провозгласить в честь покорителей Южного полюса, и, не решаясь присоединиться к пирующей парочке, удалился.

— Не сказала бы, что вербовкой, адмирал Брэд, вы занимаетесь профессионально и успешно, — произнесла Лилия, первой подняв свой бокал. — Наверное, это и в самом деле не ваше призвание.

— Не спорю, ибо это очевидно. Так что, за первых покорителей?

— И за то, чтобы рядом с ними, хотя бы очень мелким шрифтиком, выведены были и наши скромные имена.

Пока они по-гурмански наслаждались «Наполеоном», в штабном домике возник басовитый голос первого пилота Элфина, интересовавшегося у адъютанта, долго ли придется ждать адмирала и не лучше ли заглушить моторы. Ответа адмирал не слышал, потому что адъютант благоразумно увел капитана от его гнева. Но и Брэду, и Фройнштаг было ясно, что экипаж нервничает, а время работает против них.

— Независимо от того, какие структуры США вы, адмирал Брэд, на самом деле представляете, — первой заговорила журналистка, — сразу же вынуждена огорчить: месторасположение «Базы-211» мне неизвестно.

Брэд недоверчиво хмыкнул, но даже не отвел глаз от заветной чашечки шоколада.

— Грустные слова вы изрекаете, мэм.

— В самом деле, неизвестно. Причем сейчас это огорчает меня не меньше, чем вас, мой непобедимый адмирал.

Командующий эскадрой медленно помешивал остывающий шоколад и с грустью смотрел на Фройнштаг. Всем своим видом он выплескивал на женщину, которая еще недавно представляла в его постели такой нежной и доверчивой, нескрываемое разочарование.

— И все же кое-какими сведениями об этой базе вы обладаете.

— А кто мешал вам, доктор Брэд, участвовать в тридцать седьмом в экспедиции, которая определила место для создания Рейх-Атлантиды? Кстати, напомню, что из-за вас я тоже оказалась за ее бортом.

— Об этом вы мне уже напоминали, гауптштурмфюрер СС Фройнштаг, в самых различных формах.

— Точнее, в самых различных позах, — неудачно пошутила Лилия, пытаясь свести их разговор-допрос к игривой перепалке двух влюбленных.

Услышав это, Брэд заметно стушевался, он всегда был сторонником формулы, изобретенной умудренными сексом французами: «Это делают, но об этом не говорят».

— Пожалуйста, Фройнштаг, — как можно тверже произнес адмирал, и в голосе его послышались нотки угрозы, — самым подробным образом — обо всем, что только вам известно о подземном рейхе, его целях, руководителях, составе, вооружениях.

— Допрашивают, сэр, обычно под протокол. Вас этому не учили?

— Допросы последуют со временем, если вы станете упорствовать. Полковник разведки и так уже послал радиозапрос по поводу вашей персоны, и сейчас наши агенты в Швейцарии и Германии землю роют, пытаюсь

добыть из-под завалов забвения все, что только можно, о некоей сотруднице СД Лилии Фройнштаг.

— Меня это не волнует.

— А меня волнует. Уж не знаю, что они там в конечном итоге нароют, но хорошо представляю, каковы будут выводы, в том числе и касающиеся целей вашего появления на борту «Флориды».

— Вот так всегда! — Фройнштаг вознесла руки к небесам. — В конечном итоге, виноватыми оказываемся мы, влюбленные женщины, идущие вслед за любимыми на край света. Подобно русским декабристкам.

— К вам это не относится.

— Причем на край света — в прямом смысле этих слов, — парировала Фройнштаг, намекая на «легенду», которая станет известной всему миру, как только ее попытаются обвинить в шпионаже.

— Ваша «легенда» способна убедить только в одном: вы весьма удачно использовали свое знакомство...

— И свои оч-чень трогательные отношения...

— ...с адмиралом Брэдом. И не более того.

— Шпионаж в пользу нейтральной Швейцарии, которая даже в годы войны умудрилась отсидеться в своих никем не защищаемых границах? Хочу видеть человека, который решится первым объявить об этом миру И не доведи Господь, чтобы этим человеком оказались вы, мой непобедимый Нельсон.

С минуту они сидели молча, блаженствуя каждый над своей чашкой, которые были здесь впечатляюще объемными.

Хотя никаких вопросов адмирал больше не задавал, но Фройнштаг понимала, что тема не исчерпана, и что он готов вернуться к ней в любую минуту. А еще она прекрасно понимала, что только откровенность обеспечит ей место в разведывательной «Кобре» и что, безмолвствуя, она лишь убивает время.

— Вся та скучная информация, которой я в реальности обладаю, получена в основном от Отто Скорцени, — наконец заговорила журналистка, решив, что дальше испытывать нервы адмирала нет смысла. — Кто такой Скорцени и что он значил для Германии, вы, надеюсь, знаете?

— Значение Скорцени для фюрера и рейха меня не интересует, Зато очень интересует, почему начальник отдела диверсий Главного управления имперской безопасности вдруг стал откровенничать с вами по поводу совершенно секретного объекта?

— Если учесть, что откровения происходили в постели, то есть, простите, в конце войны... — Фройнштаг умиленно взглянула на адмирала, — то нетрудно предположить, что оберштурмбаннфюрер Скорцени...

— ...собирался увезти вас на «Базу-211» в качестве личного адъютанта, — не без ехидства предположил Брэд.

— Он бы не отказал себе в таком удовольствии, если бы действительно собирался обречь себя на прозябание в этом антарктическом крысятнике. Однако у него такого желания не возникло. Но он предполагал, что я окажусь в Латинской Америке и буду связана с теми, кто, в свою очередь, поддерживает связь с обитателями базы и Рейх-Атлантиды.

— Это не одно и то же?

— База расположена на берегу океана и омывается каким-то теплым, никогда не замерзающим течением, образующим во льдах Антарктики своеобразный температурный оазис.

— В одном из таких оазисов как раз и базируется сейчас большая часть моей эскадры, — заметил адмирал и тотчас же насторожился: — Он называл какие-то ориентиры или координаты этой оазис-бухты?

— Называл, но я даже не пыталась запомнить их, поскольку в то время уже готовила свой отход на территорию Швейцарии. Тайно, естественно.

— Значит, нам нужно обследовать все, что только способно именоваться оазисом, и с помощью субмарин прощупать побережье этих бухт. — Брэд умышленно рассуждал вслух, приглашая Лилию поучаствовать. — Однако база наверняка имеет и запасной выход на поверхность самого континента?

— Не знаю, следует ли говорить в данном случае о «Базе-211», но у Рейх-Атлантиды он имеется. Но как обнаружить его, я не знаю. А еще он рассказывал о тайном входе во Внутренний Мир, в Страну Атлантов, который находится в каком-то кратере, образовавшемся то ли от извержения вулкана, то ли от падения метеорита.

— Если только он не искусственного происхождения.

— И посреди него расположено небольшое плато, какая-то возвышенность с плоской поверхностью, которая служит атлантам жертвенником.

— И у них жертвенники? Какой ужас!

— Нет, чтобы воскликнуть: «Какой прекрасный ориентир!».

— Да, это уже хоть какой-то да ориентир, — согласился доктор Брэд. — Скорцени сам побывал в этом кратере или просто наслышан был о нем?

— Если только не врал бедной доверчивой женщине, то сам. Но где? Во Внутреннем Мире или в Рейх-Атлантиде — а эти места обитания жестко отделены друг от друга, — этого я тоже не помню.

— Что за роковая нелюбознательность, Фройнштаг? И это — у сотрудницы СД! Вы меня огорчаете.

— Просто таинства своих профессиональных секретов мужчины почему-то всегда пытаются соединять с таинством секса, а я в таких случаях отдаю

предпочтение сексу Я доходчиво объяснила суть своего профессионального порока?

Адмирал улыбнулся, и впервые за время их сегодняшней встречи улыбка эта была искренней. Ему нравилась манера общения Фройнштаг, соединяющая в себе неизведанную женскую наивность — с давно известным профессиональным коварством контрразведчика.

— И кто же сейчас пребывает во главе «Базы-211» и Рейх-Атлантиды?

— По тем сведениям, которые имеются у меня, комендантом базы фюрер назначил вице-адмирала Теодора фон Готта.

— Значит, комендантом назначен был все-таки он, Полярный Барон фон Готт...

— А главным идеологом и заместителем коменданта стал контр-адмирал, хорошо известный вам барон Людвиг фон Риттер.

— Тот самый?! Начальник экспедиции на «Швабенланде»?

— Известный еще под кличкой «Странствующий Бездельник».

— Тот самый Странствующий Бездельник?!

— Которого вы, доктор Брэд, в свое время очень подвели отказом от участия в экспедиции. Ведь вы не могли не понимать, что ваш демонстративный отказ остаться в составе команды «Швабенланда» провоцировал настоящий политический скандал. Было бы понятно, если бы вы отказались еще там, в США, то есть до прибытия в Германию.

— До прибытия в Германию я не мог знать, что «Швабенланд» нашпигован целым арсеналом оружия, и что подавляющее большинство членов этой экспедиции являются эсэсовцами.

— Вы так прямо и заявили тогда в интервью одному из американских журналов, заявив о себе как о борце

против нацизма в Германии и во всей Европе.

— Предлагаю на этом закрыть тему экспедиции «Швабенланда». Стоит ли копаться в этой давней истории?

— Думаю, что нам нудно было кое-что прояснить. В первые дни нашего совместного пребывания на «Флориде» я, как вы заметили, этого вопроса не касалась.

— Скорее, почти не касалась.

— Согласна, некоторые попытки вернуться к тем дням все же были. Но это, скорее, ностальгические воспоминания о прекрасных днях, проведенных в атлантическом круизе. Да и вам, адмирал Брэд, тоже хотелось кое-что прояснить.

— Но я помню, что, несмотря на полное невосприятие моего демарша, вы, Фройнштаг, все же пришли мне на помощь и, по существу, спасли не только мою репутацию, но и мою жизнь.

— Просто я чувствовала себя обязанной вмешаться, в конфликт. Мне страшно не хотелось, чтобы на моей совести оказалась моральная, не говоря уж о физической, гибель известного полярника. Тем более что к тому времени я и сама уже начала увлекаться альпинизмом, ледниками, горами...

**Декабрь 1946 года. Антарктида. Новая Швабия.
База «Адмирал-Форт» — борт
разведывательного самолета «Кобра».**

Адмирал вновь наполнил бокалы коньяком, и они выпили за полярное братство — без разделения его на нации и идеологии, после чего доктор Брэд предложил вернуться к судьбе «Базы-211», от которой они так неосмотрительно отошли.

— У меня появлялась кое-какая информация, касающаяся руководства «Базы-211», — поведал он Лилии Фройнштаг, — и, в частности, относящаяся к барону фон Готту. Но, во-первых, под сомнением был сам факт существования подобной базы, тем более сейчас, в послевоенное время, а во-вторых, источник был слишком уж сомнительным.

— Я, по-вашему, источник надежный?

— Во всяком случае, внушающий мне, — прежде всего, лично мне, — доверие, — вполне серьезно отреагировал адмирал. — Поскольку вы были тесно связаны со Скорцени. Я бы даже сказал: слишком тесно.

— Еще одна фраза по этому поводу, и можно будет утверждать, что только что разыгралась первая сцена ревности в истории ледового континента.

— Этой фразы не последует, оставим пальму первенства тем, кто придет сюда после нас, И потом, я предполагаю, что подобных сцен было множество, ведь на «Базу-211» наверняка перебросили сотни женщин.

— Скажите «тысячи» и не ошибетесь.

— Кстати, вы уверены, что «База-211» все еще существует? Вы могли бы привести хотя бы один аргумент в пользу ее существования?

— То, что я вам сейчас намерена сообщить, я сообщу только потому, что это может помочь лично вам, мой адмирал.

— Попытаюсь оценить вашу жертвенную откровенность, Фройнштаг.

— Прежде чем оказаться на Фолклендах, я встретила с двумя джентльменами из Аргентины. Они были очень заинтригованы тем, что у меня появился шанс оказаться в составе вашей экспедиции, мой адмирал.

— Настолько заинтригованы, что вынудили вас задержаться...

— К сожалению, они опаздывали, возникли какие-то проблемы с американскими миграционными властями.

— Зато в виде компенсации они наняли для вас частный самолет.

— И оплатили значительную часть моих расходов на эту экспедицию, а также готовы оплатить издание книги воспоминаний о рейде адмирала Брэда.

— Что позволит им выступить в роли цензоров. Но в любом случае, позвольте им потратиться. Книга — дело святое. И вообще, после ваших слов многое в «разведлегенде» швейцарской журналистки Эльзы Крафт прояснилось.

— Так уж и «разведлегенде», мой адмирал. Уж не намерены ли вы отдавать меня в объятия полковника разведки Ричмонда?

Прежде чем развеять сомнения Фройнштаг, адмирал задумчиво уставился в небольшое окошечко штабной комнаты, пытаюсь, прежде всего, развеять свои собственные сомнения. Как и Фройнштаг, Брэд прекрасно понимал, что оба они ходят по лезвию бритвы. Контрразведка США все еще работала с жесткостью и подозрительностью военного времени. Да и суды всех заподозренных в шпионаже и диверсиях не жалели. Брэд еще помнил, что двух германских

агентов, которые еще только готовились к операции по радионаведению германской ракеты на самый высокий небоскреб Нью-Йорка Эмпайр Стейт Билдинг^[31], были приговорены к смертной казни, как утверждают, по настоянию самого президента Франклина Рузвельта.

— В руки Ричмонда — ни в коем случае.

— Вот видите, адмирал, как быстро мы научились понимать друг друга с полуслова. Однако мы отвлеклись. В своей заинтересованности в моем вояже они исходили именно из того, что рейд Полярной эскадры был направлен против «Базы-211», в существовании которой они не сомневаются, поскольку тесно связаны с ней.

— Жаль, что вы скрыли от меня намерения этих джентльменов появиться в США, как скрыли и сам факт вашего появления в составе журналистского корпуса эскадры.

— За годы, прошедшие после нашей встречи в тридцать восьмом году, вы переродились в замшелого янки, умудрившегося даже дослужиться до контр-адмирала и повоевать против германцев. Так что трудно было спрогнозировать реакцию этого янки на мое появление на борту авианосца. Будем считать, что я попросту подстраховалась.

Они молча допили содержимое своих серебряных бокалов и своих чашек и вопросительно взглянули друг на друга.

— Оказывается, они все еще работают в паре, эти два адмирала, — молвил Брэд только для того, чтобы как-то поддержать разговор или, наоборот, окончательно завершить его. — И Альфред фон Риттер не зря совершал свое плавание на «Швабенланде», он оказался в числе создателей Рейх-Атлантиды. А я-то думал, что он исчез где-то в руинной неразберихе поверженной Германии.

— Вы хоть догадываетесь, что именно он, барон фон Риттер, спас вам тогда перед походом «Швабенланда» жизнь. Причем спас, невзирая на то, что вы действительно очень подвели его. И даже невзирая на то, что ему не очень-то и хотелось спасти вас.

— Вы хотите сказать, что барон фон Риттер спас мне жизнь?!

— Я это уже сказала, адмирал.

— Но каким образом он умудрился сделать это, Фройнштаг? И почему я узнаю об этом последним?

Прежде чем ответить, Фройнштаг поднялась из-за стола, заставив адмирала последовать ее примеру. Она уже стала терять всякий интерес к этому разговору с Брэдом, во время которого любое неосторожное выражение могло заставить командира эскадры отказать ей в дальнейшем полете.

— Вот видите, адмирал, прошлое никак не хочет отпускать нас, вынуждая вновь и вновь обращаться к нему. Неужели вы думали, что СД и гестапо так просто смирятся с вашим провокационным отказом от экспедиции? Разве они не понимали, что вслед за этим последуют ваши разоблачительные интервью, общественное объяснение и стремление заработать политический капитал на отказе от сотрудничества с германскими нацистами? И, как показала сама жизнь, не ошиблись. Так стоит ли упрекать их в естественном желании не позволить вам вырваться за пределы рейха или, в крайнем случае, благополучно добраться до США? И если бы не фон Риттер, который мужественно вступился за вас, заявив, что не желает, чтобы его экспедиция, объявленная научной, была омрачена политическим убийством известного американского полярника, вас убили бы прямо там, в отеле «Фрегаттен-капитан», или в каких-то портовых закоулках. Ну а потом подключилась я и настолько

сумела убедить руководство СД, что оно так и не только не довело до конца операцию «Тюленья охота»...

— Эта операция даже имела свое кодовое название? — удивился Брэд.

— Естественно. Так вот СД не только не завершило эту операцию, но и взяло вас под свою охрану. Люди, которым ее поручили, отвечали за вас головой.

— Если бы не этот наш разговор, я бы, очевидно, так никогда и не узнал, какие страсти разгорались тогда за моей спиной, — благодарно произнес доктор Брэд, выходя из штабного строения.

— Теперь вы согласны, адмирал, что «эта кобра в юбке» честно отработала свое место в салоне вашей крылатой «Кобры»?

— И все же я советовал бы вам лететь с нами. Кроме всего прочего, это еще и связано с определенным риском. Ведь не всегда же над нами будут висеть дисколеты сердобольных инопланетян. В следующий раз может зависнуть дисколет рейхатлантов, и тогда уже возникнет совершенно иная ситуация.

— Как же вы смертельно напугали меня, Брэд. А чтобы у вас не возникло еще какой-либо причины избавиться от меня по пути к самолету, напомним: может случиться так, что где-то в глубине Антарктиды от вас потребуют объяснений пилоты-германцы, а то и командование Рейх-Атлантиды. И тогда перед ними предстанет гауптштурмфюрер СС Лилия Фройнштаг, секретный агент СД и самого Отто Скорцени, которого они там чтят как героя всех времен.

— Убедительно, — пусть и неохотно, но все же признал адмирал, подходя к воротам базы, за которыми их ждал разведывательный самолет.

— Кстати, чтобы уже не возвращаться к этой теме, — вполголоса спросил Роберт Брэд, пропуская мимо себя спешащих пилотов и рослых, источающих силу морских пехотинцев, — когда командование СД

решило, что меня следует уничтожить, кто должен был выступить в роли палача.

И тут вдруг Фройнштаг остановилась, вальяжно хлопнула адмирала по предплечью и, запрокинув свою античную головку азартно рассмеялась. Наблюдая эту сцену, морские пехотинцы и себе улыбнулись, решив, что женщина вспоминает нечто такое, что становится тайной этих двоих, уже немолодых влюбленных.

— Никогда не догадаетесь, на ком они остановили свой выбор, мой адмирал! Вам это просто не дано. Но поскольку речь шла не об исполнении приговора по решению суда и не в тюремном дворе, то я всячески затягивала исполнение этого приговора, уверяю, что пытаюсь разубедить вас. На самом же деле я тянула время, давая возможность проявить свое влияние и свои амбиции барону фон Риттеру.

Услышав это, адмирал остановился, снял шапку и, покачивая головой, старательно вытер платочком некстати вспотевший лоб.

— Да, Фройнштаг, «рассмешили» вы меня. Зато теперь я убежден: мне стоило бы завлекать вас на борт авианосца, уже хотя бы для того, чтобы услышать всю эту мрачную историю моей совместной с СД рулетки.

— Только для этого, мой адмирал?! — томно переспросила Фройнштаг, беря его под руку у самого трапа «Кобры». — Только-только для этого?

**Декабрь 1946. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Максимально снизившись и максимально сбавив скорость самолета, пилот стал один за другим описывать круги над плато, которое второй лейтенант морской пехоты успел назвать «Новым Клондайком».

Теперь адмирал понимал, почему эта «божья сковородка» — как именовали в свое время полярники подобные горные массивы — привлекла особое внимание Максвилла. С воздуха она напоминала огромный цилиндр джентльмена из XIX столетия, водруженный на вершину придорожного валуна.

Чтобы подняться от основания этого «цилиндра из страны великанов» на плоскую вершину, достигавшую шести-семи миль в диаметре, неминуемо нужно было взбираться по высокому крутому околышу, испещренному пещерами, гротами, какими-то разломами и ходами.

— Не знаю, как в этом Новом Клондайке обстоит дело с золотом, — произнес адмирал при завершении второго облета плато, во время которого пилот иногда приближался на такое расстояние к склону, что, казалось, вот-вот врежется в один из его выступов, — но что здесь есть в чем покопаться — это несомненно.

— Поэтому и предлагаю заложить на одной из высоких «подошв» этого горного массива временный лагерь, — оживился второй лейтенант Максвилл, дождавшись своего часа, — и отобрать для его гарнизона людей, неплохо владеющих альпинистскими навыками.

— Каков смысл в их восхождениях? — скептически поинтересовался Брэд, осматривая пространство под самолетом сквозь слегка подернутый изморозью иллюминатор. — Если, конечно, исключить полярную альпийскую подготовку.

— Как и во время первого полета, мое внимание привлекли два ледовых грота, расположенных, кстати, по разные стороны вершины, но почти друг напротив друга. Не исключено, что они могут соединяться между собой. Причем входы их виднеются почти у основания плато.

— Согласен, это аргумент.

— Думаю, двух-трех дней вполне достаточно, чтобы изучить эти гроты.

Адмирал заметил впереди какую-то сопку, внешне напоминающую курган, но в бинокль было видно, что это всего лишь обледенелая скала, с причудливыми наростами спрессованного ветрами снега.

— А вы что скажете, Фройнштаг? — обратился он к сидевшей по ту сторону столика журналистке. — Ни одна из местностей, которая открывалась нам в этих местах, никаких ассоциаций у вас не вызывает? Вы понимаете, о чем я.

— Никаких, мой адмирал. Ничего общего с теми описаниями, которые мне врезались в память. Не думаю, что один из входов во Внутренний Мир может находиться здесь. Местность доступная и слишком уж приметная.

— И женская интуиция тоже молчит, — не спросил, а скорее с грустью констатировал доктор Брэд.

— Есть предложение прекратить эту карусель и двигаться дальше, — слышался из переговорного устройства голос первого пилота. — Все, что было достойно внимания, бортовой фотограф увековечил на пленке, поэтому жду ваших указаний.

— А было нечто такое, что привлекло ваше внимание, капитан?

— При необходимости самолет можно было бы посадить даже на вершине этой горы. Если ее чуток подчистить, получилась бы неплохая взлетно-посадочная полоса. Если вас интересует именно эти возможности Нового Клондайка.

— И эти — тоже, — уклончиво ответил адмирал. — Ложитесь на курс. По-прежнему следуем строго на юг.

— Давно мечтал поработать на Южном полюсе, — взбодрился командир «Кобры».

Прощально пробарражировав над плато, пилот стал набирать высоту, чтобы преодолеть видневшийся на их пути небольшой горный хребет.

— Впрочем, мое внимание привлек проходящий рядом с одним из гротов разлом, — вдруг вспомнила Лилия. — Судя по голубизне льда, под его покровом скрывается озеро.

— Ну, озером его следует называть лишь условно, поскольку вся водная масса его давно превратилась в сплошную глыбу льда, — возразил Максвилл.

— Убеждена, что это одно из теплых озер, которых в Антарктиде обнаружено уже несколько, и в которых толщина льда лишь немногим превышает обычную толщину озерных льдов где-нибудь в Швейцарских Альпах, в Карпатах или в озерах Северной Канады.

Адмирал и второй лейтенант морской пехоты многозначительно переглянулись. Оба они сейчас подумали об одном и том же: а не вернуться ли к этому разлому, чтобы пройти над ним еще раз, на самой низкой высоте. А возможно, и посадить на него самолет. Однако отдать приказ летчику мог только адмирал, а он на это не решился.

— Мы пока что настолько плохо знаем этот континент, — молвил он, — что оспаривать подобную версию бессмысленно.

— Как и отстаивать ее, — уточнил Максвилл.

— Но если верить преданиям, которые бытуют в особом отделе американской разведки и получены от германских подводников, то под этими тысячелетними льдами существует вполне пригодное для жизни людей пространство — с неизменно теплым, кислородно-насыщенным воздухом, полезными ископаемыми, плодородной почвой, а главное, со своим внутренним солнцем.

— Искусственным, следует полагать? — спросил второй лейтенант.

— Как знать, — ответила вместо адмирала Лилия Фройнштаг.

И Брэд вновь, в который уже раз, перехватил очарованный красотой германки взгляд морского пехотинца. Это был взгляд самца, готового сразиться за свою избранницу даже с вожаком. И командующий эскадрой, этот некстати состарившийся вожак стаи, чувствовал: еще немного натиска, и Фройнштаг может пасть в объятия молодого, статного и физически мощного гренадера.

— Но не естественное же, — удивленно возразил Максвилл. — Даже здесь, в фантастической Антарктиде, следует оставаться реалистами.

— Пока мыс вами, мой лейтенант, не побываем там и лично не убедимся, — мило улыбнулась журналистка, явно поигрывая на нервах адмирала, — стоит воздерживаться от любых отрицаний. Так что, мой лейтенант, побываем?

Оказалось, что этот морской пехотинец еще не избавился от способности краснеть и теряться, по крайней мере, в присутствии соперника. Растерянно взглянув на адмирала, он демонстративно пожал плечами, давая понять, что и сам он тоже смущен откровенным заигрыванием немки.

— ...И если к этому добавить, — продолжил свою мысль доктор Брэд, стараясь не поддаваться эмоциям, — что обитатели Внутреннего Мира не знают ни засух, ни столь же губительных ливней, что их селения не превращаются в руины под натиском землетрясений, ураганных ветров, океанских цунами и всего прочего, что постоянно подстерегает нас, грешных обитателей грешного Наземного Мира, то становится понятным, что имели в виду библейские сочинители, когда твердили нам о некоем земном рае. И если все эти утверждения являются правдивыми, то возникает вопрос: может, мы, земляне, попросту не разобрались, какие уровни планеты следует обживать и польстились на ее коварную поверхность?

Морской пехотинец решился возражать ему однако адмирал улавливал лишь какие-то отрывки его фраз. В это время он уже был за тысячи миль отсюда, в своем ранчо, на полуострове Боливар, каким-то чудом уцелевшим между волнами Мексиканского залива и бухты Галвестон. Возведенное из дикого, почти необработанного камня, это неказистое двухэтажное строение давно следовало бы снести по приговору местного суда, как разрушающее архитектурный ансамбль, составленный из вилл местных техасских скотопромышленников и банкиров.

Но Брэд не просто любил этот свой Полярный Замок, с приданным ему клочком каменистой земли на берегу бухты, но и гордился этим своим единственным в жизни более-менее серьезным приобретением.

В этом «замке» было собрано все, чем он жил, что десятилетиями накапливал и коллекционировал: его книги о льдах, полюсах и безумцах, посвящающих им свои жизни, а следовательно, составляющие одну из самых богатых «полярных библиотек» мира, его коллекция камней, собранных на берегах всех океанов, и в горах всех континентов, его фотоальбомы — с

холодными, загадочными ликами айсбергов и ледяных пустынь, сам вид которых повергал попадавших в Полярный Замок женщин в леденящую дрожь и в тихий ужас.

Впрочем, обитель его женщинам никогда не нравилась — с этим Брэд уже даже успел смириться. Во всяком случае, ни одна из побывавших у него на ранчо восхищения своего не высказала, даже из тех, что очень пытались понравиться ему.

А еще в этом, больше похожем на бездарно выстроенную казарму, нежели на нормальное человеческое жилье, доме находилось собрание амулетов. Эдакий полный набор статуэток из костей различных животных, полный иконостас каких-то уродцев и всевозможных вещиц, происхождение и колдовское призвание которых так и остались для Брэда загадкой.

Единственное, что их объединяло, — что все они некогда принадлежали эскимосским, алеутским и прочим шаманам и проводникам, с которыми он отправлялся в путешествия по островам Королевы Елизаветы на крайнем севере Канады, по полуострову Сьюард, врезающемуся в Берингов пролив и многие столетия назад соединявшемся с Чукотским полуостровом, или по канадскому острову Баффинова Земля, оставшемся в его памяти как самое гиблое и проклятое место на этой планете.

Конечно же, он был несправедлив по отношению к этой земле, поскольку в ней тоже были свои таинства, свои природные творения и свои прелести. Но именно там он в течение месяца трижды побывал на волоске от гибели и чуть было не вернулся оттуда инвалидом.

— Вы где сейчас, мой адмирал? — почти пропела это свое «мой адмирал» Лилия Фройнштаг, воспользовавшись тем, что Максвилл подсел к беззаботно дремавшим в следующем отсеке морским

пехотинцам из личной охраны командующего эскадрой. — По-моему, оч-чень далеко отсюда.

— Простите, Фройнштаг, — встрепенулся Роберт Брэд, кажется, я действительно впал в забытие..

— Не оправдывайтесь: опять затосковали по своему Боливару, по Полярному Замку на берегу полутропического залива Ист-Бей и любимой кипарисовой рощице?

— Вам известно даже название моего ранчо, у которого есть кипарисовая рощица?

— Я бы выразилась элегантнее: вашей приморской виллы, мой адмирал.

— Но мы с вами ни разу не касались этой темы.

— Вот видите, мой адмирал, сколько у нас все еще остается тем, которых мы ни разу не касались! Так что не торопитесь избавляться от этой женщины.

«Или, наоборот, следует поторопиться с этим», — проворчал про себя Роберт Брэд.

Личная жизнь всегда оставалась самой большой тайной его жизни, которой он предпочитал ни с кем не делиться. Поэтому его всегда крайне настораживали люди, обладающие хоть какой-то информацией о Полярном Замке, заливе Ист-Бей или одной из двух его несостоявшихся жен. Брэд предпочитал, чтобы все это оставалось в темени полярной ночи.

— Терпеть не могу, Фройнштаг, когда мне начинают по крохам выдавать мои же собственные тайны. Поэтому или молчите, или же играйте в открытую.

— «В открытую» — это как, мой непобедимый Нельсон?

— Откуда сведения?

— Вы могли бы и не удивляться тому, что, прежде чем прорваться к вашей эскадре, я получила все необходимые сведения о последних годах вашей жизни. Это так естественно.

— Если речь идет о профессиональной разведчице, работающей на вполне конкретную разведку.

— Или же о профессиональной журналистке, работающей на вполне конкретные издания, — возразила Фройнштаг.

— Объяснение не принимается. Чтобы облегчить вам жизнь, объявляю, что мое любопытство не распространяется дальше названия страны, на которую вы работаете.

— Как журналистка и ученая прежде всего я работаю на благословенную Швейцарию. А что касается вашего ранчо, то меня подвело сугубо женское любопытство, заставившее меня приземлиться в Хьюстоне, откуда, как вы помните, рукой подать до полуострова Боливар. Обуревала тайная надежда, что перед антарктическим рейдом вам захочется навестить свое гнездовье. И если бы вы повели себя, как подобает человеку, приверженному к своему дому, вас ждал бы такой изысканный сюрприз!

— Коварная вы женщина, Фройнштаг.

— Не-а, — игриво повела своим точеным подбородком журналистка. — В корне не согласна с таким утверждением. Во всяком случае в отношении вас, мистер Брэд, мое коварство ни в чем не проявлялось.

— Уверены, что ни в чем? Шпионство за моим ранчо в расчет не принимается?

— Будь я коварной, мистер Брэд, я бы прорывалась на эскадру, используя знакомство с вами, буквально шантажируя вас. Но ведь я этого не сделала, станете возражать?

— Да, действительно, вы обошлись без использования нашего знакомства. Назовем это «коварством с проблесками порядочности».

— До чего же вы любезны, мой адмирал! Вот что происходит с джентльменами Арктики, когда они

попадают в трясину американской флотской жизни. — Произнеся это, Фройнштаг тотчас же примирительно коснулась руки командующего, предлагая перемирие, во время которого поиски источников ее информации становились бестактными.

Возможно, они еще какое-то время поиграли бы в эту игру воспоминаний и кокетства, если бы не крутой вираж самолета, после которого салон наполнил встревоженный, хотя и мужественный, голос первого пилота:

— Господин адмирал, нас преследуют два самолета противника! Причем я понятия не имею, откуда они появились.

**Декабрь 1944 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

— Что за чушь вы несете, капитан Элфин? — включил обратную связь на своем настольном пульте командующий эскадрой. — Какие еще «самолеты противника»?! Откуда и какого именно противника?

— Я специально заложил вираж, чтобы осмотреться. По-моему, это два «мессершмитта-115». В начале сорок пятого мне приходилось с такими сражаться. Во всяком случае, кресты на фюзеляжах мне хорошо знакомы.

Взгляды адмирала и Фройнштаг встретились.

— Такое вполне может быть, — подтвердила бывший гауптштурмфюрер СС. — Это то, о чем мы с вами говорили: существует ли в Антарктиде «База-211» или ее нет? Появление двух «мессершмиттов» у нас на хвосте — достаточный аргумент?

— Издеваетесь, Фройнштаг?

— С чего бы? Лежать-то нам придется под одними и теми же обломками. Но прежде чем это произойдет, хочу, чтобы вы знали: к появлению здесь «мессершмиттов» я никакого отношения не имею.

— Хотелось бы верить. Они уже выходили на связь? — обратился адмирал к пилоту.

— Пока нет. Но один из них ушел в высоту, а другой подползает мне под брюхо. Очевидно, попытаются какое-то время вести нашу «Кобру», чтобы затем посадить.

— Куда... посадить, капитан?! — прорычал командующий эскадрой с такой яростью, словно гитлеровские асы появились здесь исключительно по вине Элфина.

Тем не менее ответил командир «Кобры» спокойно и рассудительно:

— Самому хотелось бы знать, сэр. Хотя бы исходя из профессионального любопытства.

— И какое у нас соотношение скоростей?

— Если только они не успели усовершенствовать свой «мессер», то у меня незначительное преимущество и в скорости, и в потолке. Но вряд ли это заставит германцев оставить нас в покое, скорее всего, так и будут тащиться вслед за нами. К тому же это истребители, а это преимущество в маневренности. У нас, правда, тоже два пулемета, один из которых в хвосте, и орудие, но...

— Связь с эскадрой у нас есть?

— Так точно.

— Срочно сообщите о преследовании на авианосец «Флорида» и в «Адмирал-Форт». Передайте курс и координаты.

— Если германцы решат нападать, подкрепление с авианосца не успеет, — напомнил командующему первый пилот. — Развернуться так, чтобы идти к эскадре, не пересекаясь с противником, мы тоже не сумеем.

— Именно поэтому следуйте своим курсом, не меняя ни скорости, ни потолка. Скорее всего, их интересуют наши намерения. Если германцам хочется составить нам эскорт, предоставим им такую возможность.

— Храбрый вы человек, мой адмирал, — заметила Фройнштаг.

— Если вы, мэм, еще раз выразитесь о моей храбрости с таким сарказмом, я посажу самолет и предложу вас германским пилотам в виде выкупа. Думаю, они будут счастливы.

— Храбрый, но «справедливый», — не унималась Фройнштаг.

— Германцы на связь все еще не вышли? — спросил адмирал капитана Элфина, оставляя ее в покое.

— Нет, сэр, следуют за нами, как привидения. Мой радист пытался выйти на связь с ними, отмалчиваются.

— Главное, чтобы не проявляли агрессии.

— Создается впечатление, что они выжидают, сэр.

— Скорее всего, ждут дальнейших указаний со своей базы.

— Что наиболее реально, сэр. На авианосец я сообщил. Кэптен Вордан поднимает в воздух четыре истребителя.

— Не вздумайте открывать огонь по преследующим нас самолетам, — на всякий случай предупредил адмирал первого пилота.

— Есть не открывать огонь первыми, — откорректировал его приказ капитан. — Вы самый миролюбивый адмирал из когда-либо служивших во флоте США, сэр.

— База германских ВВС — в глубине Антарктиды! Воздушные бои американских пилотов с германскими асами в небе Антарктиды! — проворчал адмирал. — Мир свихнется от таких сообщений.

— Не свихнется, — возразил капитан Элфин, — потому что не поверит в их правдивость.

Он умолк и в пассажирском салоне самолета тоже воцарилось напряженное молчание. Не нарушая его, Фройнштаг наложила свои теплые, слегка влажноватые руки на руки Роберта Брэда, возможно, таким образом пытаясь успокоить и его, и себя.

Адмирал прекрасно понимал, что любая попытка удариться сейчас в какие-либо воспоминания будет приравнена к попытке трусливо уйти от действительности. Но именно так он множество раз спасал свою нервную систему, оказываясь в самых немыслимых, Арктикой порождаемых ситуациях. Только теперь, ощущая тепло женских рук, он понял, каких

прекрасных минут лишила его судьба, не соизволив свести их в стенах Полярного Замка.

Первая жена, полуфранцуженка-полуегиптянка Раис, микробиолог по профессии, ушла от него, продержавшись всего лишь две экспедиции. Когда Брэд вернулся с полуострова Сьюард, в доме — они жили тогда в городке Батон-Руж, неподалеку от Нового Орлеана, на самом берегу Миссисипи, — ее уже не было. Зато к услугам Роберта был ее адвокат, специализирующийся по бракоразводным процессам.

Свое знакомство с доктором Брэдом этот приземистый, сутулый, с прыщеватым и словно бы обожженным лицом человек начал с молчаливого, но бесцеремонного осмотра его фигуры, после чего изрек:

«Оставить такого мужчину?! Она не права! Она решительно не права!».

«Приступайте к делу, — одернул его полярник, но затем смягчил тон и как можно вежливее поинтересовался: — Каковы причины ее бегства из дома. У него другой мужчина?».

«Прошу прощения, мистер Брэд, но ей не так уж просто будет найти этого, другого мужчину».

Они оба понимали, о чем идет речь: Раис Кетак была из тех женщин, на которых понятия «красивая», «смазливая» или «хорошенькая» не распространялись даже в виде снисходительного комплимента. Тоже самое касалось и ее мужеподобной фигуры. Однажды Брэд подобрал эту тридцатилетнюю женщину в виде попутчицы в каком-то городке у шоссе между Бомонтом и Батон-Ружем. Дорога была дальней, а женщина показалась ему предельно простой и общительной. Так оно и оказалось на самом деле. Причем к сексу она относилась с такой же непосредственностью, как и к своей неухоженной внешности.

Когда под вечер он неосторожно засмотрелся на ее оголившиеся ноги, Раис велела ему свернуть к

видневшемуся неподалеку озерцу и, выйдя из машины, поманила за собой в рощицу. «Я понимаю, что вы готовы были удовлетворять свою страсть прямо в машине, но мне этот способ не очень нравится. Хотя, в общем-то, я его и не отвергаю. Но и наблюдать, как вы исходите спермой, мне тоже не хочется».

В первый раз у него все это произошло быстро и как-то слишком уж неуклюже. Уловив это, Раис рассмеялась своим хриловато-гортанным смехом, голосом спортивного рефери объявила, что эта попытка не засчитывается, и не отпустила его, пока он вновь не возбуждился.

«Когда вы с женщиной, никогда не торопитесь и не стесняйтесь, — наставляла его Раис, ласкательным прикосновением губ пытаюсь возбудить в третий раз. — Секс — это намного серьезнее, нежели вам кажется. Это я говорю вам как биолог».

Истинный смысл ее слов и ее отношение к сексу Брэд понял уже через сутки, когда Раис переехала к нему со своим микроскопом и двумя сумками книг. Это была настоящая машина для секса, не поддающаяся ни чувственности, ни азарту, но в то же время убийственно неутомимая.

«Если у нее действительно не появилось другого мужчины, тогда почему она сбежала от меня? — спросил тогда Брэд у адвоката Раис. — Тем более что к ревнивцам я никогда не принадлежал, а квартира, которую мы снимаем, в течение нескольких месяцев была в ее полном распоряжении».

«У нее нет доказательств вашей супружеской измены — в этом вы правы, — признал адвокат, — зато существуют другие, не менее убедительные доводы».

«Какие именно?»

Адвокат долго, внимательно рассматривал великое множество «полярных» фотографий — с айсбергами, тюленями, моржами и палатками посреди отколовшихся

льдин, — которыми были увешаны стены его пристанища, а затем изрек фразу которую Брэд не сможет забыть никогда в жизни, и которая через два года после развода с Раис помогла ему значительно легче пережить расставание со второй женой.

«У нее есть довод, который не способны будете опровергнуть ни лично вы, ни ваши адвокаты, — произнес этот «квазимодо» от юриспруденции, постукивая костяшкой согнутого указательного пальца по одной из самых больших фотографий. — Заключается он в том, что, как изволила выразиться миссис Брэд, с тюленями вы проводите значительно больше времени, нежели с ней, своей супругой».

Понимая, что этой фразой он буквально растерзал противника своей клиентки, «квазимодо» долго не сгонял со своего уродливого лица не менее уродливую улыбку.

«Это не аргумент, — прибег к самому непадежному способу защиты доктор Брэд. — Настоящая супруга обязана ждать мужа — моряка, солдата, путешественника. Иначе, чего стоит такой брак и чего стоит супружеская верность?»

«Не спорю, исходя из классических заповедей Пенелопы, — обязана. Вот только к госпоже Раис Брэд это ни коим образом» не относится. Вам следовало искать в женщине воплощение терпения и воздержания, вы же привели в свой Дом неукротимый вулкан секса. А точнее, неиссякаемый гейзер страстей, поскольку вулкан взрывается лишь время от времени, а гейзер извергает свою энергию в течение столетий».

И возразить Брэду было нечего. Как и следовало ожидать, «квазимодо» от юриспруденции переиграл его и в полемике в стенах Полярного Замка, и на суде.

Впрочем, заранее смирившись со своим поражением, на суде был воплощением смиренности, которая лишь оттеняла его несовместимость с образом

«гейзера страстей», сотворяемого из Раис фантазиями «квазимодо» от юриспруденции.

— Судя по выражению вашего лица, адмирал, вы очень волнуетесь, — молвила Фройнштаг, вновь пытаясь согреть его руки своими руками.

— А, судя по моим мыслям, я совершенно забыл о том, что нас сопровождают два недобитых германских аса, — парировал адмирал.

— В таком случае извините, у вас действительно крепкие нервы, — Фройнштаг отступила. — Похоже, я что-то не так поняла.

На бракоразводном процессе интересы его жены представлял все тот же «квазимодо» от юриспруденции. Саму Раис доктор Брэд никогда больше не видел, поэтому так до сих пор и не знает, действительно ли это выражение по поводу тюленей принадлежит ей, или же специалист по разводам сочинил его специально для сердобольной метиски в мантии окружной судьи. Как бы там ни было, а на процессе оно прозвучало довольно убедительно, и на судью произвело должное впечатление.

— Почему не докладываете, капитан? — вырвался он из потока воспоминаний. — Как там наш германский эскорт?

— Сопровождают, сэр. Приблизились, но держат дистанцию. Скорее всего, пытаются выяснить, что мы здесь делаем, что ищем.

— Мы исследуем Антарктиду! Мы — исследователи, и это наше право! — прокричал он так, словно все проблемы заключались в том, чтобы убедить в мирных целях экспедиции именно его, капитана Элфина.

— Так точно, сэр, мы исследуем.

— Никаких требований к нам они не выдвигают?

— Никаких, сэр.

— В таком случае спуститесь ниже, продолжаем осмотр и фотографирование местности.

— Есть уменьшить высоту, сэр. А фотографирование местности не прекращалось.

— В конце концов, мы находимся над территорией, которая никогда не принадлежала и не принадлежит Германии. Воздушное пространство этого континента одинаково принадлежит всем и не принадлежит никому. Поэтому, что бы ни происходило, мы должны делать свое дело, капитан.

— Иначе чего бы мы, пилоты, стоили, сэр?

Откинувшись на спинку кресла, адмирал сжал кулаки и уставился взглядом в иллюминатор. Всем своим видом он демонстрировал теперь свою решимость и непреклонность.

— Позвольте, сэр, пойти в кабину радиста и попробовать переговорить с пилотами преследующих нас «мессершмиттов». Если уж никто из них не знаком со мной, то наверняка слышал о Скорцени. И потом, я сумею убедить их, что к ним обращается германка.

— И что вы им скажете? Спросите, где базируются и почему преследуют нас?

— На вопрос, где базируются, ответа я, понятное дело, не получу. А вот, какова цель их преследования... Почему бы и не спросить?

— Цель преследования в этой ледяной пустыне может быть только одна... — адмирал устало взглянул на Фройнштаг, однако не договорил. Да бывшая сотрудница СД и так все должна была понять.

— Если бы они намерены были нас атаковать, то уже давно атаковали бы и сбили. Но что-то же их сдерживает.

— Пока что — да, сдерживает.

— Так, может быть, своими переговорами я подарю всем нам еще несколько минут?

— Разрешаю. Пусть радист выведет вас на их волну. Впрочем, пойдем вместе.

**Декабрь 1946. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Салон специального разведывательного самолета «Кобра» чем-то напоминал салон обычного пассажирского самолета, только разделенного на небольшие отсеки, в которых находились специалисты.

В центральной части фюзеляжа несли службу вооруженный двумя бортовыми фотоаппаратами разведчик-наблюдатель и фотограф-аналитик, занимающийся специальными съемками отдельных объектов. А в отсеке, находившемся рядом с пилотской кабиной, работали два радиста, поддерживающие связь с наземной базой: один — с помощью мощной «голосовой» радиостанции, второй — с помощью азбуки Морзе. Кроме того, в составе экипажа был еще и бортовой радист, обеспечивающий обычную радиосвязь пилотов с другими самолетами и аэродромами.

Чуть ближе к хвостовой части располагался командный отсек, в котором размещали того из представителей командования, кто решался лично побывать над интересующим штабное начальство объектом. Именно в нем обитали сейчас контр-адмирал и журналистка Фройнштаг. А напротив, в десантном отсеке, находились четверо морских пехотинцев во главе со вторым лейтенантом Максвиллом.

— Что у вас в эфире, джентльмены? — обратился Брэд, как только открыл дверь отсека.

— Старший радист, старший мастер-сержант ^[32] Хастон, сэр. Радист, штаб-сержант Адэр, сэр, — представились обитатели радиоотсека.

— Вы нащупали волну, на которой переговариваются германские пилоты, старший радист? — спросил адмирал, как только они с Фройнштаг втиснулись в не очень просторный отсек радистов.

— Так точно, сэр, — ответил старший радист, отвечавший за «голосовую связь» и за прослушивание эфира.

— О чем они говорят между собой?

— Все переговоры записаны на ленту, сэр.

— У меня нет времени прослушивать всю их болтовню. Вкратце, что вы слышали такого, что могло бы объяснить цель их преследования.

— Ничего существенного. В эфир выходят крайне редко. Из услышанных нами фраз: «Интересно, куда это янки направляются? Уж не хотят ли они совершить посадку на полюсе?». «Для этого американцам не понадобилась бы целая эскадра боевых кораблей и две эскадрильи самолетов». «Что же они забыли в этих льдах?». «Америкашкам нужна наша база. Их президент решил покончить с ней и с нами». «Очевидно, они не понимают, что теперь мы вооружены так, что способны покончить и с их эскадрой, и с президентом, и со всеми Штатами. Будь такое оружие у фюрера, мы теперь сидели бы в одном из лучших московских ресторанов».

— Эти германцы настолько уверены в мощи своего оружия?

— Если только не хвастаются, зная, что мы наверняка прослушиваем их переговоры. А еще...

— Существенное замечание, старший мастер-сержант. Обо мне, об адмирале Брэде, они упоминали? — прервал его пересказ командующий эскадрой.

— Так точно, сэр. Несколько раз.

— И знают, что я нахожусь на борту «Кобры»?

— Знают, сэр. Позывной ведущего: «Рейн-один», ведомого — «Рейн-два». Так вот, «Рейн-два» недовольно поинтересовался, как долго ему придется таскаться за янки через всю Антарктиду. Не проще ли сбить их прямо сейчас и покончить с этими гонками? На что командир звена заметил, что ему выпала честь сопровождать самого адмирала, так чем он еще недоволен.

— Так, понятно, что еще? — нервно подстегнул Брэд старшего радиста, движением руки предлагая Фройнштаг опуститься на единственное гостевое кресло. — О чем они ведут переговоры со своей Базой?

— На связь с базой «Рейн-один» выходил только дважды. В первый раз — чтобы сообщить, что они с Куртом сели нам на хвост, И во второй — чтобы выяснить, прибудет ли колесница.

— Что-что? — не понял адмирал. — Кто должен прибыть?

— Он так и спросил: «Поинтересуйтесь у штандартенфюрера СС, прибудет ли колесница», — пожал плечами старший радист Хастон.

— И что в ответ?

— База запросила координаты и пообещала выяснить у руководства. Разговор состоялся минут десять назад.

— Скорее всего, речь идет о «летающем диске», — предположила Фройнштаг.

— Мать божья! — перекрестился штаб-сержант Адэр. — Наподобие того «диска», что совсем недавно зависал над авианосцем?

— Наподобие, — иронично подтвердила журналистка.

— Логично, Фройнштаг, логично, — согласился адмирал, не обращая внимания на слова штаб-сержанта — Дисколет они вполне могут именовать «колесницей».

— По-моему, вы начинаете ценить меня, мой адмирал, — не преминула воспользоваться случаем

журналистка.

— Ваши акции возрастут, если вы не будете сбивать меня с мысли, леди. Итак, джентльмены, они запросили в помощь себе «дисколет». Это уже серьезно.

— Преимущество и так на их стороне, — развел руками старший радист. — Появление «дисколета» уже ничего не изменит.

— Изменит, — не согласился с ним адмирал. — В корне. Потому что задача их — не сбивать нас, а посадить в нужном месте. А главное, в таком, где бы наш самолет сумел приземлиться и при этом уцелел. Но проблема сейчас в другом: чтобы получить этот «дисколет», штандартенфюрер, к которому они обращались, обязан связаться с базой арий-атлантов или с патрульным дисколетом инопланетян. И еще неизвестно, пожелают ли обладатели этих аппаратов участвовать в германской аванюре. До сих пор, как мы знаем, они от этого воздерживались. И примером тому — недавний визит «дисколета» в распоряжение Полярной эскадры.

— Не слишком ли вы все усложняете, мой адмирал? — едва заметно улыбнулась Фройнштаг.

— Объяснитесь, мэм.

— Чтобы получить «дисколет», штандартенфюреру достаточно связаться всего лишь с комендантом «Базы-211» вице-адмиралом фон Готтом, — холодно возразила Фройнштаг. — Или с его заместителем, контр-адмиралом фон Риттером. А те прикажут подняться в воздух одному из «дисколетов», находящихся в их подчинении.

Адмирал и оба радиста молча уставились на швейцарскую журналистку. Больше всего на радистов произвело впечатление то, что она, не задумываясь, выдала им название базы, а также чины, должности и фамилии ее руководителей. А ведь одна из разведывательных задач, которая ставилась перед

ними накануне выхода эскадры в океан, как раз и заключалась в том, чтобы при радиоперехватах они выудили эти очень важные для разведуправления данные. Что ж теперь получается? Что на борту авианосца «Флорида», а сейчас уже и на борту разведсамолета, находится иностранка, которая этими сведениями давным-давно владеет?!

— Вы предполагаете, что на вооружении гарнизона «Базы-211» уже находятся «дисколета»?

— Это уже не предположения, сэр, а констатация факта. На «Базу-211», а точнее, в Рейх-Атлантиду, которую теперь принято считать Четвертым рейхом, были переброшены лучшие конструкторско-инженерные силы Германии и лучшие заводские специалисты — вместе с проектами многих технических новинок, в том числе и с первыми образцами «летающих дисков», которые уже проходили испытания на ракетном полигоне в Пенемюнде, на заводе под Прагой и на подземном заводе Дора. Допускаю, что «дисколеты» Рейх-Атлантиды еще уступают «дисколетам» инопланетян по каким-то там техническим параметрам и боевым качествам, но в том, что на вооружении «Базы-211» они уже есть — сомневаться не приходится. Странно, что все это вам до сих пор неизвестно, джентльмены.

— Слух о неких германских «летающих дисках» был, однако нас уверяли, что по приказу фюрера все опытные образцы их были уничтожены вместе с документацией.

Фройнштаг снисходительно прошлась взглядом по адмиралу и сержантам-радистам. «Это что за детский лепет, джентльмены?! — как бы вопрошала она. — Кто умудрился снабдить вас столь нелепой информацией?».

— Можете не сомневаться, что так оно все и было: да, уничтожали ненужные и неудачные образцы, вместе с некоторыми вариантами чертежей или их копиями.

Причем все это делалось при немалом количестве свидетелей, в устах которых и зарождались потом слухи, которыми вы пользуетесь.

И опять адмирал вынужден был изречь свое «логично-логично», которое следовало воспринимать, как самую высокую и лестную похвалу.

— Однако все это — общие рассуждения, — не выпускала инициативу из своих рук Фройнштаг, — которые отбирают наше время. Свяжите-ка меня с этим вашим «Рейном-первым», по-моему.

— Он не станет вступать в переговоры с нами, — заверил ее старший мастер-сержант Хастон. — Мы предприняли несколько попыток. Очевидно, они получили соответствующий приказ.

— Это они с вами не захотели общаться, сержант Хастон, Услышав голос германки, они сразу же вспомнят, что давно истосковались по воркующему женскому голосу.

Старший мастер-сержант вопросительно взглянул на адмирала.

— Считайте это моим приказом, — молвил тот. — И поторопитесь.

— «Голос германки»? — уязвлено пожимал плечами старший мастер-сержант. — С борта американского разведывательного самолета?! В лучшем случае германцы воспримут это как солдатский розыгрыш. И отчасти будут правы.

— Вот уж не знала, что в американской армии даже адмирал свои приказы вынужден повторять дважды, — язвительно заметила Фройнштаг.

— У вас, в германской, конечно же, все было по-иному... — саркастически пробормотал Хастон.

— Можете в этом не сомневаться. У нас, в германской армии, вы, сержант, лишились бы своих лычек даже после невыполнения приказа фельдфебеля.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Надев наушники и взяв в руки микрофон, Фройнштаг сразу же ощутила себе офицером. Германским офицером СС.

Все трое американцев обратили внимание, как она сразу же преобразилась, каким холодным и властным стал ее взгляд, жестким и высокомерно-требовательным — голос. Теперь это уже был голос офицера, привыкшего к языку приказов и команд, к тому, что каждый, кому положено было подчиниться ему, подчинялся немедленно и беспрекословно. Но если адмиралу было проще, поскольку он знал, где и в каком чине служила гауптштурмфюрер СД Лилия Фройнштаг, то сержанты были потрясены и обескуражены ее перевоплощением.

— «Рейн-один»! Я, гауптштурмфюрер СС и сотрудник СД Фройнштаг, вызываю на связь пилота «мессершмитта» с позывным «Рейн-один»! — по-немецки, чеканным командирским голосом оглашала она полярный радиоэфир. — Вы слышите меня, черт возьми?

— Так точно, — уже после вторичного представления прорезался в ее наушниках голос пилота.

— Я — гауптштурмфюрер СС и сотрудник СД Фройнштаг, из отдела диверсий Главного управления имперской безопасности, который возглавлял оберштурмбаннфюрер СС Отто Скорцени. Вам знакомо это имя, пилот?

— Так точно.

— Значит, вы попросту забыли, что такое СД?
— Никак нет, госпожа гауптштурмфюрер!
— В таком случае представьтесь, как полагается представляться младшему по чину.

Это было рискованно, Фройнштаг не могла знать, в каком чине пребывает офицер, сидевший сейчас за штурвалом истребителя, а ведь ей приходилось видеть пилотов-асов в чине майоров, подполковников и даже полковников, в том числе и войск СС. И когда она и адмирал услышали в своих наушниках:

— Здесь обер-лейтенант Ридберг, — то облегченно вздохнули. — Почему вы оказались на борту американского самолета, гауптштурмфюрер? — тотчас же поинтересовался пилот. — Вас захватили в плен?

— Меня? В плен?! — смех ее получился не очень естественным, но и он должен был как-то разрядить обстановку — Вас, очевидно, переправили на «Базу-211» еще в начале сорок четвертого года, с первой волной молодых добровольцев из отряда пилотов-смертников, которым командовал Отто Скорцени?

— Нашу группу курсантов называли...

— «Отрядом военных космонавтов», — упредила его Фройнштаг. Подобная информация могла укрепить доверие к ней германского пилота. — Секретное подразделение, совместно созданное службой диверсий СД и штабом рейхсмаршала Геринга.

— Правильно, гауптштурмфюрер.

— А что я назвала его отрядом пилотов-смертников... Именно так мы вас между собой и называли. Однако не могли же мы со Скорцени так, прямо, и называть его: «Отряд пилотов-смертников»^[33]! К тому же в отряде готовили пилотов для ракет «Фау», которые действительно позволяли пилотам выходить со своими машинами в космическое пространство и таким

образом становиться германскими военными космонавтами. Кстати, в армейской среде вас еще называли «циклопами Геринга».

— Вы правы, госпожа гауптштурмфюрер, именно так нас и называли! — только после этих слов обер-лейтенанта Фройнштаг почувствовала, что тот по-настоящему поверил в ее германское происхождение.

Вдохновившись результатами своей словесной атаки, Фройнштаг победно взглянула на адмирала и даже едва заметно подмигнула старшему мастер-сержанту Хастону, который, сидя в наушниках, тоже прослушивал ее переговоры.

— Вы оказались в первом наборе школы, обер-лейтенант, разве не так?

— Так точно, госпожа гауптштурмфюрер.

— Тогда вы, наверно, еще помните первое построение курсантов в замке Фриденталь, где действовали Специальные курсы особого назначения Ораниенбург?

— Конечно, помню. Фридентальские курсы. Там готовили лучших диверсантов мира. Я тоже мечтал стать их курсантом.

— Вы абсолютно правы, обер-лейтенант Ридберг, там готовили лучших из лучших диверсантов. А если вы еще напряжете память, то вспомните, что во время торжественной церемонии посвящения в курсанты «Отряда военных космонавтов» между генералом Дорнбергером, который был начальником Ракетного центра в Пенемюнде на острове Узедом, и Отто Скорцени...

— Помню, лицо этого диверсанта было изувечено шрамами...

— Правильно, обер-лейтенант, но только не «изувечено», а облагорожено шрамами, — уточнила Фройнштаг только для того, чтобы вновь подчеркнуть свою близость к Скорцени. — Так вот, между этими

мужчинами стояла симпатичная женщина с золотистыми волосами, в черном мундире офицера СС и в черной пилотке, в то время она готовилась стать начальником женского отряда военных космонавтов.

Молчание, которое воцарилось в наушниках, напоминало молчание собеседника, впавшего в состояние прострации.

— Вы, наверное, не поверите, гауптштурмфюрер, — срывающимся от волнения голосом произнес пилот, — но я действительно помню вас.

— Почему же, я вам верю. Но хочу, чтобы вы точно так же верили каждому моему слову.

— Если говорить честно, потом, после построения, мне даже хотелось подойти к вам, потому что вы мне очень понравились. Но, конечно же, не решился.

— И что же вас испугнуло, мой храбрый рыцарь? — поддалась сугубо женскому любопытству Фройнштаг.

— Возле вас оказалось так много офицеров, что пробиться было почти невозможно.

— Вас, Ридберг, это не оправдывает. Например, вашего однокурсника штурмбаннфюрера СС Рудольфа Шредера толпа моих поклонников не остановила. Не скажу, чтобы он добился чего-то конкретного, тем не менее. Вспомнили, о ком идет речь?

— Шредер? Очевидно, имеется в виду тот штурмбаннфюрер, который оказался первым в списке добровольцев на пилотирование «Фау-2»?

— И который погиб в январе сорок пятого, направляя специально сконструированную ракету «Америка» на Нью-Йорк. Причем погиб бессмысленно: его подвели нервы, и он раскусил капсулу с ядом, считая, что ракета загорелась. «Она сгорит! Мой фюрер, я умираю!» — таковыми были его последние слова^[34]. На самом деле она и после смерти Шредера еще долго продолжала свой полет. Но до Америки уже, к сожа...

словом, не дотянула, поскольку сбилась с курса, — лишь в последнее мгновение Лилия успела прикусить язык, чтобы не сказать свое убийственное «к сожалению».

Фройнштаг слишком поздно поймала себя на том, что непростительно увлеклась, и это — пребывая в окружении трех американцев, на американском разведывательном самолете! Где она, невзирая на все свои откровенные экскурсии в невозвратное и полурассекреченное прошлое, все еще продолжала чувствовать себя офицером отдела диверсий СД и разведчицей.

— Я слышал о том, что Шредер, вроде бы, сгорел в ракете, — грустным голосом сообщил оберлейтенант, — Но дошел до меня этот слух уже здесь, в Антарктиде, поэтому я не мог знать подробностей.

— А мне не повезло: вместе со Скорцени я оказалась среди тех офицеров, которые торжественно провожали Шредера в полет. Не скрою, своим поспешным уходом в Валгаллу он всех нас очень огорчил, особенно известного вам создателя «Фау» барона фон Брауна.

— Ракетного Барона фон Брауна, — ностальгически дополнил ее пилот. — Известный конструктор. Нам о нем много рассказывали, поскольку мы должны были летать на его ракетах.

«Летать»? — скептически ухмыльнулась про себя Фройнштаг, — Этих ваших «полетов» хватало бы на несколько минут, от старта до попадания в цель».

— Наверное, в конце войны он тоже погиб?

Прежде чем ответить, Фройнштаг оглянулась на адмирала.

— Мы живем в демократической стране и пребывание у нас барона фон Брауна — не такая уж тайна, — невозмутимо объяснил Роберт Брэд.

— Конструктор барон фон Браун жив, оберлейтенант. Теперь он является ведущим конструктором ракетной техники в Соединенных Штатах.

— Ракетный Барон предал фюрера и работает на американцев?! — ужаснулся бывший пилот-смертник. — Такого не может быть!

— А в Америке считают, что здесь, в Антарктиде, не может существовать «Базы-211» и Рейх-Атлантиды, Однако же они существуют. И, как становится очевидным, владеют не только германскими самолетами, но и «летающими дисками». Вам не хотелось стать дископилотом, или как они там у вас называются?

— Да как вам сказать, гауптштурмфюрер?

— Как есть, — добродушно рассмеялась Фройнштаг, — я женщина понятливая. И, признаюсь, еще там, в замке Фриденталь, пыталась уговорить Скорцени и Дорнбергера, чтобы они позволили мне войти вторым номером в список женщин-пилотов, которые будут испытывать «дисколеты».

— Почему вторым? — клюнул и на эту приманку пилот.

— Разве не понятно, что первой должна была бы стать ваша коллега, любимица фюрера Ганна Райч. Правда, барон фон Браун не решился рисковать ее жизнью, да и фюрер не простил бы ему приношения в жертву милой его сердцу женщины.

В эфире раздался какой-то треск, слегка напоминающий то ли искусственные радиопомехи, то ли электрические разряды, и краешками глаз Фройнштаг понаблюдала за тем, как адмирал и старший мастер-сержант нервно ухватились руками за наушники, опасаясь, как бы не пропустить ответ германского пилота. А затем она точно так же пронаблюдала, как, почувствовав, что германец клюнул на провокационную наживку, эти джентльмены мгновенно прояснили свои от природы мрачноватые лица.

— Видите ли, это почти невозможно; у нас их еще очень мало, да и те, собственно... Впрочем, я не имею права распространяться об этом.

— И не надо распространяться, обер-лейтенант, не надо, — успокоила его Фройнштаг, поглядывая на адмирала. Брэд мог быть доволен: в течение этого разговора, с помощью пилота, она сумела подтвердить и наличие «Базы-211», и существование Рейх-Атлантиды, и появление у подземных германцев-рейхатлантов «летающих дисков». Какой еще разведчик способен был раскрутить этого военного летчика на такую секретную информацию, даже ни разу не встретившись с ним с глазу на глаз? — Я не собираюсь выведывать ваши тайны, Ридберг, а если бы и выведывала, то работала бы только на Германию.

— Но ведь сейчас вы тоже живете в Америке.

— Ну что вы, мой несостоявшийся рыцарь! Это невозможно. Да, я нахожусь на американском самолете американской антарктической эскадры, но в качестве швейцарской журналистки и швейцарской гражданки. Об этом вы со временем сможете прочесть в европейской прессе. Если, конечно, она вам доступна.

— Это правда? — оживился обер-лейтенант. — Вы не продались американцам?

— Я считала вас более воспитанным, обер-лейтенант, — укоризненно молвила Фройнштаг, но тут же добавила: — Тем более, что они и не собираются меня покупать. Я им не по зубам. Особенно, если учесть, что мой муж — известный швейцарский банкир.

— Это многое объясняет, гауптштурмфюрер СС.

— В оккупированной и расчлененной нашим и недавними противниками Германии я чувствовала бы себя не очень уютно. И вообще, вы должны знать, что гибель фюрера и рейха сильно изменили этот мир.

— Простите, что вы сказали о фюрере?

— Что он погиб. Всего лишь. Или, может быть, у вас не принято говорить об этом?

— Уже хотя бы потому, что фюрер не погиб, — покровительственно рассмеялся Ридберг.

— Правда? — сыграла в удивленную наивность Фройнштаг — Вы в этом уверены?

— Неужели вам это не известно?

— Вам приходилось встречаться с ним. Вы, лично вы, видели его? Понимаете, для меня это очень важно.

— Нет, гауптштурмфюрер, не стану врать: лично я не видел.

— А ваш коллега, молчаливый «Рейн-два»?

— Он тем более не мог его видеть, — ответил Ридберг, дабы не нарушать «обет молчания» своего ведомого.

Фройнштаг вопросительно взглянула на адмирала и старшего мастер-сержанта. Она понимала, что переговоры с обер-лейтенантом Ридбергом слегка затянулись, однако намек на воскрешение фюрера казался Фройнштаг-Крафт слишком уж заманчивым. Старший радист никак не отреагировал на ее немой вопрос, зато адмирал по-лошадиному помотал головой, бессловесно подбадривая ее: «Продолжайте разговор, продолжайте.

— Хотите сказать, что фюрер ушел на одной из субмарин «Фюрер-конвоя» в Антарктику и теперь его рейхсканцелярия и новый бункер находятся на «Базе-211»? — Фройнштаг спросила это как можно деликатнее, не проявляя никаких признаков недоверия или иронии.

— Ну, до этого дело не дошло.

— А до чего дошло? Поверьте, для меня и моего мужа, тоже германца по происхождению, очень важно знать, жив ли фюрер.

— Но я так полагаю, что слушаете меня не только вы.

— Старший радист сидит рядом со мной, но из деликатности, он снял наушники.

— Сомневаюсь, — проворчал обер-лейтенант.

— Он принимает нас за влюбленных. И, кажется, недалек от истины, — откровенно блефуя, флиртowała с ним Фройнштаг.

— Вы храбрая женщина.

— И храбрый офицер СД, — напомнила ему воинственная немка. — Что же касается адмирала Брэда, — не собиралась клясться ему на Библии Фройнштаг, — то он ждет окончания наших переговоров в своем отсеке. Как только закончим наш разговор, — доложу ему о том, что для него существенно.

— А что их интересует?

— Понятно, что. Обоим важно знать только, собираетесь ли вы атаковать наш самолет или же не собираетесь. Пользуясь случаем, я и хочу выяснить: у вас ведь не было такого приказа — сбивать нас?

— Такого не было, — неохотно как-то подтвердил Ридберг. — Во всяком случае, пока что не было.

— Весьма благоразумно, если учесть, что с авианосца «Флорида» уже поднялось в воздух до десятка самолетов морской авиации США и направляются сюда.

Адмирал предупреждающе сжал предплечье Фройнштаг, но было уже слишком поздно.

— Кажется, я тоже проболтала вам одну из военных тайн, на сей раз тайн американского Военно-морского флота.

— Не казните себя: мы перехватили переговоры ваших радистов с базовым лагерем и с авианосцем, — пришел ей на помощь Ридберг, причем произнес он это спокойным и всепрощающим каким-то голосом.

— Вот видите, разведчицы из меня не получится. Тем не менее еще один вопрос, последний: «Так где

все-таки находится сейчас фюрер, если только он действительно жив? Понимаю, что разглашению подобные сведения/ не подлежат, поэтому назовите хотя бы континент».

— Да, по-моему, никакой тайны это уже не составляет. Всем известно, что основная ставка фюрера находится сейчас в Латинской Америке, запасная — на юго-западе Африки.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

— Разве это имеет значение — где сейчас находится фюрер? — удивился Ридберг, выслушав сомнения Фройнштаг. — Главное, что он жив, а значит, история рейха продолжается, несмотря на все наши потери и временные поражения.

— Готова поверить, что фюрер действительно жив, однако вынуждена огорчить: слишком уж неубедительно вы об этом говорите, Ридберг.

— Не собираюсь убеждать вас, гауптштурмфюрер. И вообще, это вы, по чину, должны были бы убеждать меня. Но прав барон фон Риттер, наш «рейхатлантидный Геббельс», когда утверждает: «Фюрер — всегда и везде! Он находится там, где обнаруживается хотя бы один истинный ариец!». Вы согласны с ним?

— Я согласна с тем, что с подобными сентенциями барон фон Риттер, конечно же, превзойдет не только Геббельса, но и самого фюрера. Вот только продолжать эту полемику не имеет смысла.

— А что, по-вашему, имеет смысл? — мгновенно ухватился за ее слова обер-лейтенант; ему явно не хотелось прерывать эту милую беседу, затеянную некоей прекрасной германкой в ледяном поднебесье Ледяного Континента. Эта встреча под небесами одичавшего континента и в самом деле казалась почти невероятной.

— Смысл имеет просьба, которую я сейчас выскажу и которую вы, обер-лейтенант, надеюсь, исполните.

— Готов исполнить любую вашу просьбу, гауптштурмфюрер.

— Смелое заявление. Однако я не стану испытывать вас, подобно средневековым «дамам сердца», на рыцарскую жертвенность, обер-лейтенант. Свяжитесь с «Базой-211» и сообщите фон Готту и фон Риттеру, что на борту американского самолета, который вы, обер-лейтенант, так любезно эскортируете, находится известный им гауптштурмфюрер, а ныне швейцарская журналистка Лили Фройнштаг. И что благодаря моему присутствию здесь у них появляется уникальная возможность повести переговоры с командующим эскадрой адмиралом Брэдом, а через него — и с президентом США.

— О чем они должны вести переговоры? — не понял Ридберг. — До сих пор они не вели переговоры ни с одним правительством мира.

— До сих пор — да, не вели. Но всему свое время. Скоро в Антарктиду, хлынут десятки военно-исследовательских эскадр, подобных нашей. Здесь на каждой сотне квадратных миль будет располагаться по антарктической исследовательской станции, а территорию континента начнут делить, как стая волков — шкуру задранной овцы.

— Время от времени я думаю о том же.

— Вот видите, мы уже стали единомышленниками. А еще им предстоит вести переговоры о том, что в случае военного конфликта с вами сюда придут эскадры, на борту которых будут находиться ракеты и бомбы с такими же ядерными зарядами, как те, которые настигли в виде возмездия японские города Хиросиму и Нагасаки: И тогда уже даже ваши совершенно несовершенные «дисколеты» вам не помогут.

— Мне так, дословно, все и передать?

— Уточнив, что это не только мое мнение и предложение, но и предложение адмирала Брэда,

человека, настроенного по отношению к вам очень миролюбиво и, я бы сказала, даже уважительно. И который давно понял то, чего не хотите понять вы: что теперь у нас один враг — советские коммунисты.

— Нам твердят о том же, гауптштурмфюрер.

— И потом, вы же не собираетесь навечно зарываться в этот континент и жить, подобно кротам? Вам нужны будут полезные ископаемые, нужны новые технологии, надежные базы ремонта и заправки ваших самолетов и субмарин, а также отдыха экипажей и всего вашего подземного воинства. Согласитесь, что подпольных связей с Аргентиной для такой легализации недостаточно. Почему вы молчите, Ридберг?

— Я не молчу, я запоминаю ваши доводы, гауптштурмфюрер.

— И они, конечно же, кажутся вам очень убедительными, — самонадеянно внушала ему Фройнштаг. — От этого, от вашей убежденности, будет зависеть многое, а сами вы, мой бесстрашный пилот, можете войти в историю Антарктиды и в историю современной цивилизации как человек, который первым наладил связь, сначала между Рейх-Атлантидой и Наземным Миром, а затем — арий-атлантами и Соединенными Штатами. Причем восхождение вашего имени начнется сразу же, со страниц моей «Антарктической книги», которая появится уже к осени грядущего года. Вы все поняли, Ридберг?

— Так точно, гауптштурмфюрер.

— Я показалась вам достаточно реалистичной и убедительной?

— Достаточно.

— А теперь представьте себе, — игриво проворковала Фройнштаг, — насколько убедительной я покажусь вам, когда судьба подарит нам хотя бы часик-

другой личной встречи, мой бесстрашный пилот. Так что — ауфвидерзеен [\[35\]](#).

Сняв наушники, Фройнштаг вновь уселась в кресло и обессилено запрокинула голову. Сейчас она напоминала актрису, которая, «отработав» на сцене свой сольный номер, удалилась за кулисы под громовое молчание зала, который замер, пораженный то ли ее талантом, то ее бездарностью. Но ей уже было все равно. Она не стремилась дожидаться аплодисментов, ей попросту хотелось уединиться и отдохнуть.

— Вы были бесподобны, Фройнштаг, — «бурей оваций» наконец прорезался сквозь тишину радиорубки негромкий доверительный голос адмирала. — Правда, в отдельные моменты я не мог понять, на кого вы, собственно, работаете и какую на какую информацию пытаетесь выменивать, но, в общем, свой талант психолога и дипломата вы проявили в полной мере.

— Вы беспредельно мудры в своих оценках, мой адмирал. Но вы окажетесь еще мудрее, когда наконец поймете, что «работаю» я на наш арийский мир, на белую цивилизацию, на человечество без коммунистов и коммунизма. И давайте никогда больше не возвращаться к этой теме. Эти бесконечные подозрения... Вам, доктор Брэд, это не к лицу.

— Прошу прощения, леди. Не думал, что мое ироническое замечание вызовет столь резкую реакцию.

В рубке воцарилось неловкое молчание. Фройнштаг уже поднялась и хотела уходить, но задержал ее радостный голос старшего радиста:

— А ведь обер-лейтенант действительно связался с «Базой-211» и докладывает о переговорах с гауптштурмфюрером Фройнштаг, германкой из отдела диверсий Отто Скорцени. Судя по всему, этот диверсант у них все еще в почете.

Услышав это, Фройнштаг метнулась к столику, за которым сидел старший радист, и схватила наушники. Но, прежде чем надеть их, назидательно объяснила американцу:

— Скорцени — это профессионал войны, диверсант высочайшего класса. Такие ценятся всегда, во все времена и у всех народов, независимо от того, какой стране и какому фюреру они служили в предыдущих войнах.

Окончив свой монолог, она выждала несколько секунд, рассчитывая на реакцию старшего радиста, но тот помахал перед своим лицом руками, давая понять, что не может поддерживать разговор с ней, и потыкал пальцем в сторону наушников. Поняв, что упускает что-то очень важное, Фройнштаг тоже мгновенно вооружилась этим благом цивилизации, И тотчас же поняла, что вошла в эфир как нельзя вовремя.

— На связи контр-адмирал Людвиг фон Риттер, — услышала она характерный гортанно-хрипловатый голос, по которому способна была узнать бывшего командира «Швабенланда», даже если бы он не представился. — Мне доложили, обер-лейтенант, что у вас там что-то происходит. Представьте-ка меня этому высокому собранию.

— Мы сопровождаем американский самолет, на борту которого находится адмирал Брэд.

Фройнштаг многозначительно взглянула на вооруженного наушниками командующего эскадрой, которому уступил свое кресло штаб-сержант Адэр.

— Меня не интересует этот трусливый янки, предательски сбежавший в свое время из авианосца «Швабенланд» перед самым началом моей антарктической экспедиции. — Фройнштаг понимала, что заговорить с пилотом о бегстве Брэда со «Швабенланда» контр-адмирал фон Риттер мог только в

том случае, когда был уверен, что его слова дойдут до ушей самого командующего Полярной эскадрой.

— Простите, господин контр-адмирал, тут, видите ли... попытался было урезонить его обер-лейтенант, очевидно, намереваясь сообщить, что командующий американской эскадрой уже слышит их, однако договорить ему фон Риттер не позволил:

— И как адмирала и полярника господина Брэда я тоже не воспринимаю. В свое время он дал согласие идти вместе со мной в Антарктику. А затем трусливо бежал, сославшись на то, что, дескать, это не научная, а сугубо военная экспедиция, да к тому же организованная штабом СС во главе с Гиммлером. Хотел бы я знать, на каких судах прибыл он в Антарктику сейчас, на рыбацких сейнерах?

Адмирал Брэд натужно покряхтел и старательно вытер платочком некстати вспотевший лоб командующий Полярной эскадрой. Кто мог бы предположить, что вскоре сам ты тоже придешь сюда на авианосце, причем во главе целой военной эскадры, сказал он себе. Как бы он ни относился сейчас к адмиралу фон Риттеру, правда все же находилась на его стороне. Но даже если бы Брэд был убежден в его неправоте, он все равно не решился бы вступать с ним в спор: и потому, что радиоэфир — не место для подобных полемик, и потому, что надо было и дальше сохранять инициативу за экс-эсэсовкой.

Фройнштаг понимала, каково сейчас адмиралу Брэду выслушивать язвительные замечания в свой адрес, особенно в глазах старшего радиста, поэтому она сразу же притворно прикрыла глаза ресницами, стараясь не встречаться с ним взглядом. В эти мгновения она чувствовала себя так же неловко, как и старший мастер-сержант, который, низко склонив голову, делал вид, будто внимательно рассматривает разостланную перед ним карту Антарктиды.

— И потом, в представленном мне докладе, — продолжал тем временем барон Людвиг фон Риттер, — речь шла не о нем.

— Вы нравы, господин барон. На связь со мной вышла швейцарская журналистка, сопровождающая экспедицию Брэда в составе группы иностранных журналистов.

«А ведь я ничего не говорила обер-лейтенанту о «сопровождающей эскадру группе иностранных журналистов», — подумала Лилия. — Ридберг явно готовит заместителя коменданта базы к благосклонному восприятию моего появления в среде «янки-америкашёк». Причем делает это психологически точно».

— Вы так и не назвали ее имени, Ридберг.

— Фройнштаг. Гауптштурмфюрер СС Фройнштаг. Ныне — супруга некоего швейцарского банкира, фамилии которого я не запомнил.

— Мне наплевать на фамилию банкира, обер-лейтенант, — взволнованно, явно нервничая, проговорил контр-адмирал фон Риттер.

— Как прикажете, господин контр-адмирал.

— Я спрашиваю вас не о банкире. Вы мне лучше фамилию гауптштурмфюрера повторите. Только внятно и по слогам.

— Фройнштаг, — холодно, и действительно по слогам, произнес пилот. — Гауптштурмфюрер СС из отдела диверсий Главного управления имперской безопасности. Служила под командованием самого Отто Скорцени. Это все, что мне известно.

Барон покряхтел, что-то невнятное проворчал и наконец вполне членораздельно произнес:

— Если только это действительно Фройнштаг, то, конечно же, — под командованием Скорцени. Это лучшая разведчица и диверсантка рейха, Ридберг. Лучшая. Она прошла через такие операции, в которых

мало кто выживал. А под командованием Скорцени служили только такие люди. И я уверен: был бы Скорцени жив, он находился бы сейчас с нами.

Теперь уже настала очередь Фройнштаг прикусить верхнюю губу и мысленно спросить барона: «Кто вас, контр-адмирал, идиот вы эдакий, тянет за язык: «Лучшая разведчица, лучшая диверсантка!»? Однако, взглянув на адмирала Брэда, германка поняла, что тот не склонен ни язвить по этому поводу, ни в очередной раз пытаться уличить ее в шпионаже. Тем более сейчас, когда ему самому досталось от барона фон Риттера.

— Ничего нового для меня в этом нет, мэм, — услышала она из уст командующего эскадрой именно то, что желала услышать. — Мне достаточно хорошо известна ваша фронтовая биография.

— Благодарю вас, сэр.

— Мне очень хорошо известна биография этой мужественной женщины, старший мастер-сержант, — обратился Брэд к радисту, настороженно наблюдавшему за поведением этих двух странных людей.

— Не сомневаюсь, сэр.

— Но военное прошлое — это военное прошлое.

— Госпожа Фройнштаг оказала нам большую услугу, вступив в переговоры с германскими летчиками, — ответил Хастон. — Иначе они попросту могли бы нас сбить. Пока она находится на борту нашей «Кобры», нам, будем надеяться, ничего не грозит.

— Но как она могла оказаться здесь, в Антарктиде? — вновь возник в наушниках Фройнштаг голос.

— Я уже сообщил вам, господин контр-адмирал, что теперь она работает в какой-то швейцарской газете, — по тому, как пилот сказал это, Лилия почувствовала, ему стоило немалого труда, чтобы сдержать свое

раздражение. — А журналисты могут бывать везде, где им заблагорассудится.

— Даже за сотню миль от полюса, на борту американского самолета? Трудно поверить.

— Мы с ней достаточно долго беседовали, господин контрадмирал, чтобы я мог усомниться в ее существовании.

— Вы могли бы связать меня с бортом этого самолета, обер-лейтенант?

— Попытаюсь.

— Сержант, — обратилась Фройнштаг к старшему радисту, — контр-адмирал намерен поговорить со мной. Это удача. Разговор с ним может решить судьбу и базы «Адмирал-Форт», и всей экспедиции.

Прежде чем выйти на связь с обер-лейтенантом Ридбергом, старший мастер-сержант вопросительно взглянул на адмирала Брэда.

— Не теряйте времени, — поторопила его журналистка.

— Считайте, что сейчас здесь командует леди Фройнштаг, — устало молвил полярник. Он вдруг почувствовал смертельную усталость от всего, что здесь происходит. Если уж нельзя было тотчас же вернуться в США, то от жизни он хотел немногого: вернуться на свое место и хотя бы на несколько минут уснуть. — Не забудьте помолить Бога, сержант, чтобы переговоры ее оказались успешными.

— Я прошу вас не оставлять отсек, сэр, — упредила его уход Фройнштаг. — Задержитесь на пару минут.

— Наши сержанты — люди воспитанные, — попробовал отшутиться Брэд, однако журналистка проявила настойчивость:

— Важно, чтобы вы лично присутствовали при разговоре с контр-адмиралом фон Риттером. Во-первых, у барона могут возникнуть вопросы к вам, или у вас — к

нему, а во-вторых, у вас не должно оставаться сомнений относительно темы наших переговоров.

— Сомнений уже не возникает, — молвил адмирал, — но, пожалуй, вы правы, я задержусь.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Выходить на связь с германским пилотом Ридбергом старшему радисту «Кобры» не пришлось, обер-лейтенант опередил его.

— Я получил приказ заместителя коменданта «Базы-211» контр-адмирала фон Риттера вновь связаться с вами, господа, — молвил он, как только услышал голос старшего мастер-сержанта Хастона.

— Слышимость устойчивая, коллега.

— Контр-адмирал хотел бы переговорить с госпожой Фройнштаг.

— Сегодня госпожа Фройнштаг пользуется особым успехом у всех адмиралов Антарктиды.

— В чем я ни минуты не сомневаюсь. Именно поэтому пригласите ее к рации.

Хастон лениво взглянул на адмирала, затем на Лилию и неспешно, голосом дворецкого или отельного портье, добавил:

— Вообще-то, леди просила не тревожить, но если ваш адмирал возжелал видеть ее, сейчас позову.

Лилия улыбнулась. Ей нравился этот смысленый парень, и то, как он ведет себя. Из него мог бы получиться неплохой «диверсионный актер» в стиле штурмбаннфюрера Вилли Штубера^[36], которого Скорцени ценил именно за его умение разыгрывать всевозможные разведывательно-диверсионные сценки, в которых Штубер, несомненно, превосходил даже первого диверсанта рейха.

— Кажется, вы хотели связать меня с контр-адмиралом фон Риттером, обер-лейтенант?

— Не знал, что с нашими адмиралами вы тоже знакомы, гаутштурмфюрер.

— Безнадёжно ревнуете, обер-лейтенант: адмиралы — моя давнишняя слабость!

Оба американских сержанта ухмыльнулись и взглянули на командующего эскадрой, который со стойкостью старого морского волка пытался сохранять невозмутимость.

— «Адмиралы — моя давнишняя слабость!». Прекрасно сказано! — пытался выглядеть ценителем юмора обер-лейтенант Ридберг. — Интересно было бы знать, сколько их в вашей коллекции.

Фройнштаг хотелось тотчас же одернуть это летающего наглеца, в другой ситуации она наверняка так и поступила бы, но сейчас она лишь воркующее молвила:

— Об этом мы поговорим где-нибудь в Цюрихе, за кружкой пива с копчеными свинными ребрышками, национальным лакомством баварцев.

Пилот с удовольствием продолжил бы это эфирное свидание с германкой, но в это время между ним и милой журналисткой возник зычный, властный голос барона фон Риттера.

— А теперь, высокое собрание, я хочу слышать голос женщины, которая осмелилась присвоить себе имя красивейшей из женщин войск СС — Лилии Фройнштаг.

Лилии известен был только один человек, который не мог и трех фраз произнести, чтобы не вставить это свое — «высокое собрание». Поэтому, даже если бы ей не представили этого человека, известного не только по кличке «Странствующий Бездельник», но и по тем мужественным шрамам на теле, которые Фройнштаг исследовала в течение нескольких любовных ночей, — она не спутала бы его ни с кем другим.

— Вы, как всегда, скупы на комплименты, мой адмирал, ибо на самом деле речь идет о красивейшей

женщине Германии, — сразу же ринулась Фройнштаг в атаку, дабы у барона фон Риттера и тени сомнения не возникало, что это именно она, а не какая-то там бордельная эсэсовка из надзирательниц женских концлагерей.

— Неужели я действительно слышу ваш голос, Фройнштаг? — взволнованно спросил фон Риттер после некоторой заминки, понадобившейся ему только для того, чтобы прийти в себя от волнения.

— И не надейтесь, что он вам всего лишь послышался, господин Странствующий Бездельник, — употребила журналистка прозвище, известное только узкому кругу германских полярников и близких к фон Риттеру людей. И этим еще больше расчувствовала адмирала.

Что ни говори, а Барон принадлежал к тем немногим мужчинам, которые не только восхищались ее телом и наслаждались изысканными ласками, но и готовы были вести ее под венец. И будь она рассудительней, уже давно представала бы перед миром в образе баронессы фон Риттер...

Впрочем, в жизни ее был и остается только один мужчина, которого она со спокойной совестью могла называть «любимым». Вот только известен он не как барон Людвиг фон Риттер, а как Отто Скорцени. Намеряла ли когда-либо «Человек со шрамами» на замужество? Никогда! Возможно, обер-диверсанту рейха и в голову ничего подобного не приходило. Но если бы пришло, она чувствовала бы себя не баронессой, а королевой. И ничего, что именовалась бы эта монархиня «королевой диверсантов». Или, может, «диверсионной королевой»? — засомневалась Фройнштаг. Очевидно, в зависимости от ситуации, нашла она компромиссное решение.

— Черт возьми, меня сто лет никто не называл «Странствующим Бездельником»! — возник из глубины

мимолетных воспоминаний адмирал фон Риттер. — Трогательно, что есть еще человек, который помнит это мое прозвище из юности.

— Мы могли бы и еще кое-что вспомнить, — игриво молвила Лилия, убедившись, что процесс опознания и признания завершен.

— Не возражаю, могли бы, — нерешительно подтвердил барон, опасаясь того, что он может услышать после подобного признания.

— Однако оставим это для более романтических встреч.

— Благоразумное решение. А теперь столь же благоразумно объясните мне, Фройнштаг, как вы оказались в самом сердце Антарктиды, да к тому же в салоне американского разведывательного самолета.

— Все, что вам поведал обер-лейтенант Ридберг, правда. Теперь я — швейцарская журналистка, жена банкира Алекса Крафта.

— Вы — жена банкира?! Первая диверсантка рейха и гауптштурмфюрер СС — жена швейцарского банкира? Уму не постижимо! Надеюсь, он не заставляет вас готовить блюда из кошерного мяса и регулярно посещать цюрихскую синагогу? — угрюмо поинтересовался барон.

Фройнштаг знала, что к ярым и откровенным антисемитам барон никогда не принадлежал, для этого он слишком презирал представителей этой нации, причем каким-то странным омерзительным презрением.

— Он — ариец, барон! — усовестила его гауптштурмфюрер С С.

— Теперь среди швейцарских банкиров обнаруживаются и такие — арийцы?! — искренне удивился фон Риттер.

— Представьте себе.

— Кто бы мог предположить?! Как же давно, высокое собрание, не был я в сердце Европы! Как

безнадежно давно.

— Ладно-ладно, барон. В конце концов, мужчин, желающих стать мужьями эсэсовок, по картотекам «Рассе унд Зидлунгсхауптамта»^[37] в Швейцарии проверять не принято. Все-таки нейтральная, богобоязненная страна, не подлежавшая оккупации германских войск.

— Не подлежавшая, Фройнштаг, — вот в чем дело! Один из серьезнейших просчетов фюрера. А ведь когда решался вопрос: «Оккупировать ее или не оккупировать?», я был яростным приверженцем решительного ввода войск.

— Причем настаивали, чтобы первым в насквозь сухопутную Швейцарию ввели ваш доблестный военноморской флот, адмирал, — съязвила Фройнштаг. — Кстати, не забывайте, что сама я тщательнейшим образом проверена специальной следственной комиссией Нюрнбергского международного трибунала. И если и была оправдана из-за отсутствия в моих действиях каких-либо признаков военных преступлений, то только потому, что никогда не значилась в списках юдофобов.

— Не обольщайтесь, Фройнштаг быть оправданным следственной комиссией Нюрнбергского трибунала — в глазах нашей службы безопасности и нашей общественности — не такая уж заслуга, — проворчал Странствующий Бездельник, — У нас здесь, высокое собрание, иные критерии.

— Не сомневаюсь, — постепенно ожесточалась Фройнштаг. — Но в таком случае вы должны помнить, что отсиживаться в ваших ледяных норах в то время, когда в растерзанной врагами Германии и в сопредельных ей землях мы всячески пытаемся отстоять свою родину и возродить ее, — тоже доблести

не много. И что касается моего мужа, то он, бывший флотский офицер Германии, — вне подозрений.

— Теперь, высокое собрание, это уже вне сомнений, — молвил контр-адмирал, чтобы поскорее успокоить женщину, подарившую ему несколько поистине прекрасных ночей. Правда, в те времена он не замечал, чтобы Фройнштаг так нервничала по мелочам. Порой Людвигу казалось, что эта женщина вообще без нервов.

— У вас, в ледовых подземельях, свое общественное мнение, у нас — свое. Не находите, господин контр-адмирал?

— Может, и так.

— Но это ваш мир, а то — наш; как-то так уж случилось, что мы представляем разные миры. И давайте исходить из того, что теперь я — журналистка, аккредитованная при экспедиции адмирала Брэда рядом швейцарских и иностранных газетных изданий, оказалась в американском самолете под прицелом ваших асов.

— Так уж сложились обстоятельства, высокое собрание.

Брэд уловил тот момент, когда отношения германцев вновь обострились и зашли в тупик и, где шепотом, а где — жестикулируя, стал убеждать Фройнштаг, чтобы она смягчила тон и уговорила фон Риттера убрать свой эскорт. Как только Лилия дала знать, что смысл волнений адмирала ей понятен, в проеме отсека возник второй лейтенант морской пехоты Максвилл. Его появление оказалось весьма кстати: адмирал тотчас же снял наушники и, вытеснив морского пехотинца из отсека, приказал:

— Немедленно — в кабину пилота. Пусть разворачивается и берет курс на стоянку эскадры. Не обращая при этом внимания на поведение германских пилотов, их предупреждения, и угрозы.

— А если германцы откроют предупредительный огонь? — попытался уточнить второй лейтенант.

— Даже если откроют огонь на поражение. Огонь в ответ — и уходить в сторону эскадры, иначе они будут гнать нас в глубь Антарктиды до тех пор, пока у нас не кончится горючее. Могила на Южном полюсе — это, может быть, и престижно, да только не для меня. Выполняйте приказ, лейтенант. — Как только второй лейтенант ушел, Брэд вернулся в отсек. — Отвлекайте его, заговаривайте, — едва слышно попросил Фройнштаг. — Уходим на авианосец.

— Кстати, напрасно вы, адмирал фон Риттер, считаете, — мгновенно оживилась журналистка, — что Скорцени погиб. Еще в сорок четвертом году американский генерал-майор Доновэн из службы Алена Даллеса^[38] стремился, заручившись поддержкой своего шефа, заполучить Скорцени. Когда в мае-июне прошлого года Международный трибунал начал слушать «Дело о Мальмеди»...

— То есть об участии диверсантов Скорцени в операции против англичан и американцев в их тылу в Бельгии в районе Арденн, — решил проверить свою память барон фон Риттер.

— Совершенно верно, адмирал. Так вот, среди более сотни подсудимых из числа диверсантов, действовавших в тылу противника в его форме, Скорцени не оказалось. Доновэн, насколько мне известно, так и заявил членам следственной комиссии, что Скорцени «славный парень» — «This is fine fellow!».

— Он прав, Фройнштаг. Хотя в той войне Доновэн и был нашим противником, но он прав.

Фройнштаг порывалась ответить, однако в эту минуту пилот начал резко разворачивать машину и так же, как и адмиралу, ей пришлось ухватиться за краешек привинченного к полу столика.

«Только бы германцы не открыли огонь, — пронеслось в сознании адмирала Брэда — Только бы они смирились с этим разворотом и нашим уходом в сторону эскадренной стоянки!»

— Говорите, говорите, — едва шевеля губами, подзадорил он Фройнштаг, воспринимая ее переговоры с бароном фон Риттером, как единственную надежду на избежание конфликта.

— Конечно, одной похвалы генерала Доновэна оказалось бы недостаточно для спасения первого диверсанта рейха, — мгновенно отреагировала Лилия, — поэтому накануне суда американцы вовремя поместили его в госпиталь и таким образом буквально вырвали из рук палача.

— И все же наши наземные агенты сообщали, что Скорцени все же был предан суду. Правда, источник был ненадежным.

— Со временем его и в самом деле судили, но это уже был другой процесс, другие судьи и другая компания обвиняемых. Но и тогда американский генерал-майор Макклур^[39], выступавший на этом процессе в роли обвинителя, поразил судей тем, что заявил: если бы в его войсках служили такие офицеры, как Скорцени, он гордился бы этим. К тому же американский юрист подполковник Дарст предложил судьям вынести относительно Скорцени оправдательный приговор.

— И первого диверсанта действительно оправдали?! — при всем своем уважении к Скорцени барон не мог скрыть сопровождавшей его вопрос иронии. — Такое действительно произошло?

— Можете в этом не сомневаться. При этом, конечно, сыграло свою роль и предложение американского юриста, именно американского...

— Одним словом, теперь Скорцени, очевидно, работает в США, вместе с Ракетным Бароном Вернером фон Брауном? Хотя, было бы логичнее искать его, высокое собрание, в одной из диверсионных школ, в которых готовят агентов для заброски в Совдепию.

— Наверное, так оно и случилось бы, но, увы, насколько мне известно, сейчас он все еще находится в одном из американских лагерей для военнопленных^[40].

— И не бежал оттуда, прихватив с собой начальника лагеря и начальника охраны? На Скорцени это не похоже. Кстати, вы не пытались как-то помочь ему?

— Нет, — решительно ответила Лилия.

— Странно, высокое собрание, странно.

— Если бы пыталась, то не стала бы гражданкой Швейцарии, а значит, не выполнила бы... — Фройнштаг запнулась на полуслове и, поняв, что слишком увлеклась откровениями, мельком взглянула на адмирала Брэда. Встретиться с его взглядом не удалось, командующий эскадрой прослушивал их разговор, глядя в окно, однако лицо его показалось журналистке предельно напряженным. — Впрочем, Скорцени в моей помощи не нуждается и запретил мне официально интересоваться его судьбой.

— Это как раз вполне объяснимо, — признал фон Риттер.

Окажись гауптштурмфюрер СС чуточку искреннее или была бы уверена, что при их разговоре не присутствуют чужие уши, то призналась бы, что на самом деле все выглядело иначе. В реальности она, конечно же, заботится и о том, чтобы капиталы Скорцени надежно хранились на анонимных счетах «Альпийского банка» ее супруга, и о том, чтобы уже сейчас какая-то часть средств шла на поддержку Скорцени и оплату услуг тех лиц, которые его охраняют

и от которых зависят условия содержания первого диверсанта рейха в лагере.

В частности, совсем недавно ей удалось устроить начальником отдела цензуры почтовой корреспонденции лагеря одну из своих бывших агентов — фрау Шретер^[41], благодаря чему несколько писем удалось передать Скорцени таким образом, что они не были вскрыты и не привлекли внимания лагерной администрации.

— А вот куда исчезли вы, адмирал фон Риттер, многие ваши знакомые так и не поняли. Им и в голову не приходит, что от земных забот вы скрываетесь в глубинах Антарктиды.

— Все мы вынуждены жить в условиях строгой секретности. А забот здесь хватает. Причем вполне земных.

— Так, может, стоит подумать о том, чтобы вернуться в тот, Господом завещанный нам, наземный мир. В Швейцарии адмиралам особо развернуться негде, но ведь что-нибудь можно было бы придумать.

Адмирал тяжело вздохнул, прокашлялся, словно в горле у него запершило, но очень быстро овладел собой и все тем же уверенным, зычным голосом проговорил:

— Обсуждать подобные темы у нас не принято. И потом, время от времени я все же посещаю ваш, наземный мир, но с каждым посещением он представляется мне все менее привлекательным и защищенным. И все более — коммунистическим. Да и вам, Фройнштаг, он теперь тоже душу не очень-то ласкает.

Фройнштаг не ответила, и в эфире на какое-то время воцарилось неловкое молчание, установившееся по вине журналистки. Оно понадобилось швейцарской подданной, чтобы перейти к основной сути разговора с заместителем коменданта «Базы-211». К этому ее

подталкивал и откровенно осуждающий взгляд другого контр-адмирала — Брэда, справедливо полагавшего, что Фройнштаг давно следовало бы покончить с воспоминаниями своего эсэсовского прошлого и подумать о том, что на хвосте у них все еще висают — причем неясно с какой целью — два германских истребителя.

— Господин контр-адмирал, как журналист я хотела бы обратиться к вам с совершенно официальной просьбой.

— Слушаю вас, Фройнштаг, — как-то замедленноотреагировал фон Риттер, очевидно, догадываясь, какого рода просьба последует сейчас из уст давнишней подруги Скорцени.

— Не могли бы вы найти своим крылатым рыцарям какое-то иное занятие, кроме как преследовать наш исследовательский самолет. Я, конечно, понимаю, что вашим орлам тоже следует время от времени подышать чистым морозным воздухом, но при этом им не обязательно второй час висеть у нас на хвосте.

— Вы не точны в выражениях, гауптштурмфюрер СС, — мягко, почти вкрадчиво, заметил фон Риттер. — Не исследовательский, а разведывательный.

— Считаете, что здесь, в Антарктиде, это существенно, какой именно самолет нам выделили для полета?

— Для нас, высокое собрание, — да, существенно.

— Просто он наиболее приспособлен к длительному автономному полету, и в нем более-менее комфортно. Замечу, что на авианосце нет ни одного пассажирского самолета. А усаживать швейцарскую журналистку на колени пилоту-истребителю или помещать ее в бомболюк бомбардировщика, — согласитесь, барон, как-то невежливо. Поставьте себя на место адмирала Брэда.

— С удовольствием готов поменяться с ним ролями, но только для того, чтобы заботиться о вас, Фройнштаг.

— У меня создается впечатление, что, будь вы на месте Роберта Брэда, мне пришлось бы летать, сидя на заднем колесе шасси одного из ваших «фокке-вульфов». — Под сдержанный, но одобрительный смех сержантов-радистов Фройнштаг взглянула на адмирала Брэда, и тот охотно кивнул, давая понять, что теперь ходом разговора он доволен. — Кстати, у вас была возможность петь мне серенады посреди ледяной пустыни Антарктиды, тогда, в тридцать восьмом, когда вели сюда свой «Швабенланд».

— Вы все еще вспоминаете о тех временах? — оживился фон Риттер, и в голосе его послышались ностальгические нотки неисправимого романтика.

— Разве о них можно не вспоминать?

— Да, авианосец «Швабенланд», антарктическая экспедиция барона фон Риттера, о которой сообщают газеты чуть ли не всего мира. И, конечно же, награды, поздравления фюрера...

— Влюбленные взгляды всех жен морских офицеров в Гамбургском порту.

— Согласитесь, Фройнштаг, что и на мою долю тоже выпало немного мирской славы.

— А на мою — нет, — сухо напомнила Лилия. — И произошло это по вашей вине, барон фон Риттер. И не пытайтесь отрицать этого.

— Видите ли, высокое собрание, в то время сложилась такая ситуация, когда я просто вынужден был...

— ...Когда вы делали все возможное, чтобы не допустить меня на борт авианосца «Швабенланд», а попросту — избавиться от бедной, романтической женщины.

— Знали бы вы, Фройнштаг, сколько раз я потом жалел об этом во время долгой полярной экспедиции!

— Это единственное, что хоть как-то способно оправдать вас, мой адмирал. Если только и на сей раз не обманываете все ту же бедную и все так же романтично настроенную по отношению к вам женщину.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

В самый разгар милой беседы Фройнштаг с германским контр-адмиралом фон Риттером в отсек заглянул радист экипажа «Кобры». Он был настолько взволнован, что от природы бледноватое лицо его казалось бледнее обычного.

— Извините, что вторгаюсь, сэр, — обратился он к командующему эскадрой Роберту Брэду, — но сообщение слишком важное.

— Излагайте, — неохотно расставался с наушниками адмирал, полагая, что его отрывают от прослушивания переговоров в самом интересном месте.

— Нам лучше выйти и поговорить вне отсека, сэр.

— Тогда выйдем. — Адмирал прикрыл за собой дверцу радиоотсека, однако отправляться в свою адмиральскую «каюту» не захотел, остановился справа от двери, заставив остановиться и радиста. — Что там произошло, сержант?

— Отряд истребителей, который шел нам навстречу, был перехвачен самолетами германцев.

— У них что, здесь целая авиабаза? — медлительно поинтересовался адмирал, давая понять, что нападение германских асов никакой неожиданности для него не составляет.

— Причем подземная и, очевидно, не одна.

— Надо бы получить какие-то более-менее точные сведения, — задумчиво проговорил Брэд, отрешенно глядя в иллюминатор. — И как развивались события дальше?

— Командир германских асов потребовал, чтобы самолеты полковника Колдуэна вернулись на авианосец.

— Осатанели! — возмущился командующий эскадрой, что-то прорычал про себя и натужно повертел головой, словно самым этим движением пытался заставить американских пилотов проигнорировать указания рейхатлантов.

— Наши пилоты были того же мнения, поэтому и не подчинились. Завязался настоящий воздушный бой. Мы потеряли два самолета, один из которых упал на льды и взорвался, а другая машина чудом дотянулась до посадочной полосы «Адмирал-Форта» и, будучи легкораненым, пилот все же сумел посадить ее, основательно поврежденную.

— Стоп! Что происходило дальше: германские пилоты преследовали эту машину, попытались атаковать ее на земле?

— Нет, — решительно повертел головой радист, удивленно глядя на адмирала.

Он не понимал, почему вдруг адмирала заинтересовала столь несущественная деталь. Ведь сказано уже было, что германский самолет благополучно приземлился и уцелел.

— Это существенно, — не согласился с неозвученным ходом его мысли Доктор Брэд. — очень существенно.

— Возможно, им попросту не позволяла ситуация.

— Но ведь самолеты, уходившие к месту стоянки эскадры, они тоже не преследовали?

— Нет, сэр.

— Вот видите.

— Честно говоря, нет, не вижу, точнее, не понимаю. Это... имеет какое-то значение, сэр?

— Для объяснения сути наших отношений — да. Того, как они складываются. С антарктическими

германцами мы ведь сталкиваемся впервые? Впервые. И как, видите, эти антарктидиты, или как их там следует называть, не ставят своей целью, во что бы то ни стало уничтожать наши самолеты и наших пилотов.

— Но ведь самолеты наши они все же сбивают, сэр, — сыграла в летном радисте некая профессиональная обида на германцев.

— Это еще ни о чем не говорит.

— Да? Вы так считаете, господин адмирал? — растерянно уточнил радист.

— Во всяком случае, не свидетельствует об их изначальной агрессивности по отношению к нам, В конце концов, их вынуждают обстоятельства. Но это уже из области стратегии, а значит, армейской аналитики.

Радист замялся, не зная, как ему воспринимать такую реакцию командующего Полярной эскадрой. Он попросту не способен был уловить ход его мыслей. Точнее, он улавливал, однако при этом ход его собственных мыслей абсолютно не совпадал с ходом мыслей адмирала. И не свидетельствовали в его пользу. Командир их авиаотряда полковник Колдуэн такого хода мыслей не одобрил бы — это уж точно.

Радист уже хотел распрощаться с адмиралом, но в последнюю минуту вдруг вспомнил, что доклад-то он не завершил.

— Замечу, сэр, что германцы тоже потеряли одну машину, которая грохнулась в двух милях к юго-западу от нашей базы.

— Вот видите, — назидательно молвил адмирал. — Сбили они — сбили мы. Обычная бухгалтерия войны. А главное, положено начало, — вновь неожиданно спокойно отреагировал контр-адмирал.

— Оно положено, сэр, — как можно лаконичнее признал радист, не решаясь более вступать с

адмиралом в полемические рассуждения. — Хотя полковник Колдуэн этого не одобрил бы.

— Поэтому запомните этот день, сержант, — возбужденно молвил командующий Полярной эскадрой, не обращая внимания на мнение полковника, очевидно, уже давно превратившегося в кумира этого сержанта.

— Как прикажете, сэр.

— Исторический день первого воздушного боя в небе Антарктиды!

— Именно Так все и происходило, сэр.

— Однако вы все еще не завершили свой доклад, сержант.

— Как я уже говорил, германцы наши самолеты не преследовали, но и наши тоже вряд ли станут повторно прорываться сквозь их заслоны. И поскольку они разлетелись в разные стороны, то совершенно ясно, что подкрепления мы уже не получим.

— Из этого следует, что германцы не пытались уничтожить наше звено, а лишь добивались того, чтобы самолеты из воздушной эскадры полковника Колдуэн не смогли придти нам на помощь.

— Если только это способно утешить нас, сэр.

Брэд открыл дверцу радиоотсека и, не спеша, вошел в него.

— По крайней мере, теперь нам известен их принцип: не вступать в крупномасштабные бои, придерживаясь тактики сдерживания американских самолетов и кораблей, максимально ограничивая их действия.

Умолкнув, адмирал обратил свой взор на германку и вновь облачился в наушники.

— А зачем вам понадобилось вести сюда целую эскадру военных судов во главе с авианосцем? — услышал он голос барона фон Риттера. — Да еще и с эскадрилей боевых самолетов на борту?

«А до сих пор они о чем говорили?! — изумился адмирал, наблюдая за тем, как, пятясь, сержант-радиист оставляет радиорубку. — Объяснялись друг другу в любви, что ли?! На фронтовые воспоминания это не похоже».

— Во-первых, понадобилось не мне, а американцам. А во-вторых, как вы думаете, зачем?

— Это вы меня спрашиваете? — холодно обиделся фон Риттер.

— Неужели вы считаете, что свою Полярную эскадру американцы нацеливали на вас?

— На кого же еще, позволю себе спросить столь высокое собрание?

— О вашем существовании им почти ничего не было известно. Если бы у вас, фон Риттер, и, естественно, у адмирала фон Готта, хватило ума не устраивать эти поднебесные скачки, американцы так и ушли бы из Антарктики с уверенностью, что «База-211», Рейх-Атлантида и Страна Атлантов во главе с правителем Внутреннего Мира, — всего лишь одна из полярных легенд, каковых создано уже немало.

— Существует иной подход: если все вы останетесь здесь, во льдах, — неожиданно резко парировал фон Риттер, — то и легенда тоже останется легендой. Разве что добавится еще одна — о странной гибели эскадры американского адмирала Брэда. Но после Второй мировой, поглотившей миллионы жизней и десятки подобных эскадр, этим исчезновением уже никого не удивишь.

— Вместо этой эскадры придут новые, англо- и русско-американские. Против вас ополчится весь мир. И вместо беззащитного самолета, в котором нахожусь сейчас я, на вас упадут ракеты с атомными зарядами, чтобы превратить вашу Рейх-Атлантиду в еще одну заурядную японскую Хиросиму, о которой вы тоже наверняка слышаны. Так слышаны или нет, а,

барон? — поинтересовалась Фройнштаг привычным голосом следователя СД.

— Наслышан, высокое собрание, — процедил фон Риттер, — наслышан.

— До вашего появления здесь подземные атланты так и вели себя, поэтому до сих пор факт самого существования их оставался известным лишь очень узкому и неразговорчивому кругу избранных. Вы же налетами своих «мессершмиттов» и «фокке-вульфов» ставите планету на грань новой войны.

— У нас нет такого стремления, гауптштурмфюрер.

— Хотелось бы верить, барон, вот только говорите вы все это как-то слишком уж неубедительно.

— Мы, осмелюсь доложить высокому собранию, хотим только одного: чтобы нам дали возможность жить так, как нам завещано Господом жить во Внутреннем Мире.

— Почему же ведете вы себя так, словно стремитесь к новой войне, теперь уже — войне двух земных миров, которые доселе мирно сосуществовали? И среди первых провоцируете на эту войну американцев, которые после вхождения русских в Берлин стали вашими основными союзниками.

— Мы не нуждаемся в союзниках, которые помогали русским добивать нас, В Наземном Мире у нас, высокое собрание, союзников нет, есть только территории, которые мы используем в наших целях. Наши истинные, природные союзники — в глубинах Ледового Континента. Наверху — только те, кто уже давно стал нашими врагами, и те, кому еще только надлежит ими стать.

— Опасное заявление, барон фон Риттер. И вы знаете, к чему оно приведет.

— Война — так война, нам, высокое собрание, к этому не привыкать.

— Своей безрассудностью, наш Странствующий Бездельник, вы ставите под удар все то, что по личному приказу фюрера годами создавалось ради сотворения Четвертого рейха, создания Рейх-Атлантиды, спасения остатков созданной фюрером Великой Германии. И тем людям, которые действуют сейчас в Европе от имени фюрера и его идей, может очень не понравиться ваше обрекающее Рейх-Атлантиду на гибель авантюристское бездумье, барон.

— Вы пытаетесь угрожать мне?

— Не пытаюсь, а угрожаю. Иначе какого дьявола мне понадобилось бы мытарствоваться в этой ледовой пустыне? Так что самолеты свои уберите и подумайте над тем, как бы встретиться с адмиралом Брэдом и все спокойно, по-деловому обсудить.

— Что именно, какие вопросы американцы хотели бы обсудить с нами? — ухватился за эту идею барон фон Риттер.

— Как жить дальше и как наладить связи с правительством США.

— Но это, высокое собрание, невозможно. Правитель Внутреннего Мира не согласится на какие-либо переговоры с каким-либо наземным правителем.

— Когда-то это было невозможно, однако времена меняются. Или ваш Правитель так и не понял этого? Вас-то он пустил в свой подземный мир, хотя до этого никого туда не впускал. Значит, что-то в его сознании, в мировоззрении и принципах меняется!

— Очевидно, да.

— И потом, речь ведь пойдет о секретных переговорах по поводу секретных связей, при полной конфиденциальности условий переговоров. Имея при этом в виду, что вскоре сюда придут эскадры русских. Морские и воздушные. И церемониться с вашими «мессерами» они не станут, как не церемонились под Сталинградом и Курском.

— С нашими «мессерами», гауптштурмфюрер СС, — теряя самообладание, напомнил фон Риттер новопосвященной швейцарке Фройнштаг о ее происхождении. — Нашими с вами, германскими «мессерами». Или все вы там, наверху, в Наземном Море, уже окончательно русифицировались и американизировались, забывая, кем были ваши предки?

— Не знаю, не знаю, барон. Не будем уточнять: «наши» — «ваши», однако замечу, что, снаряжая в Антарктику боевую эскадру, правительство США, прежде всего, опасалось увидеть здесь аналогичную эскадру русских. И к этому следовало быть готовыми. Кстати, насколько мне известно, русские уже тоже владеют ядерным оружием, о котором через год-другой узнает весь мир. И тоже готовятся захватить если не всю, то значительную часть Антарктиды.

— Вот этого, «наземной экспансии», и побаиваются сейчас в Золотой Пирамиде Жизни^[42].

— Где-где?! — не поняла Фройнштаг.

— Это уже не имеет значения, — ушел от каких-либо объяснений контр-адмирал фон Риттер.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Фройнштаг пыталась завершить переговоры с фон Риттером приглашением его на авианосец или хотя бы на базу «Адмирал-Форт», однако барон неожиданно резко прервал ее попытку:

— Не вовремя вы, гауптштурмфюрер. В воздухе над Антарктидой уже пролилась первая кровь и опали первые крылья. И высокое собрание встревожено.

Для Фройнштаг новостью это не стало, тем не менее она наивно поинтересовалась:

— Хотите сказать, что ваши асы все же напали на самолеты США?

— Теперь трудно установить, кто там и на кого нападал, — раздраженно ответил Странствующий Бездельник. — Факт в том, высокое собрание, что столкновение состоялось.

— И даже не имеет смысла устанавливать, поскольку в любом случае этот бой будет воспринят правительством США как объявление Штатам войны.

— Мы этого не боимся, — мрачно огрызнулся барон фон Риттер.

— Боитесь, Правда, при этом полагаетесь на своих покровителей из Страны Атлантов. Но и они тоже не склонны накалять страсти, помня, что у американцев тоже вскоре появятся свои «дисколеты».

— Не уверен. Даже мы пока еще не достигли в этом проекте тех технических характеристик, которых сумели достичь инопланетяне и которыми они поделились с подземными атлантами.

— Кстати, — не стала Фройнштаг и дальше муссировать проблему «дисколотов», — говорить о том, что ваши самолеты защищали воздушное пространство некоей Рейх-Атлантиды, не приходится, ибо ни страны такой де-юре не существует, во всяком случае, никто не объявлял о ее существовании, ни территория этой страны на карте Антарктиды не очерчена.

— И что из этого следует?

— Нет очерченных, признанных другими странами границ, — нет и воздушного пространства, ибо его попросту не может быть.

— Пусть этим занимаются дипломаты, — почти с яростью пробасил барон фон Риттер.

— Вы напали на самолеты Полярной эскадры, самолеты, которые, хотя и являются военными, однако использовались в качестве полярных самолетов-исследователей. Я правильно осмысливаю происшедшее, барон?

— Вы осмысливаете ее мозгами американки, — вот что я обязан сказать вам, Фройнштаг.

И на этом связь прервалась. Лилия ожидающе уставилась на старшего мастер-сержанта, но тот лишь беспомощно подал плечами.

— Будем считать, что вы уже обо всем поговорили, мэм, — молвил он. — Диалог и так непростительно затянулся и, как видите, завершился...

— Хотите сказать «ничем»?

— А начинался многообещающе, — не стал щадить ее Хастон. — Просто удивительно, что на борту «Кобры» оказалась женщина, знающая все руководство Рейх-Атлантиды. Но в разговоре с бароном фон Рихтером вы, мэм, явно увлеклись.

— Обмениваться любезностями будете на авианосце, — ревниво осадил их адмирал Брэд. — А пока что, Хастон, свяжитесь с радистом «Флориды» и сообщите, что...

Договорить адмирал Брэд не успел, напоровшись на испуганное лицо старшего радиста, словно крейсер на подводную скалу, он умолк и растерянно уставился на Хастона.

— Связи нет, сэр, — покачал тот головой, окаймленной наушниками, — Такого не должно было произойти, но ее нет.

— Мы без связи, джентльмены, — подтвердил его слова штаб-сержант Адэр, нервно колдуя над своей аппаратурой.

Не дожидаясь реакции командующего эскадрой, Хастон включил внутреннюю аварийную связь, работающую от автономного питания.

— Вниманию экипажа: мы потеряли связь с «Флоридой» и базой «Адмирал-Форт». Мы потеряли связь...

— Не части, сержант, — прервал его сообщение командир «Кобры» капитан Элфин, — мы ее тоже потеряли. Адмирал у вас?

— Извините, сэр.

— Адмирал у вас?

У нас, сэр, — ответил штаб-сержант, уступая свое кресло командующему эскадрой. На его месте слышимость была получше.

— Слушаю вас, Элфин.

— С северо-запада на нас надвигается огромный дисколет, сэр. Скоро мы можем остаться не только без связи, но и без двигателей.

— Огонь не открывать! — мгновенно отреагировал Брэд.

— Экипажу: огонь не открывать! — продублировал его приказ Элфин.

— Дисколет — тот же, который навещал нас в море Уэдделла?

— Не уверен, сэр. Не знаком с типами. Возможно, когда он приблизится...

— Впрочем, это не так уж важно.

— Было бы хорошо, если бы в эти минуты вы находились рядом со мной, сэр. Наверное, они пойдут на переговоры.

— Несомненно, пойдут, — не веря своей собственной твердости, молвил адмирал.

— Прихватите германку-журналистку, сэр. Возможно, нам понадобится переводчик. К тому же она — бывший офицер армии рейха.

— Согласен, это способно повлиять на ход мыслей дископилотов. Но лишь в том случае, если дисколет пилотируется германцами. А я в этом сомневаюсь. Нет у «Базы-211» дисколетов. Не может быть. Во всяком случае, пока что не может быть. Не успели они.

— Но германцы на борту все же будут, — настоял на своем капитан. — Даже в том случае, когда дисколет принадлежит арий-атлантам.

* * *

Брэд довольно хорошо владел германским языком и вполне мог бы обойтись без Фройнштаг, однако отказываться от ее помощи не торопился. Могло случиться так, что в переговоры вновь вступит барон фон Риттер, который терпеть не может «трусливого адмирала Брэда», или же на «дисколете» окажется сам вице-адмирал фон Готт. В любом случае присутствие гауптштурмфюрера СС Фройнштаг не помешает.

Пока они добрались до тесной кабины пилотов и расположились — адмирал в кресле штурмана, а Фройнштаг — на откидном кресле рядом с радистом, «дисколет» уже завис над «Коброй» подобно мощной свинцовой туче. Хорошо, что первая встреча с этой «матроной», подумала Лилия, хотя и вызвала у тебя настоящий шок, однако завершилась мирным исходом.

Иначе трудно представить себе, как бы ты теперь чувствовала себя.

— Что будем делать, сэр? — спросил первый пилот.

— Пока что — молиться, только молиться.

Мудрый совет, прокомментировала про себя Фройнштаг.

— А что, истинно солдатское занятие, — иронично признал, вслед за ней Элфин. И по наигранно бесшабашному голосу его гауптштурмфюрер СС поняла, что пилот рад возможности отвлечься от осознания той безысходности, в которую всех их завел присутствовавший здесь адмирал.

— Как вы, Фройнштаг? — спросил адмирал, развернувшись в сторону журналистки.

— Следую вашему совету, непобедимый адмирал.

— Соберитесь, вы должны быть готовы.

— К молитве?

— К разговору с адмиралом фон Готтом.

Несмотря, на угнетающую обстановку, царящую в кабине «Кобры», журналистка все же сумела романтично улыбнуться, и только одна она знала — что именно, какие воспоминания и ассоциации, скрываются за этой ухмылкой Джоконды.

— Неужели вы считаете, что на этом небесном «Опеле» к нам явился сам комендант «Базы-211»?

— И вы должны предстать перед ним настоящим офицером СД, гауптштурмфюрером СС.

— Бывшим гауптштурмфюрером СС, — напомнила Фройнштаг.

— «Бывших» офицеров СС не бывает, и вам это прекрасно известно, мэ.м.

— Обычно ваши слова действуют просветляюще, мой адмирал, однако на сей раз...

— Что «бывших» офицеров СС не бывает — должно следовать из вашей клятвы и ваших убеждений, гауптштурмфюрер. Поэтому соберитесь и ведите себя,

как подобает офицеру СД, которая и через полтора года после войны все еще остается... службой безопасности СС. На антарктических германцев это тоже должно произвести надлежащее впечатление.

— Спасибо за напоминание, сэр, — холодно ответила Фройнштаг, и в самом деле перевоплощаясь в мужественную, невозмутимую арийку, каковой и подобает быть офицеру СС, а тем более находящемуся на службе в СД. — То, что вы сейчас сказали, — намного принципиальнее, чем вам кажется.

— Уверен в этом, — загадочно молвил адмирал, уже отвернувшись и вперив свой взор в могучий корпус таинственного летательного аппарата.

Впервые увидев Лилию в форме служащей СС, ее первый наставник, по рекомендации которого она, собственно, и была принята в ряды германской военной элиты, штандартенфюрер граф фон Шверинг, изрек: «Принадлежать к арийской элите, ощущать себя истинным арийцем так же непросто, как и принадлежать к аристократической элите Европы. Тут мало удостоиться титула барона или графа, нужно еще почувствовать себя этим бароном или графом, осознать себя им, воспитать в себе этого «барона» или «графа». Поэтому прежде чем примерять на себя тогу истинной арийки, поинтересуйтесь, готовы ли вы облачиться в нее, чтобы предстать перед миром в облике не только аристократа титула, но и аристократа духа».

Сейчас, перед лицом смертельной опасности, которая в буквальном смысле нависла над ней, Фройнштаг сказала себе: «А теперь скажи, хватит ли у тебя мужества все еще считать себя истинной арийкой, а значит, и принять смерть, как подобает арийке?...Так не пора ли спросить себя: не слишком ли рано ты примеряла на себя тогу аристократки духа, не имея для этого никаких оснований, даже в виде аристократического титула».

Хотя Фройнштаг и старалась не задерживать взгляд на корпусе «дисколета», чтобы не вводить себя в лишние переживания, однако сумела определить, что «дисколет» опустился ниже; еще немного, и он может буквально смять своей массой корпус такого хрупкого на его фоне самолета. — Похоже, что эта небесная сковородка намерена усесться на нас и вогнать в землю, — изрек капитан Элфин, стараясь выглядеть при этом как можно мужественнее.

— Именно так все и произойдет, — отрешенно как-то признал Брэд, и первый пилот с удивлением взглянул на него, как бы демонстрируя свое недоумение, а может быть, и разочарование.

«А что ты, янки, рассчитывал услышать сейчас от своего адмирала? — мысленно вступилась за полярника Фройнштаг. — Все, что он способен предпринять, так это приказать тебе действовать, исходя из ситуации. Поэтому считай, что приказ этот ты уже получил».

Лилия прижалась лицом к боковому стеклу кабины и прикинула, что до сероватого, алюминиево-свинцового днища «дисколета» было метра четыре — не больше.

— Не раз фантазировала, адмирал, по поводу того, каковой она будет — встреча с посланцами иных миров.

— И, конечно же, разочаровались.

— Представить себе не могла, что все может выглядеть настолько банально.

Лилия чувствовала, как некая сила вжимает ее в кресло, наваливается на нее, обволакивает и поглощает. Порой Фройнштаг чудилось, что она вот-вот растворится в некоем поднебесном эфире. «Атмосфера плотного воздуха» — вдруг вспомнила она о том, чего добивались высшие посвященные от СС во время своих секретных собраний в замке «Вебельсберг» или в каких-то там иных таинственных местах, вроде подземного «Регенвурмлагеря»^[43], все еще засекреченного где-

тотам, на правом, и вновь польском, берегу Одера. «Атмосфера плотного воздуха», — повторила Фройнштаг, чувствуя, что в пилотской кабине, в самой атмосфере ее, происходит что-то странное. «Атмосфера плотного воздуха» постепенно перевоплощалась в какую-то соборную тишину.

— Двигатели! — неожиданно закричал первый пилот. — Черт возьми, что с двигателями?! Бортмеханик, двигатели!

— Бортмеханик здесь сэр! — отозвался дрожащий, а потому кажущийся почти мальчишеским, голосок из закутка позади кресла второго пилота. — Двигатели заглушены. Мы идем без двигателей!

— Они заглушили наши двигатели! — еще испуганнее прокричал второй пилот. — Мы планируем, сэр!

— Мы не способны так долго планировать, — возразил капитан Элфин. — Это уже не планирование, это черт знает что. Похоже, нас попросту куда-то волокут!

Фройнштаг глянула в боковой иллюминатор и ничего не увидела за ним, кроме сплошной свинцовой пелены. Не существовало больше ни освещенного ярким холодным солнцем поднебесья, ни снега, ни ледяных гор. Можно было подумать, что их самолет оказался в каком-то неузнаваемом и непознанном землянами пространстве.

«Именно там, в этом пространстве, он и оказался, — с каким-то злорадством самоубийцы, намыливающим петлю, объяснила себе журналистка. — И тут уж ничему не стоит удивляться».

— Прекратить истерику! — сугубо по-армейски попытался успокоить экипаж адмирал Брэд. — Сохранять спокойствие. Выполнять приказы пилотов дисколета.

— Если только они последуют, — огрызнулся первый пилот.

— Последуют. Причем очень скоро. Было бы нам суждено погибнуть, мы бы уже давно погибли, — резонно заметил адмирал. — Но мы живы и все еще в воздухе. Следовательно, для чего-то мы им нужны.

Только теперь Фройнштаг поняла, что ее поражало в ощущениях «плотного воздуха» — исчез гул двигателей, а она почему-то не обращала на это внимания, постепенно впадая в состояние некоего полугипнотического транса. «Говоря об «атмосфере плотного воздуха», высшие посвященные СС, возможно, имели в виду именно то состояние, в котором ты сейчас пребываешь — объяснила себе Фройнштаг. — Хотя тебе от этого открытия не легче».

Пилоты действительно умолкли, скорее, оцепенели от ужаса, ибо прекрасно знали, что обычно происходит с самолетом их конструкции, когда у него отказывают двигатели. И наверняка были потрясены тем, что на самом деле самолет продолжает не только оставаться в воздухе, но и каким-то образом двигаться с прежней скоростью.

— Американские летчики, стрелять бессмысленно, — неожиданно прозвучал металлически четкий, хотя и сопровождаемый едва уловимым эхом, мужской голос. Он звучал не из радиоаппаратуры, не из наушников; определить его источник было крайне сложно, ибо казалось, что он зарождается из самой атмосферы кабины, из ее воздушного наполнения.

— А вот и они... — неопределенно как-то отреагировал адмирал.

— Ваш разведывательный самолет задержан патрульным дисколетом «Урания». Стрелять бессмысленно. — Дископилот говорил по-английски, но это был язык иностранца, научившегося выговаривать английские слова слишком правильно и без какого-либо

акцента. Настолько правильно и настолько безинтонационно, что казалось, будто они принадлежат роботу. — Двигатели «Кобры» под нашим контролем. Не открывайте огня. Вы в безопасности. Если не будете открывать огонь по дисколету, вам ничего не угрожает.

«А ведь, кажется, они действительно принадлежат роботу, — вернулась к своей догадке Фройнштаг, — холодному и безучастному. Даже если это робот в человеческом облике».

— Какой уж тут огонь?! — вырвалось у капитана Элфина. — Не будем же мы стрелять по самим себе! Это не имеет смысла. Хотя, конечно...

И, наверное, капитан поразился тому как быстро и точно отреагировал на его высказывание голос из дисколета:

— Вы не станете стрелять. Правильное решение, капитан. Ваш самолет будет посажен на аэродроме Столицы Внутреннего мира Акрос.

«Значит, столица их называется Акросом!» — мысленно повторила Фройнштаг, запоминая ее название. — Это очень важно!».

Она вдруг вспомнила, что пребывает здесь в качестве журналистки, и что каждое молвленное сейчас пилотами дисколета слово может быть использовано в ее репортажах, в будущей книге.

— Мы в курсе ваших бесед с адмиралом фон Риттером, — продолжил тем временем голос из дисколета, — и поняли, что вы намерены вести переговоры, а не воевать с гарнизоном «Базы-211».

«Они все знают, — спокойно, с какой-то сонливой заторможенностью подумала Фройнштаг. — Какого же уровня техники они достигли? И, прежде всего, техники шпионажа».

И то, что она услышала в следующую минуту, уже совершенно не удивило ее.

— Мы знаем о ваших, гауптштурмфюрер СС Фройнштаг, переговорах с адмиралом фон Риттером, — уточнил голос дископилота. — Однако их недостаточно, чтобы урегулировать конфликт между эскадрой и гарнизоном «Базы-211», и уж тем более недостаточно, чтобы избежать военного конфликта между США и Внутренним Миром.

— Хотите сказать, что нам предстоит вести переговоры с Правителем Внутреннего Мира? — оживилась Фройнштаг, чувствуя, как чувство крайней напряженности и страха сменяется в ее сознании столь же крайним любопытством.

— Повелитель Внутреннего Мира Этлен Великий переговоров не ведет. Ни с кем и никогда.

Фройнштаг взглянула на адмирала. Лицо командующего эскадрой окаменело, он вслушивался в каждое слово дископилота и совершенно не отреагировал на взгляд журналистки, возможно, даже не заметил его.

— Кто же тогда у вас наделен правом вести эти переговоры от имени Внутреннего Мира? — спросила Лилия, воспринимая молчание адмирала как разрешение на дальнейшие переговоры с дископилотом.

— Только его Повелитель, и больше никто — внушающе объяснил дископилот. — Но он их никогда не ведет.

— А не могли бы вы объяснить как-нибудь доходчивее, коль — уж присвоили себе такую миссию? — резко спросила Фройнштаг, чувствуя, как к ней возвращается холодная непоколебимость офицера СД. — Здесь, на борту самолета, находится контр-адмирал флота США, известный полярник доктор Брэд. В ответ слышались какие-то приглушенные голоса. Похоже, что дископилот с кем-то консультировался.

— Мы знаем, что на борту самолета находится адмирал Брэд. И что он — командующий Полярной эскадрой США.

— Так вот, вы должны знать, что адмирал уполномочен правительством США вести любые переговоры в Антарктике и относящиеся к вопросам Антарктики. Я правильно излагаю суть ваших полномочий, адмирал Брэд? — решила вырвать командующего эскадрой из того сомнамбулического состояния, в которое он сам себя так невовремя ввел.

— Говорит адмирал Брэд, — и в самом деле ожил командующий. Правда, голос его звучал глуховато и не очень уверенно. — Я имею все надлежащие полномочия. В том числе — и относительно переговоров с Повелителем Внутреннего Мира. Этленом Великим, если не ошибаюсь.

— Повелитель не ведет переговоров, адмирал, — все тем же вкрадчивым, назидательным тоном объяснил дископилот. — Повелитель... повелевает. Только повелевает, адмирал. Повелевает и требует. Поскольку он — Повелитель.

— И при этом не выслушивает ничьих иных мнений? — спросила Фройнштаг, пока адмирал определялся, как ему реагировать на подобные заявления.

— Иногда выслушивает.

— Значит, все-таки выслушивает, — констатировала журналистка. — Но, хотите сказать, что никак не реагирует на них?

— Иногда реагирует.

— Так вот все это — как раз и называется «переговорами», — осадила своего собеседника Фройнштаг. — И нас он тоже выслушает. Если только он настоящий повелитель Внутреннего Мира, — уточнила журналистка.

— Вас он попросту вынужден будет выслушать Фройнштаг, — наконец-то пробились сквозь иронию ее собеседника какие-то сугубо человеческие, земные нотки. Но и слова эти, и сам этот голос уже принадлежали другому дископилоту, и звучал он спокойно, уверенно, с аристократической вальяжностью. — Повелитель не сможет отказать себе в таком удовольствии, — добавил он.

— Конечно, вынужден будет, — самоуверенно молвила. Фройнштаг. — Кстати, я вас узнала. Вы — Консул Внутреннего Мира, он же Посланник Шамбалы, ученик тибетца, некогда известного в Берлине под прозвищем «Лама в зеленых перчатках»^[44].

— Все верно, гауптштурмфюрер Фройнштаг.

— Тогда, я думаю, нам с адмиралом волноваться нечего, вы поможете нам в переговорах с вашим Повелителем.

— Не все так просто.

— Это вы говорите: «Не все так просто»?! — подмигнула Фройнштаг адмиралу Брэду, который, ухватившись руками за подлокотники кресла, внимательно прислушивался к разговору — Я вас не узнаю, консул. Где ваша уверенность?

Фройнштаг вновь метнула взгляд на адмирала и увидела, что брови его застыли у верхней кромки лба «Неужели и в дисколете у вас нашлись знакомые?! — прочитывалось в выражениях его глаз и лица. — Невероятно!».

— Это действительно будет непросто, — задумчиво повторил Консул, давая понять, что не настроен предаваться юмору и воспоминаниям.

— Тем не менее там, в Берлине, нашим повелителем были вы, Консул. И вели вы себя соответствующим образом. Это впечатляло. Очень впечатляло, Посланник Шамбалы. Так не разочаровывайте же нас! Лично меня

не разочаровывайте, Консул. — Берлин и Акрос — принадлежат не только к разным Странам, но и к разным мирам. Слишком разным мирам... Фройнштаг.

— Понимаю, мой Консул.

— Вряд ли вы способны будете понять, пока вплотную не столкнетесь с реалиями Внутреннего Мира. — И все же уверена, что вы, с вашим властным характером, способны».

— Простите, Фройнштаг, что вынужден прервать вашу речь. Не время сейчас. Мы прилетели, адмирал Брэд.

— Вот как? — удивился адмирал. — Мы каким-то образом приземлились? Странно. Почему не заметил. Не слышу объяснений, капитан Элфин.

— Мы нигде не приземлялись, сэр, — озадаченно пробубнил первый пилот. — И не могли. Я даже шасси не выпускал. Что-то тут не то.

— Под нами — космодром «Акрос», — не обращал внимания Консул на подозрительность Элфина. — Он слишком мало напоминает привычный вам аэродром, или даже ракетодром в Пенемюнде. Однако удивлять вас это не должно.

— Понятно, господин Консул, — молвил Брэд, поднимаясь и направляясь к выходу из кабины.

— А мне ничего не понятно, — проворчала Фройнштаг, поднимаясь вслед за ним.

За иллюминатором по-прежнему все исчезало в свинцовой пелене, никаких признаков земли или какого бы то ни было окружающего пространства. И потом, приземления ведь не последовало.

— Спустите трап, капитан Элфин, — продолжал звучать в кабине голос Консула Внутреннего Мира.

— Есть, спустить трап! — безропотно подчинился первый пилот.

— Выходит только адмирал.

— И Фройнштаг, мой Консул, и Фройнштаг! — напомнила о себе журналистка, — Это значительно облегчит вам переговоры.

— И госпожа Фройнштаг, — неохотно согласился Посланник Шамбалы, то ли решив, что присутствие женщины растопит сердце Повелителя, то ли попросту захотел воспользоваться случаем, чтобы увидеть ее, — Остальные остаются в салоне самолета.

Двое морских пехотинцев, составлявших личную охрану адмирала, тоже направились к выходу. Оказывается, в салоне самолета голос Консула был слышен точно так же, как и в кабине пилота. Однако адмирал приказал им вернуться на место и сохранять спокойствие.

— Связь работает? — поинтересовался он у выглянувшего из своего отсека старшего радиста Хастона.

— Никак нет, сэр.

— При первой же возможности сообщите на авианосец и на базу «Адмирал-Форт» о том, что здесь произошло.

— Будет выполнено, сэр.

— И пусть они немедленно свяжутся со штабом ВМС.

— Непременно сообщу, сэр, — голос старшего мастера-сержанта предательски дрожал, однако Фройнштаг понимала, что теперь голоса дрожали у всех, кому выпало находиться в этом летающем гробу.

Словно бы опасаясь, что Консул передумает и оставит ее на борту, Фройнштаг у самой дверцы оттеснила адмирала и первой ступила на трап.

— Я пойду с вами, адмирал, услышала она позади себя голос второго лейтенанта морской пехоты Максвилла.

— Нет, — последовал ответ адмирала.

— Но ведь вам понадобится охрана. И потом, я владею германским языком, поэтому мог бы выступить

в роли переводчика.

— Я им тоже владею.

«Хорошо, что я ступила на трап раньше лейтенанта — подумала Лилия. — До чего же занудный тип!»

— Но я мог бы вместо госпожи Фройнштаг...

— Я сказал: «Нет!» — раздраженно осадил его адмирал. — Вернитесь на свое место. Всем оставаться на своих местах. Осторожно, Фройнштаг, выглянул он из дверного проема.

Первое, что увидела журналистка, — это часть корпуса, нависшего над каким-то горным плато дисколета, под которым точно так же зависал их самолет. Что же касается трапа, то он зависал в полуметре от ровной, словно бы отполированной гранитной площадки.

Понимая, что времени для осмотра местности у нее нет, Лилия достигла последней ступени, проворчав: «Нет, чтобы подать руку даме! Что за гостеприимство, что за мужчины?!», Спрыгнула и придержала за руку сходящего вслед за ней адмирала.

— Уберите трап, капитан Элфин! — продолжал «командовать парадом» Консул. — Дисколет отходит.

И действительно, стоило экипажу «Кобры» убрать трап и закрыть дверцу, как дисколет, а вместе с ним и разведывательный самолет США с невероятной скоростью взмыли вверх и исчезли, то ли в недостижимой для взора высоте, то ли за ближайшим горным хребтом.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Космодром страны Атлантов.**

Горная чаша, в которую доставил их дисколет, немного напоминала ту местность, в которой располагался теперь их базовый лагерь «Адмирал-Форт». С той только разницей, что площадка в середине этой чаши была значительно меньшей по размеру, чем та, которая высилась посреди базы, да к тому же была необледенелой и выглядела почти идеально ровной. Впрочем, обводы кратера здесь тоже были высокими, до неприступности крутыми, и никакого пролома-перевала в них не наблюдалось.

— ...А из этого следует, — размышляла Фройнштаг, — что ни один скоростной европейский самолет ни приземлится, ни, тем более, взлететь отсюда не смог бы. Значит, атланты действительно построили этот космодром, с расчетом на свои дисколеты и на то, что ни один «наземный» самолет приземлится здесь не в состоянии.

Оглянувшись на адмирала, следовавшего за ней к ведущим вниз ступеням, Фройнштаг вдруг увидела, что в противоположную сторону, очевидно, к другой лестнице, направляется рослый плечистый мужчина. Она не заметила, когда этот пилот вышел из дисколета, не могла видеть его лица, но сразу же обратила внимание, что одет он был в серебристый с бирюзовым каким-то отливом комбинезон. И тотчас же вспомнила: по покрою своему этот комбинезон был похож на те комбинезоны, в которые были облачены летчики, проходившие курс обучения в «Отряде германских военных космонавтов», созданном в свое время обер-

диверсантом рейха Отто Скорцени. «Господи, — взмолилась она, — яви мне сейчас Скорцени!

А ведь это и есть тот их секретный дискодром, о котором в свое время мне рассказывал Скорцени, — вполголоса объяснила Фройнштаг адмиралу, шаря при этом взглядом по скальной стене, расположенной буквально в десяти метрах от возвышенности, на которой они приземлились. По цвету она была черной, однако при лучах солнца казалась слегка коричневатой. И порода, из которой состояла эта стена, напоминала то ли гранитоподобный вулканический туф, то ли туфоподобный гранит.

— Готовился высадить вас сюда с диверсионной группой? — без какой-либо иронии поинтересовался Брэд.

— Я об этом как-то не подумала, — так же искренне призналась Фройнштаг. — Возможно, такой замысел у него действительно созрел.

Было бы чуточку больше времени, она бы рассказала адмиралу много чего интересного о Скорцени. Но главное, о чем бы она поведала: куда бы судьба обер-диверсанта рейха ни забрасывала, он всегда воспринимал окружающий мир с точки зрения диверсанта, постоянно прикидывая: как в эту местность лучше всего было бы ворваться, как вести на ней бой и каким образом, используя складки местности, деревья и строения, удобнее всего было бы отходить — быстро и с наименьшими потерями?

Однако сейчас не время было предаваться диверсионным страстям, даже если они исходили от Скорцени.

— Был такой замысел, конечно же, был, — вспыхнул все той же диверсионной страстью доктор Брэд. — Иначе зачем бы обер-диверсант стал посвящать вас в эти секреты, Фройнштаг?

— Ну, в общем-то, он меня во многое посвящал. И мне не всегда было понятно, почему он посвящал меня в ту или иную тайну. Скорее всего, ему тоже нужен был человек, перед которым он мог изливать душу. И если учесть, что священникам он категорически не доверял.»

— Постойте, а сам Скорцени, что, в свое время уже умудрился побывать здесь? — Естественно.

— Жаль, что вы не сообщили мне об этом чуточку раньше, можно было бы получше подготовиться к визиту.

Даже беглого взгляда на стену было достаточно, чтобы определить, что рука камнереза ее никогда не касалась. И все же было в ней что-то такое, что заставляло задерживать на ней взгляд. Прежде всего, те кто маскировал ее, не учли, что и по цвету своему, и по составу породы, и даже по конфигурации выступов, она резко контрастировала с остальными участками этой горной чаши.

— Бьюсь об заклад, что стена эта — искусственная, — негромко молвила Лилия адмиралу, первой берясь за вытесанные из гранита перила лестницы — узкой, но некрутой и выложенной из все того же шероховатого черного туфа.

— Должны же были арий-атланты каким-то образом замаскировать вход в свой подземный эдем.

— Если мы спускаемся с той возвышенности, о которой рассказывал Скорцени, то называется она у атлантов Жертвенником Повелителя.

— Как вы изволили выразиться? «Жертвенником»?

— Да-да, адмирал, Жертвенником.

— И Скорцени был убежден, что он служит для приношения человеческих жертв? — поеживаясь, оглянулся адмирал на плато, с которого они спускались.

— Ну, о самих жертвоприношениях он ничего не говорил. Впрочем, я и не спрашивала о них.

— О чем же вы тогда спрашивали его? — разочарованно молвил адмирал. — Хотя вы, понятное дело, не помните.

— Почему же, помню: о женщинах.

— Об этих? Из подземелий? Об атлантах?

— И не только. Разговор происходил, как вы сами понимаете, в постели. И я почувствовала, что он не голоден. Сексуально не голоден. Обычно он набрасывался на меня — как изголодавшийся пес — на лакомую кость, а в тот раз мои формы почему-то не вдохновляли его. Не странно ли. Я, знаете ли, к таким обломам не привыкла.

— Убирайтесь к дьяволу, Фройнштаг, — поморщился адмирал, преодолевая последнюю ступеньку лестницы. — Нашли о чем разговаривать после того, как прямо там, в постели, он поведал вам о жертвеннике атлантов.

— А у нас все разговоры происходили в постели. Таким образом мы уплотняли время свиданий.

— Неужели они до сих пор умудряются соединять космическую технологию своих дисколетов и посещение иных планет и галактик — с обрядом жертвоприношения, обрядом африканских дикарей?

Фройнштаг собиралась что-то ответить, но в это время увидела, как из-за скального выступа плато появляется тот самый пилот, который спускался по другую сторону возвышенности..

— И все же это вы, господин Консул Внутреннего Мира! — воскликнула она. — Я так и поняла. Не поняла только — почему вы не подошли к нам еще там, на плато.

Прежде чем ответить, Консул приблизился еще на несколько шагов. И вновь, как и тогда, когда увидела его впервые, Фройнштаг вынуждена была отметить про себя, что это был удивительной красоты мужчина: средних лет, двухметрового роста, с почти

правильными, эллинскими чертами лица и пышной шевелюрой светло-русых, аккуратно подстриженных волос, укладкой своей внешне напоминающих шлем римского воина.

— Не подошел. Не хотел. Давал вам возможность осмотреться, обсудить ситуацию и немного свыкнуться с окружающим миром.

— Разумно, — признала Фройнштаг.

— Кстати, вы обратили внимание, что здесь, в горной чаше, почти не ощущается холода? — скептически осмотрел Консул меховые полярные куртки германки и американского адмирала, словно хотел предложить им тотчас же раздеться. — Не только арктического, но и вообще никакого.

— Судя по тому, что здесь нет ни льда, ни даже снега, — согласился адмирал Брэд и тотчас же представился Консулу. В ответ тот лишь вежливо кивнул, подразумевая, что адмирал знает, как к нему следует обращаться.

— Мы даже не догадывались, что в Антарктиде могут существовать подобные климатические оазисы, — молвил адмирал.

— Однако настоящий оазис ждет вас там — указал раскрытой ладонью на черно-коричневатую стену Консул. — Это совершенно иной мир. Если помните, Фройнштаг, я немного рассказывал вам об этом мире.

— Слишком мало, слишком скупо, и в основном не мне, а все-таки — Скорцени. Почему-то... — отчеканила Фройнштаг, в каждое свое слово вкладывая столько сугубо женского укора, сколько оно способно было вместить. — И в этом заключалась ваша ошибка.

Судя по всему, Консул решил, что в ее словах содержится слишком много избыточной, подтекстовой информации, поскольку поморщил лоб и какое-то время соображал, как ему расшифровывать эту информацию, а главное, как на нее реагировать.

А тем временем... тем временем Лилия уже вовсю реагировала на само его присутствие, на его физическую близость. Причем реагировала сугубо по-женски.

Консул стоял теперь в каких-нибудь четырех шагах от них, однако Фройнштаг чувствовала такое влечение к нему, так ощущала его мужскую силу, словно уже внешне и внутренне обнаженная пребывала в его объятиях.

При этом Лилии не нужно было особо напрягать память, чтобы вспомнить, что точно такое же, если только не еще более сильное и обостренное, влечение к этому «неземному мужчине» — как гауптштурмфюрер называла его про себя — она чувствовала и во время двух предыдущих встреч с ним.

Они действительно встречались дважды, но всякий раз рядом с ними оказывались Скорцени и еще несколько совершенно лишних мужчин, которых она готова была не столько расстрелять из своего «вальтера», сколько самым банальным образом растерзать. Голыми руками. Только бы они исчезли с ее глаз. Причем Фройнштаг бесило, что сам Консул при этом оставался совершенно равнодушным по отношению к ней и ничего, абсолютно ничего, не предпринял для того, чтобы заполучить ее, если не на всю ночь, то хотя бы на часок.

Нет, с таким мужчиной — с ее Неземным Мужчиной — часика, естественно, оказалось бы маловато. Но это уже детали.

— Тогда говорить молено было не обо всем. Несколько столетий Внутренний Мир оставался совершенно закрытым для проникновения туда представителей Наземного Мира. Как, впрочем, и проникновения туда всевозможных «наземных» идеологий: фашистской, коммунистической, сионистской, коммунист-сионистской, расистской...

Страна Атлантов защищалась от них, как от смертоносных вирусов.

— Хотите сказать, что теперь необходимость в такой защите отпала? — спросил адмирал. — Поэтому вы решили, что во Внутренний Мир можно впустить целую армию германских нацистов, со всем их вооружением и военно-техническим потенциалом?

— Америка впустила их к себе не меньше, — спокойно возразил Консул. — То же самое касается и других стран-союзниц. Но у нас есть оправдание: мы, арии, впустили в свою страну германских арийцев по крови и духу. А кого впустили вы?

— В основном ведущих ученых и беженцев, спасавшихся от гитлеровского террора.

— Не только, адмирал, не только. У нас есть сведения. Впрочем, не стоит об этом, — сдался Консул. — Сейчас не время предаваться эмоциям, — смиростивился он над американцем после небольшой, но пронзительной паузы.

— Вот именно, — победно подытожил доктор Брэд. И Консулу это явно не понравилось.

— А еще хотел бы напомнить, что вы, адмирал, пребываете не в той ситуации, когда позволительно накалять обстановку и предаваться подобным обостренным полемикам.

— Будем считать это минутной вспышкой, господин Консул, — вмешалась в назревающую перепалку Фройнштаг, обиженная на адмирала за то, что и во время третьей встречи с Консулом он, в ипостаси одного из лишних мужчин, умудрился оказаться в ненужное время и в ненужном для него месте. Да к тому же самым наглым образом вторгся в ее полусексуальные бредни-воспоминания. — Так и будем считать, — великодушно согласился Консул.

— Кстати, не будете ли вы так любезны, подтвердить или опровергнуть: эта возвышенность, —

указала Лилия на небольшое плато, — называется у вас «Жертвенником».

— А точнее — «Жертвенной Плахой Повелителя». Но кто вам сообщил о ней?

— Могли бы и догадаться, что источником информации Стал Отто Скорцени.

— Оберштурмбанфюрер Отто Скорцени, — кивая головой, повторил Консул. — Вы правы: я обязан был догадаться. — И здесь действительно казнят?

— Случается.

— Давайте уточним: казнят или приносят в жертву?

— Это действительно разные понятия. Пусть даже при абсолютно одинаковом исходе.

— Вот именно, — проворчал адмирал, — при абсолютно одинаковом... исходе.

— Адмирала интересует, — предательски прокомментировала его ворчание Фройнштаг, — не для того ли нас доставили, чтобы принести его в жертву.

Фройнштаг спросила об этом шутя и с ухмылкой ждала ответа. Каково же было ее удивление, когда Консул вполне серьезно произнес:

— Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. Все будет зависеть от хода вашей беседы с Этленом Великим или Атлантом Арием. Оттого, насколько взвешенно будет вести себя адмирал и насколько аргументировано объяснит причину появления у берегов Антарктиды большой американской военной эскадры во главе с лучшим авианосцем США.

Фройнштаг выслушала его с полуоткрытым ртом, краем глаза посматривая то на адмирала Брэда, то на Плаху Повелителя.

— А еще адмирала интересует, каким образом вы обычно умерщвляете свои жертвы, — все еще не теряла присутствия духа Фройнштаг.

Консул не уверен был, что ему следует отвечать на подобные вопросы, но после некоторого колебания все

же объяснил:

— Обреченного доставляют на плаху и оставляют здесь, чтобы он медленно погибал под струей ледящего холода. Превращаясь в ледяную мумию, он таким образом становится Ледовым Ангелом. Это жертвоприношение Богу Льда, Богу Антарктиды. Кстати, таким же образом уходят из этого мира и «подошедшие к жизненному рубежу» арий-атланты. Здесь не принято, как у вас, обитателей Наземного Мира, умирать в постели. Все родившиеся инвалидами, психически неполноценными или уродливыми, а также все неизлечимо больные и древние старики уходят в иные миры отсюда, с Плахи Повелителя.

— И последний вопрос из цикла сугубо журналистских «Вопросов у лестницы, ведущей на Плаху Повелителя»: кто таков это названный вами Атлант Арий, если только я верно произношу его имя?

— Подождите здесь, у лестницы, еще несколько минут.

В эти минуты ваша судьба решается,

* * *

Последнее, что Фройнштаг помнила довольно отчетливо, — что ее Неземной Мужчина сделал несколько шагов в сторону того выступа плато, из-за которого появился. А вот, как и куда он исчез — этого она вспомнить не могла. Такое впечатление, что Консул словно бы испарился, причем в самом буквальном значении этого слова.

Когда же после минуты-второй она взглянула на адмирала, то чувствовала себя так, словно ее только что вывели из гипнотического сна, после которого она не могла ни вспомнить, что с ней во время этого сна проделывали, ни куда это девался сам гипнотизер.

Судя по растерянному виду и блуждающему взгляду адмирала, он чувствовал себя не лучше. И если Фройнштаг не спешила приставать к нему с вопросами, то только потому, что не желала ставить в мучительно глупое положение и его, и себя.

Молча переглянувшись, Фройнштаг и Брэд двинулись к выступу, но за ним не было ни Консула, ни чего-то такого, что позволяло бы заподозрить в нем вход в подземелье, — С каких это пор мужчины стали исчезать с моих глаз столь непостижимым образом? — возмутилась Лилия. — Причем в самое неподходящее время, — уточнил доктор Брэд.

— Раньше все выглядело по-иному: это я умудрялась исчезать в самый разгар их «псиных ухаживаний», — все еще пыталась шутить Фройнштаг, однако адмирал Брэд был не тем человеком, кто способен был поддерживать и развивать подобные шутки. Тем более, в таких вот ситуациях.

— Плохо все это, черт возьми, — проворчал он.

— Пока что, всего лишь — необычно, — уточнила журналистка.

— Необычно появился, необычно исчез. За этим уже что-то стоит, Знать бы, что именно.

Но ведь и само наше появление в этой космической чаше посреди Антарктики — тоже ведь обычным не назовешь. Так что с выводами торопиться не следует. Кстати, вы, полярник Брэд, уверены, что мы все еще находимся в Антарктиде? — поеживаясь в своем по-арктически теплом белом полушубке, спросила Фройнштаг. И теперь уже голос ее звучал негромко и потому особенно доверительно.

Вот только сама постановка вопроса показалась адмиралу настолько неожиданной, что, зайдя за выступ, за которым Начиналась другая сторона этого четырехгранного плато, он растерянno осмотрелся.

Стоя лицом к Жертвеннику, Брэд внимательно прошелся взглядом и по высившейся справа от них подозрительной стене, и по стене черневшей теперь позади них, и по дальним гребням хребтов, окаймлявшим эту странную — и похожую, и не похожую на кратер вулкана — горную чашу.

— А что, собственно, вас настораживает, журналист Фройнштаг?

— Все. Буквально все: — еще более доверительно, вполголоса поведала ему Лилия, — атмосфера, температура воздуха, вид этих незаснеженных скал посреди царствия льдов, наконец, сам царящий здесь дух.

— И что, для читателей ваших репортажей этого окажется достаточно?

— А вам, старый полярный волк, это все подозрительным не кажется? Что-то я не припоминаю, чтобы на карте Антарктиды значились этот оазис, этот кратер.

— Ах, только это?! — разочарованно произнес доктор Брэд, все еще прощупывая взглядом окрестные скалы. — Можете считать, что карты Антарктиды все еще не существует.

— Не поняла. Расшифруйте.

— То, чем мы до сих пор пользовались, — всего лишь приблизительные наброски чего-то такого, что все еще остается совершенно неизведанным.

— Вот я и говорю: может, нас уже забросили на поверхность какой-нибудь планеты-двойника?

— Жюль Верна начитались, милая?

— А что? Какой-то астроном писал, что у каждой планеты якобы существует свой двойник, на котором обитают люди из параллельного мира. То есть и там тоже живем мы с вами, но только уже в некоем параллельном мире.

— У меня тоже складывается впечатление, что с тех пор, когда мы оказались в Антарктике, мы постоянно пребываем в некоем потустороннем мире.

— Вот-вот, — подбодрила его научный интеллект Фройнштаг. — Начинаете анализировать.

— Единственное, что смазывает четкость этого представления, — так это ваше присутствие, Фройнштаг, — перечеркнул все ее усилия адмирал. — Впрочем, без вас было бы совсем грустно. Нам все же следовало захватить с собой двух вооруженных морских пехотинцев. Тогда бы мы чувствовали себя увереннее.

— Эй, Консул! Явитесь нам, господин Консул! — не слишком громко позвала Фройнштаг, и доктор Брэд так и не понял: шутит она или же всерьез намерена вызвать этого Посланника Шамбалы, словно джина из пиратской бутылки. — Так гостей не принимают, господин Консул! Это неприлично и негостеприимно. В Берлине мы вас принимали по-другому!

В этих местах плато откровенно являло им следы человеческих орудий. Стена его была выровнена и доведена до непреодолимой крутизны.

Адмирал намеревался дойти до ее конца и завернуть за еще один угол, однако Лилия остановила его.

— Бессмысленно, сэр. Ничего важного для себя вы там не найдете и не увидите. В том числе и ваших морских пехотинцев. И потом, нам велено было ожидать своей участи у лестницы, по которой мы спустились с Жертвенника. Как думаете, много душ было погублено здесь арий-атлантами?

— Опять вы о своем Жертвеннике, Фройнштаг! — поморщился адмирал.

— Нет, мы, конечно, будем надеяться, что лично нас обряды атлантов не коснутся, — вежливо отступила Лилия. И все же любопытно.

— Молитесь, чтобы они не спешили удовлетворять ваше любопытство, гауптштурмфюрер.

— Кстати, заявляю: если им понадобится всего лишь одна жертва, я добровольно пожертвую собой ради вас, мой храбрый адмирал.

Молвив это, Фройнштаг взглянула на небо и открыла для себя, что по-прежнему стоит яркий солнечней день, и хотя самого солнца она не видела, но все же фантазия ее дорисовывала это светило, прорывающееся сквозь серую пелену антарктического неба. Вполне земного неба, над вполне земными горами. Увидеть бы еще только это вполне земное солнце и уж тогда бы она окончательно успокоилась.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Космодром страны Атлантов.**

Ни адмирал Брэд, ни Фройнштаг так и не поняли, откуда появился этот маленький дисколетик. Он словно бы материализовался над вершиной Плахи Повелителя из духа одного из казненных замороженных на ней, а затем завис в полуметре над почти отполированной гранитной поверхностью.

— Повелитель Внутреннего Мира Этлен Великий ждет вас, адмирал, — из того же эфирного ниоткуда возник вслед за летательным аппаратом уже знакомый полярникам голос Консула. — И вас, госпожа Фройнштаг — тоже, — добавил он, слегка замешкавшись.

И журналистка поняла, что ждет Повелитель все же адмирала как лицо официальное, а ее всего лишь приглашают на борт этой поднебесной «пролетки». Однако никакого значения это уже не имело.

— Наконец-то вы объявились, Консул, — облегченно вздохнула Фройнштаг. Хотя во время всего пребывания в этой чаше она и храбрилась, однако в последние минуты нервы ее начали сдавать, и она уже явно нервничала, чтобы не сказать, трусила, затравленно поглядывая то по сторонам, то на небо. — Истинные джентльмены вот так вот, посреди ледяной пустыни, женщин своих не оставляют.

Услышав это, адмирал Брэд простонал так, словно пытался сдерживать сильную зубную боль. Как же невовремя эта неугомонная германка пытается извергать свои шуточки!

— Не теряйте времени, госпожа Фройнштаг, — невозмутимо и почти безинтонационно проговорил ее Неземной Мужчина, вполне солидаризуясь с адмиралом.

Они быстро вернулись к прорубленной в теле возвышенности антрацитовый лестнице, и зависший в полуметре над поверхностью Жертвенника дисколетик сразу же выстрелил в сторону ее верхней площадки узким серебристым трапом.

— Прошу на эшафот, сэр, — мрачно утешила журналистка своего эскадренного покровителя.

— Я так понимаю, что от деловых встреч отказываться в этой волчьей яме действительно не принято, — едва слышно, исключительно для Фройнштаг, пробубнил доктор Брэд, первым ставя ногу на ступеньку идеально отшлифованной ни снегом, ни изморозью не покрытой лестницы.

И шагавшая вслед за ним Фройнштаг вновь обратила внимание на то, что в «чаще» по-прежнему царил какой-то удивительный микроклимат, при котором не ощущалось ни тепла, ни холода, да и той разреженности воздуха, которая так остро воспринималась за пределами скального венца этой низины, — тоже не наблюдалось.

— Вы правы, адмирал, не принято, — вдруг ответил вместо Лилии все тот же голос ее Неземного Мужчины, давая понять адмиралу, что в этом антарктическом эдеме все прослушивается, любое движение мысли улавливается, и ни одно неудовольствие не остается незамеченным.

По-существу, это было завуалированное предупреждение, которого Посланник Шамбалы, возможно, и не имел права высказывать им, дабы не раскрывать одну из важнейших особенностей общения с Этленом Великим и его верноподданными. Во всяком случае, адмирал и Фройнштаг восприняли его именно так.

— Вы до невозможности любезны, мой Неземной Мужчина, — все же не удержалась Фройнштаг, уверенная в том, что никто, никакой повелитель, не способен запретить женщине говорить комплименты, а следовательно лишать ее права на безобидные словесные дурачества. В том числе, не имеет такого права и Повелитель Этлен Великий.

У верхней площадки этой эшафотной лестницы что-то заставило Фройнштаг остановиться и оглянуться, а затем она сразу же тронула за предплечье тоже остановившегося в нерешительности адмирала. Оглянувшись, они оба увидели, как часть скальной стены медленно и неслышно сдвигается влево и в глубине скалы вырисовывается освещенный тоннель, свет в котором очень напоминает свет мощного прожектора, пробивающегося сквозь легкую сиреневатую дымку.

— Теперь вы понимаете, откуда появилось выражение «свет в конце тоннеля», Фройнштаг?

— Именно так все и должно было выглядеть. Ничего иного придумать здесь невозможно. Вам, конечно, никогда не приходилось бывать на секретной германской базе «Нордберг»^[45] на берегу Северного моря.

— Я ведь не служил в СС.

— Эсэсовцы там почти не появлялись, это была секретная база германского Военно-морского флота, а точнее, субмарин «Фюрер-конвоя». Основная надводная и подводная части ее тоже находились глубоко в скалах. Величественнейшее было сооружение, доложу я вам, мой адмирал.

В последний раз взглянув на овал тоннеля, они, словно по команде, повернулись через левое плечо и зашагали к серебристому трапу дисколета.

— Вам оказана великая честь, — прокомментировал, все еще оставаясь невидимым для них, Консул, пока адмирал и журналистка усаживались в кресла, расположенные перед небольшим экраном. — Вы побываете во Внутреннем Море, в Стране Атлантов, в которой до вас побывало всего несколько представителей Наземного Мира, да и то/лишь в последние годы Второй мировой войны.

— И что с ними после этого произошло? — язвительно поинтересовалась Фройнштаг. Они окончили свой земной путь на Жертвеннике Повелителя?

— В основном здесь бывали те, кто затем навсегда оставался на германской военно-морской «Базе-211»...

— Что равносильно пожизненному заключению в подземном лагере, — прокомментировала гауптштурмфюрер СС.

— ...Или так же навсегда — в Рейх-Атлантиде, — спокойно объяснил Консул, го ли не замечая в голосе журналистки иронии, то ли не обращая на нее внимания.

— Вот именно: «Навсегда», — предался все той же мрачной ироничности адмирал. — Кстати, господин Консул, почему мы все еще парим над Плахой Повелителя, а не погружаемся в глубины континента?

— Прекрасная перспектива: остаться вечной пленницей Антарктиды, — промурлыкала тем временем неугомонная Лилия. — Однако оказаться в их числе не хотелось бы. Только если меня здесь отпоют..

— Не уверен, что вам не захочется остаться здесь — возразил ей Консул, переходя с английского языка на германский. И лишь затем ответил Брэду: — Ждем разрешения коменданта космодрома на вхождение в подземное пространство, господин командующий Полярной эскадрой. Как вы понимаете, комендатура космодрома и все его службы находятся в глубине гор.

— Само собой, разумеется, — проворчал адмирал, вальяжно устраиваясь в мягком кресле, обшитом каким-то странным пружинисто-эластичным материалом.

— Уверен, что через минуту-другую мы это разрешение получим. А что касается вас, госпожа Фройнштаг, то во Внутреннем Море, где уже нашли свою вторую родину десятки тысяч ваших соотечественников, вам тоже может понравиться. Офицеру рейха, привыкшему к жесткой дисциплине и научившемуся подчинять и подчиняться, привыкать к жизни в Рейх-Атлантиде — именно в вашей, германской Рейх-Атлантиде, а не Стране Атлантов, куда ни один германец пока еще не допущен, — будет нетрудно.

— Их там десятки тысяч?! — не удержался американец, открывая для себя истинную численность врагов.

— Что вы хотите этим сказать, мой Неземной Мужчина, — что я тоже пожелаю обрести в этих антарктических склепах свою вторую родину?

— Не торопитесь настраиваться против Внутреннего Мира, Фройнштаг. Вы пока еще не poznали его, и даже представления не имеете о том, что он собой представляет. Потому что ничего подобной не познавали здесь в Наземном Море. Так что не исключено, что ваше мнение о нем резко изменится и вы еще пожелаете остаться нем.

— Разве что об этом вы, лично вы, мой Неземной Мужчина, очень будете просить. Да и то...

— Откуда такая предвзятость? — неожиданно появился в небольшом проеме, справа от кресел пассажиров, Посланник Шамбалы. И поскольку своим серебристым комбинезоном он закрывал весь проход в пространство, занятое пилотами, то казалось, что он возникает прямо из стены. — Меня это удивляет, гауптштурмфюрер СС, очень удивляет.

— Предаться прелестям вашего мира — все равно, что предаться условиям иной планеты. А это, господин Консул, не по мне. Вам приходилось когда-нибудь бывать в весенних Альпах? Ярко-зеленые склоны, аккуратные домики у подножия гор и сосновые рощицы в распадках между скалами, по берегам миниатюрных голубых озер. Такие пейзажи вам никогда не снятся, досточтимый вы наш Посланник Шамбалы? Мне тоже не снятся? А знаете почему? Потому, что нахожусь на этих склонах даже тогда, когда ветры судьбы забрасывают меня за тысячи километров от Альп. Так вот Альпы — это мое.

— Слишком сентиментально, поэтому совершенно неубедительно, — заметил Консул, снисходительно ухмыляясь.

Наконец-то на этом псевдомонашеском лице проявилась хоть какая-то реакция, отметила про себя Лилия. Она уже начала привыкать к тому, что лицо Консула оставалось неподвижным и безучастным, это уже собственно было не лицо, а некая ритуальная маска. Подобные ничего не выражающие лица-маски ей приходилось видеть, только однажды, когда она имела дело с двумя старыми иезуитами, проходившими в СД по делу о заговоре против фюрера. О несостоявшемся заговоре, зарождавшемся за несколько месяцев до заговора, осуществленного в июле 1944-го полковником графом Шенком фон Штауффенбергом и группой германских генералов, и подавлением которого занимался уже только Скорцени.

— Сентиментально, ностальгично и совершенно недостойно офицера германских вооруженных сил. Согласна. Нечто подобное мне внушали в течение нескольких лет подряд. Однако из этого не следует, что,,. неубедительно. Кстати, если помните, в свое время вы были знакомы с Отто Скорцени.

— С обер-диверсантом рейха. Оберштурмбанфюрером СС, — эсэсовские чины он произносил как-то по особому: твердо, четко и без какого-либо акцента.

Возможно, даже гордился тем, что сумел так хорошо усвоить их названия, что не удавалось даже далеко не всем армейским офицерам Германии — Фройнштаг приходилось встречать и таких.

— С обер-диверсантом вы очень правильно определили его статус.

— И даже не собираюсь говорить о знакомстве со Скорцени в прошедшем времени. Несмотря на то, что сейчас ему приходится переживать нелегкие времена.

— Так вот, кое-что о вашем подземном мире он мне все же рассказал. Или, может быть, это всего лишь его фронтовые фантазии?

— Я не знаю, о чем он вам рассказывал, фрау Фройнштаг.

— Когда я спрашиваю о фантазиях, то имею в виду само его пребывание во Внутреннем Море.

— Он действительно бывал здесь. Правда, не в Стране Атлантов. В виде исключения, ему позволили совершить инспекционную поездку на «Базу-211» и в столицу Рейх-Атлантиды город Арийбург. Но только в виде исключения, из уважения к мужеству этого человека. А мужество у нас ценится, независимо от того, представителем какого народа оно проявляется и каким властным режимом используется.

Фройнштаг облегченно вздохнула и мельком взглянула на адмирала. В беседах с Брэдом она не раз возвращалась к этой теме, и ей не хотелось бы теперь выглядеть лгуней, пусть даже по вине Скорцени.

— Если говорить честно, то Скорцени действительно не принадлежал к тем мужчинам, которые любили приврать в своих «фронтовых фантазиях». Он вообще

не врал, если только это не касалось женщин, по поводу которых ему сам Бог велел «врать во спасение».

— Однако в Стране Атлантов он так и не побывал? — попытался уточнить адмирал, обращаясь к Консулу.

— Ему этого не позволили.

— В таком случае мне посчастливится побывать даже там, куда не сумел проникнуть сам Отто Скорцени, — радостно улыбнулась журналистка. — Это, конечно, вдохновляет.

Фройнштаг умолкла и почти в ту же минуту почувствовала, как дисколет плавно качнулся и полетел. В следующую минуту исчез, подобно привидению, и Консул. При этом никаких следов двери в том месте, где он только что находился, Фройнштаг не обнаружила.

Иллюминаторов в их отсеке не было, зато ожил экран, на котором медленно проплывали стенки тоннеля, какие-то огромные подземные залы, а также небольшие озера и речушки, зарождавшиеся на склонах небольших зеленых гор, о существовании которых там, на поверхности Ледового Континента, невозможно было даже догадываться. Лишь увидев эти озаренные яркими лучами солнца луга, озерца и прорезанные речушками пологие склоны гор, Фройнштаг поняла, почему, слушая ее ностальгические альпийские бредни, Посланник Шамбалы снисходительно ухмылялся.

— Кажется, вы ностальгически скучаете по своим зеленым весенним Альпам, фрау Фройнштаг? — вычитал ее мысли Консул. — Любуйтесь же ими. И знаете, чем они отличаются от реальных Альп? Только тем, что они круглогодично остаются по-весеннему зелеными и благоухающими.

Судя по всему, решила Фройнштаг, Консул убежден, что атлантам удалось скопировать все самое прекрасное, что наша планета способна порождать в обликах своих земных ландшафтов.

— И нам это удалось, — неожиданно подтвердил Консул.

— Вы что, действительно читаете мысли? — изумилась Фройнштаг. — Ваша техника достигла такого уровня развития, что вы здесь, в Стране Атлантов, способны читать мысли?

— Я не являюсь атлантом, госпожа Фройнштаг. Я, да будет вам известно, Посланник Шамбалы во Внутреннем Мире. То есть я рожден и воспитан в Шамбале.

— Значит, вы не ариец?

— Смею считать, что чистокровный. В отличие от большинства германских арийцев. Так вот, я воспитывался в Шамбале, но, поскольку владею многими языками и хорошо знаю Наземный Мир, то по просьбе Повелителя Внутреннего Мира Этлена Великого исполняю роль Консула Страны Атлантов в Наземном Мире. При этом учитывалось, что я женат на дочери Пилота Пилотов, то есть, выражаясь по земному, на дочери командующего авиацией Страны Атлантов, являющейся к тому же племянницей Повелителя.

Лилия не видела, как воинственно и победно улыбнулся при этом адмирал, почувствовала лишь, как он сочувственно похлопал своей ладонью ее лежащую на подлокотнике руку, дескать, ничего не поделаешь, ничего у вас, Фройнштаг, на этом фронте не получится.

— Оказывается, и в этих ледяных подземельях кое-кому удастся очень удачно жениться, — процедила Лилия. — Кто бы мог предположить?

— Господин адмирал, госпожа Фройнштаг, — не стал реагировать на ее выпад Консул, проделав несколько сотен километров под землей, наш дисколет прибыл в столицу Внутреннего Мира город Акрос.

Судя по тому, что Фройнштаг и адмирал могли видеть на экране, их дисколет завис над озаренным — то ли солнцем, то ли каким-то иным источником тепла и света — пространством, между берегом, медлительной,

обрамленной извилистыми зелеными берегами реки и высоким золотистым зданием, сооруженным в виде Пирамиды.

— Теперь все будет зависеть от вашей дипломатической мудрости, мой адмирал, — едва слышно напомнила Фройнштаг командующему Полярной эскадрой.

— Вряд ли они смогут проявиться в полную силу, поскольку уже самим своим присутствием вы так или иначе будете отвлекать Повелителя, — язвительно заметил Роберт Брэд.

— В этом-то и будет заключаться успех вашей, извините, дипломатии, — вежливо отомстила ему Фройнштаг.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов город Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого.**

К арке, венчающей вход в пирамиду, их доставила машина, немного напоминающая первую модель «роллс-ройса», но без колес и без руля.

Вокруг было безлюдно и пустынно. Речушка, небольшое, явно искусственного происхождения озеро, и огромная источающая равномерный золотистый свет Пирамида Жизни, как называл ее зять местного Пилота Пилотов, — вот собственно и все, что должно было радовать жизнь адмирала и его спутницы в течение тех нескольких минут, которые они провели вне дисколета. И лишь за грядой холмов, открывавшихся слева от Пирамиды, виднелись какие-то увенчанные башенками и шпилями строения, которые, очевидно, и составляли жилую часть Акроса^[46].

По совету Консула, верхнюю одежду полярники оставили в дисколете, который доставил их сюда. И хотя Фройнштаг расставалась со своим полушубком и шапкой с явной неохотой и каким-то подсознательным опасением, что вернут их в «чашу» уже на другом дисколете, и без одежды, а значит, на верную гибель, тем не менее теперь она понимала, что в принципе здесь вообще можно было обходиться без одежды, как в тропиках.

«А вот и он, рай земной, — словно бы навеял ей кто-то эту мысль. — Никаких зим и лет, ночи и дня. Круглогодично — не менее двадцати семи тепла по Цельсию, и никакого ощутимого движения, насыщенного кислородом, ионизированного, как после

майской грозы, воздуха, в котором не витает никаких иных запахов, кроме запаха... тех горных лугов, кои виднеются в окрестностях Пирамиды Жизни».

Но ведь и весны здесь тоже не бывает, заметила про себя Лилия, а какой рай — без весны, которая приходит после долгого, томительного февраля? Искусственное солнце, искусственная зелень горных склонов, искусственные, судя по всему, реки.

Вот так, взяла и все разом Перечеркнула. А, между прочим, напонила себе новоявленная швейцарка, предки этих людей поселились здесь тысячу лет назад, и вряд ли теперь их потомки имеют представление о том, что творится за убийственным ледяным «космосом» Антарктиды.

— Хотелось бы, конечно, поближе познакомиться с местными обитателями, — молвила Фройнштаг, пытаясь привлечь внимание адмирала. Но тому некогда было предаваться разговорами с журналисткой, он в это время нервно осматривался вокруг, останавливая свой взор то на высоком, ярко освещенном поднебесье, то на гряде холмов, то на далекой каменной стене, из-за которой они, судя по всему, только что прилетели на своем дисколете.

— Трудно поверить, Фройнштаг, что где-то там, высоко над нами, ледяная толща Антарктиды — с ее пятидесятиградусными морозами и вечной мерзлотой, — наконец вернулся он из своих умозрительных блужданий.

— А каково им, этим атлантам, верить в то, что за пределами Антарктики находится достаточно теплая земля, которую когда-то покинули: их предки! Не исключено, что в течение столетий вожди умышленно скрывали от их предков, что там, на поверхности, существует какая-либо разумная, цивилизованная жизнь.

— Уверен, что после нашего рейда правительство США точно так же будет скрывать от американцев и всего прочего мира теперь уже неоспоримый факт существования этой «дисколетной» цивилизации. И очень сомневаюсь в том, что президент США решится направить сюда еще одну эскадру.

«Возможно, эскадру он все же пошлет, — заметила про себя Лилия, — вот только адмирал будет другой, более решительный. Иногда стоит менять не тактику ведения войны, а командующих, которые эту тактику осуществляют. Стоп, Фройнштаг, остановись; ты начинаешь рассуждать, как фюрер — после поражения под Москвой».

— Самое разумное, что наши повелители способны предпринять в этой ситуации, — развивал свою версию доктор Брэд, — это сделать вид, что противоположного мира на планете не существует, и таким образом успокоить общественное мнение.

— Вы так считаете, мой адмирал?

— Так «считает» логика развития событий.

— Пардон, сэр, а как же быть с моими репортажами и с моей книгой, которые я намерена опубликовать на нескольких языках? Мне что, запретят их писать? Предадут цензуре?

— А что вас так удивляет? И предадут. Во имя успокоения общественною мнения. В каких-то странах их попросту запретят публиковать, в каких-то предадут осмеянию. А в каких-то зададутся банальнейшим вопросом: «А стоит ли уделять внимание фантазиям взбалмошной журналистки?».

— Как же убийственно вы обнадежили меня, доктор Брэд!

— Даже в этих немыслимо фантастических подземельях стараюсь оставаться земным реалистом, — пожал плечами адмирал.

Фройнштаг покачала головой, тяжело вздохнула, тем не менее вынуждена была сказать:

— В любом случае я признательна вам, адмирал Брэд, за то, что вы взяли меня с собой на «Кобру» и даже позволили спуститься в этот райский ад.

— Попробовал бы я не допустить вас до посадки на «Кобру»! Я же не самоубийца и не хотел, чтобы из-за вас сорвалась вся операция.

Фройнштаг улыбнулась и признательно, по-мужски похлопала его по предплечью.

— Это прекрасно, что мы способны оказывать услуги друг другу не только в постели.

— Стоит ли сейчас об этом, мэм? — попытался усовестить ее доктор Брэд.

— Хотя и в постели вы мне, черт бы вас побрал, тоже нравитесь. В чем до вас повезло только одному мужчине — Отто Скорцени.

— Чудное определение этого Внутреннего Мира вы изобрели, Фройнштаг: «райский ад»! Предельно точный.

Они помолчали и вновь осмотрелись. Вокруг не было ни души, а Фройнштаг не оставляло ощущение того, что она находится под пристальными взорами сотен глаз.

Отмахнувшись от этого наваждения, она подошла к берегу речки и, присев, провела рукой по траве. Искусственной назвать ее было трудно, в то же время Фройнштаг казалось, что такой вид ей до сих пор не встречался, даже на отличавшихся буйным разнотравьем альпийских лугах. А вот вода в реке парила. И это в горной реке, где она должна быть ледяной.

Лилия ужехватила пальцами несколько травинок, намереваясь сорвать их, как вдруг всю ее руку, вплоть до предплечья, пронизало нечто похожее на несильный электрический разряд. И тотчас же какой-то внутренний голос внушительно, на чистом германском языке навевал ей: «Не рвать. Это смертельно запрещено». Причем

Фройнштаг хорошо запомнила, что в навеивании прозвучало именно эти слова: «смертельно запрещено!».

С трудом разжав конвульсивно сжатые пальцы, Фройнштаг отступилась от травки и затравленно оглянулась, пытаясь выяснить, что за ней следит и на ком лежит охрана каждой из этих травинок, а возможно, и вон той, то ли сосновой, то ли кедровой, кустами окаймленной рощицы. Интересно, распространяется ли этот запрет и на воду?

Спустившись к самой прибрежной кромке, Лилия ощутила исходящее от реки тепло и едва уловимый серный запах. Теперь понятно было, что зарождалась эта речушка не в антарктических ледниках, а где-то в гейзерных глубинах континента. И что среди прочих факторов, она обеспечивала райскую стабильность климата в Стране Атлантов.

Рыбы в этой речушке тоже не наблюдалось.

Хотелось бы знать, чем они здесь питаются, подумала она, чувствуя, что основательно проголодалась. И известно ли им такое понятие, как элементарное гостеприимство.

— Кстати, адмирал, не подскажете ли, куда девался наш «добрый фей» Консул? У меня в очередной раз набралось несметное количество вопросов.

— Их-то он и опасается, мэм.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов город Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого.**

Пилот этого «роллс-ройсного тихолета», как окрестила его Фройнштаг, совсем юная золотистоволосая атлантка, управляла своей машиной с помощью двух антрацитово-черных рычагов, напоминающих рычаги переключения скоростей в земных автомобилях, и небольшого кнопочного пульта. Одета она была в короткую, в складку, сшитую из какого-то очень плотного материала зеленую юбчонку, напоминающую юбки, в которых некогда щеголяли воины-спартанцы, и в коротенький, из того же материала, зеленый жилет.

А еще германка успела заметить, что обута эта подземная амазонка в легкие полусапожки с острыми удлиненными носками.

Судя по всему, с модой у них здесь особых проблем не возникает, решила журналистка. Как, впрочем, и с выбором одежды. Местные модельеры их явно не балуют.

Еще при посадке в этот «тихолет» Фройнштаг поинтересовалась у пилота, как ее зовут, однако девушка лишь снисходительно взглянула на нее и вновь уставилась в пространство за лобовым стеклом своего открытого летающего лимузина. Теперь девица вела себя с видом скучающего таксиста, все еще ожидающего обратной поездки своих пассажиров, но уже не рассчитывающего на чаевые.

— На каком топливе работает ваш автомобиль, мисс? — вновь попыталась заговорить с ней Фройнштаг.

И на сей раз девушка ответила ей, но на каком-то непонятном гортанном языке, слегка напоминающем наречие швейцаро-альпийских германцев.

— А не владеете ли вы английским, германским или... французским, сеньорита? — не оставила своих попыток Лилия.

— Судя по всему, ей запрещено общаться с нами, — предположил адмирал. — А местное безлюдье указывает на то, что Повелитель и его высокоподданные не очень-то заинтересованы в наших триумфальных встречах с населением Страны Атлантов.

— Вы тоже так считаете, миледи? — вновь обратилась Фройнштаг к атлантке.

Вместо ответа пилот жестом указала ей и стоявшему лицом к ее машине адмиралу на Пирамиду Жизни. Оглянувшись, они увидели Консула и группу рослых мужчин — статных, безбородых, одетых в некое подобие римских тог. Они стояли на высоком крыльце, у которого заканчивалась довольно просторная четырехугольная площадь, выложенная из бирюзовых, слегка люминесцирующих плит, каждая из которых была украшена орнаментом, по форме своей напоминающим «розу ветров».

Консул держался чуть в стороне от них, и по мере того, как адмирал и Лилия медленно приближались к крыльцу он тоже перемещался поближе к лестнице, явно, как считали «земляне», намереваясь выступить в роли и переводчика, и посредника на переговорах.

— Кажется, мы напрасно ждали здесь приятных вестей и душевного приема, адмирал, — сквозь зубы пробормотала Фройнштаг, стараясь идти плечо в плечо с командующим эскадрой.

— С чего бы этому приему быть душевным? — так же едва слышно ответил адмирал.

— А законы гостеприимства?

— По отношению к людям, которые пришли к ним с целой армией вооруженных до зубов воителей? Не казнят на Плахе Повелителя — и на том спасибо.

— Может, именно сейчас нам и собираются объявить приговор, сэр.

— Для этого нас не приглашали бы сюда. Коль уж нас допустили до Внутреннего Мира, значит, хотят, чтобы мы поразились их успехам и их мощи.

Чем ближе адмирал и журналистка приближались к этим патрициям, тем лица мужчин, облаченных в одинаковые аквамариновые тоги, становились сосредоточеннее и суровее.

Когда пришельцы остановились у некрутой бирюзовой лестницы, ведущей к излучающей золотистый свет Пирамиде Жизни, патриции расступились, ворота, ведущие в этот храм, плавно разошлись, и на каменной бирюзовой дорожке появился еще один атлант, отличавшийся и своим могучим ростом, и атлетическим телосложением, и цветом своей длинной, пламенем огня отсвечивающей тоги.

Но, кроме всего прочего, в руках у него ослепительно сиял длинный, очевидно, изваянный из чистого золота, посох, увенчанный большим орлом, очень напоминающим изображение орла, начертанного на гербе Третьего рейха. Несложно было догадаться, что именно этот посох представал перед гражданами Страны Атлантов в образе символа высшей власти.

При его появлении патриции расступились, образовав два вогнутых крыла по шесть человек в каждом. На соединении этих крыльев, в выложенном их изумрудного камня полукруге, остался лишь гигант в багряной тоге. Но прежде чем он вошел в этот слегка возвышенный над остальным крыльцом полукруг, Консул сошел вниз и остановился рядом с адмиралом.

— Это и есть Повелитель? — едва слышно поинтересовался у него адмирал.

— К сожалению, нет. Но иначе и быть не могло. Повелитель никогда не встречает гостей у входа в Пирамиду. Он вообще без крайней надобности не оставляет Пирамиду Жизни.

— Как это понимать?

— Повелитель десятилетиями не оставляет ее, обрекая себя на жизнь затворника этого храма-парламента. Повелитель вне Пирамиды Жизни — это очень плохой поступок, плохой признак, плохое предзнаменование для всего народа Страны Атлантов. А еще принято считать, что, находясь вне Пирамиды Жизни, он теряет свою духовную связь с Высшими Посвященными и с нашими Космическими Учителями.

Так вот о каких Высших Посвященных толковали в течение всех лет своего правления Гитлер и его ближайшее окружение? — подумалось Фройнштаг. — К тому же оказывается, что этими Высшими Посвященными были не атланты Внутреннего Мира, поскольку получается, что сами они точно так же поклоняются неким Космическим Учителям и точно также остерегаются их гнева.

И когда сначала в высших кругах института «Аненербе», а затем и в высших сферах СД пошел слух о том, что Высшие Посвященные разочаровались в фюрере, а фюрер — в них, то под этим, очевидно, подразумевался вполне реальный конфликт, после которого Гитлер точно так же вполне реально лишился поддержки Космических Учителей. Мало того, эти Высшие Посвященные попросту решили избавиться от вышедших из-под их контроля фюрера и его режима. И им удалось добиться этого вполне земными средствами, кардинально изменив ход мировой войны.

Но в таком случае, размышляла Фройнштаг, интересно было бы знать, на что эти Высшие Посвященные рассчитывали, оказывая поддержку фюреру в начале его восхождения к вершинам власти и

в начале его военной миссии в Европе, на какой исход, какую форму правления завоеванными территориями? И что заставило их потом изменить свое отношение к Гитлеру?

— Кто же тогда этот человек с посохом Моисея в руке? — не унимался адмирал.

— Встречать здесь высокодостойных граждан Страны Атлантов, гостей из Шамбалы, Космоса или из параллельных миров — это прерогатива Атланта Ария. Джентльмен с посохом Моисея, как вы изволили выразиться, — подбородком указал Консул в сторону багрянотогого патриция, — именуется Атлантом Арием.

— У них здесь существует и такая должность? — удивилась Фройнштаг.

— Это имя. Атлант Арий — второй человек в государстве, и должность его — Духовный Хранитель Священных Истин.

— Хранитель чего?! — вновь попыталась съязвить Фройнштаг, однако адмирал жестко сжал кисть ее руки, заставляя умолкнуть, а когда ему это удалось, попытался уточнить у Консула.

— Священных Истин, то есть тех предписаний, которые были изложены в меморандуме Высших Посвященных, когда они, спасая уцелевших атлантов, позволили им создавать свою новую страну во Внутреннем Море, при поддержке Космических Учителей. Кроме того, он является еще и хранителем оригинала «Книги Земного Бытия», то есть той секретной, тайной истории нашей планеты, истории основания земной цивилизации, основные положения которой тщательно скрываются не только от землян, но и от основной массы атлантов:

— Знакомая ситуация, — прокомментировала его откровения Фройнштаг.

— То есть следует понимать так, что этот атлант является Высшим Жрецом? — молвил адмирал.

— В Стране Атлантов нет жрецов. Храм есть, правда, один-единственный. Он — перед вами, Золотая Пирамида Жизни. Выражаясь языком землян, это храм-парламент. Но жрецов в нем нет. Есть только Повелитель, Хранитель Священных Истин и несколько их помощников, исполняющих роли секретарей и смотрителей. Кстати, «людьми» и «землянами» атланты называют только вас, обитателей Наземного Мира. Сами себя ни «людьми», ни «землянами» они не именуют.

— Кем же они считают себя? — спросила Фройнштаг.

— Известно, кем. Атлантами.

— Существенное различие, — иронично признала Лилия. С того самого дня, когда она встретилась на авианосце «Флорида» со своим давним любовником, адмиралом Брэдом, журналистку не покидал вселившейся в нее бес иронии, скепсиса и сарказма. И ничего поделать с этим она пока что не могла.

— И кем же тогда является в высшей иерархии Страны Атлантов этот Хранитель Священных Истин? вновь взял инициативу в свои руки адмирал, которого Фройнштаг уже начинала доставать и даже пугать своей безрассудной язвительностью и испепеляющим сарказмом.

— Скорее, верховный судья, идеолог и толкователь той «Тайной Доктрины Основателей», которая была составлена основателями Страны Атлантов на основании меморандума Высших Посвященных, меморандума Космических Учителей, — охотно объяснил Консул, — своеобразного собрания заветов и предписаний, оставленных предками, основателями Страны Атлантов, нынешним поколениям ее граждан.

— У нас, в рейхе, он бы назывался попроще — «Геббельсом», — подытожила Фройнштаг.

На сей раз Консул не удержался: чуть подавшись вперед, смерил ее заинтригованным каким-то взглядом.

Фройнштаг трудно было определить, что таил в себе этот взгляд, да она не очень-то старалась расшифровывать его.

«Впрочем, сравнение ему все же понравилось, — отметила про себя гауптштурмфюрер СС, когда Посланник Шамбалы вернулся к своей обычной позе. — Во всяком случае, оно показалось неожиданным и лично ему о многом говорящим. Вряд ли эти «тогоносители», — придирчивым взглядом прошлась она по собравшимся на паперти, — знают о том, что такой человек, Геббельс, существовал, а если и слышали о нем, то вряд ли понимают, что за этим именем скрывается».

— Я так понимаю, господин Консул, что с Повелителем встретиться мне не удастся.

— Повелитель решил не принимать вас, господин адмирал.

— Зачем же тогда нас доставили сюда?

— Тот, кто приказал это сделать, не знал» соизволил ли Повелитель принять вас. Но теперь известно, что Повелитель мог бы принять у себя только президента.

— Убедительно. Мне предложат провести переговоры с президентом США и пригласить его сюда?

— Вам и вашей эскадре предложат как можно скорее покинуть пределы Антарктики, — сухо просветил его Консул. — Повелитель не желает вести переговоры с кем бы то ни было из земных правителей, и вашего президента он допустил бы только до Плахи Повелителя. А вот что бы произошло с ним дальше — предсказать трудно.

— Так, может быть, в течение тех минут, которые мы провели у Плахи, он тоже размышлял, стоит ли нас подпускать к своему миру дальше Плахи.

— Именно так и ставился вопрос, — невозмутимо подтвердил Консул. — Мне с трудом удалось убедить Повелителя, и особенно Хранителя, в том, что настало

время контактов с землянами, путь к которым мы открыли, позволив германцам создать по соседству с нами «Базу-211» и Рейх-Атлантиду. И что разумнее будет воспользоваться вашим появлением здесь, чтобы передать вашему Правителю тот меморандум, или, точнее будет сказать, ультиматум, который спустя несколько минут будет вам оглашен.

— В таком случае многое проясняется, — задумчиво произнес опытный полярник, множество раз оказывавшийся на краю гибели.

— Значит, я не зря взялся за миссию посредника между вами и Повелителем Внутреннего Мира.

Адмирал и журналистка переглянулись. «Какое счастье, что, стоя у Плахи Повелителя, мы даже не догадывались, в какой близости от бездны находились» — прочитывалось в их глазах.

— Кстати, члены Духовного Совета Пирамиды Жизни, которые собрались здесь, понимают, что я готовлю вас к тому, что сейчас должно произойти, поэтому терпеливо наблюдают за нашими с вами, адмирал, переговорами.

— С их стороны это благородно.

— Придется вам, адмирал, самому баллотироваться в президенты на следующий срок, — мелко съязвила Фройнштаг, не поворачивая к нему головы и вообще не отводя взгляда от предводителя атлантов. — Пообещайте это Хранителю и членам Духовного Совета.

Сейчас она вела себя, как студентка, которая поедает глазами профессора, поскольку опасается, как бы ее не заподозрили в невнимательности и непослушании.

— Но у меня свой «Повелитель», которым является президент США, — не стал отвлекаться Брэд на колкости Лилии. — И как адмирал американского флота, я подчиняюсь его приказам, только его и ничьим

иным. Выполняя один из них, я, собственно, и прибыл сюда.

— Члены Духовного Совета понимают это.

— Должны, обязаны понимать, — горделиво вскинул свой далеко не волевой и не аристократический подбородок доктор Брэд.

— Понимают, однако не принимают во внимание. Они даже знают, — продолжил свою мысль Посланник Шамбалы, — что идея двинуть сюда эскадру появилась все же у вас, контр-адмирал Брэд, а не у президента США. Что это вы, лично вы, адмирал Брэд, уговорили командование Военно-морского флота и окружение президента создать специальную Полярную эскадру и под вашим командованием, и под прикрытием морской авиации направить ее сюда.

После этих слов наступила настолько неловкая пауза, что Фройнштаг, которую так и подмывало запустить в адмирала очередной колкостью, не решилась на это. Гауптштурмфюрер прекрасно понимала, что обвинение слишком серьезное и что высказывает его Консул только потому, что оно уже сформировалось в виде мнения на этот счет всех членов Высшего Духовного Совета Страны Атлантов.

Адмирал порывался что-то сказать ему в ответ, но в это время Хранитель Священных Истин стукнул посохом о каменную плиту перед собой, повернулся и направился ко входу в Пирамиду Жизни.

— И что бы это значило? — встревожено спросила Фройнштаг.

— Они уходят.

— Я догадалась, что они уходят, мой Консул, — произнесла Фройнштаг, не поворачивая головы и наблюдая, как вслед за Атлантом Арием двумя колоннами направляются ко входу прочие «тогоносители».

— Как только они скроются за воротами Пирамиды Жизни, мы двинемся вслед за ними, — объяснил Посланник Шамбалы. — Страна Атлантов — это страна традиций, ритуалов и церемониалов, которых здесь свято придерживаются.

— А еще, я так понимаю, у них неплохо налажена разведка?

— Было бы странно, адмирал, если бы атланты не позаботились о ней. Все, как водится: чистая экономическая и военная разведки, агенты влияния, агенты-каратели и агенты-дезинформаторы. У этой разведки особые формы работы и особые формы маскировки. С полной уверенностью можно сказать, что у них лучшая разведка мира, поскольку ни разу не допустила провалов своих агентов.

— Как это стало возможным?! — не поверил ему адмирал. — Это почти нереально.

— Провалы, в общем-то, случались, но это были всего лишь провалы отдельных агентов, которые понятия не имели, на кого они на самом деле работают и кто именно щедро оплачивает их услуги, ибо вербовали их якобы для работы в пользу той или иной вполне «земной» страны.

— Именно такой тактики и должны были придерживаться в Пирамиде Жизни, — согласился адмирал после некоторого колебания.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов город Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого.**

Первое, что бросилось в глаза адмиралу, когда они с журналисткой вошли в холл Пирамиды, — царствование готики, Потолок, окна, ниши, узоры на колоннах и витражах — все было преисполнено блеском золота и все устремлялось ввысь, подвергаясь готическому совершенству форм и его богоизбранному, соборному величию.

Усиливало это ощущение храмовой святости — негромкая, тем не менее величественная органная музыка, непонятно где и каким образом зарождавшаяся, и неясно чем источаемый приятный аромат, который букетом своим не поступился бы самым изысканным парижским духам.

— Но здесь, в Пирамиде, нам все же позволено будет лицезреть вашего Повелителя? — поинтересовалась Фройнштаг, входя в ход Пирамиды вслед за Консулом.

— Не позволено.

— А не кажется ли вам, что это будет выглядеть некорректно? И потом, должны же мы засвидетельствовать ему свое почтение.

— Исключено, — резко отреагировал Посланник Шамбалы. — Повелитель своих решений не меняет. Вас будет принимать уже известный вам Атлант Арий, и происходить это будет в Зале Основателей, в котором мы окажемся, пройдя еще два небольших зала, и только тогда, когда нас туда пригласит один из помощников Хранителя.

— Условия нам ясны, — заверил его адмирал Брэд.

— Пока еще не совсем, — остановился Консул перед дверью, ведущей в Зал Основателей. При этом доктор Брэд обратил внимание, что ни в одном из залов и переходов, которые они преодолели, нет абсолютно никакой мебели, а главное, — ничего такого, на что можно было бы присесть в ожидании помощника Хранителя. Единственным объяснением этому мог служить лишь строгий запрет на право сидеть в этом храме.

— Готов выслушать все ваши толкования, господин Консул Внутреннего Мира.

— В таком духе вы и должны будете реагировать на все, что придется услышать в Зале Основателей, — явно понравились ему вежливость и чинопочитание, просматривавшиеся в ответах адмирала.

— Понимаю. — Обязан предупредить, что вы не имеете права ни возражать Хранителю, ни задавать ему какие бы то ни было вопросы. Это смертельно опасно.

— Существенное уточнение, — согласился полярник.

— Члены Высшего Совета способны простить любой грех, любую человеческую слабость, но они жестоко наказывают каждого, кто осмеливается проявлять неуважение к существующим в Пирамиде Жизни, или, как они ее еще называют, в «Пирамиде Вечности», правилам, условиям и традициям.

— Ясно, вы истребляете их точно так же, как совсем недавно, исповедуя спартанский образ жизни общества, истребляли их германские власти под предводительством фюрера.

— Оказывается, между Страной Атлантов и Страной Германских Арийцев уже просматривается кое-что общее, — поспешила завершить его мысль Лилия Фройнштаг.

Чувствуя, что гауптштурмфюрер расставляет политические сети, Посланник Шамбалы дипломатично

промолчал. А после небольшой паузы вновь обратился к командующему эскадрой:

— Выслушав зачитанный вам «Меморандум Повелителя Внутреннего Мира», вы, адмирал Брэд должны поблагодарить самого Повелителя, Хранителя Священных Истин и членов Высшего Совета, пообещав при этом, что все услышанное здесь вами будет доведено до сведения высшего руководства США.

— Оно действительно будет доведено, — заверил его полярник. — Я обязан доложить обо всем увиденном и услышанном во время этого рейда в Антарктику своему командованию, а возможно, докладывать придется и лично президенту.

— На все вопросы, которые возникнут у вас после оглашения «Меморандума», отвечать буду я, так положено.

— А в чем придется заверять членов Высшего Совета и клясться мне? — напомнила о своем существовании журналистка.

Консул с удивлением взглянул на нее и едва заметно улыбнулся.

— С вами все проще, госпожа Фройнштаг. Вам ничего не нужно будет обещать Хранителю, поскольку в Зал Основателей вас попросту не допустят.

— Как же вы все упростили, господин Консул!

— Не я, а канцелярия Хранителя Священных Истин. Вы не уполномочены представлять здесь ни правительство США, ни правительство какой-либо иной державы.

— Скажите проще, Консул, — что в Зал Основателей женщин попросту не допускают. Не только пришлых, но и местных, атланток. Я с этим не смирюсь, но пойму.

— Такого запрета не существует, Фройнштаг. И я бы вам не советовал распространяться на тему дискриминации женщин в Стране Атлантов в каком-либо издании. А было бы еще лучше, если бы вы вообще

не упоминали о существовании такой страны и своем посещении ее.

— Скрытая угроза?

— Открытый дружеский совет человека, озабоченного вашей личной безопасностью.

— О чем же мне тогда позволено будет писать?

— О красотах Ледового Континента, о колониях королевских пингвинов и мужестве американских моряков, действовавших в условиях Антарктики. Ну и, конечно же, о жизни морских пехотинцев США во временном лагере исследователей «Адмирал-Форт».

— Все, что вы только что сказали, так же понятно, — поморщилась Фройнштаг, — как и банально.

— Напрасно вы так скептически относитесь к этому, Фройнштаг. — Если все это вы приправите какой-то слезливой историйкой о возникшей в экспедиции любви, я не имею в виду ваши личные переживания, — тотчас же предостерег ее от излишних эмоций Консул — читатели будут в восторге.

— И все? — простила ему Лилия намек на «личные переживания», после появления которого адмирал нервно побряхтел. — Не было никаких дисколетов, никакого преследования нашей «Кобры» невесть откуда появившимися посреди Антарктиды германскими истребителями, никакой Страны Атлантов и никакой «Базы-211»?

— Вы забыли упомянуть о контр-адмирале фон Риттере, с которым мило болтали в небе над антарктическими льдами.

— Считайте, что уже упомянула.

— Вот об этом мы с вами и поговорим, госпожа Фройнштаг, но уже после того, как господин адмирал предстанет перед Хранителем Священных Истин и членами Высшего Духовного Совета.

— Но предстанет уже без меня, чего мне очень не хотелось бы.

— Я поделюсь с вами впечатлениями от встречи, — пообещал адмирал. — О сути меморандума вы тоже узнаете.

Однако Фройнштаг это не очень устраивало, ей хотелось самой предстать перед Высшим Духовным Советом. Сообщить читателям, что ее оставили под дверью Зала Основателей, а значит, под дверью одной из тайн Антарктиды? Для нее это было бы позором, профессиональным крахом.

И потом, Фройнштаг не уверена была, что у адмирала хватит мужества повести себя должным образом: полярник, исследователь, доктор наук — все это в какой-то степени способно было впечатлять. Но он так и не стал настоящим боевым адмиралом.

— А если я все же решусь послушаться вашего совета, господин Консул? — предприняла последнюю попытку гауптштурмфюрер СС.

— Не рекомендую. В Стране Атлантов так и не научились прощать женщинам их слабости и причуды. Здесь вообще не мыслят себе атлантов со слабостями и причудами, не говоря уже о физических и психических отклонениях. И потом, если бы вы самоубийственно решились нарушить запрет Высшего Духовного Совета, то не спрашивали бы моего разрешения на этот шаг. Повторяю, самоубийственный. А мне не хотелось бы, чтобы ваше прекрасное тело уже с сегодняшнего дня покоилось во льдах Антарктиды.

— Я, конечно, тронута вашей заботой, Посланник Шамбалы, но, видите ли...

— Кажется, — воспользовался её заминкой Консул, — я забыл уведомить вас, что скучать здесь, под дверью, вам не придется. С вами желает побеседовать, ну, скажем так, один ваш коллега из Страны Атлантов.

Фройнштаг и адмирал переглянулись и уставились на Консула.

— Ничего интригующего, — невозмутимо заверил тот. И в ту же минуту в зале прозвучал зычный голос, который по-английски объявил:

— Введите в Зал Основателей пришельца из наземной Страны, — окончательно определяя таким образом, что в зале для избранных адмирала действительно желают видеть без его спутницы.

— Не смейте накалять обстановку, Фройнштаг, — упреждающе молвил командующий эскадрой.

— И все же это какое-то недоразумение, — проворчала Лилия вслед уходящим мужчинам. — Если бы я вошла, выставить меня за дверь никто бы не посмел.

— Это точно. Потому что вышли бы все остальные, — не оглядываясь, саркастически заметил адмирал, явно подуставший от общества своенравной германки.

**Декабрь 1944 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов город Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого.**

Как только Консул и адмирал Брэд скрылись за легкой, созданной из какого-то золотистого полупрозрачного материала, дверью, перед Фройнштаг возник парень в тоге и, представившись «храмохранителем», в полупоклоне указал ей на боковой переход, о существовании которой журналистка даже не догадывалась.

В конце этого перехода перед ней автоматически раздвинулся ажурный металлический занавес, и она оказалась в небольшом офисе, который был назван ее провожатым «Пристанищем Посланника Шамбалы».

К удивлению журналистки, обстановка в комнате оказалась вполне европейской: небольшой кожаный диван, письменный стол и два кожаных кресла по обе стороны приставного столика, справа от которого, у готического окна-бойницы, виднелся тоже вполне европейский, хотя и явно искусственный камин.

Единственное, что свидетельствовало о связи ее хозяина с Шамбалой, это заснеженные вершины на двух висящих на стене картинах да прикрепленный между ними кусок белой ткани с начертанными на нем магическими символами, среди которых выделялась такая знакомая ей свастика. Но это всего лишь было данью Шамбале, а пребывать ее Посланник предпочитал во вполне европейском офисе, приобщаясь таким образом к европейской культуре.

Не успела Фройнштаг основательно осмотреться, как часть стены у камина бесшумно отошла и в проеме

двери показалась коренастая фигура в форме морского офицера и со знаками различия вице-адмирала Военно-морского флота Третьего рейха.

Поздоровавшись, адмирал жестом, указал Фройнштаг на одно из кресел у приставного столика, уселся сам и несколько секунд внимательно всматривался в лицо журналистки.

— Признаться, я все же представлял вас в форме офицера СС, гауптштурмфюрер.

— Такие фантазии способны рождаться лишь у человека, который давно не встречался с людьми из послевоенной Германии. Нет уже рейха, нет СД, офицером которой я была, нет СС, нет Главного управления имперской безопасности. Как бы мы теперь ни храбрились и словесно не изощрялись, а правда заключается в том, что Германия разгромлена, расчленена и поставлена на колени. Иное дело, что лучшие из воинов фюрера становиться на колени не пожелали. Но о них история будет говорить отдельно.

— Если говорить честно, то с людьми из послевоенной Германии я вообще встречаюсь впервые, — сознался адмирал.

— Это многое объясняет.

— Именно поэтому не направил на встречу с вами начальника своей контрразведки, а прибыл сам. Причем это было непросто, поскольку даже руководителям Рейх-Атлантиды разрешено посещать Страну Атлантов крайне редко, и только по личному приглашению или разрешению Повелителя.

— Я не стану выяснять, почему атланты столь осторожны, а порой и неприветливы в отношениях с вами, господин вице-адмирал.

— И не стоит делать этого.

— Однако напомню, что и в послевоенной Германии, равно как и в давно не воевавшей Швейцарии,

подданной которой я теперь являюсь, традиции представляться никто не отменял.

Вице-адмирал поиграл желваками, пытаясь погасить нахлынувшее на него раздражение, но затем улыбнулся и поднявшись, произнес:

— Простите, госпожа Фройнштаг, я не знал, что вам не сообщили о моем появлении в Пирамиде Жизни, а следовательно, не представили. Вице-адмирал барон Теодор фон Готт, рейхсфюрер — должность главы нашего государства называется именно так — Рейх-Атлантиды, комендант Арийбурга и «Базы-211».

— Отто Скорцени уважительно называл вас «Полярным Бароном».

Массивным, гладко выбритым подбородком барон почесал сильно выступающую, могучую грудь и едва заметно улыбнулся.

— Оберштурмбаннфюрер Отто Скорцени, — мечтательно, словно название романтического курортного городка где-нибудь на Лазурном Берегу Франции, произнес барон, — Обер-диверсант рейха. Признаюсь, я всегда восхищался его мужеством. Впрочем, как и вы, Фройнштаг, — скабрёзно ухмыльнулся рейхсфюрер Рейх-Атлантиды.

— Я не мужеством Скорцени, я им просто, по-женски, восхищалась, — сдержанно ответила Лилия, дабы избежать дальнейших намеков. В конце концов, о романе Скорцени с Лилией Фройнштаг знала вся верхушка рейха, и они уже даже не пытались утаивать его. Чего уж тут...

— Собственно, я не это имел в виду.

— И «это» — тоже. — Мило улыбнулась Фройнштаг. — И вообще, не тушуйтесь, господин вице-адмирал, берите пример с меня.

— Скорцени допустил большую ошибку, когда решил не уходить из Германии вместе с нами или с Атлантической стаей субмарин, уходивших на

аргентинскую базу «Латинос». Помню, что ему нравилось мое полярное прозвище. Адмирал фон Риттер рассказал мне о вашей радиобеседе, поэтому я знаю, как сложилась судьба Скорцени. Фон Риттеру, естественно, хотелось бы воочию полюбоваться вашей красотой, точно так же, как любуюсь сейчас я, но, как видите, ему этого не позволено. Из ревности и вредности моей.

— Откровенно. И давайте будем считать, что с любезностями покончено. Вы ведь прибыли сюда не для того, чтобы поражать меня своими комплиментами, я права?

— Абсолютно правы. Мне уже известно, каким образом вы, гауптштурмфюрер, оказались на борту американского авианосца «Флорида».

— Источник все тот же — адмирал фон Риттер.

— Не совсем так. Он всего лишь стал контрольным источником. Когда мы прослушали запись его разговора с вами, а затем выслушали его впечатления и мнения, то могли сверить их с донесениями наших континентальных, как мы их называем, агентов.

— Результаты показали, что вы говорите правду, и косвенно еще раз убедили нас, что агентом американской разведки вы пока-что не являетесь. Иное дело, что после этого визита во Внутренний Мир сотрудники разведки станут основательно разрабатывать вас и даже попытаются заполучить в качестве разведчицы.

— Я в этом тоже не сомневаюсь, господин рейхсфюрер, однако им придется основательно потрудиться, чтобы добиться хоть какой-то благосклонности.

— Мы в этом не сомневаемся, гауптштурмфюрер СС Фройнштаг.

— В то же время мне приятно знать, что за столь короткое и сумбурное время вы сумели создать свою

разведку?

— Одним из основателей ее выступил Отто Скорцени, который еще в начале сорок пятого передал нам до полусотни отборных агентов-диверсантов, законсервированных в разных странах, причем из тех, для которых крах рейха не стал крахом ни наших идей, ни их карьеры.

— Судя по всему, речь идет о выпускниках знаменитых скорценовских Фридентальских курсов, располагавшихся в замке Фриденталь неподалеку от Берлина^[47].

— Вполне возможно.

— Странно, что я об этом ничего не знала.

Появилась юная атлантка с бирюзовым подносом, на котором находились хрустальные бокалы, наполненные каким-то розоватым напитком. Одета она была точно так же, как и водительница доставлявшего их к Пирамиде тихолетного «роллс-ройса». Мало того, присмотревшись к ней повнимательнее, Фройнштаг вдруг открыла для себя, что это она и есть. И пока девица неспешно расставляла эти бокалы и чашечки с какой-то снедью, внешне напоминающей поджаренные цыплячьи крылышки, рука адмирала бесцеремонно блуждала между икрами ее ног, храбро забираясь под коротенькую спартанскую юбчонку.

К удивлению Лилии, атлантка, которую адмирал называл Осанной, блаженственно улыбалась и не только не пыталась остановить германца, но и явно не спешила со своим уходом. При этом присутствие Фройнштаг ее ничуть не смущало.

— Кажется, самое время остановиться, господин адмирал, — наконец не удержалась Лилия, предполагая, что ласки стареющего морского волка зашли слишком далеко. Тем более, что она

засомневалась, есть ли у Осанны под юбочкой нечто такое, что напоминало бы трусики.

Судя по блаженственному выражению ее лица, — не было, и, забираясь туда, барон фон Готт прекрасно знал об этом. Впрочем, особого блеска в его глазах Лилия так и не заметила. Так, подумалось ей, ласкают только опостылевших жен или нелюбимых женщин. Тогда зачем он прибегал к этим полусексуальным экзальтациям, да к тому же в ее присутствии, то есть в присутствии женщины, с которой только что познакомился?

Но самое странное, что даже после столь бесцеремонного вмешательства германки Осанна никак не отреагировала ни на ее слова, ни на само ее присутствие. У Фройнштаг даже закралось подозрение, что атлантка умышленно играет в ее присутствии страсть, дабы вызвать у нее чувство ревности. Предаваясь таким образом давно прощенному Богом женскому греху — ревливой мстительности.

— Она владеет германским, английским или каким-либо иным из континентальных языков? — поинтересовалась Фройнштаг, делая несколько глотков кисло-сладкого напитка, с каким-то березово-грушевым привкусом.

— Владею, — томно ответила вместо него Осанна, развернувшись бедрами к адмиралу и опираясь руками о стол, в классической позе «секретарши-любовницы». — Мне подарили атланти-германский разговорник, и я выучила его, а затем и весь германский словарь.

Говорила официантка с жутким акцентом, но определенным словарным запасом, судя по всему, владела.

Фройнштаг вопросительно взглянула на адмирала.

— Большинство атлантов обладают феноменальной памятью, это факт, — подтвердил он. — Иное дело, как

они ею распоряжаются.

— Я хотела спросить о другом: может, мне давно пора выйти?

— Это не обязательно, — спокойно заверил ее рейхсфюрер Рейх-Атлантиды.

— Тогда, может быть, вы все же оторветесь от ножек этой юной фройлейн и скажете мне пару слов на прощание?

В то же мгновение дверь отворилась, и в проеме ее появился тот самый парень в тоге, который привел ее сюда.

— Адмирал будет ждать вас на берегу реки, госпожа Фройнштаг, — по-германски, четко выговаривая каждое слово, произнес он, не обращая особого внимания на сексуальный экстаз Осанны.

— Так быстро завершился прием? — метнула на него взгляд Фройнштаг, решая для себя: как отреагировал этот атлетически сложенный парень, если бы она принялась вот так же беспардонно ласкать его в присутствии посторонних. И как реагировали бы адмирал и Осанна.

— Так быстро, — ответил он, так и не испытав на себе ее решительности. Хотя Фройнштаг и в самом деле возжелала его и не прочь была бы затащить в постель — уже хотя бы ради интереса и разнообразия, ради коллекции.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов город Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого. Зал
Основателей.**

Как только дверь Зала Основателей неслышно раздвинулась, адмирал Брэд оказался на рубиновой, непонятно из какого материала сотканной, дорожке, что сразу же медленно понесла его к подножию высокой, двукрылой трибуны, в центре которой возвышался трон Повелителя Внутреннего Мира.

Адмирал так и не понял, куда девался Посланник Шамбалы; медленное движение дорожки сопровождалось какой-то странной, неизвестно каким инструментом порождаемой, эфирной мелодией, а все его естество, его сознание обволакивала какая-то эйфорическая приподнятость, которую можно было бы сравнить разве что с легким наркотическим опьянением.

Когда дорожка остановилась, адмирал оказался почти у подножия трона, сидя в котором гигант-повелитель напоминал ему невовремя ожившего золотистого сфинкса, на голове которого красовалась огромная, излучающая ослепительный золотистый свет корона.

— Стойте, адмирал, и смотрите, — мысленно повелел ему какой-то внутренний голос.

В ту же минуту трибуна вместе с Повелителем-сфинксом и восседавшими по обе стороны от него плечистыми златокудыми сенаторами как бы растворилась в пространстве, а сам адмирал вдруг оказался на устланной золотистыми плитами городской

площади. Мимо, и, как будто не замечая его существования, то ли проходили, то ли попросту проплывали в воздухе^[48] светловолосые, голубоглазые, прекрасно скроенные гиганты, каждый под три метра ростом.

Причем самое потрясающее заключалось в том, что адмирал слышал, как атланты разговаривают между собой на каком-то непонятном языке, жестикулируют, смеются, заходят в какие-то выстроенные из стекла и бетона или какого-то иного материала здания...

Вместе с ними адмирал побывал на усыпанном золотистым песком берегу дымящегося гейзерного озера, побывал на вершине холма, у истоков водопада, осмотрел оттуда, словно с высоты птичьего полета, довольно большой, спланированный концентрическими кругами, с величественным храмом посередине, город, прошелся аллеями старинного парка, гигантские деревья в котором достойны были Страны Гулливеров.

Он был поражен, когда оказался сначала на палубе авианосца «Флорида», команда которого жила своей вполне реальной жизнью, а затем — на искореженном снарядами эсминце «Портсмут».

Какая-то неведомая сила перенесла его в офис Объединенного штаба атлантических флотилий, в котором он чуть было не столкнулся лицом к лицу с вице-адмиралом Ричардом Грегори; затем — на Елисейские поля, в Париже, и на Александр-плац, в Берлине, а оттуда — к воротам снежной крепости «Адмирал-Форта».

Однако, пребывая, и в гуще столичной жизни атлантов и на улицах европейских городов, или на кораблях собственной эскадры, адмирал все же ощущал себя чужим в порождаемых ими реалиях, ибо жизнь эта никоим образом не соприкасалась с его собственной жизнью.

Но самые большие потрясения ожидали его на огромном полигоне, на котором дисколеты вылетали прямо из глубин озера и какими-то таинственными лучами сжигали германские и советские трофейные танки. Оставаясь в воздухе, они подхватывали — словно бы магнитами притягивали к себя — стоявшие на земле мощные армейские тягачи, чтобы, пронеся их несколько сот метров, сбросить с большой высоты на скалы.

В полном бессилии адмирал созерцал, как ниоткуда возникающие и непонятно куда потом исчезающие дисколеты раскраивают пополам надводные боевые суда, приподнимают над морской гладью и, переворачивая вверх килем, швыряют в глубины погибающие субмарины, как пилоты атлантов за считанные секунды превращают в груды развалин большие участки мощных крепостных стен. Как они словно бы вспаривают изнутри железобетонные колпаки дотов и оставляют после себя «валуны» плавленого металла вместо колонны списанной военной техники.

«Таким вот образом, атланты «убедительно» объясняют тебе, адмирал, — молвил про себя Брэд, — во что они способны превратить Полярную эскадру, если ты немедленно не уведешь ее из Швабского залива. И у тебя как у командующего не остается никаких аргументов, которые ты способен противопоставить этой мощи».

«Вы правы, господин адмирал, — неожиданно возник в его сознании голос Повелителя, давая понять, что не только его эскадра, но и его, командующего, собственное сознание, находится под контролем. — Ни ваша эскадра, ни ваша страна не способны противостоять даже нашим космическим эскадрам, не говоря уже об эскадрах пришельцев».

И пока он все это внушал командующему Полярной эскадрой, лихими ударами ракетных снарядов

дископilotы превращали в металлолом стоявшие на взлетных дорожках боевые самолеты и загнанные в капониры мощные оружейные установки.

Когда весь этот иллюзорный мир растаял, адмирал вновь увидел перед собой трибуну, с невозмутимо восседавшими на ней сенаторами, и трон, на котором застыл в своем величии Повелитель Страны Атлантов.

— Обладаете ли вы нравом представлять здесь, в Стране Атлантов, Соединенные Штаты Америки или какую-либо иную континентальную страну? — на вполне сносном английском спросил Повелитель.

Однако голос его доносился не от трона, а откуда-то из-под сводов Зала Основателей, словно бы принадлежал не ему, в общем-то, вполне земному существу, а, как минимум, архангелу.

— Да, я представляю здесь интересы Соединенных Штатов, но лишь в том смысле, что готов передать правительству моей страны, и лично президенту Гарри Трумэну любое ваше письменное или устное обращение.

— Большого от вас и не требуется, адмирал, — жестко успокоил его Повелитель. — В своем секретном докладе правительственной комиссии вы правдиво, — сделал он ударение на слове «правдиво» — изложите впечатления от увиденного и услышанного здесь, а, кроме того, передадите Президенту и его окружению несколько пунктов нашего меморандума.

— Все это будет выполнено, сэр.

— Пункт первый: сведения о существовании Страны Атлантов являются важной государственной тайной США или любой другой страны, которая каким-то образом станет их обладателем. Пункт второй. Вы, адмирал, немедленно уведете свою эскадру из Швабского залива и, проведя исследовательское плавание вокруг Антарктиды, в чем мы вам препятствовать не будем, уйдете в сторону своих берегов. И впредь Америка никогда не должна

направлять сюда боевые эскадры или эскадрильи самолетов. При этом мы не станем препятствовать работе ваших полярных экспедиций.

— Это очень важно, Повелитель, — решился произнести адмирал Брэд. — Нам хотелось бы иметь ваши гарантии.

— Но ведь вы привели свою эскадру не для того, чтобы получать наши гарантии, адмирал?

— Когда я вел сюда эскадру, сэр, мы не знали о реальном существовании Страны Атлантов. Известны были лишь весьма туманные предположения. В то же время правительство США обеспокоено возрождением в Антарктиде остатков германского рейха. Слишком дорого обошлись нашей стране и всему миру амбиции фюрера и его ближайшего окружения. Наша страна способствует возрождению новой Германии, но уже не зараженной бациллой нацизма, И мы не хотели бы, сэр, чтобы новое свое наступление нацизм начал уже отсюда, из глубин Антарктиды.

— Мы приняли остатки германских войск не как гитлеровцев, а как рейхатлантов. Они будут развиваться под нашим попечительством и жестким контролем. Мы не допустим, чтобы они представляли собой угрозу континентальной цивилизации землян. Даже атака рейхатлантов на вашу эскадру была жестко пресечена нами, а командование Рейх-Атлантиды жестко предупреждено. Хотя мы и понимаем, что вы, адмирал, сами вынудили рейхатлантов принимать меры безопасности. Вы признаете это?

— Вынужден признать, сэр.

— В таком случае, вернемся к нашему меморандуму. Пункт третий. Ни президент Гарри Трумэн, ни те, кто будет править после него, не должны искать контактов с нами или с пришельцами. Мы сами установим этот контакт, когда сочтем, что время переговоров между

нами настало. Скорее всего, это произойдет в середине будущего столетия.

— Я так и передам нашему президенту, сэр.

— И, наконец, самый важный пункт. Атомные бомбы, которые вы использовали при бомбардировке Хиросимы и Нагасаки, представляют собой угрозу существованию самой планеты, ее жизнеспособности. Отныне ваш президент должен возглавить движение правителей всех стран мира за приостановление ядерных разработок и начать всеобщее ядерное разоружение».

«А вот это уже вряд ли осуществимо», — подумалось адмиралу, который хорошо знал, что ядерными разработками занимаются сейчас не только в США, но и в СССР, в Англии и даже в возрождающейся Франции, где тоже нашли прибежище несколько германских ядерщиков и ракетчиков.

— Причем это уже не только наше требование, — завершал тем временем свою мысль Повелитель Страны Атлантов, — но и требование Высших Посвященных Космоса. Когда Высшие Космические Силы поймут, что вы не в состоянии остановиться в своем нагнетании военных приготовлений, они сотрут вас с лица Земли точно так же, как совсем недавно стерли Германию.

— Считаете, что Германию «стерли» они? — не смог удержаться адмирал, хорошо знавший, какую цену пришлось заплатить флоту США и всей армии, а также армии русских и англичан, чтобы рейх вынужден был капитулировать.

— А вы всерьез считаете, что они позволили бы вам разгромить армии фюрера, если бы и впредь желали развития его рейха?

Несколько секунд адмирал колебался, не зная, как повести себя в этой ситуации. Брэд понимал, что не в его интересах обострять отношения с Повелителем, но в то же время ему хотелось получить как можно больше информации о том мире, с которым он столкнулся. Так

что единственный путь — деликатно провоцировать Повелителя на дальнейшие откровения.

— Мне трудно судить об этом, сэр. В то же время мой президент пожелает знать значительно больше, нежели сказано в пунктах вашего «Меморандума». Он захочет иметь предельно ясное представление о ваших взглядах на «континентальную», как вы ее именуете, цивилизацию и взаимоотношения с ней. Вы понимаете, насколько это важно для руководителя самой мощной страны мира. Поэтому объясните мне: каким образом Космические Силы могли бы помешать войскам союзников победить Германию?

— Таким же, каким они помешали германцам победить вас и ваших союзников.

— Извините, сэр, но это звучит неубедительно. То есть я хотел сказать, что в Вашингтоне, в кабинете президента это прозвучит крайне неубедительно.

Молчание Повелителя немного затянулось, и адмирал уже решил, что тот раздражен. И был рад, убедившись, что Этлен Великий по-прежнему остается невозмутимым.

— У Высших Космических Сил, — спокойно, внушающе произнес он, — много способов физического и психического воздействия на течение событий. Скажем, на Землю вдруг снисходят космические морозы...

«С которыми германцы столкнулись под Москвой в сорок первом?», — тотчас же мысленно задался вопросом адмирал, — ...Ваши полководцы принимают какие-то странные, бессмысленные решения; эскадры совершенно бессмысленно гибнут в мощных тайфунах, а города исчезают под пеплом вулканических извержений и под руинами, порожденными землетрясением. А как часто вышедшие из-под контроля правители стран вдруг, при полном видимом здоровье, мирно умирают в своих постелях, или еще

более неожиданно кончают жизнь самоубийством; как вполне боеспособные дивизии теряют свою мощь от погибельных эпидемий, предательства или скрытого умопомешательства их командиров... Вам понятен ход моих размышлений, адмирал?

— Понятен, сэр. Хотя они и заставляют совершенно по-иному взглянуть на развитие человеческой цивилизации и, в частности, на многие события нашей истории.

— Если Высшие Космические Силы убедятся, что вы достигли тупиковой стадии своего развития, они, не колеблясь, очистят планету от нынешней расы, предоставив ее в распоряжение расы, принципиально новой в самих целях и способах своего развития. Сами Космические Силы крайне редко вмешиваются в ход развития вашей цивилизации, и запрещают вмешиваться нам. Однако и эти Высшие Силы, патрули которых постоянно присутствуют на Земле, и мы, потомки цивилизации атлантов, исходим в данном вопросе из «принципа Высшей Целесообразности».

Адмирал понял, что время от времени Повелитель умышленно делает паузу, чтобы дать возможность гостю-пленнику высказать свое собственное мнение или видение. Мало того, чувствовалось, что высказывания американского флотоводца он воспринимает с интересом. Вот и на сей раз доктор Брэд сказал:

— Это можно понять, сэр. Особенно если смотреть на события из Космоса.

— Только что вы сами могли убедиться, что мы способны завоевать всю континентальную часть нашей планеты, однако не делаем этого, сосредотачиваясь на духовном развитии атлантов и на связях с цивилизациями иных планет. Вместе с тем мы получаем визуальные сведения из всех стран, со всех уголков земли. А наши секретные агенты влияния все увереннее проникают в правительства, парламенты и высшие

сферы армейского командования всех ведущих стран. Все, что вы должны были услышать, — не меняя интонации и не прибегая к паузам, завершил свой меморандум Повелитель Внутреннего Мира, — вы услышали.

— Да, сэр, услышал.

— Сейчас наш распорядитель вручит вам секретный пакет, о существовании которого никто из эскадренной команды знать не должен. Вы же вручите его лично президенту Трумэну, в разговоре тет-а-тет. Если у вас появятся трудности при организации этой встречи, наши агенты влияния придут вам на помощь.

Повелитель так и не поинтересовался у адмирала, возникли ли у него какие-то вопросы. Все, что он хотел сказать командующему Полярной эскадрой, он уже великодушно изложил, а посему аудиенция была завершена.

Распорядитель возник перед ним с такой быстротой, словно бы материализовался из воздуха. Впрочем, возможно, так оно и было: материализовался^[49].

Это был красавец лет сорока, с широкими плечами и удивительно узкой талией, являющий собой тот образец атлета, которого редко удается достигать земным силачам.

Вручив адмиралу пакет, он бесцеремонно сжал его левое плечо с такой силой, что тому показалось, будто кости превратились в некое бесчувственное месиво.

— Вы должны выполнить все, что только что было приказано вам Повелителем Страны Атлантов и всего Внутреннего Мира. От этого зависит ваша жизнь и жизнь вашей страны.

— Сделаю все, что в моих силах, сэр, Я свободен и могу идти?

— Спрячьте пакет во внутренний карман, — тоном истинного распорядителя официальной встречи

произносил этот гигант, — медленно повернитесь и, сохраняя достоинство, не оглядываясь, идите к выходу.

— Кто-то позаботится о том, чтобы нам был предоставлен дисколет? — спросил адмирал, под внимательным взглядом распорядителя пряча пакет во внутренний карман своего френча.

— За стенами Пирамиды Жизни о вас позаботятся, как подобает заботиться о госте.

Адмирал убедился в этом, как только увидел, что вслед за ним из Зала Основателей выходит Посланник Шамбалы.

— Надеюсь, пункты «Меморандума» не были для вас шокирующими, адмирал Брэд?

— Абсолютно ничего шокирующего, — твердо ответил командующий Полярной эскадрой. — На войне мы привыкли выслушивать ультиматумы пострашнее.

— Но вы должны оценить тот факт, что объявлен он был в Зале Основателей, а не на обломках вашей эскадры.

— После всего того, что мне было продемонстрировано, я способен оценить великодушие Повелителя.

— Будем считать, что минувшая мировая война стала важным опытом всего человечества.

— И уроком.

— Вот в этом позвольте усомниться, адмирал.

**Декабрь 1946 года. Соединенные Штаты.
Атлантическое побережье. Объединенный штаб
атлантических флотилий США.**

Как всегда в такие холодные, слякотные дни, начальник Объединенного штаба атлантических флотилий^[50] вице-адмирал Грегори пребывал в пресквернейшем расположении духа. Тем более что к традиционной утренней вспышке ревматизма, который донимал бывшего шкипера рыбацкой шхуны в течение всего декабря, добавился еще и неприятный разговор с помощником госсекретаря Фрэнком Удовски.

По долгу службы и чести, этот чиновник обязан был лоббировать финансирование атлантических флотилий перед госсекретарем и сенаторами, но, конечно же, не лоббировал. Вместо этого Удовски попытался запоздало устроить начальнику штаба «атлантистов» форменный разнос. Он, видите ли, не станет уподобляться камикадзе, требуя от сената на развитие флота той «безумной, грабительской для налогоплательщиков суммы», которую пытается требовать сам адмирал!

— Что-то мне не понятна ваша реакция, мистер Удовски, — попытался урезонить его Ричард Грегори, который уже не раз напоминал этому служаке, по чьей протекции тот оказался в столь близком окружении госсекретаря.

— А что в ней непонятного?! — взвинтил свой и без того фальцетный голосок Удовски.

— Не рано ли вы начинаете рубить мачты — вот что мне не понятно в первую очередь! — пробубнил вице-адмирал, обжигаясь традиционно убийственной дозой утреннего кофе.

Как и непосредственные начальники норовистого вице-штабиста, Фрэнк Удовски прекрасно знал: если уж Грегори своим шкиперским басом «начинает рубить мачты», разговора не получится. Тем не менее он примирительно проворчал:

— Но-но, адмирал, это не палуба, это политика...

— А во-вторых, — неудержимо рвался ко все еще «не срубленной мачте» Грегори, — наши финансовые соображения были направлены вам в конце октября. Поэтому хотелось бы знать: почему вы столь долго созревали для своего харакири, — холодно, хотя все еще довольно деликатно, отчитывал его боевой адмирал. — Может быть, на вас пытается жать кто-то из сенаторов? Тогда назовите его имя. Всего лишь назовите. У нас, адмиралов, достаточно влиятельных друзей в сенате и прочих высоких кругах, чтобы поставить его на место.

— У меня у самого теперь достаточно влиятельных друзей, которые кого угодно способны поставить...

— Раньше я тоже так считал, — расчетливо дожимал его Грегори. — Но в последние годы все больше сомневаюсь в этом. Обычно так оно и бывает, мистер Удовски: падают ваши акции в кабинете госсекретаря, и сразу же они падают в глазах покровителей.

— У вас они тоже невысоки, — и себе взялся «валить мачты» Удовски, — особенно после того, как обнаружилось, что у вас под носом германцы нагло оборудовали несколько своих латиноамериканских баз, а водами Атлантики все еще разгуливают, черт знает откуда появляющиеся германские субмарины.

— Уже не разгуливают, — огрызнулся Грегори. — Последние две мы взяли живьем.

— Мало того, — не обратил чиновник внимания на такую мелочь, как две загнанные в ловушку где-то у берегов Аргентины подлодки германцев, команды которых, судя по всему, сами решили сдаться, — я не

удивлюсь, если эскадра русских субмарин всплывет завтра у священных берегов Лонг-Айленда!^[51]

— Скажу вам больше, Удовски. Президенту США тоже недолго придется удивляться этому, если вы столь безбожно будете урезать финансирование флота. А ведь запросил-то я чуть больше прошлогодней суммы.

— Но в прошлом году вы все еще финансировались по меркам военного времени. А теперь завершается сорок шестой, и войны давно нет.

Адмирал наслаждался последним глотком кофе, закурил сигару и только потом вновь взялся за трубку.

— Это вам только кажется, Удовски, что ее нет, — назидательно молвил он. — На самом же деле она лишь разворачивается. Но уже не с далекой и безопасной для нас Германией, а с соседней Россией, могучей морской державой. И начинаться будет эта война — с войны нервов, идеологий и морских флотов.

— Вест Пойнт^[52] обошел меня своими дипломами, сэр, но все же я имею некоторое представление о том, как начинаются войны.

— Не имеете! — патетически воскликнул вице-адмирал. — Иначе не спешили бы рубить мачты, когда шторм еще только начинается!

...Однако весь этот разговор уже принадлежал утренним воспоминаниям, а Грегори все еще пребывал в каком-то взвинченном состоянии. Конец рабочего дня, он давно мог бы «уехать по делам» на одну из двух надежных «явочных квартир» старого морского полухолостяка, но что-то сдерживало его, что-то его упорно сдерживало. Эта его дурацкая склонность к предчувствиям, которые к тому же в последние году все чаще стали сбываться!»

Едва Грегори успел подумать об этом, как ожил телефон и дежурный офицер-связист взволнованно произнес:

— На связи Полярная эскадра, сэр!

— Адмирал Брэд? Только этого мне сейчас не хватало!

— На связи, собственно, кэптен Вордан, командир авианосца «Флорида», заместитель командующего.»

— Я знаю, кто такой Вордан, лейтенант^[53]!

— Кэптен просит связать с вами, сэр. Слышимость, конечно, отвратительная, поскольку возникают какие-то странные помехи, которых ранее не наблюдалось. Но у них что-то серьезное, очень серьезное, сэр. Как ни странно, кэптен говорит о чем-то таком...

— Было бы странно, — ничуть не взволновался вице-адмирал, — если бы «ничего такого» сегодня не произошло.

Однако благодушие Ричарда Грегори развеялось сразу же, как только он услышал с трудом пробивающуюся сквозь помехи почти несвязную речь заместителя командующего Полярной эскадрой.

— Они атакуют нас! Мы несем значительные потери^[54]! Их много.

— Кого, кого «много»?! — попытался уточнить адмирал Грегори, однако кэптен никак не реагировал на его слова. Он вел себя так, как обычно ведут себя радисты судна, погружающегося в пучину океана, понимая, что их уже никто не спасет, и главная их обязанность — сообщить миру о гибели судна.

— ...У них дисколеты! — продолжал выкрикивать тем временем кэптен. — Проклятые диски. Прямо из воды! Все объаты страхом! Они напали на нас. — Адмирала так и подмывало заорать: «Да кто же, черт возьми, напал на вас?!», однако он понимал, что сейчас куда больше пользы в его молчании. — На самолетах и дисколетах — свастики! Германские свастики! Мы несем потери! Наши снаряды не достигают их бортов! Мы несем потери, мы бес..!

«Мы бессильны», — мысленно довершил адмирал Грегори фразу, которую услышал от кэптена. Однако больше не прозвучало ни слова. Связь прервалась, и сколько Грегори ни требовал от офицера-связиста восстановить ее, радисту этого не удалось. И единственное, что оставалось адмиралу Ричарду Грегори, — это изрыгать проклятия.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов город Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого.**

Из «Пристанища Посланника Шамбалы» храмохранитель и Осанна вышли почти одновременно. Причем девушка прервала ласки адмирала без каких-либо эмоций, но и без каких-либо неуважительных, резких жестов. И теперь Лилия понимала, почему она так вела себя — рассчитывала, что и в следующее посещение Страны Атлантов вождь Рейх-Атлантиды будет благосклонен к ней.

— Прошу прощения, Фройнштаг, за эти корабельные шалости, — ничуть не смущаясь, извинился адмирал, потягивая свой напиток. — Понимаю, что мне следовало прервать их значительно раньше.

— Вот именно, «корабельные» — не собиралась щадить его Лилия.

— Но если бы я не поласкал ее, атлантка обиделась бы. У них это — как проявление вежливости, как демонстрация того, что вы видите и уважаете в ней Женщину.

— Это касается только вашего «корабельного» флирта, или постели — тоже?

— У них совершенно иное отношение к сексу, Фройнштаг, нежели у континентальных женщин. Поскольку беременеть они могут только тогда, когда получают разрешение Совета хранителей жизни, то есть медицинского совета, а вместе с ним — и соответствующую инъекцию, то и отношение к половым-игрищам у них более раскованное и свободное, нежели у нас — такое невинное занятие, как

женское стреляние глазками. К тому же германцев атлантки обожают, считая нас горячими и неутомимыми.

— Несчастные женщины! — почти искренне воскликнула Фройнштаг. — Это как нужно было облениться их атлетического вида мужчинам, чтобы подвести своих женщин к такому ложному представлению о германцах!

— По этому поводу мы, германцы, можем иронизировать сколько угодно. Но дело в том, что, перенимая традиции древних эллинов, почти все атланты предпочитают гомосексуальные увлечения. В том числе и многие женщины этого подземного Эдема.

— Получается, что я не зря посочувствовала атланткам. Спасибо, что просветили, барон.

— С таким же успехом вы могли бы завлечь и храмохранителя Ранна, который только что входил сюда. Несмотря на то, что в данный момент он пребывает на службе. Это же атлант!

— Считаете, что неатланта соблазнить мне бы уже не удалось? Плохо же вы знаете меня, адмирал фон Готт. Тем не менее еще раз благодарю за просвещение. А то я теряюсь в догадках: что происходит? Если у них такой сугубо рациональный подход к сексу, то почему эта девица ведет себя, как истосковавшаяся неудовлетворенная сучка?. Словом, теперь многое проясняется.

— «Тайная доктрина основателей», на которую они тут молятся, как мы — на Библию, утверждает, что лучший способ избавиться от сексуального наваждения — это поддаться ему, дабы оно не отвлекало от работы, учебы и тренировок.

— Как-то не так они «избавляются» от него, как им Господом заповедано. Кстати, позволю себе напомнить, — решила Фройнштаг вернуть адмирала к теме, интересовавшей ее значительно больше, нежели

причины сексуальной Озабоченности местных атланток, — что мы выяснили: я ничего не знала о формировании первым диверсантом рейха Отто Скорцени континентальной разведывательно-диверсионной сети Рейх-Атлантиды. Удивляет, что лично меня этот «большой диверсионный сбор» почему-то не коснулся. Странно, что Скорцени не только не предложил мне участвовать в этой аванюре, но даже не проболтался по поводу ее организации.

Адмирал сначала выжидающе посмотрел Лилии в глаза, снисходительно рассмеялся и... не поверил в правдивость ее слов.

— Можно подумать, что во все остальные авантюры он вас посвящал, — по ходу заметил фон Готт, хотя недоверие его вызвано было не этим обстоятельством.

— Если уж я лично не участвовала в какой-то из операций, как не всегда участвовал в них и сам Скорцени, то, во всяком случае, состояла в группе ее разработчиков, или же в группе обеспечения и прикрытия. А тут вдруг узнаю о грандиозной операции, о которой меня даже не уведомили. Другое дело, что я могла бы отказаться от участия в ней, но, пардон... Словом, мы со Скорцени так не договаривались. И как только удастся свидеться с ним...

— Вы говорите все это искренне? — застыл бокал с напитком у рта адмирала.

— А какой смысл отнимать минуты нашего общения разыгрыванием каких-то сцен?

И тут уже барон откровенно и искренне рассмеялся. А когда журналистка заметила, что не понимает смысла подобной реакции, рассмеялся еще сильнее.

— Вам, гауптштурмфюрер, повезло: вашим собеседником оказался тот единственный человек, который еще способен поверить вашему незнанию, Но представляю себе, госпожа швейцарская верноподданная Лилия Крафт, каким открытием это

стало бы для сотрудников американской разведки, если бы они догадались, что руководителем всей западноевропейской резидентуры Страна Атлантов и Рейх-Атлантиды является некий крупный швейцарский банкир Алекс Крафт.

— Что-что?! Что вы сказали?! — поразилась услышанному Фройнштаг, и, откинувшись на спинку кресла, замерла, буквально окаменела от удивления. — Вы это о ком? О моем супруге?!

— Вот об этом господине, — выложил на стол перед ней фотоснимок адмирал. — Известном мне под фамилией Крафт. Алекс Крафт. Он же выпускник диверсионной школы Вилли Фогнер, он же выпускник Фридентальских курсов Питер Омерс.

Несомненно, это был ее муж. Еще в форме военного моряка, со знаками различия корветтен-капитана. Крепкого телосложения, скуластый молодой мужчина, со слегка приплюснутым носом неукротимого боксера и взглядом бойца из клуба «Бои без правил», он, конечно, с трудом вписывался в представление о тихом и скромном банковском служащем.

— Насколько мне известно, Алекс был всего лишь обычным военный моряком. Причем откровенным неудачником, повздорившим с командующим эскадрой, в связи с чем его разжаловали до Капитан-лейтенанта и списали на берег. Войну он завершал по существу рядовым бухгалтером в бухгалтерии третьеразрядного, рыбного порта, который... — начала было Фройнштаг свою разоблачительную речь, однако фон Готт безжалостно прервал ее.

— Мне придется облегчить ваши душевные стенания, Фройнштаг, напомнив, что руководитель абвера адмирал Канарис тоже в свое время служил не в пехоте. Сначала, еще до войны, Алекс Крафт успешно окончил школу военно-морских диверсантов, — словно шулер — карту из рукава, выложил фон Готт перед

Лилией фотографию курсанта секретной школы Крафта в водолазном костюме и с магнитным ящиком-взрывчаткой в руках.

— А ведь вполне серьезно уверял меня, что и плавать толком не умеет.

— Затем господин Крафт стал выпускником первого набора Фридентальских курсов и наконец оказался в Италии, в числе добровольцев школы морских камикадзе, где на него вновь обратил внимание Скорцени. Говорю «вновь», поскольку с юным венским школьником Алексом Крафтом этнический австриец Скорцени познакомился еще в то время, когда в 1934 году вступал в австрийский 89-й штандарт СС. Крафта тогда не приняли, он был слишком юн. Тем не менее вместе с другими своими ровесниками он помогал эсэсовцам этого штандарта прятать оружие, которое эсэсовцы тайно переправляли из Мюнхена, и расклеивать листовки, призывающие к свержению федерального канцлера Энгельберта Дольфуса. К сведению, во время эсэсовского путча канцлер был застрелен в своем рабочем кабинете^[55].

— Его убил Скорцени? — машинально как-то вырвалось у Фройнштаг.

— Нет, Скорцени всего лишь участвовал в захвате резиденции канцлера на площади Ам Бальхаузплац, а затем стоял во внешнем оцеплении, охраняя тех, кто отправлял канцлера к праотцам.

— На Скорцени это не похоже, обычно он всегда оказывался в центре событий.

— В таком случае спишем на его дебют.

— А что касается Алекса, то о своей попытке участия в Венском путче он как-то упоминал, — напрягла память Фройнштаг. — Как и о «венском» знакомстве со Скорцени.

— Путч тридцать четвертого в Вене не удался, захватить власть в Австрии и присоединить ее к Германии у Зейс-Инкварта и Кальтенбруннера тогда не получилось. Зато какая мощная «австрийская команда» сформировалась в те дни в Вене и ее окрестностях, чтобы затем объявиться в Берлине, где уже правил австриец Гитлер!

— Вот оно что... — задумчиво произнесла Фройнштаг — Интригующий сюжет.

Она понимала, что фон Готт прибыл с фотографиями ее мужа не для того, что мило побеседовать с ней, понимала, что ее откровенно вербуют, причем делают это с элементами самого примитивного шантажа, по классической агентурной схеме. Тем не менее Лилия была признательна адмиралу фон Готту за то, что он вводит ее в эту разведывательную историю. Она сама не раз пыталась разобраться в том, каким странным образом судьба свела ее с Алексам Крафтом, и почему Скорцени так настойчиво подсовывал ее будущему банкиру, словно сбывал залежалый товар.

«Вот именно: очень «залежалый товар», — мрачно повторила сейчас Фройнштаг, мысленно обращаясь к былым дням и событиям. Возможно, даже не догадываясь, насколько оскорбительным это ей представлялось. — А ведь, по наивности своей, ты считала, что обер-диверсант всего лишь увлекся очередной своей супер-агенткой, на сей раз — двойником Евы Браун, некоей Альбиной Крайдер. Этой невесте откуда появившейся Лжеевой.

Впрочем, увлечение в любом случае было, Фройнштаг в этом убедилась. В порыве праведного любовного гнева она даже помышляла об убийстве этой стервы, с попыткой имитации покушения на настоящую Еву, но, к счастью, вовремя удержалась от этого диверсионного блуда. Слишком уж «яркие»

впечатления вызвала у нее расправа над участниками заговора против фюрера в июле сорок четвертого, подавлением которого занимался сам Скорцени.

Нетрудно было предположить, что расправа над участниками покушения на Еву — пусть бы даже при этом погибла ее двойник — оказалось бы не менее жестокой.

— Но, обратив внимание на новоявленного морского камикадзе, обер-диверсант рейха не стал превращать его в «человека-торпеду», а тайно посвятил в офицеры СС и отправил на курсы... военно-тыловых бухгалтеров. Крафт долго противился этому. Еще бы! — с пониманием отнеслась Фройнштаг к бунту своего мужа, — после такой диверсионной подготовки идти в бухгалтера! Да к тому же по рекомендации самого Скорцени, Любой уважающий себя диверсант воспринял бы это как недоверие, а то и откровенное издевательство.

— Нюанс заключается еще и в том, что выбор на Алекса пал неслучайно. Сложилось так, что бухгалтерами были его отец, мать, дед, старший брат и, кажется, еще кто-то там в роду. Словом, целая бухгалтерская династия, с изображением канцелярских счетов на родовом гербе. Зная об этом, Алекс дал себе слово, доказать, что он не является «бухгалтерской крысой», как дразнили его в школе, а потому решительно занялся боксом, стрельбой, путчами и диверсиями. Отец все же настоял на том, чтобы он поступил в высшую коммерческую школу, но, проучившись всего лишь год, Алекс бежал из нее, чтобы стать курсантом мореходной школы. Впрочем, это вам известно.

— В очень бледных подробностях, господин адмирал. Алекс пресекал любые мои попытки углубиться в его биографию. Да я и не пыталась заниматься какими-то фронтовыми раскопками.

— Что же касается Скорцени, то он всего лишь напомнил потомственному бухгалтеру Крафту, что от судьбы не только не уйдешь, от нее и не следует уходить. Обер-диверсант вернул его во флот, добился повышения в чине, затем организовал конфликт с командующим эскадрой, а также разжалование и списание в портовые бухгалтера. Хотя уже в 1940-м году Алекс Крафт под агентурным именем Вилли Фогнер, проходил по картотеке «Абвер-заграница» сети «Абвер-II»^[56]. Кстати, его готовили к роли руководителя нацистской партии Швейцарии. Вы ведь знаете, что одно время фюрер и Гиммлер вынашивали планы оккупации Швейцарии?

— Кое-что слышала.

— Так вот, швейцарский немец Алекс Крафт, родители которого были убежденными, хотя и тайными, национал-социалистами, вполне мог возглавить швейцарские штандарты СС и организовать там путч по австрийскому сценарию с требованием объединения с Германией. В кантонах с германским населением соответствующая работа уже велась. Впрочем, в определенной ситуации он мог бы стать то ли президентом, то ли гаулейтером Швейцарии.

— То есть Скорцени элементарно выводил его из разведывательно-диверсионного крута, превращая в такого себе обиженного командованием бухгалтера-тыловика, — размотала нить его повествования Фройнштаг.

— Вам ли этого не понимать, гауптштурмфюрер СД Фройнштаг? — хищновато осклабился барон фон Готт. — Само собой разумеется, что некоторые факты из жизнеописания Крафта ему пришлось вымарать, и это оказалось несложно, поскольку в школе диверсантов и на Фридентальских курсах он проходил под псевдонимом.

— Это было непреложным правилом «фридентальцев», — подтвердила Лилия. — В кругу слушателей этих курсов категорически запрещались какие-либо беседы о своем прошлом, вообще какие-либо биографические намеки.

— В результате получилась прекрасная биография для послевоенного швейцарского банкира. Рожденного, к слову, в Берне, ибо родители обосновались в Австрии уже после его появления на свет; им предложила работу одна австрийско-швейцарская фирма. Затем, незадолго до завершения войны, родители его, остававшиеся гражданами Швейцарии, вернулись на родину. Это был очень благоразумный ход.

— Они вернулись в октябре сорок пятого, — уточнила Фройнштаг.

— Туда же, с помощью Шведского красного креста, вернулся и, якобы контуженный во время бомбежки начисто демобилизованный обитатель одного из морских госпиталей Алекс Крафт. Ну а то, что в Швейцарии он сразу же возглавил сначала крупный филиал мюнхенского «Альпийского банка», а затем и весь банк, центральный офис которого в связи с этим исчез из Мюнхена, — вам хорошо известно. Нужны еще какие-то адмиральские подробности, Фройнштаг?

— Н-нет, — едва слышно проговорила журналистка, прекрасно понимая, из каких фактов будут состоять эти «адмиральские подробности».

Отправляя ее в «альпийскую команду», в которой Фройнштаг проходила ускоренную альпинистскую подготовку, Скорцени объяснял это тем, что она будет входить в состав личной охраны фюрера во время его пребывания в «Альпийской крепости».

А вот несколько несложных восхождений, совершенных в составе этой группы, но уже под руководством профессора Штокка, специалиста по минералам и ледникам, в Эцтальских и в Кицбюэльских

Альпах, были оформлены, уже как научные экспедиции. Хотя во время их проведения определялись в основном места возможных тайных баз и секретных арсеналов. С помощью влюбившегося в нее профессора и ревновавшего к нему ассистента создавала Фройнштаг и свои первые статьи о горных ледниках и предгорных оползнях.

Как бы там ни было, а в Швейцарию Скорцени отправил ее уже как аспирантку хорошо известного в научных кругах этой страны ученого, профессора Штокка, для участия в восхождении на одну из вершин Бернских Альп и для стажировки в Женевском университете. И если до восхождения дело не дошло, то лишь потому, что в кармане у гауптштурмфюрера лежал контактный телефон некоего банковского служащего Алекса Крафта. Уже получившего соответствующие инструкции и знавшего номер двух ее счетов в своем банке: одного личного, другого — со средствами, принадлежавшими СС, для будущей, послевоенной организации бывших членов СС, которых судьба, естественно, разбросает по свету^[57].

Теперь все сошлось, с облегчением вздохнула Фройнштаг, покончив с этими воспоминаниями. Многие из того, что до сих пор было непонятным для нее, прояснилось и приобрело свое объяснение. Неясно было только, почему на сей раз Скорцени так тщательно скрывал от нее свои замыслы.

Нет, Фройнштаг, конечно, понимала, что в данном случае шла классическая «подготовка агента вслепую», когда агент так и не догадывается, для чего, собственно, для какой миссии и какой судьбы его готовят. Вопрос заключался в том, почему Скорцени решился ее — женщину, с которой провел столько прекрасных ночей и которую как агента проверил в

нескольких сложнейших акциях, — готовить к операции именно таким способом?!

— Не мучьтесь, Фройнштаг, — расшифровал ее терзания адмирал фон Готт. — Скорцени попросту оберегал вас от лишней информации на тот случай, если бы вы очень заинтересовали какую-либо иностранную разведку и она принялась бы за вас по-настоящему.

— Теперь подобная перспектива вас не пугает?

— Теперь — нет. Во-первых, вы уже прошли проверку специальной комиссией военного трибунала и вели себя во время допросов великолепно, значительно лучше, чем можно было ожидать. А во-вторых, любое обвинение в ваш адрес уже нетрудно опровергнуть. С помощью наших агентов и подкупленных ими журналистов, естественно.

Декабрь 1944 года. Соединенные Штаты. Атлантическое побережье.

Объединенный штаб атлантических флотилий США.

Когда стало ясно, что восстановить связь с эскадрой не удастся, вице-адмирал Грегори открыл бар, наполнил бокал коньяком и, так и забыв пригубить его, вернулся за свой стол.

Он был в состоянии шока. Адмиралу уже не раз приходилось слышать о появлении в зоне боевых действий летающих или «солнечных», как называли их еще древние греки, дисков, но не мог припомнить, чтобы пилоты этих машин когда-либо атаковали корабли или самолеты землян. Дископилоты избегали этого, даже когда по ним открывали шквальный огонь — это адмирал знал точно. Такое несколько раз случалось во время боевых действий и в небе Германии, и вблизи берегов Японии.

Однако кэптен Вордан говорил о дисколетах со свастиками на борту! И не у берегов Германии или где-то в районе Норвегии или Канадского Севера, а в Антарктике. Откуда там дисколеты Третьего рейха? Откуда они вообще у рейха, спустя почти два года после... его капитуляции? Неужели Высшие Посвященные, к воле и силе которых так апеллировал фюрер в конце концов действительно решили спасти какие-то остатки рейха? Но ведь они могли спасти его еще до мая сорок пятого, что было бы куда логичнее! Что же тогда произошло: не смогли, не захотели?

Только теперь адмирал залпом осушил почти половину бокала, но, даже приняв эту явно

«шкиперскую» дозу коньяку, не почувствовал никакого прояснения ни в душе, ни в мозгу.

Хотя Грегори боялся признаться себе, но из того, что дошло до его слуха во время предпогибельного донесения кэптена, следовало, что к тому моменту, адмирал Брэд уже то ли погиб, то ли был ранен, и что связь прервалась из-за того, что авианосца «Флорида» больше не существует. И только ли авианосца? Если уж погиб такой мощный корабль, то какой, из все еще остававшихся в строю, сумел уцелеть?!

Осознав все это, Грегори уже потянулся к телефону, чтобы связаться командующим Военно-морскими силами США, но в последнее мгновение, осадил себя: «Интересно, о чем ты собираешься докладывать адмиралу флота?! Что слышал доклад непонятно кого и непонятно о чем? Нет, старый краб, сначала надо разобраться. Еще раз попытаться установить связь, хоть с кем-то, кто уцелел, и хорошенько во всем разобраться. И вообще, не торопись рубить мачты, настоящий шторм еще только начинается».

— У вас сохранилась запись этого донесения, лейтенант? — вдруг осенило его.

— Мы записываем все донесения и доклады командования Полярной эскадры, сэр, — заверил его офицер-связист. — Так было приказано, сэр.

— Чего же вы молчите?! Немедленно расшифруйте текст донесения и положите мне на стол. Весь текст, даже обрывки слов, даже вздохи кэптена Вордана. Вы поняли меня, лейтенант?!

— Будет выполнено, сэр.

Как вскоре выяснилось, расшифровка мало что проясняла в судьбе авианосца, эскадры и самого кэптена, тем не менее кое-какие надежды все же породила. В начале своего панического доклада Вордан успел сообщить, что командующий Роберт Брэд улетел на континентальную базу «Адмирал-Форт», временно

передав командование эскадрой ему, командиру «Флориды». И хотя было ясно, что если германцы успешно Атаковали эскадру то ничто не помешает им разбомбить и затерянную где-то во льдах беззащитную базу, кое-какая надежда действительно появлялась. Впрочем, вместе с ней появлялась и масса новых вопросов. Правда, на часть из них очень скоро помог ответить начальник разведки Управления стратегических служб США генерал-майор Доновэн, звонок которого оказался для вице-адмирала полной неожиданностью.

— Как давно вы связывались с адмиралом Брэдом, мистер Грегори? — спросил тот, без всякого вступления.

— Последнюю попытку предпринимал полчаса назад, — ответил вице-адмирал. — Она оказалась безуспешной.

— Как и у моего радиста. Что еще раз доказывает, что появление дисколетов не только оказывает угнетающее воздействие на психику моряков, но и практически изолирует суда от внешнего мира.

— Но кое-что вытянуть из кэптена Вордана мне все же удалось.

— Так у вас все же была связь с командиром «Флориды»? — оживился Доновэн. — И что он нам поведал?

Коротко пересказав смысл донесения по тексту, который ему положил на стол офицер-связист, адмирал тотчас же уловил, что Доновэн явно разочарован способностями Вордана извлекать из событий хоть какую-то полезную информацию.

— Это не донесение командира авианосца, адмирал, а бессловесное бормотание, — не замедлил подтвердить его опасения генерал разведки. — Извините, адмирал, но вынужден признать, что вы не научили своих подчиненных докладывать о состоянии

дел в критических ситуациях, — разочарованно добавил он. И Грегори тут же поинтересовался:

— Вам, насколько я понял, докладывал начальник службы безопасности эскадры полковник Колдуэн? — Мысленно же упрекнул себя: «А ведь тебе и в голову не пришло, что у полковника и его людей на авианосце своя мощная радиостанция, которая одновременно служит в качестве резервной и которая также значительно мощнее всех остальных, корабельных!»

— Естественно.

— И что он сообщил? А то я понятия не имею, о чем докладывать командующему ВМС.

— Связь тоже была отвратительная, вскоре и совсем исчезла, тем не менее стало ясно, что в ходе атаки подземных арийцев потоплен линкор «Колорадо»...

— О Господи! — непроизвольно вырвалось у вице-адмирала.

— И серьезно поврежден эсминец «Портсмут». Один наш самолет сбит. Понятно, что есть человеческие жертвы, причем немалые. Возможны и новые потери. У германцев они, очевидно, тоже есть, но к тому времени более полной информацией полковник не обладал.

— Вы правы, это уже хоть какая-то ясность, — задумчиво произнес вице-адмирал. — Главный вывод: судя по всему, эскадре все же удалось отбить атаку этих самых «подземных арийцев».

— И тут всплывает самая интересная часть доклада полковника. Он успел передать, что у них вся надежда на вмешательство в события машины инопланетян, которая находилась где-то рядом. И что именно пришельцы уже однажды пресекали попытку германцев атаковать эскадру своими собственными дисколетами, которые по техническим характеристикам значительно уступают инопланетным. База пришельцев тоже, судя по всему, расположена где-то в Антарктиде.

— Я так понимаю, что пришельцы оказались в роли наших союзников?

— Вряд ли стоит полагаться на них как на союзников.

— Еще меньше, нежели на русских?

— Пора свыкаться с тем, что русские давно превратились в наших яростных, хотя и замаскированных, противников. Что же касается пришельцев, то их миссия — наблюдать за развитием событий на нашей планете, и вмешиваться только в том случае, когда военно-политическое безумие землян превращается в угрозу для ее существования, а значит, и в угрозу для Космоса.

Выслушивая его, вице-адмирал медленно, сладострастными глотками цедил коньяк и постепенно приходил в более или менее приемлемое состояние духа.

— А ведь мы даже не догадывались, что в Антарктиде может существовать база пришельцев!

— Это вы не догадывались, сэр, — вежливо уточнил генерал-майор. — Что же касается нас, то во все времена мы обладали по этому вопросу солидным досье.

— Которое строилось на непроверенных свидетельствах сомнительных очевидцев и на столь же сомнительных слухах, — попытался приземлить его начальник Объединенного штаба атлантических флотилий. — Именно поэтому сведения вашего досье не доверяли даже американские моряки и пилоты, не говоря уже о президентах.

По том у, насколько длительной оказалась пауза, выдержанная генералом Доновэном, вице-адмирал понял, что цели своей он достиг. В любое другое время это, конечно же, доставило бы ему удовольствие, но только не после двух посланий из Антарктиды. Да и

генерал разведки тоже долго торжествовать не позволил:

— Смею вас заверить, адмирал, что покойный президент Франклин Рузвельт требовал немедленно и подробнейшим образом докладывать ему о любых проявлениях деятельности пришельцев, где бы они ни происходили. Мало того, несколько раз он требовал создавать специальные секретные комиссии, которые собирали бы дополнительные сведения о том или ином происшествии. И когда хозяином Белого Дома стал Гарри Трумэн, среди первоочередных секретных докладов, которые он выслушал, был доклад о деятельности пришельцев и событиях, связанных с Антарктидой. Не будь у господина Трумэна этого досье, никакой экспедиции адмирала Брэда в Антарктику не последовало бы. Я достаточно полно информировал вас, сэр? — великодушно поинтересовался Доновэн.

— Достаточно, — вынужден был проглотить и эту горькую пилюлю вице-адмирал Грегори.

— Кстати, замечу, что доклад адмирала Брэда, если только он уцелеет во льдах Антарктиды, будет строго засекречен, а любые сведения, которые способны просачиваться в прессу, будут дезинформационно опровергнуты и осмеяны всеми нами, а в первую очередь самим адмиралом-полярником.

— Словом, я так полагаю, что с докладом командующему Военно-морским флотом, не говоря уже о докладе госсекретарю и президенту страны, спешить не стоит?

Доновэн сразу же уловил, в чем заключается тайный смысл этого вопроса. Адмирал явно подстраховывался. Если его упрекнул, что не сразу доложил о битве в Антарктиде и потерях эскадры, он, понятное дело, сошлется на совет начальника разведывательного управления. Вот почему Доновэн тут же язвительно отомстил ему:

— Хотелось бы знать, о чем вы собираетесь докладывать, господин адмирал? О «непроверенных свидетельствах сомнительных очевидцев», наподобие полковника разведки Ричмонда, основываясь при этом на столь же «сомнительных слухах», распускаемых генералом разведки Доновэном? Для вашего ранга, господин вице-адмирал, выглядит слишком несолидно.

Излив всю накопившуюся желчь, генерал победно положил трубку, а Грегори вновь направился к своему секретному бару, за очередной порцией коньяку.

— Лейтенант, — связался он с офицером связи, как только вернулся к столу. — Приказ один: каждые Полчаса пытайтесь выйти на связь с Полярной эскадрой. Какой бы плохой она вам ни казалась. Теперь это уже вопрос чести.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов Акрос.**

Адмирал молча вышел из Пирамиды Жизни, осмотрелся и, не обнаружив Фройнштаг, побрел к берегу озерца, образовавшегося рядом с речушкой. Посланник Шамбалы неспешно следовал за ним.

Берег и прибрежное дно озера состояли из сплошного каменного массива, отливающего какой-то странной люминесцирующей чернотой.

— Озеро с подобным дном у нас назвали бы «Оком Преисподней», — проворчал доктор Брэд.

— Приблизительно так его здесь и называют, — смиренно признал Консул.

Солнца не видно было, но все «поднебесье» озарялось ярким теплым сиянием, под которым по периметру озерца тянулись к свету и теплу небольшие рощицы карликовых сосен и еще каких-то полудеревьев-полукустов, невысоких, с хилыми стволами и небольшими скудными кронами.

— Что-то не видно нашей журналистки. Не объясните ли, где она сейчас? — спросил адмирал, осматривая прибрежный валун.

Консул тоже постоял у валуна и, не торопясь с ответом, подался вслед за адмиралом.

— С госпожой Фройнштаг сейчас беседует представитель Рейх-Атлантиды, — молвил он, наконец остановившись чуть позади адмирала, когда тот оказался между кронами двух сосенок. И Брэд понял, что шамбалист сомневался: следует ли говорить американцу правду.

— Кто именно, если это не высшая тайна Высшего Совета Страны Атлантов?

— Вице-адмирал Военно-морского флота Третьего рейха барон фон Готт. Не знаю, говорит ли вам что-нибудь это имя.

— Говорит. О многом. Кстати, кроме всех прочих отличий, — еще один бывший поклонник фрау Фройнштаг.

— Куда существеннее, что он — комендант «Базы-211» и ее основатель, да к тому же Повелитель Рейх-Атлантиды.

— Почему вдруг такой интерес к гауптштурмфюреру СС?

Консул едва заметно улыбнулся. Он понимал, что в эти минуты устами адмирала вещала обычная мужская ревность.

— От этих переговоров может многое зависеть, — поспешил заверить его Посланник Шамбалы.

— Что именно? Хотите сказать, что германцы не решатся на открытые боевые действия против моей эскадры?

— Высший Совет Страны Атлантов вообще не желает конфликтовать с какой-либо из континентальных стран. Предки нынешних атлантов пережили одну из самых ужасных катастроф, которые когда-либо случались на этой планете, и теперь их потомки хотят только одного: мирно жить и ускоренно развиваться.

— После того, как вы подпустили к себе целую армию гитлеровцев, мирно сосуществовать с континентальными странами уже вряд ли получится.

— Дело даже не в этом. Недавняя война стала мощным стимулом для развития военной техники континентальных стран. За четыре года войны Германия, США, Англия и Россия настолько продвинулись в своем техническом развитии, что в

мирной время им бы понадобилось для этого целые десятилетия.

— Очевидно, так оно в действительности и произошло, — признал после небольшой паузы адмирал Брэд.

— Гибель Хиросимы и Нагасаки известила Страну Атлантов, что она уже не может чувствовать себя в безопасности. Если правительство Америки или России решит атаковать нас ядерным оружием, мы, конечно же, уцелеем при взрывах и спасемся от радиации, но можем захлебнуться под потоками талых антарктических вод.

— Полагаете, ученые наших стран не понимают, что таяние льдов Антарктиды грозит миру очередным, «незапланированным» Библией, потопом? Причем не только Стране Атлантов, но и всему миру.

— Уверен, что Повелитель рад был бы услышать это заверение.

— Но для этого нужно говорить с американскими адмиралами не языком ультиматумов, а языком дипломатии.

— Очевидно, он рассчитывает услышать эти заверения не от командующего эскадрой, а от президента Америки, — как можно мягче и дипломатичнее уточнил Консул. — И хорошо, что эсэсовка Фройнштаг не усматривает во вчерашних врагах рейха патологических германоненавистников, а пытается умиротворить рейхатлантов.

— Иначе она не оказалась бы на борту штабного самолета «Кобра», — напомни ему Роберт Брэд.

— Понимаю, вы были знакомы с ней задолго до окончания войны.

— И даже до ее начала. В свое время я чуть было не оказался вместе с ней в составе антарктической экспедиции под командованием барона фон Риттера, как я теперь понимаю, одного из создателей нынешней

Рейх-Атлантиды. Но я отказался идти в экспедицию, когда понял, что почти вся команда авианосца «Швабенланд» состоит из эсэсовцев, а в трюмах его полно оружия.

— Мне известно, что некий американский исследователь отказался тогда от участия в экспедиции, но не связывал его личность с личностью адмирала Брэда, прибывшего в Антарктиду с Полярной эскадрой.

— Странно, что еще тогда, на начальном этапе, атланты не помешали проведению экспедиции авианосца «Швабенланд» и созданию «Базы-211».

— Некоторые члены Высшего Духовного Совета Страны Атлантов придерживаются того же мнения. Они считают, что напрасно Повелитель предоставил германцам право на создание «Базы-211» и таким образом вмешался в дела наземного, или, как его здесь еще называют, «континентального» мира, что запрещено составленным для нас Высшими Космическими Силами «Космическим Кодексом».

— А во всем остальном атланты что, свято чтят все положения этого «Кодекса»?

— Свято. Насколько это оказывается возможным. Дело в том, что Высшие Силы слишком идеализируют ситуацию, складывающуюся на нашей планете, и очень смутно представляют себе, как далеко заходит вражда между отдельными народами. Они прекрасно умеют пользоваться языком «повелений», но не научились говорить с землянами языком компромиссов.

— Существенное замечание, — подбодрил адмирал Посланника Шамбалы. — Кстати, об ультиматуме Повелителя, который мне только что зачитали...

— О меморандуме, — мягко поправил его Консул. — Документ называется «меморандумом».

— Простите, господин Консул, но то, что мне было зачитано в Зале Основателей, на всех континентальных

языках и во всех армиях мира именуется «ультиматумом».

Консулу понадобилось какое-то время, чтобы примирительно изречь:

— Если мы будем считать это «разночтением» терминов, такой подход способен прекратить нашу полемику?

— Способен, хотя и не снимает основного вопроса: если командование эскадры откажется подчиняться воле Повелителя, что тогда?

— Употребление вами слов «если командование эскадры откажется» вместо слов «если я откажусь» — это опять дань «разночтению терминов»?

— Так вот, хотелось бы знать, — адмирал не стал отвлекаться на объяснения, — в таком случае атланты бросят на эскадру свои дисколеты?

— Не бросят, — решительно покачал головой Посланник Шамбалы.

— Почему вы так уверены?

— Потому что и Высшие Посвященные Шамбалы, и Космические Учителя решительно против этого. Повелитель не решится ослушаться их запрета.

— А решительный, ультимативный тон Повелителя? Хотите заверить меня, что это всего лишь психологический натиск, блеф?

— Сами атланты не нападут, однако позволят сделать это германцам из «Базы-211». Не прикажут, нет, для них это непозволительно, а попросту не обратят внимания на происходящие где-то там, наверху, у берегов Новой Швабии, военные столкновения. Мало ли кто с кем и какими средствами воюет в континентальной части планеты!

— Прием в военной дипломатии не новый... — иронично протянул доктор Брэд.

— Однако во все века оказывался действенным. И в этом его достоинство. У них небольшая, но хорошо

вооруженная армия, которой ваша эскадра противостоять не сумеет. Как и ваша авиация. Не знаю, какого противника вы предполагали встретить здесь, но твердо уверен, что встретить такого противника, каковым предстает гарнизон «Базы-211», вы не ожидали. И в этом ваш просчет.

— Позволю себе напомнить, что Соединенные Штаты войну Антарктиде не объявляли, точно так же, как Антарктида не объявляла войны Штатам. Самое грозное, что мы намеревались встретить здесь, — это несколько боевых кораблей Советского Союза, который все еще числится в наших союзниках. Так что мощь моей эскадры — исключительно сдерживающая.

Произнеся это, адмирал оглянулся, не появилась ли Фройнштаг. Что-то долговато ее не было, и Брэд уже начал побаиваться, что нескоро увидит ее. Но поскольку адмирал понимал, что расспрашивать о ней Консула уже бессмысленно, то перевел взгляд в ту часть подземелья, в которой за холмистой грядой должен был находиться сам город Акрос.

— Повелитель не позволил ознакомить вас с городом, доктор Брэд, — расшифровал этот его взгляд Консул. — И поверьте, атлантам есть что скрывать от континентальных землян, если только они хотят и впредь оставаться технически более развитыми, а значит, неуязвимыми.

— Но лишь потому более развитыми, что Космические Учителя помогают им, а не нам.

— Они монолитны, у них единая идеология, они чтят заветы предков и «Космический Кодекс». Учителя попытались оказать помощь Гитлеру, и были разочарованы. Сейчас они в смятении. С одной стороны, они не имеют «высшего права» вмешиваться в ход исторического развития землян, с другой, они понимают, что благоденствие на этой планете наступит только тогда, когда будет осуществлен девиз

Тамерлана и прочих великих воителей: «Один мир — один правитель!»

Ваша американская демократия — выдумка закоренелых врагов цивилизации. А еще точнее: демократия — это раковая опухоль цивилизации.

— Мне и самому порой кажется, что англо-американская демократия давно самоистребилась.

— Вот именно: «самоистребилась», — охотно поддержал его Посланник Шамбалы. — Прекрасно сказано.

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов Акрос.
Резиденция Повелителя Этлена Великого.**

Барон фон Готт был прав: в Швейцарии Фройнштаг, жена крупного банкира и удачливая держательница акций, действительно чувствовала себя намного увереннее, нежели многие аборигены швейцарских Альп. Но в то же время она понимала, что фон Готт спешил на встречу с ней не ради того, чтобы восхищаться ее «внедрением» в это не познавшее войны, разжиревшее общество, или перелистывать какие-то малоизвестные страницы биографии ее мужа.

— Если отбросить рассуждения по поводу того, насколько вы восхищены блеском моих глаз и красотой стрижки, то что заставило вас, барон, встречаться со мной? В чем ваш деловой интерес?

Вице-адмирал откинулся на спинку кресла и с минуту сидел с закрытыми глазами и сложенными на животе руками, в позе самодовольного бюргера, наслаждающегося отрывками вкусного обеда.

— Мне нравится такой переход к деловой части нашей встречи, Фройнштаг, — наконец изрек он, возвращаясь к реалиям их общения. — Самому мне трудно было бы изменить тему разговора.

— Но она уже изменена, — еще решительнее напомнила Лилия, пытаясь активизировать своего медлительного собеседника. И ей это удалось.

— Первое, к чему мы стремимся, — это напомнить вам, Фройнштаг, о клятве члена СС, о верности фюреру и мундиру офицера СД.

— Не хочется огорчать вас, мой адмирал, однако мне есть кому напомнить об этом. Если, конечно, обнаружится, что я стала забывать о своей принадлежности к Черному Ордену СС. Но пока что этого никто не обнаружил, гер Готт. Никто из тех, кто пристально наблюдает за моим превращением из офицера СС в досточтимую банкиршу.

Барон фон Готт вежливо усмехнулся в свои маленькие фюрерские усики, которые, в соединении с его адмиральской формой, казались совершенно нелепыми. Непочтительный ответ фрау Фройнштаг не огорчил его.

— Я поверю в это только в двух случаях: когда вы согласитесь возглавить нашу агентурную сеть в Центральной Европе...

— Стоп, господин адмирал. Это слишком серьезное предложение, чтобы излагать его скороговоркой. Я не стану возглавлять вашу, — сделала она ударение на слове «вашу» — агентурную сеть ни в одной из частей Европы. У меня — своя цель, своя разведывательно-диверсионная легенда и свое задание, которые в известное вам время были определены высшим командованием СС. Исходившем при этом из национальных интересов рейха. Подчеркиваю: высшим командованием СС, приказов которого никто не отменял.

— Мне-то казалось, что прекрасно оплачиваемая нами должность резидента разведки Четвертого рейха лишь усилила бы ваш вес в послевоенной эсэсовской иерархии, к которой принадлежу и я.

— Единственное, что она действительно усилила бы, так это риск моего провала, на который я не имею права. К нам, бывшим офицерам СД, и так относятся в Швейцарии с огромным подозрением, не прощая нам планов фюрера оккупировать эту страну.

— Скорее, даже не планов, а всего лишь намерений, — заметил адмирал. — Но сейчас это уже несущественно. Кстати, вы должны знать, что весь гарнизон «Базы-211» составляет армию «СС-Антарктида», военный совет которой имеет право повышать своих высших офицеров до чипа группенфюрера СС.

— Благодарю за информацию, господин рейхсфюрер Рейх-Атлантиды. Не думаю, что вы собираетесь повышать меня в чине.

Такое упреждающее заявление явно сбило адмирала с толку, тем не менее он сказал:

— А почему бы и не повесить?

— Какой в этом смысл? Приказ о присвоении мне чина гауптштурмфюрера СС подписал Гиммлер. Даже если бы у меня был значительно меньший чин, для удовлетворения моего самолюбия его подписи оказалось бы достаточно.

— С вашей стороны это выглядит благородно. Хотя, не скрою, ваше присутствие и на борту штабного американского самолета, и на борту американского авианосца «Флорида» создает для наших вооруженных сил определенные трудности.

— Хотите сказать, что если бы меня не было на борту «Кобры», ваши пилоты сбили бы ее? А затем ракетным или торпедным ударом потопили авианосец?

Барон замялся, и это удивило Фройнштаг. Фон Готт обязан был ожидать подобных вопросов, он откровенно спровоцировал их.

— Во всяком случае, присутствие на флагманском судне и на борту штабного самолета ближайшей соратницы Отто Скорцени повлияло на ход наших мыслей и решений. Такой ответ вас устроит?

— Будем считать его достаточно приемлемым. Было бы хорошо, если бы вы довели это ваше мнение до сведения адмирала Брэда. Америкашкам нелишне

будет знать, кому они обязаны своим возвращением в Америку.

— После нашей встречи я так прямо и сообщу ему об этом, — усмехнулся фон Готт.

— И давайте сразу же обратимся ко второму вашему «случаю» или предложению.

Пытаясь восстановить нить разговора, фон Готт яростно потерялся подбородком о лацкан своего френча.

— ...А еще я поверю в то, что вы не забыли о своей принадлежности к Ордену СС, когда прочту отчет, репортаж или, как вы там назовете его, о вашем пребывании в Антарктиде, о рейде эскадры адмирала Брэда на Новую Швабию.

— Насколько я понимаю, вы бы предпочли, чтобы в этом репортаже ни слова не было сказано ни о «Базе-211», ни о Стране Атлантов.

— У вас верное понимание ситуации.

— Чтобы я не акцентировала внимания на военном конфликте, который произошел между силами Полярной эскадры и Рейх-Атлантиды. И преследования нашего штабного самолета «Кобра» штурмовиками «Базы-211» — тоже не было.

— Суть наших требований...

— Уже «требований»?

— Простите, — неохотно извинился вице-адмирал, — наших предложений...

— Что более приемлемо...

— ...заключается в том, чтобы в своих полярных записках вы ограничились туманными намеками. Да, эскадра действительно встретила с представителями какой-то неведомой, внеземной — обязательно внеземной, это важно! — цивилизации, которые прибыли на дисколете и которые, по всей вероятности, используют Антарктиду, в том числе ее подземелья и прибрежные воды океана, для своих баз. Но не Атлантического океана, а Южного. И никаких сведений,

касающихся вашего посещения Внутреннего Мира и ваших встреч с представителями «Базы-211». Их попросту не существует. Реально не существует. Ну а вымыслы и инсинуации по этому поводу вас попросту не интересуют. Как исследовательница, — при слове «исследовательница» вице-адмирал понимающе ухмыльнулся, — вы привыкли верить лишь непреложным фактам.

— И это все?

— В крайнем случае вы окажете важную услугу и Стране Атлантов, и Рейх-Атлантиде, если уведомите земное сообщество, что цивилизация атлантов, если только предположить, что она существует, может использовать в виде базы глубины не Атлантического, а Южного океана. Именно оттуда, дескать, появляются и там же исчезают чьи-то дисколеты. А вот, чьи это дисколеты: инопланетян, атлантов, германцев или... русских — это вопрос, который, по вашему мнению, еще долго будет оставаться без окончательного ответа.

— То есть советуете прибегнуть к элементарной дезинформации.

— Разве для ваших читателей так уж важно, в водах какого именно океана приводняются дисколеты инопланетян? А вот разведчиков некоторых стран это заставит понервничать.

* * *

Фройнштаг поднялась первой, давая понять, что время их свидания истекло.

— Нам не стоит испытывать терпение весьма ревнивого адмирала Брэда, — объяснила она свой порыв, — Каждая минута, которую я провела, уединившись с вами, лишь усиливают его подозрение в том, что я передаю вам всевозможные сведения об

эскадре, а вы меня вербуете и инструктируете. А возвращаться сначала на борт самолета, а затем на борт авианосца и на берег США в образе вашей шпионки мне не хочется. Это не на пользу нашему общему делу.

— Кстати, об эскадре... Кажется, я настолько увлекся разговором с вами, что забыл поинтересоваться сведениями о ней.

— Но ведь у вас уже есть снимки всех кораблей эскадры, и вам нетрудно было определить тип и вооружение каждого из них.

— Само собой разумеется. Сколько людей на судах эскадры?

— Порядка семи тысяч. Это — учитывая батальон морской пехоты и какие-то вспомогательные технические подразделения в виде солдат-эскимосов.

— Что, конкретно, американской разведке и командованию эскадры известно было о гарнизоне нашей «Базы-211»?

— Они владели только самыми общими сведениями о том, что таковая существует, да и то лишь в виде гипотезы. Так что напрасно вы устроили здесь демонстрацию военной силы и своих возможностей. Вы могли спокойно отсидеться, оставив адмирала Брэда и его пилотов в полном неведении относительно того, что здесь происходит на самом деле.

— Теперь я тоже понимаю, что мы явно поторопились. Точнее будет сказать, поторопился адмирал фон Риттер, поскольку он является командующим вооруженными силами Рейх-Атлантиды, сосредоточенными на «Базе-211».

— Хотите сказать, что он волен бросать в бой воинские части Рейх-Атлантиды, не согласовывая своих решений с вами, рейхсфюрером Рейх-Атлантиды?! Фюрер Третьего рейха такого бы никому не простил.

— При Гитлере тоже черти что творилось, иначе мы бы не проиграли войны! — огрызнулся барон фон Готт. — Так что не следует идеализировать. И поскольку переиграть эти события уже невозможно, то вся надежда теперь на вас, Фройнштаг.

— Постараюсь быть предельно осторожной.

— Нам понадобится еще несколько лет полного «безвестия», чтобы беспрепятственно развивать свою промышленность, укреплять армию и налаживать агентуру в континентальных странах.

— Правильно, вам незачем высовываться, — одобрила такой подход Фройнштаг. — Мир все еще слишком возбужден, чтобы спокойно воспринимать образовавшийся в Антарктиде осколок гитлеровского рейха. К тому же все еще сохраняются формальные союзнические отношения между США и Россией, а это опасно.

— Вот почему нам необходима надежная агентурная сеть во всех континентальных странах планеты. — Произнося эти слова, барон фон Готт приблизился к Лилии, взволнованно провел рукой по ее предплечью и возбужденно вдохнул источаемый ее волосами запах французских духов.

— За агентурой дело не станет, адмирал. По Европе, словно стада бизонов, бродят целые своры беспризорных агентов всевозможных разведок. И у меня есть на примете человек, способный протрубить им «большой сбор».

— Чувствую, начинается серьезный разговор.

— Но коль уж он сложился доверительным, то и я тоже хотела бы знать, исключительно для себя и для того узкого круга эсэс-патриотов Германии, который группируется сейчас вокруг «Альпийского банка», а также вокруг «Банко Испаньоль дель Рио де ла Плата Лтд», со штаб-квартирой в Буэнос-Айресе. Теперь вы уже обладаете дисколетами собственного

производства, или все еще получаете их напрокат, из ангаров Страны Атлантов?

— Атлантов как раз и поражает, что мы умудряемся строить свои собственные дисколеты. В то время как сами они все еще пользуются теми машинами, которые доставлены для них по велению Космических Учителей.

— Интересный поворот «атлантического сюжета», заинтригованно покачала головой журналистка. — Даже предположить не могла бы.

— Поэтому-то атланты и приютили нас, рассчитывая, что наши научно-технические возможности и наше умение воевать позволят им вырваться из зависимости от Космических Братьев, Мало того, мы даже предполагаем, что со временем Страна Атлантов и Рейх-Атлантида смогут объединиться.

— И как скоро это может произойти?

— По чертежам наших собственных конструкторов, из конструкций, тайно доставленных сюда на германских судах еще в годы войны с Россией, мы теперь создаем свой собственный сталеплавильный завод и свой авиазавод, с цехом для сборки дисколетов.

— Размах впечатляет, — молвила Фройнштаг только для того, чтобы поддержать разговор и подбодрить вице-адмирала.

— В Рейх-Атлантиде теперь достаточно конструкторов и инженеров, — и в самом деле начал заводиться тот. — У нас пока что хватает рабочих рук тех пленных, которых мы сюда поставили, и которые там, наверху, значатся теперь в списках сожженных в крематориях.

— И много их? — как бы между прочим, поинтересовалась Гауптштурмфюрер СС.

Она знала, что массовое ночное отравление газом и сожжение в крематориях каких-то специально отобранных команд военнопленных, по две-три сотни в

каждой, были всего лишь имитацией казни. Но никто, в том числе и руководство лагерей, не знало, куда увозили этих пленных, а также специально отобранных, крепких русоволосых узниц, после того, как в регистрационных книгах концлагерей ПОЯВЛЯЛИСЬ отметки об их сожжении.

— Несколько десятков тысяч. Естественно отношение к ним иное, нежели наблюдалось в концлагерях воюющей Германии. Теперь это слишком ценный трудовой материал, которому позволено жить в семейных бараках и воспроизводить себе подобных рабов рейха.

— Благоразумно.

— Кстати, многие узницы-славянки и скандинавки уже родили потомков нашей эсэсовской элиты. Пока что это всего лишь «полукровки», но они тоже состоят на особом медицинском учете, как потенциальный генетический материал.

— Хотите прямо сейчас пригласить меня на «Базу-211»? — кокетливо молвила гауптштурмфюрер СС.

— С удовольствием пригласил бы, Фройнштаг, однако вы — гостья Повелителя. Он не позволит везти вас в Рейх-Атлантиду. Он и сюда пригласил вас только для того, чтобы объявить о нежелательности пребывания вашей эскадры в районе Антарктиды.

— Неужели вы не вправе приглашать в Рейх-Атлантиду тех, кого захотите пригласить? Это уже похоже на колониальную дискриминацию.

Рейхсфюрер грустно взглянул на нее, затем обвел многозначительным взглядом комнату, давая понять, что она прослушивается, и вежливо объяснил:

— С теми, кто прибывает из континентальных стран, мы обычно встречаемся у берегов Антарктиды. Какие-либо визиты «континенталов» в Рейх-Антарктиду, без согласия на то руководства Страны Атлантов,

нежелательны. — И, подняв вверх раскрытые ладони, барон дал понять, что эта тема исчерпана, и что Фройнштаг не обязательно вникать во все тонкости взаимоотношений между германцами и атлантами.

— В таком случае вернемся к тому, что вам удалось наладить свою собственную промышленность, — не унывала журналистка, понимая, что в эти минуты рядом с ней, в облике вице-адмирала, находится уникальный источник информации, который просто грех не выпотрошить, — и теперь способны существовать автономно?

— Пока еще нет. Вот почему для нас важно, чтобы какое-то время нас не тревожили, а на континентальной части планеты дарил мир. Некоторую часть оборудования для нашей авиапромышленности еще до сих пор секретно доставляют с заводов различных стран, маскируя их закупки прохождением через подставные фирмы, на подставных лиц. Причем несколько заводов в Южной Америке и на юге Африки уже полностью принадлежат нам. Горючее для самолетов и судов мы, естественно, тоже получаем через наши фирмы, в секретных гаванях.

— Представляю себе, сколько усилий понадобилось, чтобы наладить всю эту тайную сеть.

Барон порывался что-то ответить, но в это время в боковом кармане у него раздался зуммер, немного похожий на телефонный звонок. А еще через пару секунд фон Готт извлек небольшой, уместающийся на ладони странноватой формы аппарат и поднес его к уху. Радиотелефон, поняла Лилия. Неужели настолько миниатюрный?!

— Здесь рейхсфюрер фон Готт, — произнес тем временем адмирал. И даже до слуха Фройнштаг донесся хрипловатый голос того, кто сейчас докладывал своему главнокомандующему

— ...Докладываю, господин вице-адмирал: в ходе вчерашнего и сегодняшнего боев, два самолета американцев прикрывавших суда эскадры, сбиты, а самолет, прикрывавший наземную базу американцев во время атаки нашего дисколета, поврежден и приземлился на посадочную полосу базы. Поврежденная субмарина американцев только что ушла в сторону Кейптауна, а на линкоре «Колорадо» — сильные повреждения и пожар.

Адмирал мельком взглянул на Фройнштаг, пытаюсь выяснить, слышит ли она то же самое, что слышит он, и, слегка отстранившись от нее, прервал доклад коротким вопросом:

— Наши потери?

— Один самолет сбит, — Фройнштаг потянулась телом к адмиралу, чтобы лучше слышать доклад, — и потоплена наша субмарина.

— Почему потоплена?! Какого дьявола?! — не удержался фон Готт. — Почему не были задействованы дисколеты?

— Были. Один из них подбит и лежит в заливе, на прибрежной мели, на глубине пяти метров.

— Как это могло произойти? — четко, почти по слогам, спросил адмирал, уже не обращая внимание на почти прислонившуюся виском к его плечу Лилию Фройнштаг. В конце концов, она ведь тоже была германкой.

— Из-за несовершенства наших дисколетов, герр адмирал.

— Хотите сказать, что у янки они совершеннее? — съязвил фон Готт.

— У янки их пока что вообще нет.

— Тогда в чем дело?! — по-фельдфебельски гаркнул фон Готт.

— При определенной скорости наши дисколеты теряют свой защитный слой. То есть он в какой-то

степени существует, однако американцы способны пробивать его своими ракетами, похожими на наши «Фау-2».

— Ракетный Барон фон Браун^[58] постарался, черт возьми! — уже откровенно апеллировал фон Готт к Лилии. — Продался американцам, вместо того чтобы пустить себе пулю в лоб, как подобает истинному аристократу и германцу. А вслед за ним в Штаты подалась целая свора инженеров, таких же подлых предателей.

Фройнштаг почувствовала, что в какой-то степени под определение члена этой «своры» подпадает и она, однако ничуть не огорчилась. Она уже успела приобрести иммунитет и по отношению к тем, кто клеймил ее как бывшую, но нераскаявшуюся эсэсовку, и по отношению к тем, кто клеймил ее, как эсэсовку, предавшую клятву члена СС ради благоденствия в облике швейцарской банкирши.

— Но какой смысл затевать здесь антарктическую войну? — попыталась, было, урезонить ее Фройнштаг, опасаясь, как бы ей не пришлось всю оставшуюся жизнь оплакивать в этих подземельях погибшую Полярную эскадру.

— Почему вы не бросили в бой остальные дисколеты, бригаденфюрер? — не обратил внимания на ее слова адмирал фон Готт.

— Потому что в небе появился гросс-дисколет и прикрыл эскадру! — прокричал бригаденфюрер. — Мало того, его пилоты предупредили, чтобы мы не смели атаковать американские суда и наземную базу, иначе они применят «луч возмездия». И действительно, моторы двух наших субмарин заглохли, а приборы находящихся в воздухе самолетов вышли из строя.

— Это был дисколет атлантов?

— Нет, рейхсфюрер, Космических Учителей.

— Вы в этом уверены? — поугасшим голосом спросил вице-адмирал.

— Никаких сомнений. Дисколет «Небесного дозора» с экипажем которого по душам не поговоришь.

— В таком случае приказываю: всем дисколетам, субмаринам и самолетам вернуться на базу.

Сунув свой миниатюрный радиотелефон в карман, фон Готт вопросительно взглянул на Фройнштаг.

— Эти чертовы Космические Учителя почему-то не возлюбили нас, германцев, еще во времена Гитлера. Они продолжают шантажировать своими «дозорными» дисколетами, противостоять которым мы пока что не способны.

— Очевидно, опасаются вспышки новой мировой войны и новых ядерных атак.

— Мало ли чего они опасаются, гауптштурмфюрер! Пусть они живут себе там, где живут, и не суются в наши земные дела. Мы, германцы, должны исходить только из интересов нашей нации, интересов рейха и арийской цивилизации. Кому, как не вам, офицеру СД, знать это, фрау Фройнштаг?

— Что бы вы сейчас ни говорили, ничто из сказанного вами не способно оправдать ваше нападение на американскую эскадру, адмирал. Особенно в то время, когда командующий эскадрой находится здесь, на переговорах. Кстати, Повелитель и его чиновники хотя бы знают, что в момент их переговоров с адмиралом Брэдом, вы затеяли настоящую битву?

— По вашему тону, гауптштурмфюрер, можно предположить, что вы этого не одобряете.

— Не одобряю, — резко ответила Фройнштаг. — решительно не одобряю. — А, выдержав небольшую паузу, мило улыбнулась. — Но давайте вернемся к тому, что нас объединяет.

— А что нас объединяет? — недружелюбно проворчал адмирал фон Готт. — Разве еще существует что-то такое, что способно объединять нас с вами, новоявленными швейцарцами и «стопроцентными американцами»?

— Существует. Имя, образ, символ, именуемый «Скорцени». Давайте считать, что я не слышала вашего разговора с бригаденфюрером, успокоимся и вновь вернемся к тому, что значит для Четвертого рейха, для вашей Рейх-Атлантиды имя обер-диверсанта рейха Третьего.

Барон фон Готт поиграл желваками, беззвучно пошевелил тонкими потрескавшимися губами...

В эти минуты он вел себя, как обиженный ребенок, которому надоело злиться, но который пока что не знает, как бы поделикатнее пойти на попятную.

— В конце войны многим казалось, — наконец заговорил он спокойным ровным голосом, — что диверсионный отдел Главного управления имперской безопасности во главе со Скорцени создает где-то здесь, в Антарктиде, или в Южной Америке, тайные базы германских диверсантов. А па самом деле он создавал тайную, подпольную Германию. Секретный рейх.

— Вы правы, он действительно грезил этим вашим «секретным рейхом», — согласилась Фройнштаг, выходя вслед за адмиралом фон Готтом из «Пристанища Посланника Шамбалы». — Поэтому сейчас он может гордиться своим детищем.

— Мы ждем того дня, когда Скорцени сможет прибыть в Рейх-Атлантиду как ее национальный герой.

**Декабрь 1944 года. Антарктида.
Столица страны Атлантов Акрос.**

Они вышли из Пирамиды Жизни и остановились на небольшом каменистом пятачке у подножия лестницы. Был теплый летний день. Фройнштаг привычно искала глазами солнце, однако ни его, ни какого бы то иного светила не обнаружила, тем не менее, яркое золотистое сияние его заполняло все пространство — от люминесцирующей стены резиденции Правителя, до вершин далеких холмов, в створе между которыми виднелись высотные здания столицы.

— Я так поняла, что обер-диверсант рейха Отто Скорцени у вас в чести?

— Хотите сообщить ему об этом?

— При первой же встрече. Он — человек храбрый, но не лишенный самолюбия и тщеславия.

Действительно, во Внутреннем Море царило лето, но Фройнштаг ощущала, что что-то «не так», чего-то этому лету не хватает. И только сейчас поняла: не слышно голосов птиц, нет ни комаров, ни мух, ни надоедливой мошкары, хотя рядом — река и озеро.

— Вряд ли обер-диверсант рейха догадывается, что его именем у нас названа Школа морских диверсантов, а основные его подвиги описаны в специальном «Учебнике германца», в котором говорится обо всех выдающихся германцах прошлого и настоящего, и по которому у нас воспитывают патриотов Рейх-Атлантиды. Кроме того, в двух гражданских школах, а также в Офицерской школе и в Школе морских диверсантов, висят его портреты.

— Всего лишь портреты? — Фройнштаг спросила об этом с юмором, однако адмирал его и поспешил заверить:

— Не все сразу: вскоре, возможно, появятся и бюсты.

— Не хватает только его самого.

— Вы правы: очень не хватает. Скорцени настолько легендарен в Рейх-Атлантиде, что нашей молодежи просто не верится, что этот обер-диверсант рейха является ее современником. Наши парни воспринимают его, как древнегерманского рыцаря или вождя викингов.

— Вы пытались связываться с ним?

— Да, наши люди пытались выйти на Скорцени, чтобы пригласить его сюда. Первую попытку мы сделали еще накануне краха Германии, когда обер-диверсант занимался созданием «Альпийской крепости».

— Но у вас, конечно же, ничего не получилось.

Глядя куда-то в сторону адмирал задумчиво пожевал нижнюю губу.

— Если говорить честно, я порой начинаю сомневаться: стоит ли вообще прибегать к этому? Не нарушит ли появление живого Скорцени, со всеми его естественными человеческими пороками, весь процесс канонизации?

— Закономерный вопрос. Особенно, если учесть, уж кто-кто, а Скорцени пороками не обделен, — озарила Фройнштаг свое лицо загадочной женской улыбкой. — Но об этом история, как правило, умалчивает.

— К тому же, как донесла наша континентальная разведка, он все еще пребывает в плену.

— И ждет очередного суда, — добавила Фройнштаг. — Хотя все мы верим, что Международный

военный трибунал в конечном итоге вынесет ему оправдательный приговор^[59].

— Всех нас настолько поразили сам тот факт, что кто-то там решается судить Скорцени, что решено было скрыть его от рейхатлантов, особенно от молодежи. Скорцени, наш национальный герой, не может быть пленником и предаваться суду каких-либо славянских или англосаксонских варваров. Он был и впредь должен оставаться для всех нас истинным героем. Пусть лучше мертвым, но обязательно героем!

— Предусмотрительно «умерщвленным» вами, — въедливо уточнила Фройнштаг.

— Зато — непоколебимым.

— Спишем это на премудрости пропаганды, — инфантильно как-то молвила Фройнштаг, и барон так и не понял: одобряет гауптштурмфюрер СД эту пропагандистскую уловку или же осуждает.

— Но я — о другом. Под командованием Скорцени служило столько талантливых, бесстрашных диверсантов! — воскликнул адмирал фон Готт. — Через его «Фридентальские курсы» прошло столько преданных талантливых учеников. Неужели же никто из них, из пока еще уцелевших, не в состоянии организовать теперь побег своего шефа?!

— Звучит, как упрек, — заметила Фройнштаг.

— Это звучит, как желание понять, что на самом деле происходит. Неужели все они, лучшие диверсанты рейха, а, значит, и мира, погибли? Или, может быть, они настолько деморализованы, что уже не в состоянии на еще одну, принципиально важную для себя и всех нас, для всего нашего движения, операцию? Которую следует воспринимать, как операцию чести? Представляю, каково Скорцени, осуществившему столько умопомрачительных операций, осознавать, что, оказывается, он не подготовил ни одного достойного

себя последователя, ни одного, кто бы рискнул жизнью ради его спасения!

— Не ожидала, что реакция ваша окажется настолько бурной, — призналась Лилия.

— Естественной, Фройнштаг, естественной. Как и многие на военно-морском флоте рейха, я никогда не скрывал, что являюсь почитателем диверсионного гения Скорцени.

— В таком случае могу успокоить вас, барон фон Готт: сейчас штурмовая группа его бывших учеников и подчиненных готовится к операции по освобождению своего учителя и кумира.

— Вы говорите о реальной группе, готовящей реальный рейд на лагерь, в котором находится Скорцени?

— Абсолютно реальной.

Только теперь Фройнштаг заметила адмирала Брэда. В сопровождении Консула он появился на краю сосновой рощицы, прилегающей к озерцу. Чуть правее озера, по ту сторону речушки, их дожидался небольшой дисколетик, тот самый, что доставил их сюда прямо с Плахи Повелителя.

— Если понадобится подключить наших агентов, мы готовы, Как готовы помочь и финансово.

— Не из тех ли средств, что оказались в ваших сейфах в результате «Операции Бернхард»^[60]? И которые исходили из «монетного двора СС», располагавшегося сначала в концлагере «Заксенхаузен», а затем в концлагере «Эбензее»?

— Из этого «монетного двора» нам достались лишь жалкие крохи, — парировал барон фон Готт. — Остальные суммы фунтов стерлингов и долларов оседали в тайниках СС. Это благодаря им да еще сотням миллионов марок, изъятым во время всевозможных акций во многих странах мира, за

рубежами Германии со временем появилось несколько процветающих «германских» банков, и среди них — «Альпийский банк» некоего Алекса Крафта.

— Словом, мы прекрасно поняли друг друга, — поспешила ретироваться Фройнштаг, после того, как услышала фамилию своего мужа и название его банка. — И не следует все называть здесь имена и банки.

— Все — да, не стоит. А посему вернемся к судьбе Отто Скорцени. Было бы хорошо, если бы ваша штурмовая группа завершила операцию до конца января. Повторяю, мы готовы подключить своих агентов на любой стадии операции. Особенно когда обер-диверсанту рейха понадобится уйти в подполье или оставить благодатные земли Европы.

— Почему именно до конца января?

— Мы бы доставили его сюда как раз к тому времени, когда на «Базе-211» будут ожидать прибытия фюрера. Представляете себе: здесь, на секретной базе Третьего рейха, мы становимся свидетелями встречи Скорцени и фюрера! Это было бы настолько неожиданно и символично, что...

— Постойте-постойте, адмирал! — прервала полет его фантазии Фройнштаг, и при этом настолько резко оглянулась на барона фон Готта, что тот поневоле отшатнулся. — О каком приезде фюрера вы сейчас толкуете?

— Вообще-то, речь идет о совершенно секретной операции, о которой не имею права распространяться даже я.

— Да при чем здесь секретность, господин адмирал?! Только что вы сообщили, что в конце января ожидаете прибытия фюрера. Я все верно поняла?

— Мы действительно ждем его прибытия, — невозмутимо подтвердил фон Готт.

Адмирал Брэд уже заметил их и приветливо помахал рукой. Ответила ему только Фройнштаг, поскольку фон Готт попросту проигнорировал эти знаки внимания со стороны командующего Полярной эскадрой.

— Кого вы имеете в виду, когда говорите о фюрере?

— То есть как это «кого»? — насторожился барон. — Адольфа Гитлера, естественно.

Фройнштаг оторвала взгляд от дисколета и с любопытством взглянула на рейхсфюрера Рейх-Атлантиды. Теперь, при золотистом свете дня, она сумела обратить внимание на то, что не бросалось ей в глаза во время разговора в Пристанище Посланника Шамбалы. Барон выглядел уставшим и опустошенным. Лицо его посерело и напоминало лицо одного из тех узников, которых Лилии приходилось видеть, когда они прибывали в концлагерь после долгого пребывания в тюремных камерах-одиночках или в подвалах гестапо.

Все-таки долгое пребывание в этом подземелье накладывало отпечаток на лица вчерашних континентальных землян значительно разительнее, нежели на лица атлантов, прекрасно адаптировавшихся к условиям Внутреннего Мира за многие поколения своих предков. Несмотря на то, что и кислорода здесь, похоже, было вполне достаточно, и температура воздуха была далека от обычной подземельной.

Однако интересовали ее сейчас не цвет лица адмирала и состояние его здоровья. Ее интересовала эта странная история с появлением фюрера. Адмирал ясно сказал, что гарнизон «Базы-211» ждет приезда Адольфа Гитлера.

— Простите, — осторожно подступалась она к своему главному вопросу — фюрер должен прибыть к вам из Латинской Америки?

— Теперь уже — из Юго-Западной, из германской, то есть Африки, — ответил барон фон Готт, не заметив в ее вопросе никакого подвоха.

— Вы были на этой базе, вам уже приходилось встречаться с Адольфом Гитлером?

— К сожалению, я еще ни разу не покидал пределы Рейх-Атлантиды.

— Какой ностальгический ужас!

— Служба безопасности Страны Атлантов крайне неодобрительно относится к любому выходу арий-атлантов за пределы Рейх-Атлантиды, а тем более, за пределы Антарктики. Даже если это касается руководителей нашего Четвертого рейха.

— Но в свое время, еще там, в германской Германии, вы имели возможность видаться с фюрером?

— Естественно, несколько раз. Хотя эта германская территория Африки длительное время находилась под контролем британского Южно-Африканского Союза,^[61] там все еще очень сильны германские настроения, есть много германцев, а главное, существует несколько наших секретных баз. Но какое-то время фюрер действительно находился на аргентинской базе. И вам это, очевидно, хорошо известно.

— Не хочется разочаровывать вас, вице-адмирал, но мне хорошо известно другое: фюрер Великогерманского рейха Адольф Гитлер уже давно мертв!

Выдержав паузу, Фройнштаг проследила, как «понимающая» улыбка сменилась на лица фон Готта растерянностью, которая постепенно переходила в выражение ужаса.

— Как я должен воспринимать ваши слова, гауптштурмфюрер? — предусмотрительно помрачнел он.

— Только так, как уж воспринимаете: с состраданием и ужасом. Учитывая при этом, что информация моя — конфиденциальная и должна оставаться сугубо между нами.

— Однако нам, мне и барону фон Риттеру, было официально заявлено, что в бункере погиб двойник фюрера, а самого фюрера спасли подводники «Фюрер-конвоя».

— Эта версия более желательна, более патриотична, а главное, значительно легче воспринимается. Но трагедия заключается в том, что герр Гитлер, к сожалению, действительно погиб, причем погиб еще там, в подземном бункере рейхсканцелярии. За пределы рейха, на субмарине «Фюрер-конвоя», вывезен был его двойник.

— Однако Повелитель Страны Атлантов, ссылаясь на сведения, полученные от Консула, — кивнул фон Готт в сторону медленно приближающихся Консула и доктора Брэда, — уверяли меня, что...

— Сообщаю вам наиболее неприятную часть своей информации: именно Повелитель, устами своего Консула и Посланника Шамбалы, потребовал от верхушки СС и рейха сделать все возможное, чтобы фюрер героически погиб за Великую Германию, а на субмарине ушел его двойник, — без особых амбиций, покладистый, способный мыслить уже нынешними, послевоенными категориями. Этлен Великий понимал, что обитателям Рейх-Атлантиды понадобится фюрер, но лишь как символ единения нации, а не тот фюрер, которого мы все знали в облике Гитлера и которого возненавидели не только большая часть мира человеческого, но и высшие космические силы.

— Похоже, что так оно и есть на самом деле, — смиренно признал барон фон Готт.

— Германскому народу еще могут простить развязанную им мировую войну, но простить Гитлеру уже не сможет никто. Кстати, была группа высших руководителей рейха, чьи имена позвольте не называть, которая тоже решительно не желала видеть Гитлера на обломках погубленной им Германии, И потом, для СД

важно было сделать все возможное, чтобы сбить победителей с толку и заставить в течение многих послевоенных десятилетий гадать: жив Гитлер или застрелился, дабы избежать позора пленения.

— Если я сообщу об этом на «Базе-211» и в Арийбурге, там воцарится жуткое разочарование.

— А кто вам сказал, что вы обязаны, или хотя бы имеете право, кому-либо сообщать об этом, господин адмирал? — жестко поинтересовалась Фройнштаг. — Вам такого права никто не давал.

— Я просто вынужден молчать. Нам и так дважды с трудом удалось избежать бунта солдат, требовавших, чтобы им позволили вернуться то ли в Германию, то ли в Латинскую Америку. Один из сдерживающих постулатов: «Все мы находимся здесь по приказу фюрера, нарушить который не имеем, права!». И вот теперь все мы ждем прибытия фюрера. Кстати, почему вы решились выдать эту тайну?

— Потому что выполняю приказ высшего командования СС, — едва слышно проговорила Фройнштаг, дабы ее слова не долетели до слуха адмирала Брэда и Консула. — Мне велено любым доступным способом предупредить вас, барон фон Готт, что, как человек, который будет особенно близко общаться с фюрером, вы обязаны свято верить в то, что перед вами истинный фюрер, а не его лжекопия. И пресекать любые сомнения у тех, кто в этом может хоть немного усомниться. Меня специально внедряли в эту экспедицию, чтобы спасти операцию «Второе пришествие», как именуют ее в секретном штабе СС.

— Операция «Второе пришествие», говорите? — задумчиво переспросил фон Готт. — Правильное определение. Фюрер необходим нам, германцам, точно так же, как русским их Сталин.

— В отличие от итальянцев, которые благополучно и без всякого сожаления со своим дуче-фюрером

расстались. Но это уже философия.

— Фон Риттеру вы об этом сообщали?

— Нет, Было слишком много слушателей нашего радио-разговора. Но вы можете сообщить ему, пригрозив при этом расстрелом, если он проговорится. Кроме вас, ни один человек не имеет права быть посвященным в эту тайну.

— Предусмотрительно.

— В таком случае будем считать, что я свою миссию благополучно выполнила, — полупшепотом молвила Фройнштаг, когда адмирал Брэд находился уже буквально в пяти шагах от них.

* * *

Адмиралы чопорно поприветствовали друг друга отданием чести, Лилия и Консул не менее чопорно удостоили друг друга вежливого полупоклона.

— Не скрою, контр-адмирал Брэд, вам повезло, что в составе эскадры находится гауптштурмфюрер СС Фройнштаг, — сдержанно и почти напыщенно произнес барон фон Готт, — Ее присутствие, а главное, ее безопасность, обязывают нас слегка деликатничать с вами, хотя вы этого явно не заслуживаете.

— А я считаю, что мне просто повезло, что на авианосце находится такая прекрасная женщина. Безотносительно того, как к этому относитесь вы, господин вице-адмирал.

— Все остальное, надеюсь, было высказано вам в меморандуме Повелителя, — невозмутимо продолжил свою мысль рейхсфюрер Рейх-Атлантиды.

— Высказано, — мрачно подтвердил адмирал Брэд, глядя куда-то в «поднебесье». И Фройнштаг подумала о том, что он будет выглядеть намного мрачнее, когда узнает, что уже лишился трех самолетов и линкора

«Колорадо». Однако решила, что не станет говорить ему об этом, предоставив лавры «черного гонца»^[62] командиру авианосца «Флорида» Николасу Вордану, который исполняет сейчас обязанности командующего Полярной эскадрой. — Нам пора возвращаться, господин Консул, — тотчас же забыл Брэд о германском адмирале.

Посланник Шамбалы извлек из нагрудного карманчика еще более миниатюрным радиотелефон, чем Фройнштаг только что видела у адмирала Брэда, и, поколдовав над ним, произнес несколько слов на непонятном ей языке.

— Кстати, коллега, — молвил адмирал Брэд, поднимаясь по небольшому трапу на примчавшийся «дисколетик», — не объясните ли мне, что это за судно-айсберг нанесло визит нашей эскадре несколько дней назад, Юго-Восточнее Земли Грейама. Открою вам тайну: в свое время я был испытателей, оценивавших испытание подобного судна на одном из канадских озер. Так что удовлетворите мое сугубо научное любопытство: вы всерьез решили воплощать эту идею в ледовые творения?

— Мне приходилось слышать об этом судне, построенном на смеси льда и, кажется, целлюлозы.

— Верная информация.

— Почему вы тогда отказались от подобного проекта, хотя он представлялся многообещающим?

— Он был невыгоден и с военной, и с экономической точки зрения.

— Странно. Или, может, все-таки парочку таких судов вы изготовили, только до поры припрятали где-то в Арктике?

— Нет, и я уже объяснил почему. К тому же война уже приближалась к концу.

— Это ваша война с нами приближалась к концу. А с русскими она у вас еще и не начиналась. А ведь в русском Заполярье такие суда неоценимы. Вам не приходило в голову, что любое из них может служить прекрасным разведывательным пунктом?

— О войне с русскими пока никто всерьез не думает.

— Еще как думают, доктор Брэд! Поэтому мы и решили испытать такое судно, исходя из того, что льда в Антарктике предостаточно, а вид айсберга — прекрасная маскировка. Странно, что вы обнаружили это судно, точнее, рассекретили его.

— Это оказалось несложно, Строили вы его тоже с применением целлюлозы?

— Пытались. Однако инженеры-атланты советуют нам употребить иной материал, у вас там, на поверхности, пока еще не известный.

— Из чего же он состоит?

— Мы и сами пока не знаем, — пожал плечами фон Готт, и Фройнштаг готова была поверить, что молвлено это было искрение. Однако адмирал Брэд был иного мнения.

— Странно... — многозначительно протянул он.

— В развитии техники атланты значительно опережают континентальных землян, — объяснил фон Готт. — Вот только делиться своими достижениями не торопятся, и вообще, делают это неохотно.

— Судя по тому, какими радиотелефонами вы пользуетесь и на каких дисколетах летаете, — не так уж они жадничают.

— Все намного сложнее, чем вы предполагаете.

Адмирал Брэд задумчиво посмотрел в сторону Пирамиды Жизни и понимающе покачал головой.

— Вполне допускаю. Спасибо за информацию, коллега. И прикажите командиру своего судна-айсберга не преследовать Полярную эскадру, иначе моим

артиллеристам придется прервать ваш прекрасный эксперимент.

— Если к тому времени у вас еще останется хотя бы один орудийный ствол, адмирал Брэд.

— Это угроза? — замер Брэд в проеме двери «дисколета».

— Дружеский совет. И ради бога, снимите этот мундир, доктор Брэд.

— Вы на этом настаиваете, барон? — саркастически уточнил адмирал Брэд. — То же самое могу посоветовать вам.

— Вы не так поняли меня, мистер Брэд. Не потому, что вы не достойны его. Просто, снимите адмиральский мундир и возвращайтесь к своему любимому занятию: мирному исследованию Арктики и Антарктиды! К тому занятию, за которое вас уважают многие ученые мира.

— Вот видите, адмирал фон Готт, меня все же есть за что уважать. А вас?

Декабрь 1946 года. Антарктида.

Борт разведывательного самолета «Кобра» — лагерь «Адмирал-Форт».

Консул решил попрощаться с ними уже на Плахе Повелителя. Он выглядел то ли грустным, то ли слишком уж сосредоточенным, но как бы ни расшифровывалось выражение его лица — оно неизменно оставалось по-римски прекрасным и по-эллински выразительным.

Фройнштаг уже не раз ловила себя на том, что восхищается красотой этого мужчины, но ни разу не сумела уловить то состояние, когда мимолетное восхищение навязчиво перерастает в желание завлечь его, влюбить в себя, подчинить своим чарам, наконец, банально затащить в постель. А уж Лилия знала, каким навязчивым бывает у нее это маниакальное желание — во что бы то ни стало затащить мужчину в постель!

— Когда-нибудь, — молвила Фройнштаг, прежде чем над Плахой завис дисколет, который должен был доставить их с адмиралом к самолету, — я стану вспоминать об этом путешествии в потусторонний мир, как странный и неправдивый сон.

— Странный и неправдивый, — безинтонационно подтвердил Консул. Но затем, неожиданно встрепенувшись, разъяснил: — «Странный» — поскольку вам все же удалось попасть туда, — повел подбородком в сторону медленно задвигающейся стены туннеля, — и «неправдивый» — поскольку вам все же удалось оттуда выбраться.

— А что, у Повелителя «в рукаве» просматривались какие-то другие варианты? Например, огласить

адмиралу Брэду свой ультимат-меморандум, а затем умертвить его или заточить в еще более глубокое подземелье?

— Вообще не оглашать его. То есть огласить, но не адмиралу, а президенту США, и уже после того, как о вас и вашей Полярной эскадре останутся одни воспоминания.

— А по-моему, вы опять преувеличиваете, досточтимый наш Посланник Шамбалы, — мило улыбнулась Фройнштаг, вспомнив при этом одну из заповедей Скорцени: «После операции следует анализировать осечки своего плана, а не осечки запущенной врагом гильотины».

— Мудрое изречение.

— Оно будет выглядеть еще мудрее, если вы решитесь провести нас до базы «Адмирал-Форт», а то и до авианосца «Флорида».

Консул непонимающе уставился на Фройнштаг.

— Не только потому что мне не хочется расставаться с вами, — вполголоса проговорила Лилия, повернувшись спиной к адмиралу, отошедшему к противоположному концу Жертвенника, но и потому, что ваше присутствие на борту позволит избежать еще одного неосмысленного запуска германскими пилотами «гильотины», Я и так уже устала считать все се осечки.

— Готов привести вас до базы «Адмирал-Форт», — решительно отрубил Консул.

— Оказывается, вас не так уж и трудно уговаривать, — запустила пробный шар легкого флирта Лилия. — Но уточню, что сначала вы должны будете вернуть нас на борт самолета, а затем уже, вместе со всем его экипажем, перебросить на континентальную базу. Я права, мой адмирал?

— И только так.

Вас доставят к месту посадки самолета, заверил его Консул.

— Кстати, господин Посланник Шамбалы, вы даже не догадываетесь, что про себя я называю вас «мой Неземной Мужчина».

— Догадываюсь, — все так же учтиво и холодно уточнил Консул, оставаясь безучастным к ее заигрываниям.

— В таком случае очень жаль... — начала было Фройнштаг, однако, наткнувшись на ледяную тусклость голубых глаз Консула, прервала и эту попытку — При любых обстоятельствах мне бы очень хотелось побывать вместе с вами в Шамбале.

— Считаете, что вы готовы к такому восхождению?

— Чтобы вместе с вами?.. — игриво хитрила Фройнштаг. Хотя сейчас, и еще как! Правда, я не знала, что у вас это называется «восхождением».

— Я имел в виду духовную готовность и духовное восхождение, — невозмутимо объяснил посланник Шамбалы, однако Фройнштаг в упор не расслышала его уточнения.

— Не пора ли нам отбывать отсюда? — нервно воспринял их диалог адмирал Брэд.

— Тоже нацелились на Шамбалу адмирал?

— О нет, отправляйтесь хоть в Шамбалу, хоть куда угодно, но уже без меня, — предостерегающе обронил командующий эскадрой. — Не сейчас, и без меня. Предел моих нынешних мечтаний — уютная каюта на борту авианосца «Флорида».

— В устах полярного исследователя слова ваши, мой адмирал, звучать, конечно, странновато...

— Вполне мотивированно, — проворчал Брэд. — Уже хотя бы потому, что я смертельно устал. Невыносимо устал я — вот в чем дело, госпожа Фройнштаг.

И лишь после этого взгляд Консула немного оттаял.

— Правда, меня трудно будет причислить к сонму избранных, а тем более — Высших Посвященных, — напомнила ему Фройнштаг о греховности своего

происхождения и земного призвания. Но скажите, хотя бы, где она, эта ваша, никем из земных смертных не виданная, Шамбала в действительности находится, и что она собой представляет.

— Вам-то она зачем? — вполне поземному удивился Консул.

— А вдруг решусь организовать собственную экспедицию? Не приглашая с собой некоторых раскаявшихся полярников, — метнула взгляд на доктора Брэда.

— «На севере Молочного моря находится большой остров под названием Швета-Дви́па, то есть Белый Остров. Там живут мужи, удаленные от всякого зла, равнодушные к чести и бесчестию, прекрасные видом своим, преисполненные жизненной силой....А еще — остров этот расположен посреди Озера Нектара, там высятся неземной красоты дворцы и благоухают священные рощи. И достичь его можно лишь на спине божественной золотой птицы».

— А что, у вас, мой Неземной Мужчина, получается! — искренне восхитилась Фройнштаг. — Оказывается, вы прекрасный декламатор. Да и звучит, как «Сага о Стране Викингов».

— Фрагменты из древнеиндийских эпосов «Махабхарата» и «Пураны».

— А если обойтись без индусских фантазий и головоломок тибетских лам?

— Вас интересует месторасположение Шамбалы?

— Естественно. Должны же у нее существовать какие-то координаты.

— Они не подлежат разглашению.

— Но ведь все неразглашаемое когда-нибудь да передается разглашению.

— Только не месторасположение Шамбалы, — мягко заметил посланник этой таинственной страны.

— Не заблуждайтесь, Консул, не заблуждайтесь. И ее — тоже.

— Тем более что все это надо видеть глазами собственной души, — загадочно произнес Посланник Шамбалы.

— Да уж я постараюсь.

— Но готовность следует проявлять до прибытия в Шамбалу, а не после ее посещения, — предостерег Посланник и в буквальном смысле растворился перед ней в воздухе.

Не успела Фройнштаг осмыслить происшедшее или хотя бы прийти в себя, как, словно бы материализовавшись из небытия, над Плахой Повелителя возник дисколет.

«Неужели вырвемся отсюда?! — возрадовалась про себя Фройнштаг. — Этому стоит удивиться куда больше, нежели самому существованию некоего Внутреннего Мира с его Страной Атлантов».

На самом же деле в эти минуты ей не хотелось познавать ни тайны Шамбалы, ни особенности Внутреннего Мира. Единственное, что ей по-настоящему хотелось познать сейчас, так это струи душа, вкусный обед с чашкой кофе и постель, пусть даже в виде скромной корабельной лежанки.

Лилия взглянула на командующего эскадрой и поняла, что за его молчанием, словно за театральным занавесом незавершенной драмы, скрывается точно такое устремление.

Едва дисколет атлантов завис над плато, как в нижней части этого корабля образовался проем, и оттуда бесшумно выдвинулся трап.

Прежде чем ступить на него, Фройнштаг осмотрелась, в последний раз пыталась обнаружить какие-то признаки материального существования Неземного Мужчины.

— В общем-то, я уже стала привыкать к тому, что с возрастом мужчины предпочитают уходить от меня по-английски, не прощаясь, — пробормотала она, не теряя присутствия духа. — Но не таким же безнадежным способом!

**Декабрь 1946 года. Антарктида.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Когда несколько минут спустя они с адмиралом оказались в салоне американского разведывательного самолета, там встретили их, как вернувшихся с того света.

— Вас не было целую вечность, сэр! — взволнованно проговорил первый пилот, капитан Элфин, обращаясь к Брэду. — Это казалось невыносимым, поскольку мы были бессильны хоть как-то повлиять на развитие событий. И потом, мы уже подумали было...

— Ход ваших мыслей был верным, но преждевременным, — прервал его словоизлияние адмирал. — Возвращайтесь в свое кресло и запускайте двигатели.

— Это бессмысленно, сэр.

— Конкретнее.

— Мы не сможем взлететь. У нас нет полосы для разбега.

— Нас здесь немало, попытаемся расчистить.

— Все намного сложнее, сэр. Впереди образовалась трещина, а за ней виднеются торосы. По существу мы в западне, и даже трудно представить себе, каким образом можно из нее вырваться.

— Не предлагаете же вы устроить здесь полярную зимовку, капитан? Я понимаю, что вам не дают покоя лавры покоящегося где-то здесь капитана Роберта Скотта, а уж тем более — слава Амундсена, но увольте.

— Я взял с собой второго пилота и в сопровождении двух морских пехотинцев осмотрел окрестности, сэр, — молвил второй лейтенант морской пехоты Максвилл»

как только поймал на себе взгляд командующего эскадрой. — Второй пилот заявил, что ситуация безнадежная. Мы вернулись и решили ждать вас.

— А дисколет еще здесь? — бросился к пока еще открытой дверце адмирал.

— Уже нет, сэр, — ответил кто-то из морских пехотинцев. — Исчез. Мгновенно, словно испарился.

— Проклятье. И мы не знаем, как его вернуть? — взглянул он на Фройнштаг.

— Надо подумать.

— А ведь этот тибетский проходимец Консул обещал доставить вас до континентальной базы, — язвительно напомнил Брэд. — Что-то плоховато вы его уговаривали, леди Фройнштаг.

— Возможно, и доставил бы, не будь рядом со мной вас, адмирал, — отплатила ему той же монетой журналистка. — Не я виновата, что ваше присутствие его совершенно не вдохновляет.

Адмирал не ожидал такого отпора и заметно растерялся. Впрочем, он и не пытался накалять сейчас отношения с германкой, от которой во многом зависело теперь его собственное спасение.

Прочувствовав неловкость создавшейся ситуации, остальные джентльмены вежливо отвели взгляды. Этим-то Брэд и воспользовался:

— Но вы, капитан Элфин, хотя бы догадались сообщить в «Адмирал-Форт» и на авианосец «Флорида» о том, в какой ситуации мы здесь оказались?

— Сообщили, сэр, — заверил первый пилот.

— Ну и?..

— Транспортный самолет-спасатель мы пока не вызывали, решили прежде дождаться вас.

— И зря теряли время.

— Но он здесь тоже не сядет. Для начала следует подыскать площадку хотя бы для посадки легкого полярного самолета. Трещина небольшая, и если бы нам

доставили сюда несколько стальных листов и сварочный аппарат, можно было бы сварить мостик, а торосы рвануть динамитом и расчистить полосу от их осколков.

— Гениальное решение, капитан. Вопрос: почему до сих пор вы не затребовали эту сталь и этот аппарат?

— Не знали, чем завершатся ваши переговоры. Да и наша авиация вряд ли смогла бы пробиться сюда. Не хотелось провоцировать германцев и атлантов на новые нападения и новые воздушные бои. У нас и так много потерь.

— Постойте, — поморщился адмирал. — О каких воздушных боях и потерях идет речь?

— О наших, сэр, о значительных. Разве вам не доложили?

— Кто и каким образом мог доложить мне об этом, в антарктических подземельях?!

— Мы считали, что это мог сделать Консул, или кто-либо из атлантов... — попытался объясниться капитан Элфин, растерянно глядя на Фройнштаг, словно догадывался, что ей уже все известно.

— Мне удалось подслушать, о чем в общих чертах вице-адмирал фон Готт говорил с командующим своего воинства, — призналась она Брэду — К сожалению, я не могла сообщить вам об этом в присутствии Консула.

— Но теперь-то вам уже ничто не мешает сообщить мне то, что вы обязаны были сообщить немедленно?

— Опять забываетесь, господин адмирал. Я — не ваша подчиненная, поэтому не обязана сообщать о чем-либо, что мне стало известно. Мало того, перед вами журналистка, защищенная правами, предусмотренными нормами международного права.

— Прошу прощения, Фройнштаг, Я-то все еще вижу в вас талантливую разведчицу Только просьба: не томите душу.

То, что адмирал услышал от Лилии, повергло его в окончательно уныние. Тем более что, по самым свежим данным, линкор «Колорадо» уже затонул, а командир основательно поврежденной субмарины «Хардести» выяснил, что самостоятельно добраться до Кейптауна не сможет и запросил помощи. Имеются повреждения, погибшие и раненые — на эсминце «Портсмут» и ледоколе «Принц Эдуард».

Угнетающее молчание командующего Полярной эскадрой было прервано единственной его фразой:

— По крайней мере, теперь командование флота уже не сможет обвинять, что я умышленно нагнетал атмосферу и понапрасну гнал в Антарктику целую эскадру боевых кораблей.

И тут Фройнштаг поняла, что где-то в глубине души адмирал даже рад этим потерям, которые действительно становились убедительным аргументом в правоте доктора Брэда как полярного исследователя. Хотя и повергали его в глазах тех же флотских штабистов как боевого адмирала.

— Будем запрашивать авианосец «Флорида», сэр? — обратился к нему старший мастер-сержант Хастон.

— Причем как можно скорее, — вышел из оцепенения командующий. — Авианосец и базу «Адмирал-Форт». Самый худший вариант — мы оставляем наш самолет здесь и эвакуируемся на базу.

— Предварительно взорвав мою машину, — уточнил капитан Элфин. — Но это самый крайний, гибельный вариант.

— Мы, точнее вы, Фройнштаг, могли бы каким-то образом связаться с Консулом или, на крайний случай, с кем-то их руководителей Рейх-Атлантиды? — откровенно занервничал адмирал.

— Стоп-стоп! Нельзя наводить на нас германскую авиацию, — молвил первый пилот.

— Они прекрасно знают, где мы приземлились, — «успокоила» его гауптштурмфюрер. — Адмирал фон Готт находился в Акросе вместе с нами.

— Не теряйте времени, Фройнштаг. И вы, капитан Элфин, — тоже. У нас две радиостанции. Действуйте. Я только что вырвался из последнего круга «дантового ада», и теперь в мой планы не входит замерзать здесь, посреди Антарктиды.

Однако не успела Фройнштаг сообразить, каким образом выйти на Консула или на адмирала фон Готта, как из радиоотсека выглянул второй радист-перехватчик, штаб-сержант Адэр.

— Господин адмирал, госпожа Фройнштаг, — прокричал он, — на связь вышел германский пилот!

— Какой еще пилот? — подалась к нему журналистка.

— ...Штурмовика, позывной «Рейн-один», который преследовал нас. Недавно он беседовал с вами, мэм. Пилот напомнил об этом.

— Вот в этом-то и может заключаться наше спасение, — метнулась Фройнштаг в радиорубку. Остальные дружно подались вслед за ней.

— Пусть он поможет нам связаться с адмиралом фон Готтом, — напутствовал ее командующий.

— Это было бы прекрасно.

— Так уговорите его.

— У меня это иногда получается. Здесь — гауптштурмфюрер СС Фройнштаг! — возбужденно прокричала она в микрофон. — Это вы, «Рейн-один», простите, запомнила вашу фамилию?!

— Обер-лейтенант Ридберг, господин, простите, госпожа гауптштурмфюрер.

— Обращайтесь просто — «Фройнштаг». Я к этому привыкла. Где вы сейчас находитесь?

— Как вас приняли в Акросе?

— Я спрашиваю: где вы сейчас находитесь? На базе, в воздухе; и если да, то в каком квадрате?

— Патрулируем с напарником воздушное пространство. Мы так редко бываем в небе, да и вообще, на поверхности Земли, что каждый полет — как полет в рай.

— Понятно, обер-лейтенант, понятно! — попыталась прервать его лирическую исповедь Фройнштаг, однако пилот упорно продолжал:

— Я очень волновался за вас. Пока вы были в Акросе, у нас тут разгорелось целое сражение, А мне так хотелось услышать ваш голос.

— Как и мне — ваш, обер-лейтенант!

— Правда?

— Как никогда и никакого иного мужчины! — все больше возбуждаясь, изощрялась Фройнштаг в любезности. Но это был не флирт, а зов человека попавшего в беду. — Однако объясняться в любви друг другу мы будем потом. А пока что вам предоставляется шанс спасти меня, обер-лейтенант.

— Спасти?! А что... произошло?

— Наш самолет оказался где-то в глубине Антарктиды, куда его затащил дисколет атлантов. Когда после переговоров с Повелителем Этленом Великим мы с адмиралом Брэдом вернулись сюда, оказалось, что перед самолетом образовалась большая трещина, а за ней виднеются ледяные тросы. Мы не сможем взлететь, мы попросту обречены.

— Очевидно, у вас были неудачные переговоры с Повелителем, и он решил, что с вами можно покончить?.. — Фройнштаг так и не поняла, следует ли ей воспринимать сказанное обер-лейтенантом, как вопрос, или же это была констатация факта, в том виде, в каком воспринимал его сам пилот.

— Напротив! — на всякий случай, прервала его Фройнштаг. — Все прошло отлично. Они с адмиралом

Брэдом поняли друг друга. Но дисколет, который вывозил нас из космодрома атлантов, оказался слишком маленьким, чтобы осуществлять транспортировку самолета.

Адмирал Брэд порывался приблизиться к микрофону, однако Лилия придержала его за предплечье и заставила отойти.

— Позвольте мне, — едва слышно проговорил командующий, но Фройнштаг решительно помахала рукой, прерывая его попытки переключить переговоры на себя.

И в этом был свой резон. То, что адмирал находится рядом, могло повлиять на очарованного ее голосом летчика. Этого молодого германского парня, истосковавшегося по родине и увлеченного голосом незнакомой германки.

— Мало того, — продолжила Лилия, — Повелитель вежливо вручил ему секретное послание, которое попросил передать лично президенту США, с условием, что оно не будет опубликовано и вообще предано огласке. Тем самым Этлен Великий подтвердил, что заинтересован в нормальных отношениях с американским правительством. Стал бы он передавать послание через адмирала, если бы намеревался убить нас?

— Нет, конечно, — неуверенно признал оберлейтенант, понимавший, что за этими словами Фройнштаг флирт завершается, и начинается высокая, а, следовательно, коварная политика.

— Укажите свои координаты. Я направляюсь к вам.

— Это не возбраняется, но никакой реальной пользы от вашего появления здесь не будет. Радист, наши координаты? — тотчас же обратилась она к старшему мастер-сержанту Хастону. Тот указал местонахождение «Кобры», и Фройнштаг повторила его данные для

германского пилота. — Кстати, напоминаю вам, обер-лейтенант, что с американцами вы уже не враждуете.

— Но, прежде всего, не враждуем с вами, Фройнштаг.

— Вот и выручайте? Вы знаете, как связаться с Консулом Внутреннего Мира?

— С Консулом? Понятия не имею, о ком речь. Мне не приходилось...

— Ясно-ясно. В таком случае помогите связаться с адмиралом фон Готтом или хотя бы с адмиралом фон Риттером. Сейчас нас может спасти только присланный ими дисколет, который бы перенес наш самолет на базу «Адмирал-Форт» или хотя бы на ближайшую ледяную равнину. Причем прислать его желательно как можно скорее.

Обер-лейтенант явно замялся, и это сразу же насторожило Фройнштаг.

— Только не разочаровывайте меня тем, что вы не способны связаться с кем-либо из своего высшего командования! — предупредила она. — Терпеть не могу мужской беспомощности.

— Не в этом дело.

— И не пытайтесь меня разжалобить! Я не из тех женщин, которые в подобной ситуации способны пожалеть мужчину, или хотя бы посочувствовать ему.

Обер-лейтенант расхохотался, а затем, заставив Лилию немного помолчать, терпеливо объяснил:

— Ни один из дисколетов нашего производства не способен перенести ваш самолет, да еще на такое расстояние, фрау Фройнштаг.

— Почему? — упавшим голосом спросила Лилия.

— Конструкторские данные не позволяют, Фройнштаг. Это один из параметров, по которым мы пока что уступаем в дисколетостроении атлантам. Точнее, тем, кто их этими машинами обеспечивает.

— Так я и знала, что вы разочаруете меня, обер-лейтенант.

— Не торопитесь с выводами, Фройнштаг, Уже связываюсь с нашей наземной базой и объясняю, в каком вы положении. Минутку.

Неизвестно, сколько бы длились переговоры обер-лейтенанта со своей базой и высшим командованием, и чем бы они завершились, если бы в ситуацию вновь не вмешались атланты.

— Дисколет! — крикнул второй лейтенант Максвилл. — Прямо над нами — дисколет!

Фройнштаг потянулась к иллюминатору и действительно увидела над самолетом часть серого корпуса дисколета. Теперь уж по размерам своим он соответствовал тому, который перехватывал их прямо в воздухе.

— Значит, мы спасены, — пробормотала про себя Фройнштаг. — Вы слышите меня, обер-лейтенант? Отставить переговоры с базой!

Но вместо «влюбленного» голоса Ридберга, в наушниках прозвучал металлический голос Консула: — Простите, Фройнштаг, произошел сбой, — проговорил он. — Куда вы исчезли, Посланник Шамбалы?! Вы бросили вас на погибель.

— Атлант, направлявший вам дисколет, не учел, что нужно не просто доставить вас до самолета, но и перенести вместе с самолетом на базу. Ибо сами взлететь вы уже не сможете.

— Как прекрасно, что вам удалось уговорить их!

— Пришлось обратиться к пилоту пилотов, то есть командующему их воздушным флотом.

— И он взял это на себя?

— Вынужден был, — с легкой иронией произнес Консул, — поскольку это мой тесть.

— Да будут благословенны узы родства нашего! — почти молитвенно произнесла Фройнштаг, уже

почувствовав, что самолет, плавно покачиваясь, словно его подвесили на тросах, стал медленно возноситься в небо. — Только признайтесь, что уговаривали вашего тестя не вы, а ваша жена.

— Ей это было проще. Хотя говорить пришлось не с отцом, с дядей, Этлэном Великим.

Фройнштаг понимающе рассмеялась. Могла ли она догадываться, что еще несколько минут назад ее судьба и судьба экипажа зависела от настроения некоей, к счастью, не очень ревливой, атлантки?!

— Вам стоило бы познакомить нас. Если, конечно, она не слишком ревлива.

— Во время следующего вашего рейда в Антарктиду.

— Нет уж, увольте. Отныне в Антарктиду — ни ногой. Лучше увидимся на Лазурном берегу Франции, где-нибудь в районе Фрежюса.

Только теперь она вспомнила о германском пилоте, который не может понять, кто и каким образом выбил его из эфира. Наверняка сейчас он нервничал и метался между своим командованием и попавшей в беду германкой. Но и прерывать связь с Консулом она тоже опасалась. Свяжусь с ним, как только это станет возможно, решила она.

— Может, нам сразу же лететь к эскадре, адмирал? — обратилась она к Брэду.

— Так будет правильнее, — недолго сомневался тот. — Самое время вернуться на «Флориду».

— В таком случае пусть ваши пилоты запускают двигатели, — сказал Посланник Шамбалы.

Уже запускают, — молвил адмирал.

— Через десять минут, в районе базы «Адмирал-Форт», самолет освободят от захвата.

— Это будет — как сон в лунную ночь, — томно вздохнула Фройнштаг. — Не хотите погостить на авианосце, господин Консул? Или отправиться с нами в

Штаты. Командующий эскадрой давно порывается пригласить вас, — подмигнула она Брэду.

— Остановимся на варианте с Лазурным берегом.

— Понимаю: зов приятных воспоминаний. Сожалею, что со мной они никак не связаны. Но с кем тогда?

— С женой. Ее зовут Аис. Это был ее первый выход в Континентальный Мир. Она чувствовала себя по-настоящему счастливой.

— Уже хотя бы потому, что всем остальным женщинам Страны Атлантов покидать ваш Внутренний Мир запрещено?

— Их... Внутренний Мир, — задумчиво уточнил Посланник Шамбалы. — Это их мир, вот в чем дело.

Фройнштаг вдруг показалось, что Посланник Шамбалы уже давно разочаровался в этом странном подземном мире, и подумывает о том, как бы с ним порвать. Непонятно было только, по какую сторону «потусторонней» трещины должна будет оказаться атлантка Аис. Впрочем, гауптштурмфюрер понимала, что вскоре она будет очень далека и от этого мира, и от шамбально-атланти чес кой драмы Консула. И единственное, чего ей сейчас хотелось, — чтобы это «далеко» прояснилось перед ней как можно скорее.

**Декабрь 1946 года. Антарктика.
Борт разведывательного самолета «Кобра».**

Даже выпустив «Кобру» из своих небесных объятий, дисколет еще какое-то время сопровождал ее. И лишь когда на горизонте появились снежные стены с ледяными башенками континентальной базы «Адмирал-Форт», пилот дисколета сделал над ней и над медленно летящим самолетом прощальный круг, и в эфире вновь появился голос Консула, который попросил позвать к аппарату адмирала Брэда.

— Я не вправе давать вам советы, господин адмирал.

— Естественно.

— Тем не менее посоветовал бы разделить вашу эскадру и двумя отрядами обойти Антарктиду с разных сторон, чтобы затем встретиться в Южном океане. Это придаст экспедиции видимость сугубо научной и объяснит миру смысл ее появления в Антарктике. Насколько мне известно, до сих пор ни одна современная эскадра не совершала столь массивной экспедиции вокруг Антарктиды и не изучала ее берега, заливы, оголяющиеся в течение лета острова. Или, может быть, я ошибаюсь?

— Не совершала.

— Вы соберете очень полезный материал, который ляжет и в основу вашего доклада командованию и сенату, а также в основу вашей совместной с журналисткой Фройнштаг книги под заглавием «Вокруг Ледяного Континента». Вы ведь не против того, чтобы книга была совместной?

Адмирал угрюмо взглянул на Фройнштаг, которая стояла рядом с ним и все слышала.

— Вообще-то, чье-либо соавторство в мои планы не входило, — проворковала она. — Но поскольку речь идет о руководителе экспедиции и командующем эскадрой...

— Мы с Фройнштаг не возражаем, — все так же угрюмо произнес адмирал. — В этом есть определенный смысл.

Советы Консула командующий эскадрой воспринимал сейчас, как откровенное издевательство, однако у него не хватало силы воли воспротивиться им. И потом, ему осточертела эта полярная одиссея, и сейчас он действительно хотел только одного: благополучно добраться до своей каюты на авианосце.

— Впрочем, заглавие может оказаться иным, важна тема. И важно то, что в глазах американцев и в глазах мировой общественности ваш рейд окажется вполне оправданным. И даже будет истолкован, как «значительный вклад американского правительства и лично адмирала Брэда в изучение Антарктики».

— А на что прикажете списать наши боевые потери?

— Кто сказал, что они боевые?! — почти искренне изумился Посланник Шамбалы. — Нет, в хамом деле, кому пришла в голову такая мысль? Вы что, хотите поведать миру, что подо льдами Антарктики на вас напали какие-то субмарины, а с воздуха атаковали дисколеты? Кому они принадлежат? С кем вы воевали, адмирал Брэд? Нет, в самом деле, с кем это вы воевали там, во льдах Антарктики? С восставшими со дна океана атлантами? Оч-чень любопытно! С воздуха на вас нападали германские «мессершмитты-115» и «фокке-вульфы-190», которые взлетали прямо из ледовых трещин в континенте? Еще забавнее! Ах, кроме всего прочего, ваши самолеты были атакованы некими дисколетами инопланетян?! Окончательно

заинтриговали, адмирал! Все о чем вы поведали в своем письменном докладе, крайне интересно, однако более основательными воспоминаниями, в том числе и подробностями переговоров с неким всемогущим Повелителем Внутреннего Мира, вам посоветуют делиться с лучшими американскими психиатрами.

Весь ужас положения адмирала Брэда в том и заключался, что Посланник Шамбалы был прав. Вот только участи командующего Полярной эскадрой это не облегчало.

— Вы забыли, что у меня в кармане лежит текст меморандума Повелителя, — мрачно напомнил он Консулу, хотя и понимал всю ничтожность этого аргумента и этого свидетельства.

— Не возражаю: лежит. Но вы забудете о нем сразу же, как только передадите его президенту, и как только руководитель страны молчаливо выслушает в своем кабинете, тет-а-тет, ваш секретный доклад.

— Вы считаете, что Президент решит скрыть все те факты, который будут содержаться в моем докладе?

— Как я уже сказал, лично вас, адмирал, руководитель США выслушает молчаливо, и без каких-либо комментариев. Затем вас пригласят в Чепел-Хилл в Бэррвилле, где располагается офис Управления стратегических служб, и где с вами столь же конфиденциально побеседует генерал Уолш Даллес. После этого вам прикажут замолчать. Решительно и навсегда. И посоветую то же, что советую я: не нарушать этот запрет. Ни под каким предлогом, и ни при каких обстоятельствах — не нарушать!

— То, о чем вы сейчас говорите, является условием правительства Внутреннего Мира?

— Причем самым жестким условием. Впрочем, вся «прелесть» вашего положения в том и заключается, что правительство Страны Атлантов и правительство США в этом вопросе оказываются полными

единомышленниками. Поэтому, совершая путешествие вокруг Антарктиды, вы, прежде всего, помогаете и себе, и правительству США скрыть истинные цели вашего рейда и истинное положение вещей после постигшей вас военной неудачи.

— В какой-то степени — да, помогаем.

— Сразу же после прибытия на авианосец свяжитесь с командиром поврежденной субмарины «Хардести» и под угрозой трибунала прикажите ему и всей команде молчать. Точно также обязаны будут молчать и все остальные участники экспедиции. Самолеты ваши столкнулись в воздухе из-за плохой видимости и царящих в Антарктиде магнитных бурь, а субмарину «Хардести» и линкор «Колорадо» постигла печальная судьба «Титаника», напоровшегося, как всем известно, на айсберг. Причем субмарина пострадала уже во время спасательной операции на месте крушения «Колорадо». Вам понятно, почему я столь подробно описываю историю вашей экспедиции, адмирал?

— У нас должна быть общая версия происходивших здесь событий.

— И только так, господин адмирал: общая, правдоподобная и непоколебимая! Да, какие-то нежелательные для нас предположения, несомненно, возникнут. Что-то, конечно же, просочится в прессу. Однако и командование флота США, и наши секретные агенты влияния во всем мире тотчас же подготовит публикации именитых ученых и полярников, которые развенчают эти мифы. И вы, адмирал, а также вы, Фройнштаг, их поддержите.

— Вообще-то, я в этом не уверен, — сдавленным голосом возразил командующий эскадрой.

— Или, в худшем случае, загадочно промолчите. «Без комментариев» — тоже порой выглядит убедительно.

— Я много лет отдал изучению наших полярных областей и как серьезный ученый...

— Серьезный ученый, — резко перебил его Посланник Шамбалы — не надевает мундир адмирала и не собирает под своими знаменами огромную эскадру, единственной целью которой является уничтожение тех зародышей цивилизации, которые открываются ему в неизведанном Внутреннем Мире Антарктиды. Серьезные ученые так не ведут себя, доктор Брэд — вот в чем дело!

— Свой адмиральский мундир я надел а дни, когда моя родина и все человечество оказалось в опасности! — сорвался на яростное рычание командующий эскадрой. — В те дни, которые заставили облачиться в армейские мундиры сотни тысяч гражданских специалистов, в том числе и полярников! К тому же, снаряжая Полярную эскадру, я знал, точнее, предполагал, что в подземельях Антарктиды, под покровительством атлантов, формируется мощная военная группировка германских войск, которые не подчинились приказу своего командования о всеобщей капитуляции и нацелены на продолжение военных действий. Мощная, военная, которая, между прочим, создается при вашем, господин шамбалист, — это «шамбалист» адмирал Брэд произнес с каким-то особым сарказмом, — личном участии и личном покровительстве.

Консул Внутреннего Мира иронично хмыкнул, но благородно выдержал паузу, вполне достаточную, чтобы убедиться, что адмирал выговорился.

— Если вы все еще хотите поведать миру некую сагу о Стране Атлантов и германских городах подо льдами Антарктиды, то, очевидно, вы невнимательно слушали, что я вам чуть ранее говорил.

— Просто я не могу скрывать от общества то, что происходит сейчас в Антарктиду Это несправедливо и

нечестно по отношению ко всем жителям планеты.

— Вы будете скрывать все, что вам прикажут. В противном случае в этой же прессе появятся статьи, в коих адмирал Брэд будет именоваться вруном и шарлатаном, который, подобно барону Мюнхгаузену, пытается нажить себе скандальную славу путешественника. Ну а что именно станут говорить о сопровождавшей адмирала во время этого рейда журналистке — уточнять мы пока что не станем.

Фройнштаг фыркнула, выругалась про себя, однако встревать в разговор мужчин не стала. Тем более что Консул прав: говорить будут, и ей прекрасно известно, что именно они будут говорить.

— Но замечу, что высшим руководителям США давно известно и о существовании Страны Атлантов, и о регулярных полетах над землей дисколетов Космического Патруля.

— Вы в этом уверены? — сменил адмирал гнев на удивление.

— Уверен, поскольку сам подбрасывал дозированную информацию разведке, правительству и некоторым газетчикам США через наших агентов влияния. Мы делали это, чтобы постепенно готовить американцев и другие нации к восприятию Страны Атлантов и возможному выходу атлантов из Внутреннего Мира.

— Значит, подобный «выход атлантов на свет божий» не исключается? — все же не удержалась Фройнштаг.

— Их ученые опасаются природных катаклизмов, которые могут нарушить и размеры Внутреннего Мира, и его климатические условия. Однако главная опасность видится им в глобальном потеплении на Земле, которое, по многим предсказаниям, начнется уже в конце нынешнего столетия и может привести к таянию льдов на полюсах и очередному потопу.

— Но это всего лишь предположения, — вернул себе инициативу адмирал. — Стоит ли обсуждать их сейчас? — с укоризной взглянул он на Фройнштаг.

— ...Вот я и спрашиваю: — вернулся к основной теме их разговора Посланник Шамбалы, — не знаете ли вы, почему, сменяя друг друга, правителя Америки так упорно скрывают от своих граждан и всего мира истинную правду о том, что же происходит и в подземных мирах, и в Космосе? Значит, в этом есть некий высший смысл: не сеять панику, выдавать информацию дозировано...

— Очевидно, вы правы, — примирительно вздохнул адмирал.

— На этом совместном вздохе мы и завершим наш разговор, — молвил Посланник Шамбалы. — Повелитель официально заверяет вас, адмирал, что впредь эскадре опасаться нечего. Ни один самолет, ни одна субмарина Рейх-Атлантиды на вас не нападет. Соответствующий приказ адмиралу фон Готту уже отдан. Базу вы можете частично эвакуировать уже сейчас, но небольшой гарнизон оставьте уже в виде группы исследователей. Наблюдение метеорологов, описание летнего состояния скал, образцы породы с ближайшей горной гряды — все это пригодится при составлении вами отчета. Разве не так?

— Вы правы.

— Снимете эту группу, отправляясь обратно в США. Все, адмирал, и вы, Фройнштаг, до встречи, когда бы она в конечном итоге ни произошла.

Дисколет вновь описал круг почета над «Коброй» и исчез. Почти в ту же минуту пилот разведывательного самолета заложил вираж, примеряясь к посадке на авианосец, и Фройнштаг увидела слева по борту огромную, окаймленную льдами бухту, по периметру которой были разбросаны черные «айсберги» кораблей Полярной эскадры.

**Декабрь 1946 года. Антарктика.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

На авианосце появления адмирала Брэда ожидали, как явления Христа народу.

Фройнштаг сразу же отправилась в свою каюту, «принимать душ и отсыпаться», командующий, хотя и выглядел крайне уставшим, все же нашел в себе силы отправиться на командный пункт, приказав своему адъютанту лейтенант-коммандеру Шербруку позаботиться о «приличествующих случаю порциях кофе и коньяку». Вновь обретший своего хозяина, адъютант выглядел счастливым человеком, очевидно единственным из всего более семитысячного состава эскадренной команды. И теперь он лично колдовал над кофе.

— Должен вам прямо заявить, что команды кораблей и экипажи самолетов настроены на возвращение в США, — завершил свой доклад о событиях, происходивших в отсутствие командующего эскадрой и ее потерях, командир «Флориды» Николас Вордан. — Им не понятно, с какими силами мы здесь столкнулись, почему не получаем поддержки других воинских соединений США, и вообще, есть ли у нас разрешение Сената на ведение боевых действий в этой далекой от американских берегов точке земного шара.

— Не такой уж далекой, как вам кажется, кэптен, — ответил командующий эскадрой. Он уже приходил в себя, голос его приобретал знакомые всем холодность и властность. — Да и здесь, в Антарктиде, все намного серьезнее, нежели нам доселе представлялось.

— Это уже не вызывает сомнения, сэр, — подтвердил капитан первого ранга.

— Точно так же не должна вызывать сомнения обязательность моих приказов, кэптен.

— Что тоже не подлежит обсуждению. Но позволю себе заметить, сэр, настроение корабельных команд таково, что...

— Вы что, всерьез верите, что Ганнибала, Наполеона, Нельсона или кого-то там еще из полководцев и адмиралов, интересовало настроение их войск и корабельных команд? Что Александр Македонский интересовался у каждого из своих солдат, есть ли у него желания отправляться в Индию, в поисках «последнего моря» и «края света»? Тогда почему, якорь мне в глотку, это должно интересовать меня, кэптен?!

— Видите ли, сэр...

— «Канцеляристику» вашу Вордан, я способен терпеть только в тех случаях, когда она касается свидетельских показания наших моряков и пилотов. Только в этих.

— Видите ли, сэр... — задели слова контр-адмирала гордыню капитана первого ранга, но и на сей раз командующий не дал ему договорить:

— Нет, я вас спрашиваю, кэптен, почему вы все время толкуете мне о каких-то там настроениях, якобы царящих на подчиненных мне кораблях? Кто-то из моряков успел забыть, что такое повешение на рее? Так и скажите. Назовите имена. Я могу ему напомнить, как подавлялись бунты на судах наших предков.

Кэптен удивленно уставился на контр-адмирала; таким резким и воинственным он его еще не знал. Вордан, понятное дело, списал это на истрепанность нервов командующего, и на страхи, которые тот пережил, пребывая в руках антарктических германцев, атлантов или кого-то там еще.

Мало того, командир авианосца не сомневался, что в своем «благородном пиратском гневе» адмирал явно играет на публику и бессовестно переигрывает. Тем не менее решил быть поосторожнее. Николас Вордан ожидал, что после возвращения в Штаты ему будет присвоен чин коммодора, поэтому в его планы никак не входило обретение порядкового номера в адмиральском списке бунтовщиком, неблагонадежных и просто психологически неуравновешенных членов эскадры.

Однако сам адмирал не придавал никакого значения его реакции. Взяв в руки бинокль, он вышел на открытую часть командного пункта и долго, внимательно осматривал каждое судно, выясняя, в каком состоянии оно пребывает.

— Германские субмарины и воздушные суда все еще где-то рядом с эскадрой? — спросил он Вордана, особенно внимательно осматривая ледоколы «Принц Эдуард» и «Сент-Джон», которым надлежало пребывать в авангарде будущих походов.

— Германские штурмовики в последний раз появлялись около шести часов назад.

— Опять атаковали? — как можно равнодушнее поинтересовался Брэд.

— Без каких-либо проявлений агрессии. На судах, конечно, была объявлена воздушная тревога, но огня не открывали.

— Почему? — неожиданно спросил адмирал.

— Простите, сэр?

— Я спрашиваю вас, Вордан, почему наши самолеты не атаковали?

Этот вопрос явно загонял кэптена в тупик. Уж он-то хорошо помнил, что адмирал пытался всячески избегать столкновений с силами подземных германцев, дабы не спровоцировать полномасштабной войны на истребление. Но, видимо, в настроениях и психике

командующего произошло нечто такое, что порождает теперь его воинственность и агрессивность.

— Потому что сами германские пилоты не проявляли никакой агрессивности, сэр, — как можно вежливее объяснил он. — С момента своего появления в зоне видимости, они давали понять, что полет их — сугубо разведывательный, патрульный.

— А вся их предыдущая агрессивность? А четыре потерянных нами самолета, субмарина и, по существу, два корабля?

И тут кэптен вежливо, холодно сорвался:

— Только потому, что в пяти или шести случаях появления вражеской авиации я воздерживался от нападения не нее, наши потери остались минимальными, сэр. Подчеркиваю, минимальными. Хотя в штабе ВМС они будут казаться недопустимо, а главное, необъяснимо большими.

— Вот в этом я с вами, якорь мне в глотку, совершенно согласен, — еще более неожиданно признал командующий эскадрой, окончательно сбивая кэптена с толку — И с этой точки зрения ваши действия можно было бы признать благоразумными. Хотя, согласитесь, пара этих самолетов украсила бы список вражеских потерь, так необходимых для демонстрации нашего боевого равновесия.

— В конечном итоге, на нашем счету потопленная субмарина, сбитый штурмовик и даже один поврежденный артиллеристами дисколет.

И гут впервые после своего возвращения их плена адмирал улыбнулся. Пусть даже предельно мрачно.

— Как бы мы не доказывали это нашим штабистам и общественности, их потери будут выглядеть гипотетическими и несущественными. А наши — убийственно реальными и очевидными. Особенно, если учесть, что в глазах читающей публики списывать их

придется не на дисколеты и германскую авиацию, которых в Антарктиде якобы «нет и быть не может».

— Что же тогда, по-вашему сэр, в этих льдах «есть и может быть»? На что будем списывать наши потери?

— На коварные айсберги.

— Слава богу, что хоть не на королевских пингвинов! — взмолился командир авианосца, тяжело охнув при этом.

«А что, списать все наши потери на нападение колонии королевских пингвинов — это, якорь мне в глотку, мысль!» — мысленно ухватился за нее адмирал Брэд, однако вслух произнес:

— ... Ну, еще можем кое-что списать на непрофессионализм наших пилотов, которые умудрялись сталкиваться в воздухе во время патрульных полетов, и техников, не способных восстанавливать наши машины, совершившие вынужденные посадки посреди Антарктиды^[63].

— Нам действительно придется объяснять наши потери именно таким образом?! — ужаснулся кэптен.

— Таким-таким, самым примитивным. И молитесь Богу, что мы не потеряли ваш авианосец, потопление которого пришлось бы объяснять столкновением уже не с айсбергом и стаями пингвинов, а с самим антарктическим континентом.

И только теперь кэптен Вордан понял истинную причину нервозности и неуравновешенности адмирала. Даже думать о том, что подобные потери придется списывать на столкновения боевых кораблей с айсбергами — конечно же, мучительно.

— А как ведут себя германские субмарины?

— Две из них патрулируют в соседней, в пяти милях восточнее нашей, бухте, из которой, предположительно, они попадают в подземный порт «Базы-211». На входе в эту бухту и состоялся бой

нашего линкора «Колорадо» и миноносца «Портсмут» с неожиданно атаковавшей их субмариной.

— Вот оно что! Вы заставили германских подводников предположить, что пытаетесь ворваться в их подземный порт. Что наши надводные корабли ведут разведку акватории порта и пытаются блокировать ведущую к нему бухту.

— Это мы и собирались сделать, как только убедились бы, что этот вход — возможно, один из нескольких входов в «Базу-211», — начинается именно там, в бухте. Разве не так, господин адмирал?

— Не уверен. Все зависело бы от ситуации, — уклончиво ответил Брэд. Как командующий эскадрой он прекрасно понимал, что подтверждение данного намерения в присутствии адъютанта Шербрука и дежурного офицера означало бы, что ответственность за действия кэптена Вордана он принимает на себя.

— В любом случае, все обошлось бы, если бы на помощь гибнущей субмарине не пришли два дисколета, вырвавшиеся на большой скорости прямо из морских глубин.

В это время с записной книжечкой в руке на командном пункте появился третий помощник командира авианосца лейтенант-коммандер Шведт.

— Позвольте доложить сэр, — обратился он к адмиралу, — что общие потери наши в живой силе — семьдесят шесть человек убитыми, восемьдесят два — ранеными и четверо — пропавшими без вести. То есть, глядя правде в глаза, следует признать, что мы Потеряли восемьдесят моряков, морских пехотинцев и летчиков убитыми, и восемьдесят двоих бойцов — ранеными. Тела тех, кого удалось выловить из воды, а также тела убитых на кораблях, похоронены в общей могиле.

— Уже?!

— За час до вашего прилета, сэр.

— Могли бы и дожждаться, — проворчал командующий эскадрой.

— С вами не было связи, сэр. Мы пребывали в неведении. К тому же возникла необходимостью уйти в океан, дабы не подвергать себя еще одному нападению антарктических варваров. Но уходить в океан с таким количеством мертвых тел на борту...

— Да правильно все было сделано, лейтенант-коммандер, правильно! — поморщился адмирал.

За время своего отсутствия на авианосце, он уже не раз казнил себя за то, что решился столь легкомысленно и на столь длительный срок оставить эскадру на произвол судьбы. И не исключал того, что в штабе флота найдутся люди, которые попытаются объяснить значительные потери Полярной эскадры именно тем, что в это время адмирал вместе со своей любовницей-журналисткой, к тому же, германкой и эсэсовкой, совершал вояжи в заснеженные горы Антарктики.

И даже то, что в конечном итоге ему удалось встретиться с Повелителем Страны Атлантов, выглядело теперь очень слабым оправданием. Об этой встрече можно было договориться, находясь на авианосце, и возможно, там же принять ультиматум Большого Совета Страны Атлантов.

Не ведая о страхах командующего, Шведт тем не менее выдержал самую длинную паузу, на какую только был способен. Вот только адмирал вряд ли способен был оценить это; вцепился обеими руками за висевший на груди огромный морской бинокль, он нервно подергивал его, словно пытался сорвать, и молчал.

— А ведь война кончилась, и на нее наши потери не спишешь, — едва слышно пробормотал он лишь после того, как Шведт попросил разрешения исчезнуть с его глаз.

— Вы правы, сэр, — столь же робко и невнятно пробубнил третий помощник, мельком переглядываясь со своим командиром. Он прекрасно понимал, как непросто будет адмиралу докладывать о таких потерях, за которыми всякие потери в технике попросту теряют смысл. — Но ведь, как я теперь понимаю, они были ненапрасными?

Командующего резануло то, что Шведт не утверждал, а спрашивал об этом, однако сейчас ему было не до эмоций и языковых тонкостей.

— Надеюсь, что нам удастся убедить в этом хотя бы командование флота, хотя бы командование...

Адмирал, наконец-то, поймал в окуляры бинокля корпус эсминца «Портсмут» и надолго задержался на нем, переводя взгляд лишь с кормы на бак и обратно. Вид у этого эскадренного миноносца был ужасным, такое впечатление, что это уже не судно, а немыслимо большая груда металла, брошенная у ворот плавильного завода.

— Два взрыва прогремело уже в орудийных башнях самого эсминца, — объяснил Николас Вордан, наводя бинокль на этот же объект. — Хорошо, что корпус сработан из прекрасной брони, иначе...

— Командир-то его хоть жив?

— Лейтенант-коммандер Черис? Жив. Притом, что почти четверть личного состава погибла или ранена.

Адмирал с грустью в глазах кивнул и спросил, позаботились ли о раненых. Узнав, что все «тяжелые» доставлены в госпиталь на авианосец и несколькими уже сделаны операции, он приказал в шестнадцать ноль-ноль собрать в кают-компании авианосца военный совет, на который пригласить всех командиров судов, коммодора Антуана Бертолдо, полковника разведки Ричмонда, командира авиаторов полковника Колдуэна и командира морских пехотинцев майора Растона. Да, не

забудьте о командире затонувшего «Колорадо» командере О'Донелле.

— Но теперь он.

— ...Все еще командир линкора, пусть даже покоящегося на дне, якорь мне в глотку, — прохрипел адмирал. — Нужно щадить самолюбие наших офицеров. Никто не знает в какой ситуации окажется завтра каждый из нас.

Вордан склонил голову в поклоне, достойном вышколенного дворецкого и отдал необходимые распоряжения вахтенному офицеру.

— Есть кто-либо, кто бы мог точно описать внешний вид и действия экипажей германских дисколетов в бою? — поинтересовался тем временем адмирал Брэд.

— Несколько офицеров и сержантов-канониров, которых смяли с гибнущего «Колорадо», и которые уцелели на изуродованном, но все еще пребывающем на плаву эсминце «Портсмут», сэр. Все они были опрошены моими офицерами, и показания их запротоколированы.

— Господь привык прощать нам излишний бюрократизм, который, в конечном итоге, никогда не бывает... излишним.

— Имеются так же свидетельства нескольких наших пилотов, но они в основном касаются полетных характеристик и по ведения дисколетов в воздухе и воздушном бою.

— Что тоже немаловажно, кэптен, — укрепил его в канцеляристских устремлениях адмирал. — Когда наши сведения начнут анализировать там, в отделе разведки, Управления стратегических служб США, они внимательнее всего будут относиться именно к таким мелочам-подробностям.

— Мы учитывали это обстоятельство, сэр.

— И если в общих чертах?..

— В отличие от того огромного инопланетного дисколета, который опекал нас во время движения эскадры к Антарктиде, эти, германские, дисколеты значительно мельче, менее поворотливые, а главное, вооружены обычными скорострельными авиационными орудиями и небольшими ракетами Фау. Открывая огонь, они полностью сбавляют скорость, почти зависают, и при этом становятся уязвимыми для наших зенитных орудий и для ракет. В то же время скорость они набирают и сбавляют в считанные секунды, с такой же быстротой меняют высоту и направление движения, поражая своей исключительной маневренностью. Таковы основные технические данные германских дисколетов. С дисколетами атлантов, а тем более — инопланетян, все намного сложнее.

— Если к этому добавить, что теперь мы точно знаем о существовании в Антарктиде не только «Базы-211», но и Страны Атлантов и базы пришельцев, чьи дисколеты постоянно инспектируют окрестности этого континента, то оказывается, что основное задание свое эскадра, якорь мне в глотку, все же выполнила. Не смотря на потери в живой силе и технике.

Молвив эти слова, адмирал с надеждой взглянул на кэптена Вордана, но тот, с иронией в глазах выдержав его взгляд, не только не поддержал его, но и предательски промолчал.

— Немедленно сообщите на базу «Адмирал-Форт», чтобы гарнизон готовился к эвакуации. Домики разобрать, грузы доставить к взлетной полосе, но все ледовые сооружения оставить неприкосновенными. К сожалению, мы не готовы к тому, чтобы оставить там зимовщиков, но уверен, что уже будущим летом в «Адмирал-Форте» расположится наша антарктическая станция.

**Декабрь 1946 года. Антарктика.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Спать Фройнштаг пришлось недолго. Уже через полчаса появилась Антония Вудфорт, самым бесцеремонным образом потрепала ее по плечу и разбудила. Лилия, конечно же, была крайне удивлена. Хотя они жили в одной каюте, однако виделись крайне редко, поскольку большую часть времени ирландка предпочитала проводить в своей крохотной лазаретной лаборатории, в которой, как она утверждала, порой оставалась и на ночь.

Лилия, конечно, сомневалась, что соседка по каюте действительно проводит ночь в одиночестве, на лабораторном топчане, зато признательна была за то, что эта бедрастая девица не надоедала ей своим присутствием.

Но даже когда время от времени эта рыжеволосая лаборантка объявлялась в каюте, они почти не общались. «Ирландка-аристократка», как называл ее третий помощник командира авианосца Отто Шведт, попросту не замечала ее. Причем не ясно было, то ли в ней действительно бурлил некий аристократический гонор, то ли от природы она была замкнутой и немногословной. Впрочем, порой Лилия казалось, что ирландка попросту ревнует ее. Ведь не будь здесь этой швейцарской журналистки, все внимание высшего командования было бы, ясное дело, сосредоточено на ней.

— Нам следует поговорить, — молвила Антония, усаживаясь за крохотный столик, стоявший между их лежанками.

— Ну, если вы считаете, что следует, — недовольно проворчала Фройнштаг, еле сдерживая себя, чтобы не сорваться на возмущение. Во-первых, она не видела темы, которая могла бы возникнуть между ними, а во-вторых, что за спешка? Ирландка вполне могла бы дожидаться ее пробуждения.

— Слушайте меня внимательно, гауптштурмфюрер Фройнштаг. Я так понимаю, что визит адмирала к Повелителю Внутреннего Мира завершился его полным поражением, и сегодня же он прикажет уводить корабли подальше от Швабской бухты, сворачивая всякие операции против гарнизона «Базы-211», — только теперь Фройнштаг вдруг открыла для себя, что говорит Антония по-германски, с едва заметным баварским акцентом.

А ведь в день их знакомства Лилия на всякий случай, попробовала заговорить с ней по-германски, но та заявила, что ни слова не понимает, и что даже по-английски говорит с «дублинским акцентом».

— Это вопрос или утверждение? — потянула время Фройнштаг, чтобы окончательно прийти в себя и разобраться в ситуации.

— Воспринимайте как угодно. Однако для продолжения разговора нам лучше оставить эти стены и выйти на палубу, где степень вероятности прослушивания наших, ну, скажем так, интимных излияний сведена к нолю. Быстро оденьтесь, у меня мало времени.

У Фройнштаг были все основания заподозрить Вудфорт в том, что она выступает в роли провокатора, однако чутье диверсанта подсказывало ей: за этой рыжеволосой бестией действительно что-то скрывается.

— Послушайте меня, Фройнштаг, — вполголоса проговорила Антония, когда они оказались в каком-то закутке между трапом и дверцей опломбированного

отсека. — Мне очень трудно будет убедить вас, что перед вами — лейтенант войск СС, и что я принадлежу к отделу «Абвер-2» военной разведки рейха, созданного, как вам известно, еще в конце сорок второго года полковником Рейнгардом Геленом. Скажу больше, я не должна была бы делать этого.

— Поднаряжая вас в провокаторы, вам забыли объяснить, что полковник Гелен был начальником разведывательного отдела «Иностранные армии Востока» генерального штаба вермахта и Ирландия вряд ли входила в сферу его влияния.

— Я прекрасно знаю, что, по приказу адмирала Канариса, полковник Гелен создавал «Абвер-2» в своей штаб-квартире в украинской деревне Воронино^[64], вблизи ставки фюрера «Вервольф» под Винницей, а затем перенес ставку в польское местечко Миколайки, — объяснила Антония, озолотив своей зубастой улыбкой протопавшего мимо них матроса-негра. — В сентябре сорок четвертого я, полубаварка-полуирландка, оказалась в Цоссене, под Берлином, и была окончательно завербована в «Абвер-2» в рамках операции «Волк-оборотень».

Фройнштаг прекрасно знала, что, зарождая движение «Волк-оборотень», Гелен вместе с Шелленбергом и Скорцени, рассчитывали наладить партизанское движение на тех германских территориях, которые окажутся оккупированными советскими и англо-американскими войсками. И не случайно Гелен перенес свой штаб в Польшу. Здесь он и его подчиненные изучали и перенимали опыт партизанской борьбы польской Армии Крайовой, поддерживаемой англичанами. Центр этой борьбы должен был находиться в создаваемой Отто Скорцени «Альпийской крепости».

— И как вы оказались затем в Ирландии.

— По личному приказу полковника Гелена я поступила в распоряжение штурмбаннфюрера С С Отто Скорцени и вошла в его ирландскую диверсионную группу, которая должна была сотрудничать с Ирландской Республиканской Армией, действовавшей против английской армии. Там же, в Ирландии, в одном из секретных лагерей я завершила свою подготовку, которую начала на Фридентальских курсах. Хотя война завершена, однако несколько прогерманских организаций «Вервольфа» продолжают действовать и даже подчиняются единому центру, расположенному...

— Не следует посвящать меня в такие тонкости, — ухмыльнулась Фройнштаг. — Тем более что вряд ли вам известно, где именно располагается настоящий подпольный центр этой борьбы.

— Зато я знаю, — перешла она почти на шепот, — что вы являетесь одним из руководителей этого центра.

— Кто-то очень преувеличил мою роль в этой борьбе, баронесса Вудфорт — все так же беспечно улыбаясь, заверила ее Лилия.

— В любом случае, — ничуть не смутилась баронесса, — это все, что я могу вам сообщить, гауптштурмфюрер Фройнштаг. Точнее, все, что мне позволено было перед моим внедрением в команду эскадры сообщить вам.

— Этого достаточно, — вполголоса произнесла Фройнштаг.

— И все, что мне положено было знать о вас, я тоже знаю.

— Если учесть, что в моей биографии осталось так мало тайн, — улыбаясь, покачала головой Фройнштаг. — И все они касаются только моих связей с мужчинами...

— Вы прекрасно легализовались. Это было отмечено моим руководством. Кстати, мне приказано обращаться к вам только в самом крайнем случае.

— Считаете, что этот случай наступил?

— Так складываются обстоятельства.

— И какого же вида помощь вам понадобилась, уважаемая «волчица-оборотень»?

— Ничего сложного, гауптштурмфюрер. Вы введете меня, хотя бы в общих чертах, в курс переговоров адмирала с Повелителем Внутреннего Мира и...

— Я не присутствовала на этих переговорах.

— Но ведь мой информатор сообщил мне, что...

— ...Что вместе с адмиралом я побывала во Внутреннем Море. Вот только до Зала Основателей, в котором происходили переговоры, меня не допустили.

— Весьма прискорбно.

— Знаю только, что адмиралу был вручен текст секретного «Меморандума», для дальнейшей передачи его президенту Трумэну. С текстом «Меморандума» я не ознакомлена.

— К тому же вам нельзя предпринимать никаких дальнейших попыток проникновения в каюту адмирала. За вами уже следят. Вы находитесь под сильнейшим подозрением у полковника Ричмонда и двух его офицеров — Родса и Томпсона. Уверена, что они сделают все возможное, чтобы, то ли арестовать вас, то ли вообще убрать. Поэтому вам следует быть крайне осторожной и здесь, и особенно в Порт-Стенли. Кстати, в Порт-Стенли меня должен ждать наш агент, который способен помочь и мне, и вам.

Ваш информатор считает, что все настолько серьезно?

— Мне удалось убедить его, что пребываю в состоянии дикой ненависти к вам на почве ревности. Еще бы, ведь вы помешали мне наладить любовную связь с командующим эскадрой, с единственным в Штатах холостым адмиралом!

— Тактика, проверенная еще агентами инквизиции, — одобрила ее действия Фройнштаг. Она могла поклясться, что этим информатором стал

адъютант адмирала, который одновременно был секретным агентом разведки. Однако объявлять об этом не имело смысла.

— Кажется, вы хотели попросить меня еще о чем-то?

— Подставьте меня адмиралу Брэду.

— Не поняла.

— Чисто по-женски «подставьте» меня адмиралу, так, чтобы он клюнул на меня.

— Меня сбил с толку термин профессиональных проституток — «подставить».

— Для проститутки «подставить себя» — это целая наука, — вежливо согласилась Антония. — Первой моей «разве-дролью» как раз и стала роль «проститутки». Чтобы войти в неё, мне даже пришлось брать уроки у настоящей английской профессионалки. Сама я вырастала в семье с очень твердыми патриархально-ирландскими устоями. А в Цоссен прибыла к своему дяде, потому что мечтала стать актрисой. Мне казалось, что Берлин — самая подходящая столица для того, чтобы стать первой актрисой Европы.

— Что же заставило вас изменить свои планы?

— Оказалось, что мой дядя вращался в среде берлинской богемы только потому, что был офицером СД. А еще он состоял в родстве с полковником Геленом. К тому же, как раз в это время начала восходить звезда обер-диверсанта рейха. Однако первые поручения своего дяди, офицера СД я стала выполнять еще до войны. Вряд ли вам известно, что одно из них было связано с вами.

— Со мной?! Не перегибайте, Антония. И вообще, перестаньте интриговать меня.

Антония подошла к Фройнштаг поближе и провела рукой по ее бедру. Фройнштаг могла поклясться, что это был жест лесбиянки. Вот только Антония сразу же овладела своими чувствами.

— Это было в Гамбурге. Когда вам понадобилось спасти доктора Брэда, вы обратились к моему дяде, в то время штандартенфюреру СД. Он же, в свою очередь, решил испытать меня на пригодность к работе на СД и предложил встретиться с доктором Брэдом в отеле «Фрегаттен-капитан».

— Так это вы были той ирландской аристократкой, которая передала Брэду билет на теплоход «Ирландия»?!

— Неужели до сих пор не убедила вас? Поинтересуйтесь у хромоного портье, который был ранен, когда служил боцманом на тральщике.

— Вот что на самом деле скрывается за философским выражением «мир тесен!». Тогда адмирал Брэд ваш должник!

— Конечно, должник. Следует только поделикатнее напомнить ему об этом.

— Странно, что он до сих пор не узнал вас.

— Ничего странного: просто я этого не хотела. Однажды он очень внимательно присматривался ко мне, а затем сказал: «Господи, вы так похожи на одну мою знакомую ирландку!». На что я тут же вульгарно ответила, что он уже четвертый, кто пытается познакомиться со мной, используя столь дешевый прием «подката» к женщине. Адмирал, понятное дело, смутился и отстал.

— Почему же вы не решились открыться ему?

— Тогда делать это было рановато и слишком рискованно. Он ведь знал меня, как агентку СД. Две агентки СД на одном судне — слишком много даже для такого гигантского авианосца, как «Флорида».

— Тоже верно. Представляю, как адмирал будет удивлен.

— Главное, чтобы не сдал меня полковнику Ричмонду. Хотя и с этим негодяем я уже тоже переспала.

Женщины многозначительно взглянули друг на друга: «Стоит ли подсчитывать, сколько их было у каждой из нас?!», и задиристо рассмеялись.

— Однако вернемся к вашей разведывательно-артистической карьере, Антония. Признаюсь, она уже заинтересовала меня как журналистку. Значит, когда вы поняли, что режиссеры не станут переманивать вас друг у друга, то убедили себя: «Только разведка позволит мне по-настоящему проявить свой талант актрисы!». Особенно если учесть, что каждая роль — с налетом реального риска.

— Вы очень точно определили движение моего тогдашнего сознания, Фройнштаг! — восхищенно взглянула на нее Антония Вудфорт. — Как вам это удалось?!

— Не оскорбляйте меня подобными вопросами, Антония. Я ведь тоже имею ко всему этому какое-то отношение... Причем ко всем трем профессиям сразу — разведчицы, актрисы и проститутки!

Поднимавшийся по трапу офицер морской пехоты с удивлением посмотрел на уединившихся в этом укромном уголке и хохочущих женщин, и, на всякий случай, осмотрелся, пытаясь понять, что их так рассмешило.

— Знаю, что у вас с адмиралом были определенные, причем довольно давние, отношения, смысл которых меня не интересует, — возобновила разговор Антония, когда морской пехотинец исчез. — Но ситуация такова, что вы должны уйти в тень, а я, бедрастая ирландская баронесса, должна занять ваше место в душе и постели адмирала.

— Так вы действительно баронесса?

— Ни одна строчка из моей биографии не изменена — и в этом мое преимущество перед многими другими агентами. Скорцени как-то сказал, что моя биография —

идеальная легенда диверсантки. Со временем я убедилась, что он был прав на все сто.

— Скорцени знал толк в женских легендах, — двусмысленно признала гауптштурмфюрер.

«Знала бы ты, бедрастая, как неприятно мне слышать любое твое слово, связанное со Скорцени! — проскрежетала она зубами. — Так что дело тут не в моих отношениях с адмиралом Брэдом. Теперь адмирал — всего лишь давно отработанный материал».

— Хорошо, баронесса Антония, я выведу вас на адмирала, и даже идеально подставлю. Но с условием, что вы поделитесь со мной всей добытой вами информацией. Щедро и правдиво.

— Считайте, что я поступила в ваше полное распоряжение, гауптштурмфюрер СД Фройнштаг.

**Декабрь 1946 года. Антарктика.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Когда адмирал проснулся, настенные часы показывали без десяти шестнадцать. Убедившись в этом, он самодовольно хмыкнул: даже здесь, на неведомом континенте, при «вечном» летнем дне, биологический будильник не подводил его. И ничего, что на сегодня это было единственным, чем он как командующий эскадрой все еще мог гордиться.

После душа и сна, Брэд казался сам себе отдохнувшим и помолодевшим. Да, есть потери, — немалые потери, однако из почетного плена атлантов он все же вырвался, и эскадра все еще пребывает под его флагом, причем находится теперь под гарантией безопасности, дарованной ему самим Повелителем Внутреннего Мира. Сколь ни фантастическим может казаться кому-то подобная ссылка.

Быстро приведя себя в порядок, адмирал надел парадный мундир с несколькими рядами орденских планок, и с минуту стоял в ванной перед зеркалом. Сегодня, как никогда, он обязан выглядеть безупречно, почти так же, как будет выглядеть во время приема у Президента. Офицеры должны почувствовать, что ситуация вновь взята под контроль, что это он сумел погасить конфликт и договориться с теми людьми, с которыми никто иной в мире, кроме него, в силу совершенно объективных причин, договориться не смог бы. И в этом действительно заключалась правда.

Особенно важно, чтобы чувством его превосходства и власти прониклись полковник разведки Ричмонд и кэптен Вордан. Это от них может исходить

нежелательная информация, от них будет зависеть общее впечатление об экспедиции, которое начнет формироваться уже сегодня, после военного совета, когда он в очередной раз выйдет на связь со Штабом Военно-морских сил.

Оторвал его от зеркала лишь звонок телефона корабельной связи.

— Все приглашенные на военный совет, в сборе, сэр, — доложил кэптен Вордан.

— Уверены, что все, кэптен?

— В том числе майор морской пехоты Растон и командир погибшего линкора «Колорадо», сэр, — упредил его дальнейшее уточнение Николас Вордан.

— Прекрасно, через три минуты я буду в кают-компании.

— Через три минуты, сэр.

— Но это не все, Вордан.

— Слушаю, сэр.

— Вы прекрасно понимаете, что ситуация была сложной, и если бы мне не удалось уладить конфликт с Повелителем атлантов, с германцами уладить его вряд ли удалось бы, и через двое-трое суток вся эскадра покоилась бы рядом с «Колорадо».

— Не подлежит сомнению, что ситуация очень сложная, — признал Вордан, по-своему интерпретируя сказанное командующим эскадрой, то есть упуская слово «была» и пока что плохо представляя себе, к чему тот клонит.

— Вы не внимательны, кэптен, я сказал, что она была сложной до моих переговоров с руководством Страны Атлантов.

— Возможно, я неточно выразился, сэр, — ни на секунду не замешкался Вордан, в своем противостоянии с адмиралом предпочитая оставаться непотопляемым.

— Однако теперь она прояснилась.

Только теперь Вордан немного замялся, но все же благоразумно признал:

— Теперь — да, сэр.

— Поэтому я хочу, чтобы вы как опытнейший и храбрейший моряк помогли мне восстановить воинский дух командиров кораблей, а следовательно, и всей эскадры. Помня при этом, что впереди нас ждет захватывающая экспедиция вдоль берегов Антарктиды и возвращение в Штаты в лаврах исследователей таинственного материка.

— Мы возродим воинский дух эскадры, сэр. Кстати, рядом со мной появился лейтенант-коммандер Шведт, который интересуется, могут ли на военном совете присутствовать журналисты.

— Ни в коем случае.

— Но все они, кроме Фройнштаг, являются американскими журналистами.

— Именно поэтому — нет.

— И Фройнштаг — не исключение?

— Это приказ. Им будут предоставлены только те сведения, которые позволительно будет разглашать. И только после моих радиопереговоров со штабом ВМС.

— Приказ ясен, сэр, — охотно отозвался Вордан, напомнив тем самым адмиралу, что первоначально он вообще был против того, чтобы на борту эскадры находились какие бы то ни было журналисты. И лишь после того, как вопрос с аккредитацией прессы был решен в высших эшелонах командования, принялся лично покровительствовать Фройнштаг, которой теперь вынужден был пожертвовать.

— Кстати, позаботьтесь о том, чтобы в кают-компании висела карта Антарктиды.

— Она уже висит, сэр.

Высокое собрание в кают-компании напоминало ему не военный совет боевых офицеров, а клуб неудачников. Серые, мрачные лица, угрюмые взгляды,

повязки — на голове у командира эсминца «Портсмут» Чериса, и на левой руке О'Доннелла, выглядевшего особенно безрадостно в своем измятом, потерявшем всякий вид офицерском мундире...

Конечно, можно согласиться с тем, что эти люди пока что не выиграли ни одного боя, подумалось адмиралу Брэду. Но ведь выглядят они так, словно уже проиграли не только основную битву, но и всю войну.

Брэд уже знал, что командир гибнущего линкора «Колорадо» пытался уйти на дно вместе со своим кораблем, однако адъютант буквально силой вытащил его из каюты и швырнул за борт, где их обоих тотчас же подобрала спасательная шлюпка. К счастью, германцы не препятствовали американцам в спасении их моряков, как, впрочем, и американцы не препятствовали спасению моряков со всплывшей, но гибнущей германской субмарины.

— Я был бы несправедлив по отношению к вам, джентльмены, — молвил адмирал Брэд, завершив смотр своих командирских рядов, — если, как подобает в таких случаях, не поздравил вас и всю эскадру с боевым крещением.

Офицеры мрачно переглянулись. Все еще пребывая в своем пораженческом и почти паническом состоянии, они ожидали какого угодно начала беседы с наконец-то появившемся в эскадре адмиралом, но только не поздравлений.

— Да-да, я поздравляю вас, боевых офицеров, которые, как и ваши команды, стойко выдержали все атаки неведомого, технически превосходящего нас и неизвестно откуда появившегося противника.

Первым, чья традицию, поднялся командир субмарины «Баунти» командер Гриффин, вслед за ним, кто охотно, а кто слишком медленно, с недоумением на лице, поднялись все остальные офицеры.

Поблагодарив их и попросив садиться, адмирал продолжил:

— Я не стану ударяться в подробности, поскольку они не подлежат разглашению. Скажу лишь, что мне удалось побывать во Внутреннем Море, то есть в подземном мире планеты, в который мы так неподготовленно и так неосторожно пытались вторгнуться, и договориться с его Повелителем о том, конфликт между эскадрой и его силами исчерпан.

— Вы что, действительно побывали там?! — удивленно воскликнул командир эсминца «Ягуар» швед Карл Листон, о котором поговаривали, как о человеке, имеющим некое отношение к шведской королевской династии, и предки которого вроде бы восходили своими корнями еще к королю Карлу X.

— А кто посмеет усомниться в этом?

— Значит, он действительно существует?

— В это верил еще Данте Алигьери, — попытался урезонить его любопытство Николас Вордан.

— Мало ли в какую глупость верили поэты древности! — отмахнулся от него непризнанный наследник шведской короны.

— Если бы его не существовало, мы не потеряли бы линкор и четыре самолета, а наш эсминец «Портсмут» не способен был бы привести в ужас его конструкторов, — как можно спокойнее убедил его адмирал Брэд. — Однако эти наши потери окупались не столько потерями, которые понесли наши противники, сколько теми сведениями, которые мы получили о самом существовании Внутреннего Мира, Страны Атлантов, базы инопланетных дисколетов и Рейх-Атлантиды. После того, как мы уйдем из этой бухты, мир узнает о том, что мы, «континентальные», как называют нас обитатели антарктических подземелий, люди — не одиноки на этой планете и во Вселенной. И

ради этого стоило рисковать и даже стоило терять лучших наших моряков.

Он помолчал, и всеобщее молчание, воцарившееся в кают-компании мощного авианосца, воспринималось как минута скорби по погибшим.

— Как я уже сказал, теперь нам опасаться нечего: между эскадрой и Страной Атлантов заключено перемирие, которого обязаны придерживаться и подземные германцы. Между тем первая фаза нашего рейда завершена, и мы приступаем к выполнению второй его фазы — экспедиции вокруг Антарктиды, с нанесением на карты всех проявившихся из-под ледяного покрова островов, мысов, прибрежных гор. Время от времени мы будем высаживать небольшие десанты, которые смогут углубляться на десять-двенадцать километров в глубь материка, описывая состояние прибрежных территорий и собирая образцы природы. Кроме того, наши авиаторы сделают несколько тысяч снимков...

— Но теперь они уже не будут иметь особого смысла, сэр, — как-то по-особому растягивая слова, молвил командир торпедного крейсера «Томагавк» кэптен Кресс.

— Почему? — поинтересовался адмирал.

— Потому что уже всем станет ясно: у Антарктиды есть свои хозяева, и мы, континентальные, как вы, сэр, изволили выразиться, земляне сможем распоряжаться этой Землей лишь настолько, насколько нам будет позволено атлантами, пришельцами и подземными арийцами.

— Наше дело — изучить материк, максимально изучить его. А уж право договариваться с атлантами, русскими или инопланетянами по вопросам совместного использования этого материка — оставим нашему Президенту и правительству И на этом научная часть нашего военного совета завершается.

Командующий эскадрой подошел к висевшей на стене карте Антарктиды и с какое-то время молча рассматривал ее, словно речь шла не о путешествии вокруг континента, а о заброске десанта в ее глубины. Офицеры напряженно следили за каждым его движением и ждали его решения, словно приговора.

— Чтобы сократить время экспедиции, мы разделим эскадру. Коммодор Бертолдо.

— Слушаю, сэр, — поднялся со своего места за столом коммодор.

— Вам надлежит принять командование над Западным отрядом эскадры, в который войдут торпедный крейсер «Томагавк» — он станет вашим флагманским судном, ледокол «Принц Эдуард», — достал свою записную книжку адмирал, — линкоры «Галифакс» и «Сан-Антонио». С вами же уходят поврежденный эсминец «Портсмут» и субмарина «Баунти».

— Простите, сэр, но». — попытался было возразить командир «Портсмута» Черис, приподнимаясь, однако властный жест адмирала заставил его сесть на свое место.

— Понятно, что «Портсмут» сейчас мало приспособлен к длительному переходу, но мы не можем оставить его во льдах Антарктики. В составе отряда вы, Черис, поведете свое судно до Южно-Шетландских островов. Оттуда коммодор Бертолдо направит отряд на юг, в сторону моря Беллинсгаузена, преодолееет море Амундсена, и будет ждать отряд, который поведу я, в районе полуострова Эдуарда VII, в бухте Преструд, у шельфового ледника Росса.

— У вас есть вопросы, коммодор?

— Задача ясна, сэр.

— Что касается эсминца «Портсмут», то у берегов острова Жуэнвиль вы, лейтенант-коммандер Черис, совместно с коммодором Бертолдо принимаете

решение, как поступать дальше. Идеальный вариант: в сопровождении субмарины «Баунти» вы уходите Фолклендским островам и занимаетесь ремонтом в доке Порт-Стэнли, дожидаясь прихода туда нашей эскадры. В худшем варианте, под прикрытием этой же субмарины, занимаетесь мелким ремонтом, в бухте острова Жуэнвиль и дожидаетесь нашего прибытия.

— Уверен, что сможем дотянуть до Фолклендов, сэр, молвил Черис. — К тому же присутствие субмарины будет гарантировать и защиту судна, и спасение его экипажа в случае аварийной ситуации.

— Именно так все и задумано, — ухмыльнулся адмирал Брэд, чувствуя, что и боевой дух Полярной эскадры, и его личный авторитет командующего — восстановлены. — Оба отряда выступают завтра, в шестнадцать ноль-ноль. Надеюсь, этого времени вашим пилотам хватит для того, чтобы эвакуировать гарнизон базы «Адмирал-Форт», разборный штабной домик и имеющиеся там грузы?

— Хватит, сэр.

— Еще два часа назад гарнизон получил приказ готовить базу к эвакуации, поэтому вы тоже не теряйте времени.

Когда Брэду казалось, что все распоряжения были отданы, он неожиданно наткнулся на вопросительный взгляд командера О'Доннелла. И него был настолько удрученный и жалкий вид, словно это тон сам, по собственной неосторожности, отправил на дно свой красавец линкор.

— Вы, О'Доннелл, пойдете в составе отряда commodore Бертольдо, на эсминце «Портсмут». Ваш, Черис, первый помощник погиб? — просил адмирал, подойдя к поднявшимся с места офицерам, которые сидели плечом к плечу.

— Так точно, сэр, лейтенант Овел погиб.

— Прекрасный был офицер, — молвил адмирал, хотя почти не был знаком с Овелом. — Один из лучших офицеров эскадры. Я хочу, чтобы эти слова были в письме, которое мы направим его родным.

— Они будут, сэр.

— Но теперь вам, конечно же, пригодится морской опыт командера О'Доннелла, который с этой минуты приступает к исполнению обязанностей первого помощника командира «Портсмута».

— Благодарю за оказанную честь, сэр, — дрогнувшим голосом произнес бывший командир линкора «Колорадо», и адмиралу показалось, что на глазах его блеснули слезы. Командующий понимал, как тягостно было бы О'Доннеллу проводить все оставшиеся дни экспедиции на чужом судне, в качестве пассажира.

Адмирал вышел на миниатюрную палубу рядом с командным пунктом и приказал адъютанту никого не подпускать к нему и самому тоже не тревожить.

Антарктическое лето было в разгаре. Огромный желтовато-красный шар солнца завис между вершинами двух ледяных скал и напоминал вулканическую лаву, которая, заполнив собой весь кратер, вот-вот должна была взорваться феерическим извержением.

Наверное, это твоя последняя экспедиция куда бы то ни было, сказал себе адмирал. И военная и гражданская. Можешь считать, что во время этой высадки на Антарктиду ты получил ответы на все те вопросы, которые приводили тебя в ледяную пустыню, а вместе с ними — и последнее предупреждение.

Впрочем, он мог бы припомнить еще как минимум пять прощаний с Антарктидой или Арктикой, во время которых он закаивался возвращаться в ледяные пустыни, решал для себя раз и навсегда покончить с бродячей жизнью ледового странника и осесть в одной

из зеленых долин Калифорнии, между Береговыми хребтами и горным массивом Сьерра-Невада. Впрочем, прибрежные равнины Мексиканского залива тоже казались вполне приемлемыми. Вот только всякий раз что-то мешало ему окончательно порвать со своим полярным бродяжничеством и осесть где-нибудь в тихом, зеленом пригороде.

**Январь 1947 года Антарктика. Море Дейвиса.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Этого стука в дверь адмирал ждал уже седьмые сутки, с той поры, когда он вывел свой Восточный отряд кораблей из Швабского залива, который моряки стали называть между собой «Погибельным», и взял курс на Шельфовый ледник Шеклтона, за которым начинался Южный океан.

— Я понимаю, что нарушила спокойствие одного из самых бесстрастных вечеров вашей бурной экспедиции... — попыталась Фройнштаг прибегнуть к некоей словесной изощренности. Однако Роберт так и не позволил ей блеснуть красноречием.

Его пальцы оказались в волосах Лилии раньше, чем она успел что-либо сообразить, а шубка, сброшенная на легкий спортивный костюм, сползла на пол каюты, прежде чем адмирал задумался над тем, как бы поскорее и в то же время поделikatнее раздеть эту потрясающую женщину.

Каждый день адмирал, Фройнштаг, полярный геолог Элмайр и зоолог Молонг высаживались с небольшого самолета полярной авиации то в предгорьях Сер-Рондане, то на полуострове Рисер-Ларсен, или на побережье залива Амундсена. Во время этих десантов Брэд забывал о своем адмиральском чине, он вновь чувствовал себя ученым, и буквально упивался той свободой действий и теми возможностями, которые открывались перед ним во время экспедиции именно потому, что пребывал в чине адмирала.

Однако все это время Фройнштаг оставалась молчаливой и отчужденной, что-то мешало ей отвечать

на попытки Брэда возродить их отношения, что-то не позволяло растопить арктический лед сдержанности и безразличия, которые постепенно воцарялись между ними.

— Мне почему-то казалось, что после всего того, что мы пережили в Стране Атлантов, наши отношения уже окончательно исчерпаны, — проговорила Фройнштаг, разрешая, после долгих страстных поцелуев, донести себя до его корабельного ложа.

— Ну почему же, якорь мне в глотку, исчерпаны?! — прорычал он, мысленно представляя себе, сколько всего лишнего предстоит сорвать с себя и с этой женщины, прежде чем она действительно окажется в его власти.

— А что еще могут пережить люди, столько раз оказывавшиеся на грани гибели?

— Насколько мне известно, общие переживания лишь крепче объединяют людей, — проговорил адмирал, лихорадочно срывая с себя трижды проклятые одежды. Причем проделывал это с отчаянием человека, случайно оказавшегося бортом, когда все решают секунды.

— В общем деле — да; в восхождениях на ледовые плато Земли Эндерби, при высадке на острова залива Эдуарда VIII, или при подъеме на гранитные вершины предгорий Фрамнесфьелла. Но только не в постели, мой адмирал, только не в постели!

Брэда так и подмывало воскликнуть: «Тогда, что же привело вас сюда, в ложе к человеку, с которым вас ничего не объединяет?!». Но задать именно этот вопрос так и не решился. На него вдруг снизошел почти мистический страх: «Одно неосторожное слово — и видение из золотистых волос и налитого, не по-женски крепкого, мускулистого тела — источится французскими духами, развеется и исчезнет!».

Брэд вдруг испугался, что разрушит не только весь тот неразгаданный, таинственный порыв, который

привел к нему в каюту эту удивительную женщину, но и разорвет всю ту странную связь, которая до сих пор каким-то непостижимым образом единила их.

В этот вечер Брэд был агрессивен, как прошедший через трупы растерзанных соперников леопард, и неутомим, как перезревший в своей половой тоске юнец, случайно дорвавшийся до податливого, умудренного сексуальными баталиями тела неприхотливой уличной женщины.

И мир не знал, мир даже не догадывался... Впрочем, какое дело было всему остальному миру до этих двух слившихся в объятиях людей, которые извергали вулканы страстей посреди ледового антарктического моря; и какое дело было этим двум, истосковавшимся друг по другу людям до всего прочего мира?!

В эти, самой судьбой отведенные им минуты — своими нежными касаниями, своим шепотом и ласками, своими вздохами и порывами они сотворяли свой собственный, духовный мир, который не имел почти ничего общего с «внутренним» и «континентальным» мирами.

— Вот такой она и была — эта ледовая ночь нашего прощания! — с томным придыханием проговорила Фройнштаг, когда, пресытившись сексуальным безумием, мужчина обессилено улегся вверх лицом рядом с ней.

— Почему прощания, Фройнштаг? — все еще страстно сжал ее руку.

— Потому что так нам суждено: жить на разных континентах, в разных эпохах и даже в разных мирах.

— Если «в разных мирах» — не аллегория, то не собираетесь ли вы уйти во внутренние миры Страны Атлантов и Рейх-Атлантиды?!

— Рейх-Атлантиды? До того, как я побывала в Стране Атлантов, мне казалось, что место истинной германки сейчас там, в районе «Базы-211», в Рейх-

Атлантиде. И если бы Скорцени удалось обрести волю, возможно, я сумела бы убедить его, что наш долг перед арийской нацией — уйти в подземелья Нового Рейха.

— Но обязательно со Скорцени... — ревниво прокричал командующий эскадрой.

— Мне и в голову не приходило, что существует еще кто-то, кто способен был бы прорваться к этой базе сквозь арийские и атлантические заслоны. И уж совсем дикой показалась бы мысль видеть в этом человеке вас, мой непобедимый адмирал, вчерашнего нашего врага. И лотом, в какой мир я бы не попадала, если рядом со мной оказывается Скорцени, мир этот сразу же становится «совершенно иным миром».

— Более романтичным? Сомневаюсь.

— А если я стану утверждать, что более суровым — это вас устроит? — вежливо освободила Лилия свою руку, и это не осталось незамеченным.

— Более суровый, но не более совершенным, Фройнштаг. Возможно, это чудовище и способно, все, что угодно, взорвать или разрушить, но вряд ли оно способно что-либо создать.

— Это потрясающее чудовище, мой непоколебимый адмирал, да только вам этого не понять, — проговорила Фройнштаг уже в те минуты, когда корпус авианосца в очередной раз начал вибрировать так, словно Антарктика пропускала его через подводную камнедробилку.

Несмотря на всю мощь своего корпуса, авианосец действительно то и дело содрогался, испаривая оказавшиеся под ним подводные части айсбергов или блуждающих льдин. И хотя «Флорида» шла вслед за мощным военным ледоколом «Сент-Джон», однако сразу же за его кормой льдины сходились, а все открытые части моря Дейвиса представляли собой сплошное ледяное крошево, которое в двух-трех милях

южнее проложенного эскадренным штурманом курса, переходило в сплошные паковые поля.

— Но теперь вы уже побывали в этом своем Новом Рейхе, гауптштурмфюрер СС Фройнштаг.

— Прошу прощения, адмирал, до Нового Рейха мы с вами, положим, так и не добрались.

— Зато побывали в соседней Стране Атлантов, во Внутреннем Мире, и это свершившийся факт, — вдруг проскользнуло в интонациях адмирала легкое раздражение. — Что теперь? Романтика подземных миров развеялась? Вам уже не хочется стоять у истоков рождения новой расы — подземных арийцев?

— Наверное, для этого я недостаточно германизирована. Или точнее сказать, слишком разгерманизировалась в своей сытой, ухоженной и безразличной Швейцарии.

Ожил телефон корабельной связи, и Роберт Бэрд вынужден был взять трубку.

— Это вы, Шербрук, дьявол вам в глотку? Я ведь приказал не тревожить. Ни под каким предлогом. Поступило радиосообщение от коммодора Бертольдо? И что, сидя на льдине, он сообщает, что все суда его отряда затонули? Нет? Тогда какого дьявола?!

Решив, что разговор затянется, Фройнштаг предприняла попытку тихонько подняться, чтобы выскользнуть из-под лежащей на ее бедре руки адмирала. Однако Брэд уловил это движение и панически вонзился пальцами в ее тело.

— Кажется, мы немного отвлеклись от основной мысли, Фройнштаг? — произнес Брэд, повесив трубку — Почему эта ночь должна стать прощальной? Еще почти месяц нам суждено провести вместе.

— Не вместе, мой адмирал, а всего лишь на борту одного судна. Это принципиально.

Брэд предпринял попытку обнять ее, но, почувствовав, что за ней уже ничего не последует,

вновь улегся на спину.

— Вот и я считаю, что ничего прекраснее того, что мы сотворили для тебя этой ночью, последовать уже не может, — назидательно молвила Фройнштаг и теперь уже решительно поднялась. — В конце концов, это прекрасно, что наши отношения завершаются на таком вот эмоциональном всплеске. Всегда ведь вспоминают последнюю встречу. Так пусть она будет такой, чтобы оба мы вспоминали ее с волнением.

— И кто из офицеров займет мое место?

— Причем вполне достойно займет ваше место, — уточнила журналистка.

— Решитесь назвать его имя?

— Откуда ж мне знать его имя?! — искренне удивилась Фройнштаг. — Над этим я пока еще не думала. Но кто-то, несомненно, займет. Вряд ли я способна по-вдовьи воздерживаться от мужских объятий. В свое время я так и сказала Скорцени.

— Чтобы заставить его рассвирепеть?

— Он воспринял это как должное, как естественное право женщины.

— Странно.

— Ничего странного. Мне порой казалось, что он вообще никогда не свирепел. Играть свирепость — это да; играл ее обер-диверсант рейха вдохновенно, талантливо, необычно. Мне приходилось видеть, как он допрашивал пленных или предателей, как разговаривал с человеком, который тремя минутами раньше пытался застрелить его. Какой гнев, какая наводившая ужас на собеседников ярость! И только я понимала, что на самом деле скрывается за его бизоньим рыком.

— Всего лишь взгляд влюбленной женщины, — проворчал адмирал Брэд.

— Не согласна.

— Просто вам никогда не приходилось смотреть на него глазами обреченного им человека. Вы всегда

изоощрялись своей влюбленностью. Ведь кто же из женщин любит и палача. Не приходилось задумывать над тем, какими словами и какими ласками она встречает его на пороге дома после очередной казни?

— Скорцени — не палач, адмирал Брэд, — в голосе Лилии зазвенели металлические бубенцы. — Он — диверсант, «профессионал войны», как справедливо именовал его диверсант-барон Вилли Штубер. Истинный профессионал.

Фройнштаг сунула ноги в великоватые для нее тапочки адмирала и, по-гусиному шлепая ими, побрела в душ.

— Будем считать, что на сей раз увлекся я, — примирительно молвил ей вслед покоритель Антарктики. — Просто я всего лишь хотел сказать, что вы привыкли смотреть на Скорцени всепрощающими, влюбленными глазами.

Фройнштаг оглянулась и отрицательно покачала головой. Даже войдя в душевую кабинку, она оставила дверь приоткрытой, то ли для того, чтобы слышать адмирала, то ли для того, чтобы он в последний раз мог полюбоваться тем, что ему приходится терять, теперь уже навсегда.

— Если в ком-то в рейхе и умирал гениальный актер, так это в Скорцени! — прокричала она, уже включив теплу воду. — Не во фюрере, мой адмирал, не во фюрере, в чем когда-то пытались убедить меня и Гиммлер, и, особенно, Геббельс, а именно в Скорцени, К тому же он обладал удивительным свойством понимать человека, в какой бы ипостаси и в какой идиотской ситуации тот ни представал перед «самым страшным человеком Европы». Мне нравилось, что со Скорцени можно было говорить на любые темы.

— Вы увлеклись, Фройнштаг.

— Когда речь заходит о Скорцени, я всегда безнадежно увлекаюсь.

— А ведь я ожидал услышать от вас имя совершенно иного человека, того, кто займет мое место в вашей постели.

— Оно вам ничего не скажет, адмирал, мало того, оно вам вообще ни к чему.

— А ревности.

— То, что будет происходить в моей постели после вас, доктор Брэд, недостойно ни ревности, ни осуждения. Так уж повелось, что половые отношения я привыкла четко разделять на три категории: секс в порыве любви, секс по супружеской обязанности, и сугубо физиологический секс, к которому понуждает наша с вами сексуальная природа.

«Знать бы, в какой категории выпало обитать мне! — подумалось адмиралу — Впрочем, что тут сомневаться? Всякий раз причисляй себя к физиологическому разряду — и никогда не ошибешься».

— Тот, кто придет вам на смену, мой храбрый адмирал, будет мужчиной на одну ночь, жертвой гнусной женской физиологии.

«Знала бы эта женщина, как мне хочется оказаться на месте любого из этих «физиологических мужчин»! — с тоской подумалось адмиралу. И уже сейчас тоска эта была откровенно... физиологической.

* * *

— Вы утверждали, Фройнштаг, что успели побывать в тех местах, где расположено мое ранчо.

— Почему только «утверждала»? Я была там. — Понравилось?

По-моему, вы уже спрашивали об этом, — беззаботно напомнила ему Фройнштаг. — Правда, называл ты это строение отшельника «виллой»,

насколько мне помнится. Что с твоей стороны было очень смело, — почти саркастически заметила она.

И адмирал почти с горечью сказал себе: «Господи, а ведь она расстается со мной без какого-либо сожаления! Словно ничего и не было. Разве что действительно ничего не было? — И тут же попытался пристыдить себя: — Что ты разнылся, как оплакивающий первую любовь студентик?!» А вслух произнес:

— Потому и спрашивал. Очень хотелось, чтобы ранчо понравилось вам.

— Ранчо как ранчо. Без особых притязаний, но и без какой-либо фантазии, даже ковбойской, — слышался ее приглушенный водной струей голос.

Лилия не видела, что в это время Брэд извлек из-за обложки записной книжки небольшую фотографию своего ранчо и с такой тоской ностальгически всматривался в него, словно прощался перед гибелью корабля. То, что происходило сейчас в отношениях с Фройнштаг, действительно напоминало гибель корабля, только в роли «Титаника» представал он сам.

— Но вы заметили, что ранчо стоит на косе, между океаном и озером?

— Над какой-то водной гладью, мало смахивающей на океан. Что она собой представляет, я так и не поняла.

— Как только вернусь, у ворот установлю якорь, а на мачте рядом с воротами повешу рынду.

Фройнштаг попыталась представить себе эти атрибуты отставного шкипера, но так и не сумела, уже хотя бы потому, что не смогла возродить в памяти вида самого ранчо.

— То есть попытаетесь превратить ваше ранчо в пристанище старого морского волка? — появилось лицо Фройнштаг в проеме двери. — Вряд ли у вас что-либо получится, — иронично заключила она.

— Если вы там появитесь, на пристанище морского волка оно, конечно же, смахивать не будет.

Фройнштаг ответила не сразу. Он медлительно выключила воду, долго и старательно вытирала волосы и тело. Время от времени в проеме двери появлялись то ее плечо, то лодыжка. И лишь когда она, наконец, вышла из душевой и деловито осмотрела свои все еще влажные ноги, не поднимая глаз на Брэда, совершенно буднично произнесла:

— Хочу предостеречь вас от излишнего фантазирования на эту тему, доктор Брэд. Я никогда больше не появлюсь там. И советую воспринять это, как банальнейшую констатацию факта. Но, как вы сами понимаете, дело не во мне.

— Ну, тогда не знаю, — попытался свести весь этот разговор к шутке. — Если пристанище старого боцмана или шкипера исключается, то и ковбои в тех местах тоже не водятся, поскольку привыкли кочевать по прериям Дикого Запада.

Только теперь Фройнштаг заметила в его руке фотографию, бесцеремонно выдернула ее из пальцев и, близоруко прищуриваясь, вгляделась в очертания. Но, похоже, что и после этого осмотра мнение об этом пристанище у нее не изменилось.

— Вы с мужем, наверняка обитаете в каком-нибудь старинном особняке в самом центре:..

— В особняке, но достаточно новом, сорок четвертого года постройки, замаскированном под старину. Да успокойтесь, Брэд, — добавила она без всякого перехода, — в конце концов, на ковбоя вы похожи так же мало, как и на моряка.

Возможно, адмирал и оскорбился бы, но женщина взглянула на него такими наивными, обезоруживающими глазами, что любая его обида мгновенно улетучилась бы. Вот она стоит перед ним: чистенькая, аппетитная, пахнущая его любимым мылом,

с порозовевшими мочками миниатюрных ушек, которые Брэд в порыве страсти так любил нежить губами, а то и откровенно пожевывать.

— Все, мой адмирал» вечерний осмотр личного состава эскадры завершен?

— Вы несносны, Фройнштаг.

— В карцер прикажете прямо сейчас или повременим? В любом случае, для начала — ритуальный поцелуй в щечку.

После поцелуя в щечку адмирал попытался дотянуться до губ женщины, но она резко отвернулась, и при этом от адмирала не скрылось, что на лице ее отразилось что-то такое, очень похожее на безгливость.

— Оставайтесь у меня до утра, Фройнштаг, — почти по-мальчишески попросил он. Хотя к тому моменту уже прекрасно понимал, что унижительная просьба эта лишь поставит его в неловкое положение. И командующему эскадрой еще очень повезло, что Фройнштаг повела себя при этом», по-джентльменски:

— До какого «утра», мой адмирал?! — воскликнула она, чуть ли не похлопывая его по плечу — Мы в Антарктике, где в это время года ни утра, ни вечера. Утро здесь такая же условность, — мило улыбнулась она уже стоя у двери, — как и наша с вами пылкая, но... сугубо физиологическая любовь.

**Январь 1947 года. Антарктика. Южный океан.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Снились адмиралу излучина озера, ковер из густой травы на склоне холма и ранчо на плоской вершине его. То самое ранчо, в которое еще несколько часов тому Брэд мечтательно стремился заманить прекраснейшую из женщин, которых ему пришлось познавать за свою далеко не бурную любовную жизнь полярного бродяги и военного моряка.

Чем ближе он подходил к этому ранчо — с якорем у ворот и корабельной рындой на невысокой мачте, — тем склон становился круче и вязче, и Роберт Брэд словно бы вращался в нем, чувствуя, что каждый последующий шаг дается ему все труднее и труднее.

И лишь когда у ворот восстал и небытия образ некоей женщины в белом полушубке, командующий эскадрой как-то странно рванулся, словно и в самом деле пытался вырваться из трясины, и увидел у своей постели... швейцарскую журналистку.

— Вы, Фройнштаг? — едва слышно проговорил он, сонно уставившись на женщину.

— Верная примета, мой адмирал: если вам снится что-то ужасное, значит, где-то рядом появилась Фройнштаг.

Казалось бы, эти слова должны были убедить адмирала, что явление Лилии — уже не сон, тем не менее тянулся к ней настолько осторожно и неуверенно, словно опасался, что женщина вот-вот растворится во сумеречном свете каюты.

— Идите ко мне, — еще тише произнес он, садясь в постели, однако, на шаг отступив от него, Фройнштаг

жестко произнесла:

— С любовными делами нашими, адмирал, мы уже все выяснили.

— Тогда почему?.. — начал он было, однако женщина не позволила ему договорить.

— Там самолет, сэр. Кэптен Вордан не хотел нарушать ваш сон, однако я считаю, что обстоятельства требуют подобной жертвы.

— Какой еще самолет?

— Тот самый, германский. Штурмовик. И пилот уже вышел на связь.

— Пилот? — сонно поморщился адмирал. За последние несколько суток он чертовски устал, и теперь ему не хватало еще хотя бы двух часов, чтобы окончательно восстановить форму.

— Да-да, пилот. Тот самый, что сопровождал нас от базы «Адмирал-Форт» до космодрома Страны Атлантов. Он улетел куда-то в сторону океана, давая нам несколько минут на размышление. Уж не пьяны ли вы адмирал?! — сдали у журналистки нервы.

— Убедительно трезв, мэм. Но как он здесь оказался, этот пилот, якорь ему в глотку?

В ту же минуту они услышали гул авиадвигателя. Адмиралу нетрудно было установить, что самолет шел над эскадрой, прямо по ее курсу.

— Чего он добивается?

— Хочет сдаться.

— Сдаться?! Мы с Рейх-Атлантидой не воюем. Если же он будет сдаваться, как пилот гитлеровского рейха, то его следует предать суду как офицера, не подчинившегося приказу высшего командования о капитуляции.

— Да ему безразлично, поскольку он уже принял решение не возвращаться в подземелье Рейх-Атлантиды.

— А вот нам небезразлично, мэм. Я не хочу, чтобы эскадра еще раз подверглась нашествию дисколетов и прочей германской авиации. Вот почему мы не будем брать его в плен.

Дверь открылась, и в проеме ее возник адъютант командующего. Он был взволнован.

— Обер-лейтенант Ридберг вновь просит разрешить ему посадку на борт авианосца, сэр.

— Это невозможно, — почти прорычал адмирал. — Вслед за ним здесь появится целая эскадра всевозможных дисков и командование германцев, а может, и атлантов потребует вернуть им самолет и пилота.

— В таком случае упростим задачу, — молвила Фройнштаг, выходя из каюты вслед за командующим. — Он не будет сдаваться в плен, а попросит политического убежища. Или просто попросит доставить его до ближайшего цивилизованного берега в роли пассажира. А самолет мы позволим германцам забрать.

Услышав это, Брэд взглянул на журналистку, как на сумасшедшую.

— Я понимаю, Фройнштаг, что вам не терпится устроить себе на авианосце свидание со своим земляком...

— Сейчас не время для шуток, — отрубила журналистка. — Особенно трюмных.

— Ну а если говорить серьезно, то ни германцы, ни, тем более, атланты, не захотят, чтобы этот дезертир раскрывал потом на допросах в контрразведке все секреты и тайны Внутреннего Мира, а главное, его координаты. Им не нужен болтун, — объяснял Брэд, избегая по трапу на командный пункт, — которого завтра вся пресса Штатов будет воспринимать, как инопланетянина, и который станет зарабатывать себе на хлеб, раздавая интервью.

— Говорит обер-лейтенант Ридберг, — услышала Фройнштаг уже знакомый голос «Рейна-один», когда вахтенный офицер включил громкую связь. — Прошу разрешения на посадку. Прошу разрешения на посадку!

— Здесь адмирал Брэд, командующий Полярной эскадрой, — последовал ответ по-английски.

— Приветствую вас, адмирал, но, пожалуйста, перейдите на германский. У вас есть переводчик — фрау Фройнштаг. Кстати, она рядом с вами? — с надеждой спросил пилот.

— Рядом! — прокричала журналистка в микрофон, находившийся в руке адмирала.

Как бы не пытался сейчас этот беглый летчик объяснять свой прилет и свою просьбу о пристанище, Фройнштаг прекрасно понимала, что в этом его дезертирстве без всякого там «шерше ля фам», рано или поздно «обнаружится женщина». И в какой-то степени уже чувствовала себя виновной в этой драме, хотя, как ей казалось, и не давала пилоту никакого повода и никаких надежд. В то же время, само ее присутствие сейчас на командном пункте уже было мощной поддержкой Ридберга, поскольку она, офицер ОС, была единственным человеком, на помощь которого он мог рассчитывать.

— Мы не можем разрешить вашу посадку на борт, — отвечал тем временем командующий, переходя на свой неуклюжий германский. Словарный запас у него сложился немалый, но произношение... — Это будет истолковано командованием «Базы-211», как нарушение обязательств, принятых нами на переговорах с Повелителем Страны Атлантов и адмиралом фон Готтом. Здесь появятся дисколеты Рейх-Атлантиды и потребуют вернуть им самолет вместе с вами.

— Командование решит, что я потерпел аварию и погиб где-то во льдах Антарктиды или в прибрежных

водах.

— Это будет всего лишь одной из версий, — заметил адмирал, наблюдая, как штурмовик разворачивается над равнинным побережьем какого-то безымянного залива. — Но она не станет основной, поскольку у берегов Антарктиды все еще пребывает наша эскадра, а ваш напарник слышал ваши переговоры с госпожой Фройнштаг.

Пилот на какое-то время умолк и это заставило адмирала вопросительно взглянуть сначала на кэптена Вордана, а затем на Фройнштаг.

— Согласен с вашим мнением, сэр, — невозмутимо пожал плечами командир авианосца. — Мы должны быть крайне осмотрительны. И потом, что ему мешало взять курс на Африку или на Огненную Землю?

— Эти маршруты могут быть под контролем патрульных дисколетов, мы же находимся сейчас в такой зоне и на таком расстоянии от «Базы-211», что служба безопасности исключает уход пилотов в этом направлении.

Кэптен пытался как-то возразить Фройнштаг, но в это время в эфире вновь возник голос обер-лейтенанта Ридберга:

— Господин адмирал, все, кто слышит меня на судах эскадры, Горючее в баках самолета на исходе. Ни вернуться на свою базу, ни дотянуть до ближайшего обитаемого острова я уже не смогу! Если я посажу самолет на материке, то погибну. Связи с базой у меня нет, слишком большое расстояние.

Теперь уже командир авианосца напряженно всматривался в откровенно растерянное лицо командующего эскадрой. Фройнштаг чувствовала, что он готов разрешить германцу посадку на палубу «Флориды», однако не может решиться на это без согласия адмирала.

— Нужно разрешить ему посадку, мой адмирал, — сквозь зубы процедила Лилия. — Не забывайте, что на борту эскадры находится еще несколько журналистов. Кроме того, свидетелями гибели пилота станут несколько сотен боевых моряков.

— Не шантажируйте меня, Фройнштаг.

Кэптен не владел германским, поэтому он попросил Фройнштаг:

— Спросите его, садился ли он когда-либо на авианосцы.

— Не садился! — прокричал пилот, услышав перевод журналистки. — Но сяду, у меня достаточный опыт посадки в антарктических условиях.

— Уверены?

— У меня нет выбора!

— Верно, нет, — признала Фройнштаг. — Пора решаться, господин адмирал.

— Парашют у вас, надеюсь, с собой? — спросил командующий.

— Прикажете прыгать в ледяную воду?

— Не обязательно, — проговорил адмирал, растягивая слова, но договорить пилот ему не дал.

— Все, я захожу на посадку, — прокричал он. — Если с первого захода не получится, есть шанс повторить заход.

— Посадите самолет на любую прибрежную равнину или прыгайте неподалеку от берега. Тогда у нас будет доказательство того, что мы выбрали пилота, попросившего о помощи и потерпевшего аварию.

— Слушайте меня, обер-лейтенант, — буквально вырвала Лилия микрофон из руки адмирала — С вами говорит гауптштурмфюрер Фройнштаг. Выполняйте требование адмирала Речь идет о безопасности всей эскадры. Поэтому еще раз запросите помощи, и приземляйтесь на ледовое поле или прыгайте. Не исключено, что где-то рядом шляется дисколет

космического патруля, или как он там у вас называется. Он может зафиксировать вашу посадку на борт авианосца, и тогда это будет расценено, как угон самолета. Вы слышите меня, Ридберг?

— Слышу, гауптштурмфюрер! И верю вам.

— Попробовали бы не поверить! — шутливо подбодрила его Фройнштаг, чувствуя себя в ответе за того, кого так неожиданно и помимо своей воли «приручила».

— Вам я верю, как никому другому.

— Обойдемся без объяснений, обер-лейтенант, — предупредила его Лилия: — Мы подгоним ледокол к паковому льду и высадим десант. На борту есть журналисты. Мы гарантируем, что вы будете спасены. Ваше решение?

Небольшая заминка, и в динамике вновь послышался голос пилота:

— Я развернулся. Прямо по курсу эскадры вижу снежную равнину В миле от вашего ледокола и приблизительно в двух милях от берега. Сбавляю скорость, снижаюсь и сажусь на сани.

— Как только сядете, выходите на связь и укажите свои координаты.

— Есть, выйти на связь, гауптштурмфюрер.

— Не буду отвлекать вас, лучший из асов Германии. Счастливого приземления.

Вернув микрофон адмиралу, она игриво повела кончиком языка по верхней губе, и на лице ее вырисовалась хитроватая ужимка девчушки, которая основательно нашкодничала, однако уверена, что это ей простится.

— Вы ведь именно так хотели распорядиться судьбой этого несчастного германского пилота, которого силой приказа загнали в подземелья Антарктиды, мой адмирал?

— Будем считать это лучшим из возможных вариантов, — проворчал Брэд, и журналистка заметила, как побледнела его переносица — верный признак того, что адмирал недоволен ее поведением. Уж она-то успела изучить весь набор выражений его лица.

— А главное, что авторство его принадлежит вам.

— Теперь это уже не важно.

— В таком случае господину кэптену стоит поднять в воздух свой спасательный полярный самолетик и позаботиться о судьбе терпящего катастрофу пилота. Причем самолетик германца лучше засыпать снегом, чтобы его как можно дольше разыскивали, а мы подождем развязки еще одной антарктической драмы. На всякий случай, следует подогнать к берегу.

Пока командир «Флориды» связывался с командиром авиаотряда полковником Колдуэном и командиром ледокола, Фройнштаг поставила условие адмиралу:

— Сразу же после появления германца на борту авианосца, он в течение часа будет находиться в моем распоряжении.

— Само собой разумеется, — кисло ватно ухмыльнулся адмирал.

— Не для любовных утех, доктор Брэд, не для любовных...

— Хотелось бы верить.

— Меня интересует все, что касается «Базы-211» и этой их Рейх-Атлантиды, зародыша Четвертого рейха. Для меня это принципиально важно.

— В Америке это будет интересовать многих, — хитровато улыбнулся адмирал. Он явно был доволен тем, что история с бегством пилота завершается таким вот, относительно безопасным способом.

— В том-то и дело, что он останется в Америке, и там будут потрошить его, как им заблагорассудится. Но к тому времени все самое интересное и важное уже

найдет свое отражение в моей книге. Вот почему я прошу всего лишь час. Но сразу же после того, как обер-лейтенант ступит на борт.

— А если эта встреча случится завтра? Какое это имеет значение.

— Для журналиста — имеет. Право первому получить информацию — это как право первой брачной ночи.

— Потрясающее сравнение.

* * *

Фройнштаг уже направилась к выходу из просторного, но довольно уютного командного пункта, однако у самой двери ее задержал голос кэптена.

— А не согласились бы вы, мэм, принять участие в поисках и спасении пилота?

— Это возможно?

— Кроме членов экипажа, на борту будут второй лейтенант морской пехоты Максвилл и два морских пехотинца.

— Я так понимаю, что вашим парням понадобился переводчик?

— И переводчик — тоже. Но куда важнее то, что в спасении пилота принимала участие иностранная журналистка, которая может свидетельствовать, что штурмовик действительно потерпел аварию, и обер-лейтенанта пришлось спасать.

— Правильный ход мыслей, господин кэптен.

— Уверен, что и германский летчик будет счастлив, увидев вас посреди ледяной пустыни. — Произнося это, Ворман краем глаза наблюдал за реакцией адмирала.

Он знал, что Брэд отчаянно влюблен в германку и что на авианосце у них раскручивается восхитительный роман. И это его слегка задевало. Покровительствуя

швейцарской журналистке в ее попытках проникнуть на авианосец, кэптен имел все основания предполагать, что роман с Фройнштаг будет развиваться в его командирской каюте, а не в каюте командующего эскадрой.

Вот только реакция Брэда оказалась именно такой, какой она и должна была представлять перед кэптенем. Смерив Воргана высокомерным взглядом, тот отвернулся и поднес к глазам бинокль. Взгляд, которым он только что окатил серба, хорвата (или кем там был в своем этническом прошлом этот «неанглосакс»), мог породиться только мужчиной, который основательно удовлетворил и свое любопытство по отношению к женщине, на которую тот претендовал, и свою сексуальную страсть.

— Я не возражаю против того, чтобы в команде спасателей в качестве переводчицы находилась и швейцарская журналистка, — проворчал Бред. — Только не затягивайте с вылетом, кэптен.

— Он произойдет через десять минут, у германца даже мотор остыть не успеет, как его уже подберут. А посему поторопитесь, Фройнштаг, поторопитесь.

На борту «Спасателя» оказались тот самый второй лейтенант Максвилл и те же два морских пехотинца, с которыми она странствовала в поднебесье Антарктиды на разведывательном самолете «Кобра».

— Что, джентльмены, продолжим наши приключения в небе таинственного мира? — приветствовала их Лилия, как старых знакомых.

— В таком приятном обществе... — галантно заметил второй лейтенант, однако от слуха Фройнштаг не скрылось, как один из его подчиненных, не очень-то стесняясь присутствия самой журналистки, пробубнил:

— Опять эта германка... Ее появление уже стало плохой приметой. Снова не обойдется без происшествий.

— Что за предрассудки, младший капрал?! — возмутился второй лейтенант.

— Можете не сомневаться, — по-английски заверила младшего капрала и всех остальных Фройнштаг, лучезарно улыбаясь при этом. — Не обойдется. Обер-диверсант Скорцени, если только вам знакомо это имя, только для того и брал меня на самые сложные операции, чтобы гарантированно избавлять своих парней от скуки и однообразия.

— Кстати, вам должно быть известно, джентльмены, — сказал направлявшийся к своему служебному месту радист-стрелок, что леди Фройнштаг была одним из лучших диверсантов рейха и завершила войну в чине капитана войск СС.

Услышав это, морские пехотинцы переглянулись и, выражая свое удивление, дружно повели подбородками. Сама же Фройнштаг с удивлением вонзилась взглядом в спину стрелка-радиста. «Даже трудно представить себе, какие легенды гуляют теперь о «о лучшей диверсантке рейха» по отсекам и каютам авианосца «Флорида», — молвила себе Фройнштаг. — Кажется, ты становишься одной из основных фигур экипажа эскадры».

— Вот так-то, джентльмены! — назидательно подтвердила это свое реноме одна из немногих выпускниц «Фридентальских курсов» Скорцени.

— Прошу прощения, мэ, — упорствовал младший капрал, рослый, как и все прочие морские пехотинцы, прыщеватый парень с лицом метиса, — но примета все же плохая.

— Чтобы не разочаровывать своего капрала в его познаниях черной магии, — обратилась журналистка к Максвиллу, — постарайтесь забыть его на месте аварии германского штурмовика.

— Будет исполнено, мэ.

— А что там с нашим германским асом? — поинтересовалась Фройнштаг, заглянув в кабину пилотов, которые уже готовились к запуску моторов.

— Никаких свежих сведений не поступало, мэм, — ответил второй пилот.

— Вы имели в виду, что никаких свежих сведений после того, как он сообщил о своей посадке?

— О посадке он не сообщал, мэм. Хотя обещал поддерживать связь.

— Похоже, что этот парень и впрямь свернул шею и себе, и машине, — объяснил первый пилот, представившийся ранее Фройнштаг капитаном Серидом. — Очевидно, перестарался, имитируя аварийную посадку.

— А подобных игр со смертью авиация не терпит, — объяснил ей второй пилот.

— Может, он всего лишь подыскивал более удобное место для посадки, нежели то, которое бросилось ему в глаза в начале, — попыталась развеять их настроение Фройнштаг. — По своему фронтовому опыту она знала, как это плохо, когда спасатели теряют веру в то, что ждавшие их помощи давно погибли.

Уже перед взлетом, первый пилот запросил дежурного радиста авианосца, не возникал ли в эфире некстати исчезнувший германец. И тот ответил, что не возникал.

— Это и есть ответ на все ваши дальнейшие вопросы, — сказал капитан, обращаясь к Фройнштаг.

— Не волнуйтесь, впредь я не буду донимать вас подобными вопросами, как подвыпившая с горя вдова.

— В таком случае разрешаю остаться в кабине, бортмеханик уступит вам свое кресло, а сам устроится на своем ящичке позади него. Тем более что полет наш, судя по всему, будет недолгим.

— Вы беспредельно добры, первый пилот, — оценила его дальновидность Фройнштаг, поудобнее

устраиваясь в кресле бортмеханика. — Надеюсь, вы не чувствуете себя ущемленным в своем праве на служебное кресло, мой юный друг? — обратилась к притихшему где-то у нее за спиной бортмеханику.

— С удовольствием вдыхаю запах ваших волос, — негромко и почти на ушко проговорил парень, давая понять, что с комплексами у него все в порядке, и что разница в возрасте его не смущает.

Надо бы поближе присмотреться к самому молодому поколению американских авиаторов, подумала германка. Бог знает, что они представляет собой в постели, но вдали от нее, как и вдали от поля боя, держатся храбрецами.

**Январь 1947 года. Антарктика. Южный океан.
Борт поисково-спасательного самолета.**

После взлета, как только машина легла на курс, капитан Серид вновь связался с радистом авианосца, и тот еще раз подтвердил, что никаких признаков германского штурмовика в небе или на земле не обнаружено.

— И это факт, госпожа Фройнштаг, — резюмировал первый пилот, — от которого нам никуда не уйти.

— Может, передумал и отправился на какой-то из своих запасных аэродромов.

— Куда-куда?! — несказанно удивленно командир. — Вы о чем это, мэм?! Оглянитесь вокруг.

— Это вы оглянитесь, пилот, — обиженно отрубил гауптштурмфюрер. — Я прошла через войну, и достаточно хорошо знаю, что такое авиация. Должны же у них существовать какие-то «наземные» аэродромы и запасные посадочные полосы!

— Если обер-лейтенант не вводил нас в заблуждение, то горючего у него оставалось на каких-нибудь пятнадцать-двадцать минут полета, которые давно истекли.

Однако долго искать и сомневаться экипажу «Спасателю» не пришлось.

— Справа по курсу вижу дым! — возбужденно прокричал бортмеханик, давая понять, что все это время его занимали не только духи сидящей впереди него, блондинки. — Вон за тем горным склоном! — почти прикоснулся губами к ушку женщины, и явно не торопился отдаляться от него.

— Тоже вижу! — подтвердил второй пилот. — Германец подает сигнал.

— Не сигнал это, — поучительно проворчал командир «Спасателя», направляя машину по этому ориентиру. — То есть для нас это, конечно, сигнал, а у него явно горит машина. Обратите внимание на густоту дыма. Посадка оказалась слишком неудачной.

А спустя еще пару минут они увидели укутанный дымом камуфляжно белый штурмовик рейхатлантов, оказавшийся в распадке, которым завершалась небольшая снежно-ледовая равнина. Но за несколько мгновений до этого Фройнштаг сорвалась со своего места, подбежала к командиру самолета и указала пальцем на зависший над распадком, слева по борту, огромный дисколет.

Лилия могла поклясться, что это был тот самый диск, который в свое время зависал над авианосцем «Флорида», узнала его по характерному волнистому ободку, пролегающему по центру боковины.

— А ведь это не германцы, — молвила она. — Мы имеем дело с инопланетянами.

Совсем озверели, — некстати возмутился второй пилот, — чувствуют себя в Антарктиде, как у себя на Марсе, или откуда они там!

Фройнштаг вспомнила, что во время всеобщей полупанической нервозности, которую вызвало у команды «Флориды» появление этого диска, какой-то смуглолицый парень в летной форме пронесся мимо нее с криком: «Почему нас не поднимают в воздух?! Нужно поднять все авиацию и разнести эту дрянь в клочья!». Уж не этот ли темноволосый мститель носился тогда рядом с ней?

— И что же решили предпринять наши коллеги из этого летающего «подноса»? — повел подбородком в его сторону Серид, явно обращаясь при этом к Фройнштаг.

— Не похоже, чтобы они бросились спасать пилота и его машину, — заметила Фройнштаг.

— Как и во всех прочих случаях, эти парни предпочитают оставаться в роли бесстрастных наблюдателей, — молвил второй пилот. — Но все же хорошо, что они здесь.

— Это ж почему? — поинтересовался капитан.

— Могут убедиться, что германский штурмовик оказался на земле не потому, что мы его подбили, а потому, что потерпел аварию. И видит Бог, что мы всего лишь направляемся сюда для его спасения.

Фройнштаг и первый пилот переглянулись и оба рассмеялись.

— Объяснитесь, господа! — потребовал пилот.

— Вот только призвать их в свидетели, — объяснил капитан поведение дисколетчиков, — можно будет с тем же успехом, что и Господа.

И действительно, дождавшись подхода «Спасателя», дисколет сместился в сторону горной гряды и, как ехидно заметил капитан, «занял свое место на галерке», предоставляя экипажу американского самолета самому заниматься поисками беглого германца. В свою очередь, американцы попросту перестали обращать на него внимание.

Даже взгляда неопытной в подобных делах Лилии Фройнштаг было достаточно, чтобы определить, что приземление прошло неудачно. Пилот то ли явно не рассчитал, то ли его попросту занесло на ледовой поверхности этого антарктического оазиса, но стоял он, врезавшись бортом в скалу и завалившись на нос, из которого сейчас валил густой дым.

— Пилота кто-нибудь видит?! — спросил капитан Серид, идя на снижение.

Второй пилот и бортмеханик дуэтом ответили, что не видят, а Фройнштаг промолчала. Она напряженно

всматривалась то в равнину перед штурмовиком, то в окаймлявшие распадок валуны.

— Будем садиться? — спросила она командира самолета.

— Какое «садиться»? Уходить надо! — прокричал вместо него второй пилот. — Сейчас так рванет!

В то же мгновение первый пилот, словно бы опомнившись, начал уводить свою машину в сторону океана. А еще через минуту на том месте, где они только что пролетали, взметнулось вверх пламя. Взрыв оказался настолько мощным, что самолет качнуло, как на крутой океанской волне.

— Послушайте, а может, дисколет уже подобрал этого германца? — первым опомнился бортмеханик. — И напрасно мы тут волновались.

— В таком случае, ему повезло, — ответил первый лейтенант.

— Это вы так считаете, — парировала Фройнштаг. — А парню придется объяснять, каким ветром занесло его в эту часть Антарктиды. И предстать перед военным трибуналом.

Пилоты вежливо и поминально помолчали. Они прекрасно понимали, что германец оказался здесь из-за женщины, в которую влюбился, ни разу в жизни не видя ее, но понимали и то, что подобные обстоятельства ни один военный трибунал мира во внимание не принимает. Поэтому, погиб этот обер-лейтенант, или оказался на дисколете, — в любом случае судьба его остается незавидной. И все трое парней, словно по команде, перевели взгляды на виновницу этой трагедии, признавая при этом, что из-за такой блондинки-арийки стоило рискнуть.

— И все же давайте спустимся пониже и еще раз пройдемся над местом катастрофы, — предложила Фройнштаг, умоляюще глядя на командира.

— Если через минуту ничего из арсенала этого германца не рванет, — объяснил капитан, — так мы и сделаем.

Взрыва не последовало, но прежде чем осторожничающий командир заложил очередной вираж и пошел на спуск, Лилия заметила в узком проходе между двумя огромными валунами копошащуюся черную фигурку. Поскольку никакого животного в такой отдаленности от побережья океана быть не могло, то сомнений не оставалось: пилот успел покинуть самолет до того, как он загорелся.

Вопрос теперь заключался в том, заметили ли его с борта дисколета. И если заметили, то почему не спасают, или хотя бы не сообщили им, спасателям? Фройнштаг хорошо помнила, что там, над авианосцем, они без особого труда выходили на связь и с командованием эскадры, и со всей командой авианосца.

Тронув пилота за плечо, Лилия молча указала ему на валуны, представавшие теперь слева по борту, и приложила палец к губам.

— Диск, — едва слышно произнесла она. — Прослушивание. Нужно предупредить.

Она не сомневалась, что германский летчик не желал, чтобы первыми его обнаружили дисколетчики. Но понимала и то, что при желании, астронавты могут перехватить его.

— Полное молчание на борту, — тотчас же отдал команду пилот по внутренней связи.

Выпустив лыжи, капитан попытался учесть ошибку германского пилота, тем не менее, его «Спасатель» чуть было не врезался в тот же валун, в который недавно врезался бортом штурмовик.

Окончательно Серид остановил машину лишь после того, как сумел развернуть ее носом ко «взлетной полосе».

Фройнштаг первой спустилась по трапу и увидела, что пилот все еще прячется за острым склоном валуна, точнее, под выступом-карнизом, под которым его не могли заметить с дисколета.

— Вы понимаете, что, своим бегством создали всем нам массу проблем? — еще издали спросила Фройнштаг, направляясь к обер-лейтенанту.

— Понимаю, гауптштурмфюрер, — без особого покаяния в голосе произнес Ридберг, пытаясь ослепить при этом германку белизной своих крепких зубов.

— Вы ранены, нуждается в помощи?

— Мелкая ссадина на лбу. Это — когда спешно покидал самолет.

— Шрамы, как известно, украшают мужчин.

Она вдруг вспомнила, как впервые молвила эту банальную фразу в присутствии «разукрашенного» шрамами Отто Скорцени.

«Никогда и никого они не украшали, — холодно парировал тогда обер-диверсант рейха, — поскольку призваны не украшать, а уродовать мужчину во имя устрашения противника».

И тогда Фройнштаг лихо съязвила: «Не знаю, кого из своих противников вы собирались таким вот, — повела своим точеным подбородком в сторону его шрамов, — образом устрашать, но что потрудились они над вашим личиком от души — это очевидно».

Скорцени снисходительно взглянул на нее с высоты своего гигантского роста и осенил тем, что Лилия называла про себя «роковой ухмылкой Квазимодо».

«Единственное неудобство: эти шрамы жутко демаскируют меня. Правильно заметил когда-то адмирал Канарис, что в разведчики или диверсанты с

такими шрамами могут подаваться только законченные дилетанты или нерасстрелянные безумцы».

«И в обоих случаях оказался прав, разве не так?» — рискованно сострила тогда Лилия, чувствуя, как все больше подпадает под влияние этого парня.

— Думаю, что до шрама дело не дойдет, — молвил тем временем обер-лейтенант Ридберг, мгновенно развеяв всю романтику ее «рыцарских воспоминаний».

Фройнштаг не бралась определять его возраст, но могла поклясться, что вряд ли ему перевалило хотя бы за двадцать два.

— И что вас подвигло на столь сомнительный подвиг, мой юный викинг?

Прежде чем ответить, пилот удивленно осмотрел представшую перед ним женскую фигурку в белом, прекрасно скроенном полушубке и с пышными, распушенными волосами. Парень был не из тех, кто робеет перед женщинами, но именно его открытость позволяла Лилии определить, что красота ее превзошла все ожидания ледового романтика или антарктического ловеласа, — это уж как воспринимать его поступок.

— Вас интересует правда, или предпочитаете слышать официальное объяснение? — все еще продолжал улыбаться обер-лейтенант, только теперь решившись выйти из своего укрытия.

По всей вероятности, этот карниз спас ему жизнь, поскольку часть фюзеляжа зависла прямо на вершине этой мини-скалы, а вокруг нее валялись осколки снарядов и даже несколько уцелевших патронов крупнокалиберного пулемета.

Они встретились взглядами, и Фройнштаг поняла, что требовать от него правды не имело смысла, она была увековечена классической готикой рыцарских романов на его добродушном лице.

— С правд ой, как мне кажется, вам явно не повезло. — Хотите сказать, что в мужском обществе ее

не воспримут как достаточно серьезную? — только теперь он наконец оторвал взгляд от снизошедшей откуда-то из благословенных любовью небес женщины и перевел его на стойку морских пехотинцев, цепочной выстроившихся между самолетом и валуном.

— В армейском обществе, обер-лейтенант, в армейском — вот о чем вы забыли, когда, сломя голову, бросались в погоню за нашей эскадрой. Кстати, куда девался ваш ведомый?

— Подался на базу, сославшись на неисправность в топливной системе, в которой у него действительно возникали проблемы.

— То есть он знал о ваших намерениях?

— Догадывался. Если бы речь шла не о женщине, он бы не допустил моего бегства. Скорее расстрелял бы меня прямо в воздухе.

— Не хотите же вы сказать, что влюбились в женщину, которую никогда в жизни не видели. Я еще могу понять мужчин, которые увлекаются с первого взгляда, но увлекаются, так сказать, с «первого голоса»! И вообще, что за дурацкая манера — клевать на каждый женский голосок за углом!

— Ну, скажем, не за углом...

— А ведь вам уже далеко не шестнадцать. Как, впрочем, и мне, мой юный викинг.

Она оглянулась на ближе всех стоявшего к ним второго лейтенанта морской пехоты Максвилла, затем — на все еще зависающий над противоположной грядой дисколет, и, немного поколебавшись, направилась к самолету.

— Видите ли, фрау Фройнштаг, — подался вслед за ней рейхариец, — дело в том, что...

— Остыньте, обер-лейтенант, — прервала его гауптштурмфюрер.

— То есть?

— Сейчас не время предаваться объяснениям и оправданиям. Как можно быстрее и лаконичнее выкладывайте свою официальную версию.

Лилий остановилась и повернулась лицом к пилоту. Она действительно желала услышать его окончательную версию до того, как оба окажутся во чреве машины. Кроме того, ей хотелось знать, как отреагируют, на явление им пилота пришельцы из дисколета.

Ридберг стоял со шлемом в руке — рослый, русоволосый, с широким «раздвоенным» подбородком... И хотя глаза его особой голубизной не отличались, тем не менее он казался настоящим арийцем, словно бы выставленным здесь, посреди ледовых владений Рейх-Атлантиды, в виде образца нового «подземного германца», как порой называли их в стенах Главного управления имперской безопасности.

— Я решил, что мы, антарктические арийцы, не имеем права продолжать военные действия и должны подчиниться решению верховного командования рейха о капитуляции.

Наивность этой версии рассмешила Фройнштаг, но она не стала разочаровывать ее автора.

— Считаете, что такого объяснения будет достаточно? — заподозрил неладное обер-лейтенант.

— Нет, конечно, возникнет множество вопросов. Но они появятся уже в Штатах.

— Об этом я и мечтаю. Вы тоже останетесь в Штатах?

— ...А пока что, на авианосце и в эскадре, оно удовлетворит всех.

— Я спросил, останетесь ли вы в Штатах?

— Не более трех суток, которые понадобятся, чтобы разобраться с двумя американскими изданиями и отбыть в Цюрих. К вашему сведению, я швейцарская

гражданка. Замужняя швейцарская гражданка, если уж быть предельно точной.

— Этого следовало ожидать, — не очень-то огорчился Ридберг, все так же влюблено осматривая Фройнштаг. И та уже не сомневалась, что сейчас мужчина предельно возбужден. Симпатичный мужчина, с которым в любой другой ситуации... Вот только время сейчас.

Фройнштаг взглянула на дисколет, и впервые во взгляде ее проявилась не настороженность, а надежда. Если бы вдруг дисколет завис прямо над ними и пришельцы похитили этого «юного викинга», она была бы признательна им. Однако пришельцев уже не интересовал ни этот беглый пилот, ни американцы, которые прибыли спасти его.

«Но тогда, что же вас интересовало здесь? — мысленно спросила Лилия. — Какого дьявола вы оказались над место аварии и почему ведете себя, как бездушные, совершенно безразличные ко всему происходящему наблюдатели?»

И была поражена тем, что в сознании ее вдруг прозвучал ясно сформулированный ответ:

«Вы правильно выразились: мы — наблюдатели».

«А если бы мы не прибыли на своем самолете сюда, вы так и не помогли бы гибнущему пилоту?».

«Мы знаем, что ему суждено погибнуть очень скоро, но не здесь» — последовал еще один лаконичный ответ, причем и на сей раз гауптштурмфюрер не «расслышала» какой-то конкретный голос, появлялись только неизвестно кем произнесенные слова.

«Очень скоро? Вы сказали «очень скоро»? Чем она будет вызвана, его гибель?», — все так же, мысленно, допытывалась Фройнштаг.

«Наберитесь терпения, и все увидите», — последовал ответ.

«Но отсюда мы хотя бы улетим?» — становилась все более настойчивой Лилия.

«Улетите. Но мы — не оракулы, — космический патруль. И больше никаких вопросов!».

— Вы, фрау Фройнштаг, то ли к чему-то прислушиваетесь, то ли с кем-то разговариваете, — насторожился Ридберг.

— А сами вы... ни к чему не прислушиваетесь? — осторожно поинтересовалась германка.

— Прислушиваюсь, но не слышу. Если они, — кивнул обер-лейтенант в сторону дисколета, — с кем-то решили поговорить, то слова их достигают только того, кому они адресованы.

— Вот видите, оказывается, вы более подготовлены к подобным диалогам, нежели я.

В ту же минуту дисколет медленно проплыл над спасенным и его спасателями, а затем почти мгновенно растворился в легкой дымке над вершинами одного из горных хребтов Земли Уилкса.

— И что же они сказали? — только теперь обер-лейтенанту изменило его стоическое хладнокровие, и он явно заволновался.

— Ничего существенного, обер-лейтенант.

— Это не ответ, гауптштурмфюрер. Вспомните, что мы с вами германцы, и что оба мы — офицеры. Пожалуйста, что конкретно они поведали вам?

Фройнштаг немного поколебалась: говорить ему все правду, или обойтись общими словами, и решила, что пилоту тоже следует подождать, чтобы все увидеть своими глазами. — Я поинтересовалась, почему они не спасали вас, и стали бы спасать, если бы здесь не появились мы.

— Чем же они объяснили свою безучастность? — Заявили, что они всего лишь наблюдатели.

— И все? — саркастически ухмыльнулся обер-лейтенант. — Меня их ответ не удовлетворил точно так

же, как и вас, однако внутренний голос повторил: «Мы — всего лишь наблюдатели» и предупредил: «Больше никаких вопросов». По тому, как недоверчиво посмотрел ей в глаза обер-лейтенант, Лилии нетрудно было догадаться, что тот не до конца поверил ее объяснению, вот только продемонстрировать свое недоверие не решился.

— Леди и джентльмены, — прозвучал в это время голос командира самолета, — срочно прошу подняться на борт. Наше время истекло.

— Он прав, — неожиданно заторопился обер-лейтенант. — Хотя эти дисколетные ублюдки и предстают в виде безучастных наблюдателей, тем не менее, могут сообщить на «Базу-211» или в Страну Атлантов о моем побеге, и даже указать координаты.

— Такие случаи уже были? — Побегов? — Побегов, сообщений. — Сколько угодно. — И ни одного удачного побега?

— Ни одного. Нас самих несколько раз бросали на поиски дезертиров. Правда, двое германцев объявлены пропавшими без вести, но никто из пилотов не знает, что за этим скрывается.

— Получается, что время от времени пришельцы выступают роль сторожевых псов?

— Не время от времени, а постоянно. Они менее всего заинтересованы в проникновении в Антарктику континентальных жителей планеты. У пришельцев здесь свои Подземные и подводные космодромы, и настоящими хозяевами чувствуют себя в Антарктиде только они. А еще они знают: если вызвать сюда германские дисколеты, их экипажи церемониться с нами не станут.

Ничего не ответив, Фройнштаг максимально ускорила шаг и, не оглядываясь больше ни на обер-лейтенанта, ни на антарктические небеса, поднялась по трапу на борт.

Зато, прежде чем закрыть дверцу салона, капитан Серид, наоборот, предельно внимательно, настороженно осмотрел низкое, дымчатое поднебесье. И на лице его прочитывалась крайняя озабоченность.

**Январь 1947 года Антарктика. Южный океан.
Полярная эскадра контрадмирала Роберта
Брэда.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Звонок телефона показался Фройнштаг резким и настойчиво враждебным.

— Как же вы, адмирал, невовремя! — едва слышно простонала она, упираясь руками в грудь замершего на ней Ридберга.

— Не снимайте трубку, Фройнштаг, — так же полусшепотом попросил обер-лейтенант, возобновляя свои мужские ласки.

— Это невозможно. Вы забыли, что адмирал здесь не я.

Зуммер становился все настойчивее, и, немного поколебавшись, вновь перехватив встревоженный взгляд скатившегося на бок пилота, Лилия все же взяла трубку.

— Фройнштаг? Здесь адмирал Брэд.

— Что вы хотите поведать мне, адмирал? — спросила журналистка, стараясь нормализовать свое растревоженное дыхание и жестами требуя, чтобы обер-лейтенант замер.

— Германский пилот все еще у вас?

— Как и договаривались, мой адмирал. Беседуем. Захватывающая информация. Мои издатели будут в восторге.

— Но вы же понимаете, что эти милые беседы пора прекращать! — интеллигентно возмутился командующий эскадрой, словно бы догадываясь, что с

первых же минут каютного уединения эти двое германцев оказались в постели.

Обер-лейтенант оказался настоящим мужчиной — крепким, неустойчивым и явно изголодавшимся. Правда, особыми нежностями парень не блистал, однако Фройнштаг готова была списать это на нервозность обстановки и спешку. Предаваясь натиску рейхатланта, журналистка сама предупредила: «Учтите, мой бесстрашный викинг, что в запасе у вас не более десяти минут».

— Простите, господин адмирал, — перешла Фройнштаг на полуофициальный тон, одновременно жестами требуя от пилота, чтобы он неслышно выбирался из их сексуального ложа, — но вы нарушаете нашу договоренность. Нам понадобится еще с полчаса, после чего господин Ридберг поступает в ваше полное распоряжение.

— Какие полчаса, Фройнштаг?! — в тихом ужасе взмолился доктор Брэд. — . Вы что, не понимаете, что происходит?

Пока пилот уползал от нее, Лилия могла видеть, что он все еще страстно возбужден, и подумала, что из этого парня мог бы получиться первоклассный любовник. Если, конечно, пристроить его где-нибудь в Швейцарии, хотя бы начальником охраны их семейного «Альпийского банка».

— А что, собственно, происходит, негиббемый командующий непобедимой эскадрой? — растягивала она слова и, таким образом выигрывая время, необходимое для того, чтобы и самой подняться.

Конечно же, в постели Брэд ни в какое сравнение не шел с Ридбергом, хотя к «хилым интеллигентам» тоже не принадлежал.

— А то, что через полчаса вся наша эскадра вместе с нами будет покоиться на дне Южного океана — вот что происходит!

— Опять преувеличиваете, — упрекнула его Фройнштаг и только сама она знала, что в действительности скрывается за этим язвительным замечанием. — Нельзя ли попонятнее, адмирал?

И тут Роберт Брэд сорвался.

— Прекратите юлить, Фройнштаг! Меня не интересует, чем вы там, в реальности, занимаетесь со своим германцем, но у вас есть ровно пять минут, чтобы одеться и бегом добраться до центрального командного пункта авианосца. Вы слышали меня? Бегом! Вместе с обер-лейтенантом.

Только теперь Лилия поняла, что, предавшись мужским ласкам, она пропустила что-то очень важное, что происходило то ли на самом корабле, то ли вокруг эскадры.

— Так что, все же, черт возьми, случилось? — как можно спокойнее и деликатнее спросила она. — Очевидно, я не знаю чего-то такого, что известно вам.

Адмирал выдержал небольшую паузу, успокоился и уже совсем миролюбиво спросил:

— Так вам действительно ничего не известно? Предположить этого не мог. Видите ли, с нами связался рейхсфюрер Рейх-Атлантиды, как он представился, адмирал фон Готт. Он ультимативно требует вернуть спасенного нами Пилота.

— Но «База-211» находится очень далеко, и мы успеем объяснить адмиралу, что сам обер-лейтенант не желает возвращаться.

— Какая, якорь мне в глотку, «База»?! — вновь взорвался адмирал. — Выгляните из каюты: они уже над нами. Пять дисколетов. Настоящее светопреставление.

— Через пару минут мы с обер-лейтенантом будем рядом с вами. Пусть пилот сам...

— Я уже объявил вице-адмиралу фон Готту о том, что его бывший подчиненный просит политического убежища в Штатах. И получил ответ, что желания этого

пилота-дезертира командование «Базы-211»
совершенно не интересуют.

— Но они хотя бы знают, что самолет потерпел аварию и что пилот вынужден был просить о помощи.

— Знают, Фройнштаг, знают, однако жаждут получить ответы на те же вопросы, на которые жаждем получить и мы.

— Но вы, адмирал, получили их! — возмутилась теперь уже Фройнштаг. — Пилот стоял перед вами, и вы задали все те вопросы, которые хотели задать.

— Не все, — отрубил адмирал. — И не все ответы показались мне исчерпывающими. Не все. И не забывайте, Фройнштаг, вы здесь всего лишь в роли журналистки. Тоже, кстати, в весьма сомнительной роли. Если Ридберг сейчас же не явится ко мне, его приведут силой.

— Да явится он, явится, адмирал! — раздраженно заверила его Фройнштаг, понимая, что Брэду не очень-то хотелось защищать спасенного пилота. Что по существу он предал человека, который искал у него защиты. — Но вы должны понять, что бежал он не ради встречи со мной, наше случайное знакомство лишь подстегнуло его, вселило надежду на спасение. В действительности он хотел вырваться из того подземного концлагеря, в который его загнали адмиралы фон Готт и фон Риттер.

— Ситуации это уже не меняет, — отчеканил командующий эскадрой.

— А если они потребуют выдать меня, вы и меня им сдадите?

Адмирал явно не ожидал такого вопроса, но очень быстро опомнился и произнес:

— Не исключено.

— И я так думаю.

— А пока что слушайте мой приказ: Ридберга немедленно сюда, на центральный командный пункт.

Адмирал уже повесил трубку на рычаг, а Фройнштаг все еще держала ее в руке, а другой рукой, в которой была рубашка, прикрывала свою наготу.

— Вы все слышали, мой храбрый викинг, — Фройнштаг попыталась подбадривающе улыбнуться, однако улыбка оказалась какой-то слишком уж нервной и неестественной.

— Командующий эскадрой решил выдать меня адмиралу фон Готту?

— Его вынуждают сделать это, — уточнила Фройнштаг, быстро, по-армейски одеваясь. — Вы сами прекрасно понимаете, что военный перевес на стороне этих ваших дьявольских дисколетов, на помощь которым может придти еще и дисколет инопланетян.

— Инопланетяне вряд ли станут вмешиваться...

— Но сведения о вашем дезертирстве на «Базе-211» все же получили от пришельцев. Вы сами недавно утверждали, что инопланетяне заинтересованы в неприкосновенности Антарктиды.

— Утверждал.

— Кстати, где именно находится их база? — как бы между прочим, поинтересовалась Фройнштаг, облачаясь в свой армейского покроя костюм.

— Этого я не знаю. У них отдельные входы во Внутренний Мир, вылетать из которого они могут не только в районе Антарктиды, но и в нескольких местностях континентальной части планеты.

— А вход на Базу скрыт под водами того залива, в котором ранее находилась наша эскадра?

— Там находится один из боковых входов, который получил название «субмаринного».

— Следует предположить, что возле него базируются субмарины «Фюрер-конвоя»?

— Верно. Что касается основного входа на «Базу-211», то он расположен в десяти милях западнее,

в небольшой и тоже свободной ото льда бухте, которая почти невидима со стороны океана.

Обер-лейтенант подошел к Фройнштаг сзади и обнял ее за талию как раз в том момент, когда она, согнувшись, пыталась надеть сапог. Понимая, какие сладострастные мгновения переживает сейчас возбужденный мужчина, Лилия на какое-то время замерла в этой неудобной для себя позе. А как только объятия Ридберга ослабли, тотчас же освободилась от них и потребовала платы:

— Что-то я так и не поняла, какова же общая численность обитателей Рейх-Атлантиды?

— Порядка пятидесяти тысяч. Добавьте к ним еще несколько тысяч военнопленных и технического персонала, вывезенного из разных стран мира.

— При острейшей нехватке женщин...

— Острейшей. Вам приходилось слышать о «лебенсборнах»?

— О наших, сугубо арийских, борделях? Приходилось.

— Так вот, всего в подземном рейхе насчитывается порядка двадцати тысяч женщин, при этом около двух тысячи из них пребывает в lebensборне «Кровь предков».

С минуту Фройнштаг молча возилась со своими сапогами, а Ридберг, похоже, решался на второй подход к ее ягодицам.

— Продукты ваши субмарины доставляют из Латинской Америки? — упредила его Лилия, поспешно покончив с обуванием.

— Какую-то часть фруктов и овощей. Во Внутреннем Море прекрасный, стабильный климат и плодородная почва. Там хватает рыбы, китового, акульеого, тюленьего и мяса прочих морских животных.

— Но вы так и не назвали количество оказавшихся в вашем распоряжении субмарин и самолетов.

— Более двадцати субмарин. Точной цифры я не знаю. Контрразведка сразу же начинает интересоваться каждым, кто интересуется численностью и качеством вооружений «Базы-211».

— И правильно делает. Но ваша совесть может быть чиста: сведения, которые вы мне даете, рассчитаны не на американскую разведку, — едва слышно проговорила Фройнштаг. — Они нужны организации служащих СС которая готовит почву для возрождения нацизма в Германии, Австрии и на других исконно германских территориях. Вам трудно представить себе, обер-лейтенант, как ободрены будут члены нашей организации, когда узнают, какой мощный потенциал скрывается в подземельях Антарктиды, а еще узнают, что на планете все же осталось место, в котором сохранился осколок Третьего рейха.

— Считаете, что это действительно взбодрит ваших единомышленников?

— Еще как! Но я прослушала, каким арсеналом наделил вас Геринг?

— Мы наладили строительство самолетов и дисколетов. У нас восемь дисколетов и около тридцати самолетов разных типов и назначения.

— Можете считать, что самый нежный из всех допросов, которые когда-либо проводились в этом мире, завершен, — мило улыбнулась Фройнштаг.

Покончив с одеянием, Лилия взглянула на пилота. Он стоял бледный, пальцы, которыми пытался застегнуть пуговицу на кителе, предательски дрожали.

— Убеждены, что вас ждет суд?

— Только суд.

— Самое сложное будет объяснить, почему вы оказались в этой части Антарктиды, — сказала Лилия, вспомнив при этом о Скорцени. Был бы он здесь, он нашел бы какое-то решение. Какое именно — этого она

не знала, однако не сомневалась: будь здесь Скорцени, вся эта экспедиция выглядела бы по-иному.

— Это попросту невозможно объяснить, — признал тем временем пилот.

— Существует только одна более или менее приемлемая версия: решили проследить за действиями американской эскадры, увлеклись и не заметили, как вышли из зоны радиосвязи.

— Вряд ли они воспримут это объяснение.

— Согласна, вряд ли, — неожиданно согласилась Фройнштаг. — Однако другой версии у вас нет. И поймите, эскадра и так понесла значительные потери. Адмирал не станет рисковать половиной своих кораблей ради того, чтобы отстаивать какого-то там германского дезертира, который и сам еще недавно атаковал его суда и самолеты.

— Что совершенно естественно, — едва слышно проговорил Ридберг.

— Я что-то могу, передать вашим родным, вашей жене детям?

— У меня никого нет. Жена умерла во время родов, мать погибла в сорок третьем, во время бомбардировки.

Они вышли из каюты и направились к выходу на верхнюю палубу, чтобы оттуда попасть на центральный командный пункт авианосца, который по традиции моряки продолжали называть «капитанским мостиком».

— Вспомните, что вы — офицер, Ридберг, германский офицер, — напутствовала его Фройнштаг. — И должны вести себя должным образом.

— Не сомневайтесь в этом, гауптштурмфюрер. И еще... хотел сообщить вам, что нынешняя встреча наша — не первая.

— Что вы сказали?! Решитесь повторить или это ваша очередная бредовая фантазия?

— Мы, конечно, не были знакомы, но я видел вас, когда вы приходили вместе со Скорцени в наш «Отряд

германских военных космонавтов».

— То есть в отряд пилотов-смертников?!

— ...Которые готовились стать «пилотами-торпедами», «пилотами-ракетами» и «человекобомбами», — подтвердил Ридберг. — Я был одним из первых добровольцев, поступивших в этот отряд, который мы еще называли «школой».

— В таком случае вам не стоит объяснять, что такое быть готовым пожертвовать жизнью, обер-лейтенант?

— Не стоит.

— Помнится, я действительно дважды посещала этот отряд, существовала даже идея создать аналогичный женский отряд, который должна была возглавить я.

— Так что наша встреча — это судьба.

— Некое подобие судьбы или же напоминание о ней. Хотя, честно признаюсь, что не могу вспомнить вас в строю этого отряда.

— Мы все тогда стояли в летных шлемах, готовились к очередным занятиям по пилотированию, и, понятное дело, были похожи друг на друга.

— Будем считать это объяснение вполне приемлемым, храбрейший из моих рыцарей.

У трапа, ведущего к верхней палубе, обер-лейтенант резко остановился. На какое-то мгновение Фройнштаг показалось, что он попытается обнять ее, и, чтобы этого не произошло, резко отшатнулась. Теперь ей это было бы неприятно. К большинству мужчин, которых Фройнштаг довелось познать в течение своей жизни, она остывала с удивительной быстротой, приблизительно с такой же, с какой умудрялась проникаться к ним своей страстью. И не ее вина в том, что пилоту Ридбергу суждено было оказаться в их числе.

Мимо них пронеслось несколько авиаторов, очевидно, спешивших к ангарам. Пропустив их к трапу,

обер-лейтенант произнес:

— Я счастлив, что последние минуты своей жизни провожу в обществе такой прекрасной германки.

— Ну почему сразу «последние»? — попыталась успокоить его Фройнштаг, но, увидев, что Ридберг достает из портупеи пистолет, запнулась на полуслове.

— Жаль только, что судьба отвела нам слишком мало времени, — молвил обер-лейтенант, и в то же мгновение Фройнштаг обеими руками перехватила его руку, не позволяя полностью извлечь парабеллум.

— Отставить! — крикнула она. — Не смей стреляться здесь!

— А какая разница, где именно? — удивился Ридберг. — Главное, успеть до ареста, во время которого пистолет у меня отберут.

— Вы не имеете морального права делать этого здесь, обер-лейтенант, потому что подземные германцы обвинят в вашем убийстве американцев и таким образом изыщут еще один повод для конфликта. Вы не должны причинять своей смертью зло людям, которые искренне пытались спасти вас.

— Думаете, рейхатланты в самом деле попробуют списать мое самоубийство на американцев? — меланхолично поинтересовался Ридберг.

— Ни минуты не сомневаюсь в этом.

— О таком ходе мыслей я почему-то не подумал.

— И потом, не надо торопиться, возможно, все не так ужасно, как это вам представляется.

— Самое ужасное заключается в том, что меня могут вернуть в подземелье и до конца дней моих не будут выпускать на поверхность. Одного запрета на полеты вполне хватит, чтобы я сошел с ума или повесился.

Однако Фройнштаг оставалась непреклонной. Заставив обер-лейтенанта вернуть оружие в кобуру, она пошла вслед за ним, словно вела его под конвоем.

— Где вас носит, Фройнштаг?! — раздраженно поинтересовался адмирал Брэд, когда оба наконец предстали перед ним в центральном командном пункте.

— Так кого «носит»: меня или германского пилота? — вежливо и тем не менее подколодно поинтересовалась Лилия. — Может быть, вы решили обменять меня вместо обер-лейтенанта? Тогда так и скажите.

— Даже не догадываетесь, Фройнштаг, какую глубокую мысль подсказываете нам сейчас, — молвил командующий эскадрой. — Как вам эта идея, кэптен Вордан?

Верден промолчал, зато ответила Фройнштаг:

— Уверена, что оба адмирала подземных арийцев возрадовались бы такому обмену. А то они ведут себя как-то слишком уж нервно.

— Господин командующий, — вмешался в конце концов, в их диалог командир авианосца, одновременно являвшийся заместителем командующего эскадрой. — На всех судах отряда все боевые системы приведены в высшую степень боевой готовности. Все самолеты готовы подняться в воздух.

— Если только им позволят оторваться от взлетной полосы, — проворчал старший вахтенный офицер.

— Вот именно: если позволят. Жаль, что нет субмарины, все же хоть какой-то шанс у нас оставался бы, — размышлял вслух адмирал Брэд, наблюдая, как на командный пункт неуверенно как-то входят командир авиаотряда полковник Колдуэн, полковник разведки Ричмонд и адъютант командующего Шербрук. — Кстати, германские субмарины поблизости не объявлялись?

— Не замечены, сэр, — ответил вахтенный офицер.

— Тем более. Напрасно я отправил субмарину «Баунти» с отрядом коммодора, напрасно... Здесь она

была бы нужнее. Впрочем, во время первого боя у нас было две субмарины, но исхода боя они не решали.

— Команды всех судов, в том числе и ледокола «Сент-Джон», ждут вашего приказа.

Кэптен Вордан умолк и выжидающе уставился на адмирала. Это был взгляд человека, застывшего с веревкой в руках перед человеком, который еще только должен был принять решение: кончать ему жизнь самоубийством или не стоит?

* * *

На обер-лейтенанта ни адмирал, ни командир корабля внимания пока что не обращали. Он сиротливо остановился у входа в центральный командный пункт авианосца — поникший, бледный и как-то неожиданно быстро осунувшийся. Еще каких-нибудь полчаса назад Лилия восхищалась силой этого мужчины, он казался ей воплощением арийского духа и сугубо германского мужества. Теперь же некогда бравый пилот не вызывал у нее ничего, кроме чувства неловкости за его слабость, да еще чувство стыда за беспомощность командования эскадры.

Как бы там ни было, а Фройнштаг старалась стоять так, чтобы постоянно держать пилота в поле зрения, она очень опасалась, как бы Ридберг не решился сводить счеты с жизнью прямо здесь, в присутствии командующего.

Тем временем к эскадрилье дисколетов присоединилась эскадрилья арийских ВВС. В то время как диски просто зависли на небольшой высоте, серебристым кольцом окружив авианосец, шесть самолетов-штурмовиков нагло устроили над эскадрой показательные полеты с элементами высшего пилотажа.

Наблюдая все это, адмирал лишь бессильно сжимал кулаки и, поддерживаемый кэптенем, изрыгал ругательства. Если хоровод дисколетов он еще воспринимал более или менее смиренно, то каждый новый пролет штурмовиков был не только оскорблением воинского духа эскадры, но и глубоким личным оскорблением.

— Господин адмирал, — вдруг слышался голос вахтенного офицера, — центр связи сообщает, что на волне находится начальник Объединенного штаба флотилий Атлантического океана^[65] вице-адмирал Ричард Грегори.

— Грегори, якорь ему в глотку, — проворчал контр-адмирал Брэд, подходя поближе к аппарату и включая громкую связь, рассчитанную на центральный командный пункт. — И, как всегда, невовремя.

— Доложите обстановку, Брэд, — прозвучал неожиданно высокий голос Грегори, совершенно не соответствующий голосу старого морского волка. — Что там у вас.

— Докладываю: над нами зависла эскадрилья из пяти дисколетов подземных арийцев, подкрепленная шестью германскими штурмовиками.

— Вас очень плохо слышно, Брэд, — едва пробился сквозь какие-то помехи голос Грегори. — Повторите.

— Докладываю: над нами зависла эскадра из пяти дисколетов противника. Возможно, где-то рядом находится еще несколько дисколетов атлантов и инопланетян. Кроме того, над нами барражируют шесть штурмовиков подземных арийцев.

Последние слова командующий эскадрой произносил уже при сплошной завесе помех, напоминающей шум нарастающего где-то в поднебесье грозового фронта. При этом до Грегори долетали, очевидно, лишь отрывки его доклада, точно так же, как

время от времени до слуха Брэда и всех остальных пробивались отдельные слова, молвленные вице-адмиралом Грегори. Лишь последние слова вице-адмирала, известные всему флоту, как любимое выраженьице Грегори — «Не спешите, рубить мачты, бой еще только разгорается», каким-то чудом прорвались сквозь этот заслон искусственных помех. Впрочем, с помехами этими Вордан столкнулся еще при попытке связаться со штабом Объединенного командования атлантических флотилий во время первой атаки арийской авиации.

Радист сообщил, что связь со штабом объединенного командования окончательно прервана, а Брэд все еще что-то там рычал в микрофон, изрыгая проклятия. И всем присутствующим, в том числе и крайне плохо владеющему английским языком германскому пилоту, было понятно: командующий эскадрой попросту бесится от бессилия.

Лишь когда на связь в конце концов вышел адмирал фон Готт, командующий эскадрой вновь воспрял духом: парад позора завершался. И не имело значения, что завершался-то он актом еще большего позора. Зато появлялась хоть какая-то определенность.

— Ваше время истекло, адмирал Брэд, — воинственно проговорил Полярный Барон.

— Не припоминаю, чтобы оно было оговорено нами, — огрызнулся Брэд, однако Фройнштаг понимала, что это всего лишь работа на публику.

— Оно истекло, контр-адмирал Брэд, — жестко повторил фон Готт. — Это понятно нам обоим.

— И что вы намерены предпринять?

— «Тайная доктрина основателей Страны Атлантов», пунктов которой мы обязались в свое время придерживаться, не позволяет нам вести войны со странами континентальных народов. — Брэд догадывался, что эти слова были молвлены специально

для ушей Повелителя Этлена Великого, один из дисколетов которого, очевидно, находился где-то поблизости, и только поэтому съязвил:

— И не ведите ее, адмирал.

— Но если вы немедленно не вернете похищенного вами пилота, — словно бы не расслышал его слов барон фон Готт, — мы вынуждены будем атаковать вас по личному приказу самого Повелителя и при поддержке его дисколетов.

Упоминание о дисколетах заставляло командующего американской эскадрой воспринимать все происходящее как некий предутренный полубред, однако все предыдущие события предостерегали его от легкомысленной горячности.

— Мы не похищали вашего пилота, обер-лейтенанта Ридберга, а спасали его. После того как, увлекшись преследованием эскадры, он израсходовал основную часть горючего и вынужден был искать место для экстренной посадки.

— Если он чем-то и увлекся, так это преследованием вашей швейцарки Фройнштаг, — объяснил ему Полярный Барон. — И за нарушение дисциплины предстанет перед судом. Он рядом с вами, адмирал Брэд?

— Рядом.

— Пригласите его к микрофону.

Командующий кивком головы подозвал к себе германского пилота и передал микрофон.

— Господин рейхсфюрер Рейх-Атлантиды, — начал было свой доклад обер-лейтенант, однако Полярный Барон резко прервал его:

— Все ваши объяснения, пилот Ридберг, мы выслушаем на борту дисколета. Вас действительно спасали, или, может, ваш самолет подбили, чтобы пленить и выведать все сведения о «Базе-211»?

— Я потерпел аварию во время неудачной посадки, после чего моя машина взлетела в воздух. Свидетелем этого стал экипаж патрульного дисколета пришельцев, который пальцем не пошевелил, чтобы спасти меня. Американцы приняли мой сигнал бедствия и прилетели как раз в момент взрыва. Если бы не они, я бы погиб во льдах.

— Трогательная история, — проворчал адмирал фон Готт. — Расплачивались вы, естественно, секретными сведениями о «Базе-211» и Рейх-Атлантиде?

— Они не допрашивали меня. Задали всего лишь несколько вопросов, касающиеся того, почему я оказался в этой части Антарктиды. Этих вопросов оказалось значительно меньше, нежели только что задали вы, господи рейхсфюрер.

— В таком случае все остальные вопросы будут заданы вам чуть позже, — проскрипел своим суховатым баском барон фон Готт. Он явно был недоволен последним замечанием пилота, его дерзостью.

— Предпочел бы ответить на них прямо сейчас и остаться на борту авианосца, — сжигал мосты пилот штурмовика. Бывший доброволец «отряда германских военных космонавтов», он и сейчас вел себя так, словно впереди его ожидал вылет в капсуле ракеты Фау — без парашюта и с горючим в один конец, и, понятное дело, без права на отказ от полета. — У меня нет никакого желания возвращаться в ваше дьявольское подземелье. Лучше вернуться в рейх.

— Еще одно слово, и вы не вернетесь туда даже в цинковом гробу. Поэтому мой вам совет: спуститесь на палубу и пройдите до конца взлетной полосы.

— Понимаю, что они жестоко расправятся со мной, но иного выхода, наверное, не существует, — удрученно проговорил обер-лейтенант.

— Скажу больше: его не существовало с самого замысла вашего побега, — объяснил ему доселе

стоически молчавший... адъютант порученец командующего эскадрой Шербрук. — Вам следовало уходить в западном направлении, через Антарктический полуостров, на который можно было приземлиться в случае аварии, и через пролив Дрейка достигать Огненной Земли.

— Где вы, лейтенант-коммандер, были со своими советами раньше? — одернул его старший вахтенный офицер, после того как Фройнштаг перевела пилоту слова вахтенного. — Запоздали слегка.

— Я попрошу трибунал учесть и ваше раскаяние, — снизошел тем временем рейхсфюрер фон Готт хоть до каких-то гарантий, — и те обстоятельства, которые вынудили вас оказаться на борту вражеского судна.

На центральном командном пункте авианосца воцарилось унижительное молчание.

Все смотрели на командующего эскадрой, ожидая, что решение последует от него, а сам командующий столь же угрюмо смотрел на германского обер-лейтенанта. Сейчас только он способен был спасти их всех от воинского позора, но и цена подобного спасения тоже определена была заранее: жизнь.

— Извините, джентльмены, — как можно четче проговорил пилот по-германски, — судя по всему, время моего визита вежливости давно истекло. Благодарю за спасение, это было сделано по законам морского братства. Жаль, что мы не всегда остаемся настолько великодушными, чтобы придерживаться его постулатов и ценить их.

Пилот отдал честь, четко, по-строевому, повернулся и вышел.

— Проведите его через корабельные лабиринты на авиационную палубу, адъютант, — распорядился адмирал Брэд. А затем, взглянув на Фройнштаг, кивнул в сторону двери: — Можете сопровождать его, мэм.

— Германца это подбодрит, — благодарно признала Фройнштаг.

В ту же минуту командующий эскадрой вновь взялся за микрофон.

— Адмиралу фон Готту и всем, кто слышит меня: спасенный нами обер-лейтенант Ридберг направляется на взлетную полосу. Вы готовы принять его на один из своих дисколетов?

— Готовы! — последовал ответ рейхсфюрера Рейх-Атлантиды. — На взлетной палубе военнослужащих быть не должно.

— Никого, кроме двоих сопровождающих, — заверил адмирал Брэд.

И в эфире, как и на центральном командном пункте, вновь воцарилось томительное молчание.

Лишь когда обер-лейтенант и следовавшие за ним в трех шагах адъютант и Фройнштаг стали приближаться к концу удлиненной авиационной палубы, один из дисколетчиков ловким и почти непостижимым для летчика обычного самолета маневром пристроил свою машину к концу взлетной полосы. При этом дисколет не садился на палубу, а завис в двух метрах от нее и выстрелил автоматически разворачивающийся эластичный трап.

— Нам бы такую технику, — мечтательно произнес полковник Колдуэн, — да перебросить хотя бы эскадрилью подобных дисков на Дальний Восток, под Хабаровск и Владивосток.

— Смотрите, полковник, как бы русские не перебросили точно такую же эскадру из своего Дальнего Востока под Нью-Йорк и Вашингтон, — язвительно заметил полковник разведки Ричмонд.

— Это уже ваша забота, полковник, — огрызнулся командир пилотов.

— Сопровождающим следует остановиться! — последовал тем временем приказ адмирала фон

Готта. — Дальше пилот следует сам.

Ступив еще несколько шагов, обер-лейтенант оглянулся и высоко поднял руку вверх, прощаясь с Фройнштаг и Шербруком жестом уходящего в пустыню бедуина.

В бинокль адмирал Брэд видел, как у дверцы дисколета появился один из членов экипажа с автоматом на груди. Стоило дезертиру ступить на трап и взяться за серебристые поручни, как дисколет резко взмыл метров на пять вверх и сразу же динамик громкой связи донес до центрального командного пункта авианосца треск густой автоматной очереди, которая буквально сорвала дезертира с трапа и швырнула в ледяное море.

— Вы слышите меня, адмирал Брэд? — вновь прорезался голос рейхсфюрера Рейх-Атлантиды.

— Слышу, адмирал фон Готт.

— Как человек военный вы прекрасно знаете, что дезертиров презирали во все времена и во всех армиях мира.

— Таковы армейские традиции, — согласился командующий эскадрой.

— И не нам их нарушать. Вы исполнили свой долг по спасению гибнущего летчика, мы свой долг не наказывая его за дезертирство. Инцидент исчерпан. Эскадра может продолжать свой путь.

— Честь имею, адмирал.

— Кстати, — неожиданно продолжил общение адмирал фон Готт, — в районе новозеландского острова Кэмпбелл замечено советское судно «Слава», с гидросамолетом на борту.

— Очередная исследовательская экспедиция, наподобие той, которую вы, адмирал фон Готт совершали на своем «Швабенланде» в тридцать восьмом?

— Несомненно, какие-то исследования русские проводить будут. Однако судно военное, движется оно в сопровождении четырех или пяти субмарин и нацеливается, скорее всего, на антарктический остров Скотта, а точнее, на море Росса^[66].

— Это уже серьезная тема для размышлений, — признал Роберт Брэд, подумав, что, сразу же после отлета германской эскадрильи, следует связаться с вице-адмиралом Грегори.

— Причем нетрудно установить, что ваши две далеко не дружественные эскадры следуют пересекающимися курсами.

— Судя по всему, так оно и есть, — озадаченно признал Брэд, глядя на висевшую на стенде карту южного полушария.

О дезертире-пилоте, чье тело покоилось сейчас в глубинах Южного океана, уже было напрочь забыто. Инцидент и в самом деле выглядел окончательно исчерпанным.

— Но самое любопытное, — продолжил сорить информацией рейхсфюрер Рейх-Атлантиды, — что в Тасмановом море, неподалеку от южного побережья Новой Зеландии, прогуливаются еще два русских военно-исследовательских судна, и тоже, судя по всему, следуют в сопровождении своих субмарин. Похоже, что своим рейдом к берегам Антарктиды вы настолько разбередили антарктические фантазии Москвы, что она решила перебазировать к острову Скотта весь свой дальневосточный флот.

— Серьезный конкурент.

— Пользуясь тем, что, ядерно подавив японцев, США избавили ее от единственного достойного противника в этом районе, Россия может теперь заняться переделом последнего неподделенного континента.

— А что же вы, с эскадрильями своих непобедимых дисколетов?.. — саркастически ухмыльнулся адмирал Брэд, поглядывая на полковника разведки Ричмонда. — Так и будете терпеливо наблюдать за нашествием сюда русских?

— Пока что нам приходится терпеливо наблюдать за нашествием американцев.

— По отношению к американцам вы ведете себя агрессивно.

— Это всего лишь инцидент, недоразумение. А что касается возможной войны с Россией... Ее не будет. Ничего не поделаешь, мы вынуждены соблюдать предписания «Космического кодекса» и «Тайной доктрины основателей», для которых высшей целью является самосовершенствование, освоение космоса и присоединение к галактической цивилизации Высшего Разума. Пока что плохо представляю себе, о чем речь, но считаться с требованиями Повелителя атлантов все еще приходится. «Никаких конфликтов с континентальным миром!» — основной принцип существования Рейх-Атлантиды.

— В таком случае благодарю за информацию, касающуюся эскадры русских.

— Почему бы и не поделиться такими сведениями с союзниками? — молвил барон фон Готт, и впервые адмирал Брэд не уловил в его голосе ни враждебности, ни сарказма.

— Все идет к тому, что вскоре мы действительно окажемся союзниками, — согласился он. — А что касается появления вблизи Антарктики сразу двух отрядов русских... Совершенно не понятно, чем занимается в эти дни наша разведка, — вновь бросил уничижительный взгляд на полковника Ричмонда.

**Январь 1948 года. Антарктика». Море Роса.
Полярная эскадра адмирала Брада.
Борт флагманского авианосца «Флорида».**

Отряд коммодора Бертолдо открылся как-то неожиданно. Едва авианосец обогнул скалистый, полуоголенный солнечными лучами мыс, как взору адмирала Брэда открылась подковообразная горная гряда, спускающаяся к полосе открытого океана полусферой пакового льда. А затем показался точно так же, подковообразно, выстроенный отряд судов.

И хотя всего полчаса назад коммодор доложил, что никаких летательных аппаратов поблизости не обнаружено, и что он мирно дожидается встречи с флагманским отрядом, адмирал все же поднес бинокль к глазам и, для верности, пересчитал, а затем стал внимательно всматриваться в очертания судов: ледокол «Принц Эдуард», торпедный крейсер «Томагавк», линейные крейсера «Галифакс» и «Сан-Антонио». И, наконец, чуть выдвинувшись из общего построения, как бы прикрывая вход в бухту, стояла в надводном положении субмарина «Баунти».

— Бертолдо — еще тот... старый служака, — простудно прохрипел кэптен Вордан, стоявший на центральном командном пункте слева от адмирала. Он уже давно опустил свой бинокль, и теперь больше интересовался колонией тюленей на прибрежной, похожей на турецкий ятаган, косе, нежели состоянием Западного отряда, — Если бы у него что-то произошло, сразу же доложил бы.

— Не сомневаюсь, — суховато отрубил адмирал, однако бинокль так и не опустил. — Меня вице-адмирал

Грегори тоже считает «старым служакой», и тоже думает, что спешу докладывать ему по любому поводу. Но ведь это не так.

Как только весь флагманский отряд полностью обогнул косу, от торпедного крейсера «Томагавк» отошел катер, в котором стояли коммодор и двое сопровождавших его офицеров. Хорошо усвоивший морские ритуалы, Бертолдо решил, что он обязан лично встретить флагманское судно, доложить командующему эскадрой о состоянии дел в отряде и, получить дальнейшие указания.

— Никаких новых сведений от командира эсминца «Портсмут» не поступало? — спросил адмирал, едва коммодор взошел на палубу авианосца.

— Последний сеанс радиосвязи состоялся в тот момент, когда командир эсминца лейтенант-коммандер Черис вступил в контакт с командиром вышедшего ему навстречу судном английской береговой охраны Фолклендских островов, медлительно и вальяжно, тоном университетского профессора докладывал Бертолдо.

— А почему эсминец ушел без сопровождения субмарины? — насторожился адмирал.

— Как только после ремонтных работ, проведенных на эсминце у берегов остова Жуэнвиль объединенной командой механиков отряда, мы поняли, что «Портсмут» в состоянии идти к Фолклендам самостоятельно, решено было, что субмарина «Баунти» усилит наш отряд, который может подвергнуться атаке подземных арийцев. Не скрою, что командир «Портсмута» остался недоволен этим моим решением, — упреждающе сообщил коммодор, зная, что отголоски этого конфликта рано или поздно командующему эскадрой станут известны.

— Его можно понять. После всего того, что происходило с нашей эскадрой в том, Швабском,

заливе...

— Простите, сэр, но я не склонен оправдывать командира «Портсмута».

— Если, конечно, предположить, что лейтенант-коммандер Черис действительно нуждается в оправдании.

— Но все же странно, что господин Черис постоянно чего-то опасался: то встречи с кораблем-айсбергом, то нападения германских субмарин, которые, по его мнению, базируются где-то у берегов Огненной Земли. К тому же он считал, что я самовольно и неоправданно лишаю его «подводной поддержки», поскольку субмарина была придана его судну по приказу командующего эскадрой.

— Я одобряю ваши действия, коммодор, — в том же светско-вальяжном стиле заверил его адмирал Брэд. — Совершенно очевидно, что они были продиктованы обстоятельствами и вашим личным опытом.

— Тем более что, по нашей просьбе, навстречу эсминцу из Порт-Стенли должно было выйти — и действительно вышло — английское сторожевое судно.

— Полемику по этому поводу считаю неуместной, а встречу продолжим в моей каюте, за рюмкой хорошего коньяку.

Но прежде чем скрыться вместе с Бертолдо в своей каюте, адмирал объявил командам флагманских судов шестичасовую стоянку для осмотра и мелкого ремонта судов. После этого вся эскадра должна была уйти от ледовых берегов Антарктиды и взять курс на чилийский берег Огненной Земли.

Коньяк действительно был подан хороший. Но поскольку с первых минут в их компании оказались командир авианосца кэптен Вордан, командир батальона морской пехоты майор Растон, командир авиаотряда полковник Колдуэн и полковник разведки Ричмонд, коммодор понял: пригласили его в

«командную» каюту адмирала вовсе не для того, чтобы он наслаждался коньячным «букетом» и обменивался тостами.

— Три часа назад получены две шифрограммы: одна за подписью вице-адмирала Грегори, другая — за подписью генерал-майора разведки Доновэна. — Адмирал взглянул на полковника Ричмонда и, дождавшись кивка его головы, продолжил: — Нам приказано немедленно покинуть прибрежные воды Антарктиды и принять жесткие меры к тому, чтобы засекретить все те сведения, которые отныне составляют военную и государственную тайны.

— Это неперемное условие, — потерял своим бычьим, вечно багровым затылком о ворот рубахи полковник Ричмонд.

В ходе всей экспедиции он держался в тени, большую часть времени проводя в своей каюте, за бутылкой виски. Но теперь он почувствовал, что и ему тоже пора выходить на сцену. Точнее, наступает время отчета о своих действиях. И отчет этот обещал быть очень скудным.

— На Фолклендах, — продолжил свою речь адмирал Брэд, — прежде чем позволить командам сойти на берег, мы проведем совещание командного состава всех судов. Но уже сейчас мы должны выработать общее мнение по ряду принципиальных вопросов.

Его речь была прервана неожиданным появлением Антонии Вудфорт, на большом подносе которой стояли чашки с кофе и флотские мисочки с какой-то мясной снедью.

— До меня дошли слухи, что несколько весьма солидных джентльменов изнывает от жажды и голода, — жизнерадостно произнесла она, явно бравируя своим жестким, зато хорошо узнаваемым американцами, ирландским акцентом. — Смириться с этим ни шеф-повар, ни я — не могли.

Одетая в синюю коротенькую юбочку и такого же цвета китель, она представляла собой образец такой бедрасто-доступной, в меру привлекательной девы, что руки мужчин, рядом с которыми появлялась ее лихо насаженная на рыжеватую головку бирюзовая пилоточка, невольно тянулись к икрам ее ног. И потому, как мило она улыбалась каждому из них, офицерам было ясно: к флотским монахиням эта красавица никогда не принадлежала. Как, очевидно, и к трюмным шлюхам, — слишком уж хороша была собой, да и в манерах просматривалось нечто полуаристократическое.

— Вы где все эти дни скрывали такое сексуально, рыжеволосое чудовище, кэптен Вордан? — попытался разрядить обстановку чувственного экстаза сам командующий эскадрой, не дожидаясь того момента, когда Антония исчезнет за дверью.

— Врач-лаборант эскадренного лазарета Антония Вудфорт, — отрекомендовал свое «секретное оружие» Вордан. Он и в самом деле старался не очень-то бравировать ни ее присутствием на судне, ни своей близостью с ней. — Суровая и неприступная ирландка.

— «Неприступная», говорите? — иронично переспросил доктор Брэд, оглядываясь на только что захлопнувшуюся после рыжеволосой бестии дверь каюты.

— Во всяком случае, таковой она являлась до сегодняшнего дня. Ей, как и всему прочему женскому персоналу авианосца, приказано как можно реже появляться на палубах и вообще, отлучаться из своих кают и мест службы. К тому же, помнится, сэр, до сих пор ваше внимание занимала другая женщина, не менее яркая.

Вордан и сегодня не позволил бы леди Вудфорт демонстрировать свои неоспоримые достоинства. Но, как оказалось, у почти случайно попавшего на

авианосец врача-лаборанта вдруг сформировались свои виды на флотскую карьеру, в которой ей могли помочь только адмирал Брэд или будущий адмирал Бертолдо. И Вордан вынужден был выпустить ее из «лабораторной пробирки».

— Исключительно служебное внимание, кэптен, — заметил Брэд, многозначительно улыбаясь при этом. — Хотя в нашей сугубо мужской компании должен заметить... Впрочем, — многозначительно прокашлялся он, — будем джентльменами.

— Правда, после гибели германского летчика, леди Фройнштаг как-то сразу поугасла, — не пожелал закрыть эту тему кэптен, — и больше не появляется в вашем окружении.

— Возвращаясь из дальних прогулок, замужние женщины обычно вспоминают о своих мужьях, — вступился за адмирала коммодор Бертолдо. — Это так естественно, джентльмены!

Воспользовавшись тем, что все дружно рассмеялись, адмирал поднялся и, упираясь кулаками о стол, произнес:

— Господа, даже сейчас, когда этот тяжелейший и совершенно необычный антарктический рейд завершается, мы не можем позволить себе слишком расслабляться.

— И все мы должны осознать это, — признал коммодор как старший после адмирала по чину, давая при этом понять, что с шутливым настроением покончено.

— Еще около двух суток мы будем идти водами Антарктики, прекрасно зная, какие опасности нас здесь подстерегают. Но дело не только в этом. Из полученной нами шифрограммы следует: высшее командование флота, как и высшее руководство страны, опасаются, что те сведения, носителями которых становится личный состав эскадры, еще требуют серьезного

научного изучения и политического осмысления. На данном этапе своего развития, когда официальный ученый мир не в состоянии ответить даже на вопрос: «Существует ли в принципе какая-либо жизнь за пределами нашей планеты?», — человечество не готово адекватно воспринимать сенсационные сведения о том, что «жизнь» эта не только существует, но и вооруженно колонизирует значительную часть Земли, в том числе и ее недра. Это стало бы слишком серьезным ударом по психике миллионов людей, и могло бы привести к самым неожиданным политическим, религиозным и прочим последствиям.

Увидев стюарда, который принес для господ офицеров бутерброды с ветчиной и икрой, Вудфорт, которая в течение всего этого времени оставалась у двери и прекрасно все слышала, приложила палец к губам, и, мило улыбаясь, провела ладошкой по его брюкам ниже пояса.

— Ставь поднос на столик, — едва слышно проговорила она, — бери пустой и уходи. Через час встретимся в моей лаборатории, ты знаешь, где она находится, и уж тогда я выбью из тебя всю твою жеребьячью дурь...

— Поэтому наши действия в данной ситуации таковы. Первое: каждый командир судна, а также каждый присутствующий здесь офицер в течение суток подадут мне подробный письменный рапорт. В нем должно быть указано, что происходило на их судне или в их подразделении, в каких операциях эскадры они участвовали, каковы их людские и технические потери, а также их соображения по поводу всего, что происходило в зоне действия наших судов и авиации. Как вы понимаете, все эти рапорта будут приложены к моему секретному рапорту. Второе: каждый член экспедиции должен получить строжайший приказ: «Молчать!». Обо всем, что здесь происходило, что лично

видел или о чем слышал — молчать! Отныне все действия эскадры и сам ее рейд будет считаться федеральной тайной, которая, если и будет когда-либо раскрыта, то не ранее чем через сто лет. Вот почему всем нам и па всю жизнь приказано: «Молчать!».

Адмирал умолк, давая понять, что речь его завершена, и именно в эту минуту дверь в каюту вновь открылась и на пороге вновь появилась рыжеволосая ирландка.

— Пока я на этом судне, джентльмены, — вновь улыбнулась она, — голодная смерть вам не угрожает, — быстро расставляла Антония блюдца с бутербродами. — Очевидно, сейчас во мне бурлит вся та энергия, которая должна быть направлена на ублажения мужа. Но, увы, его нет, и не только на этом судне. Так что приятного вам аппетита, джентльмены!

Антония удалилась также неожиданно, как и появилась, однако кэптен Вордан еще несколько мгновений смотрел на закрывшуюся за ней дверь с приоткрытым ртом: такой дерзкой «откровенности» он от Вудфорт не ожидал.

— Кстати, происходит из древнего графского ирландского рода, — произнес он, все еще не приходя в себе, но уже прекрасно понимая, что уточнение его оказалось очень некстати.

Наверное, и на сей раз реакция адмирала Брэда на появление рыжей бестии была бы бурной, но в это время ожил телефон. Брэд знал, что позвонить ему могли сейчас только два человека: то ли старший вахтенный офицер, то ли его личный адъютант-порученец, и оба они находились на центральном командном пункте авианосца.

— Что-что?! — медленно поднимался он из-за стола, слушая доклад вахтенного офицера. И все присутствующие точно так же медленно стали подниматься вслед за ним. — Хотите сказать, что они

опять здесь?! — заметно побледнело лицо командующего эскадрой. — И каковы их действия? Никаких? Это еще ни о чем не говорит!

Адмирал положил трубку и обвел встревоженным взглядом офицеров.

— К нам опять гости. На этот раз — не только дисколет инопланетян, но и русский самолет, следует полагать, с борта советского военно-исследовательского судна.

Через несколько минут все они уже стояли на открытой части центрального командного пункта авианосца.

Зрелище было удивительным: справа по борту «Флориды» зависал на сером поднебесье огромный дисколет, возможно, тот же, который встречал Полярную эскадру в первый день ее плавания в водах Антарктики, а слева кружил небольшой гидросамолет русских.

— Прикажете объявить боевую тревогу, сэр? — спросил кэптен Ворман, закуривая сигару.

— Какой в этом смысл?

— Может, поднять в воздух звено истребителей? — неохотно предложил полковник Колдуэн. — Хотя бы для престижа американского Военно-воздушного флота.

Адмирал оглянулся на стоявшую прямо на палубе тройку патрульных самолетов, немного поколебался, но в конце концов изрек:

— Лучшее, что мы можем сделать сейчас для поддержания нашего престижа, так это проигнорировать и этот господний «обмылок» — повел он подбородком в сторону дисколета, и эту, как говаривали фрицы, «русиш фанеру», — кивнул в сторону советского самолета. Если эти джентльмены нам понадобятся, их позовут. А пока что, кэптен, передайте на суда: «На появление летательных аппаратов внимания не обращать! Всему личному

составу готовить корабли к переходу к берегам США». Будем считать прилет этих машин встречей трех цивилизаций.

— Если бы здесь появился еще и дисколет подземных арийцев, — поддержал его полковник Ричмонд, — можно было бы считать ее встречей четверых... цивилизаций.

— А вообще-то, — проворчал Колдуэн, — здесь происходит черт знает что. Этот рейд перевернул в сознании все мое устоявшее представление о мире, в котором мы живем.

— Утешайте себя тем, — мрачно заметил доктор Брэд, наблюдая в бинокль за дисколетом, — что он способен перевернуть не только представление о нашем мире, но и сам мир. И надо молиться Господу, что он ниспослал атлантам некую «Тайную доктрину основателей», согласно заповедям которой они не имеют права нападать и вообще враждовать с континентальными землянами. Эскадрильи их дисколетов вполне хватило бы, чтобы полностью овладеть Соединенными Штатами.

— И пока мы не получим в свое распоряжение точно такие же машины, — развил его мысль командир авиаотряда, — мы будем чувствовать себя в нашем небе жалкими и беззащитными.

Адмирал хотел каким-то образом возразить, но в это время на командном пункте появился дежурный офицер связи.

— Вам шифрограмма из штаба ВМС, сэр, — протянул он командующему лист бумаги с расшифрованным текстом.

— Что-то в штабе опять занервничали, — недовольно проворчал Брэд, принимая у него депешу.

— Поскольку плохо представляют себе, что здесь у нас происходит, — предположил полковник Ричмонд.

— Вот и объяснили бы, — иронично обронил commodore Бертолко.

— Что я и пытался сделать уже дважды. Правда, в беседе с начальником разведки Управления стратегических служб генерал-майором Доновэном, а не с командованием флота, но должны же они обмениваться столь важной стратегической информацией. Тем более что...

Ричмонд не договорил, поскольку его уже никто не слушал. Все наблюдали за тем, как, после прочтения шифрограммы, адмирал Брэд размашисто вышагивает по командному пункту.

— Что-то важное, сэр? — осмелился прервать его марш молчания командир авианосца.

— В штабе флота действительно занервничали. Мне приказано временно передать командование эскадрой commodore Бертолко и немедленно вылететь с докладом на базу флота в Сан-Франциско.

— Ну, это не такая уж плохая новость.

— Очевидно, боятся, как бы мы с вами не унесли с собой на дно все те сведения, которыми обладаем.

— Нетрудно предположить и такое. Вы сообщили им о своем визите к Повелителю Внутреннего Мира?

— Естественно.

— Одного этого достаточно, чтобы немедленно перебросить вас в Штаты! А ведь было еще и сообщение о появлении в антарктических водах флотилии русских.

— Теме не менее полечу лишь после того, как эскадра войдет в море Амундсена и удалится от берегов Антарктиды. Тем более что только тогда в моем портфеле будут рапорты всех командиров.

— После этой ледовой пустыни — и сразу в Сан-Франциско! — мечтательно вздохнул кэптен Вордан. — Пусть никто не смеет усомниться, джентльмены, что это лучший город мира.

— Эскадре тоже приказано следовать в Сан-Франциско? — с надеждой спросил коммодор.

— Для начала — в Порт-Стенли. Но это не в пригороде Сан-Франциско, а на Фолклендах, — язвительно ответил адмирал. — Именно туда я и прибуду после доклада.

Описав еще один круг над бухтой Преструда, русский самолет взмыл вверх и ушел на северо-запад, в сторону острова Скотта. А еще через мгновение в ту же сторону ушел и дисколет.

— Кажется, теперь атланты и пришельцы принялись за русских, — возрадовался командир батальона морских пехотинцев. — Они и в самом деле взяли под контроль всю Антарктиду.

— Во всех этих маневрах много неясности, — возразил коммодор.

— Послушайте, полковник Колдуэн, а вдруг это дисколет русских?! — вдруг встревожился Ричмонд. — Если германцы сумели построить несколько дисколетов в антарктическом подземелье, где промышленность только зарождается, то почему их не могли понастроить русские?!

— Но это я у вас, у полковника разведслужбы, — возмутился Колдуэн, — должен спрашивать, чьи дисколеты зависают над взлетной полосой авианосца, и почему ни корабельные орудия, ни, тем более, пушчонки и пулеметы моих асов, не способны пробиться до их корпусов.

* * *

Поздним вечером адмирал принял душ и уже готов был предаться сну праведника, когда в дверь постучали.

— Если вы считаете, что в виде ночного сюрприза я решила преподнести вам свою собственную страсть, — загадочно улыбнулась Фройнштаг, оставляя после себя дверь приоткрытой, — то вы ошибаетесь. Бедная швейцарка — давно пройденный этап, разве не так?

— С вашего позволения, мы не будем обсуждать мои постельные пристрастия, — сдержанно предложил Роберт Брэд.

— Попятное дело, не будем. Но есть женщина, — голос Фройнштаг стал загадочно тихим и умиротворенным, — которая готова всю ночь обсуждать с вами любые ваши проблемы. А главное, она готова следовать за вами на любое ранчо, поскольку терпеть не может больших городов. Особенно американских. Ну как, заинтриговала? Признавайтесь, адмирал, признавайтесь, «якорь мне в глотку», — не очень правдоподобно скопировала она голос Брэда.

— Я смертельно устал, мэм.

— Неправда. Что такое настоящая усталость, вы поймете только после того, как из этой каюты выпорхнет некая рыжеволосая бестия.

— Вы имеете в виду Антонию Вудфорт?

— Сегодня у вас была возможность самому убедиться, какую страсть вызывает она у храбрых морских офицеров.

— Не скрою, впечатляющее было зрелище.

— Вот и договорились. Антония, — тотчас же позвала она, — не томите душу, за этим порогом вас давно ждут!

— Смею надеяться, мой адмирал, — появилась откуда-то из-за двери ирландская аристократка.

— Ну что, вы сражены, мой адмирал? — расплылась в шаловливой улыбке Фройнштаг. — По выражению лица вижу, что еще как сражены.

— Во всяком случае, приятно удивлен, — не стал лукавить адмирал. — Признаться, вы произвели на меня

потрясающее впечатление.

— Все ваши потрясения еще впереди, мой адмирал, — заверила его Антония, дерзко бравируя своим ирландским акцентом. — Но... услуга за услугу. Завтра на борт самолета, который возьмет курс на Сан-Франциско, вместе с вами взойдет и моя подруга, госпожа Фройнштаг.

— ...Чтобы потом убедительно подтвердить в штабе флота и в американской разведке ваш рассказ о визите, нанесенном Повелителю Внутреннего Мира, — подбросила ему еще один аргумент Фройнштаг. — Поверьте: американская разведка будет признательна вам за такую свидетельницу, которая к тому же даст слово не очень-то распространяться по поводу всего того, что видела и слышала во время рейда Полярной эскадры.

— Так что, мы с подругой сумели убедить вас, наш храбрый адмирал? — вновь включилась в разговор Антония Вудфорт. — Согласитесь, что сделка обоюдовыгодная. Причем пока что вы даже не осознаете, насколько она выгодна вам.

— ...Если учесть, — мило поддержала ее Фройнштаг, — что полковник Ричмонд уже неоднократно докладывал о вашей связи с иностранной журналисткой, да к тому же этнической германкой. Когда генералы Доновэн и Даллес увидят меня перед собой, многие неприятные вопросы, которые они приберегли для вас, отпадут сами собой. Тем более что в Сан-Франциско сразу же примчится мой супруг-банкир с целой сворой адвокатов и журналистов.

Теперь уже адмирал не сомневался в том, кто именно стоит сейчас перед ним, как не сомневался и в том, что его пытаются нагло шантажировать. Возможно, он и взбунтовался бы против такого морального насилия, если бы не понимал, что сейчас ему не нужны ни скандал, связанный с выдворением из каюты

назойливых женщин, ни разоблачения агенток иностранной разведки. И потом, Фройнштаг права: самое мудрое, что он способен сделать — это взять ее с собой в Сан-Франциско как неоценимого свидетеля.

— Собственно, я сам хотел предложить вам место в разведывательном самолете «Кобра», — запоздало «сознался» командующий эскадрой. — Вылетаем завтра, в шестнадцать ноль-ноль. Промежуточная посадка — на авиабазе в Панаме.

— В таком случае мне остается лишь позавидовать моей ирландской подруге, — почти искренне заверила его Фройнштаг. — Только не слишком увлекайтесь, друзья мои, помните о времени вылета.

* * *

Оторвавшись от палубы авианосца, разведывательный самолет, с адмиралом Брэдом и Лилией Фройнштаг на борту, ушел на запад, резко развернулся рядом с невесть откуда возникшим дисколетом пришельцев и на самой малой высоте пробарражировал над кораблями.

Выстроенная в неровный клин, во главе которого находились два ледокола, Полярная эскадра напоминала теперь стаю, огромных китов, устремлявшуюся из ледовых антарктических полей в теплые воды северных широт. И адмирал не был уверен, что люди, находившиеся в эти минуты на командных пунктах судов, по-настоящему осознавали, что оставляют-то они не только берега неизведанного континента, но и берега неизведанного, чуждого им мира, чужой и непознанной ими цивилизации.

2007-2008 гг.

notes

Примечания

1

Исторический факт: в ходе секретной операции «Табарин» англичане в конце войны действительно основали на одном из Южных Шетландских островов и на Антарктическом полуострове три свои опорные базы, демонстрируя таким образом притязания на эту часть Антарктики.

Чин коммодора приравнивается к чину бригадного генерала остальных родов войск США. Еще его можно приравнять к чину командора.

Именно такое название — «Высокий прыжок» («High Jump») — и носил этот, теперь уже легендарный, рейд адмирала Ричарда Бёрда, легший в основу романа.

Чин кэптен приравнивается к чину капитана первого ранга (полковника). В Военно-морском флоте США существует довольно сложная система чинов и чинов-должностей. Для простоты восприятия я адаптировал их к чинам, существующим в русском и некоторых других европейских флотах. Кстати, замечу что в американском флоте, как и в армии, не принято (хотя и не запрещено) обращаться к старшему по чину с упоминанием его чина. Используется универсальная форма обращения: «сэр». — Прим. автора.

На многих небольших американских судах той поры мастер-главный старшина пребывал в должности боцмана. Этот чин приравнялся к чину сержанта-майора в пехоте и морской пехоте, а также к чину главного мастера-сержанта в авиации США. На больших судах эту должность мог занимать старший уоррент-офицер (приблизительно — старший мичман в российском флоте).

Colonel (колонел) — английское название чина полковника американской армии, предшествующего чину бригадного генерала (brigadier general), располагающегося в табели о рангах между полковником и генерал-майором.

Центральное разведывательное управление (ЦРУ) было создано лишь в 1947 году после операции «Большой прыжок». До его создания координирующим центром военной и гражданской разведок США, а также организатором всей диверсионной деятельности спецслужб США за рубежом было Управление стратегических служб.

Подробнее об этой операции, а также о создании германцами в Антарктиде секретной «Базы-211» и заложенной на ее основе подземной Рейх-Атлантиде читайте в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Эти слова действительно были произнесены в свое время gross-адмиралом Деницем, и до сих пор они служат, пусть пока и косвенным, доказательством существования в глубинах Антарктиды и германской «Базы-211», и мифической Страны Атлантов.

Исторические области и провинции на юге
Аргентины.

В основу этой истории положен реальный факт. В начале лета 1945 года отряд американских кораблей (по одной из версий) сумел перехватить две германские субмарины из тех, которые в середине апреля, уже перед капитуляцией рейха, вышли из Киля с таинственным грузом и людьми в масках на борту. Выгрузив людей и груз в Антарктиде, эти субмарины отправились к берегам Аргентины, где попали в засаду и были загнаны американскими кораблями в устье реки. Номера субмарин и имена их командиров в романе изменены.

Обер-лейтенант цур зее — старший лейтенант германскою Военно-морского флота (кригсмарине).

Чин лейтенант-коммандера приравнивается к званию капитана третьего ранга (майора) в российском флоте.

Первый адмиральский чин ризэр-адмирал (rear-admiral) соответствует званию контр-адмирала российского флота. За ним следуют: вице-адмирал (vice-admiral), адмирал (admiral) и адмирал флота (fleet-admiral).

Исторический факт. Эти две субмарины под командованием названных офицеров действительно сдались аргентинским властям. Экипажи их были допрошены сначала аргентинскими, а затем, уже более основательно, американскими спецслужбами.

На должность начальника отдела разведки Управления стратегических служб (УСС) генерал-майор армии США Уильям Джозеф Доновэн был назначен еще в 1942 году. Именно он предпринимал попытки перевербовать Отто Скорцени. И именно он спас в 1946 году Скорцени от трибунала по «делу о Мальмеди», то есть о диверсионной акции, организованной Скорцени в декабре 1944 года в Арденнах против английских войск. По приговору этого трибунала, 33 чина СС были казнены, 23 офицера приговорены к пожизненному заключению, а обергруппенфюрер (генерал-полковник) СС Зепп Дитрих получил 25 лет тюрьмы.

В Военно-воздушных силах (Air Force) США существуют свои особые звания: уоррент-офицер, старший уоррент-офицер, второй лейтенант, первый лейтенант, капитан, майор, подполковник, полковник, бригадный генерал, генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал, генерал ВВС.

Коммандер — капитан второго ранга
(подполковник).

Организационное ядро этого общества формировало состав экспедиции и готовило его к работе в условиях Антарктики.

С этой героиней читатели могли знакомиться в романах Богдана Сушинского «Похищение Муссолини», «Черный легион», «Ветер богов» и других.

Чин гауптштурмфюрера СС приравнивается к чину гауптмана (капитана) вермахта. Однако капитан вермахта обязан был отдавать честь первым.

Первоначально части СС создавались как отряды партии» призванные охранять партийные мероприятия и вождей Национал-социалистской германской рабочей партии.

Уоррент-офицер приравнивается к званию мичмана в российском флоте.

«Регистр Ллойда» — лондонская техническая ассоциация, ведающая классификацией судов и контролирующая правильность их построения и пригодность к плаванию. Выдает сертификаты качества. «Лондонский Ллойд» — страховая кампания. Основана в Лондоне в 1688 году. Названа по имени владельца кофейни Эдварда Ллойда, в которой любили собираться судовладельцы и морские торговцы.

То есть матросов-рекрутов, рядовых матросов.
Самый низкий чин на флоте США.

Младший матрос приравнивается к рядовому первого класса армии США или к капралу морской пехоты.

Обращения «мой адмирал» и «мой генерал» («my Admiral» «my General») являются в США общепринятыми. Особенно часто обращаются так к адмиралам и генералам гражданские лица, желая при этом подчеркнуть особое уважение к чину и к флоту или армии.

стр. 118-119 отсутствуют — alextexx.

На современных картах Антарктиды эта часть материка называется Землей Королевы Мод, однако название это закрепилось за ней лишь в 1957 году, а во времена американской морской экспедиции 1946 года она именовалась Neuschwabenland, то есть, в дословном переводе, Новая Швабская Земля или Новая Швабия.

Сержант-майор — высший сержантский чин в сухопутных войсках и морской пехоте США (в авиации и на флоте таких чинов не существует). Условно его можно приравнять к званию старшины в российской армии.

Реальный исторический факт. Речь идет об агентах Уильяме Колнаге и Эрихе Гимпеле, которые должны были установить в ходе операции «Эльстер» («Сорока») в небоскребе Нью-Йорка радиомаяк. Подробнее об этой операции читайте в романах с Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

В Военно-воздушных силах США чин старшего мастер-сержанта следует сразу же после чина главного мастер-сержанта, который является самым высоким в сержантской иерархии. Дальше, по снисходящей, следуют чины: мастер-сержант, техник-сержант, штаб-сержант и рядовой авиации первого класса, который приблизительно соответствует чину армейского сержанта.

Такая спецгруппа, под названием «Отряд германских военных космонавтов», действительно была создана в Германии еще в 1943 году, и возглавил подготовку этих пилотов-смертников начальник отдела диверсий Главного управления имперской безопасности Отто Скорцени.

Исторический факт. Речь идет о штурмбаннфюрере СС Рудольфе Магнусе Шредере, который, будучи членом «Отряда германских военных космонавтов» рейха, покончил жизнь самоубийством в кабине ракеты «Америка» в январе 1945 года. Подробнее об этом читайте в романе «Субмарины уходят в вечность».

До свидания (нем.).

Один из «профессионалов войны» из окружения Скорцени, герой романов Богдана Сушинского «Река убиенных», «Живым приказано сражаться» и других из цикла «Война империй».

«Рассе унд Зидлунгсхауптамт» — Главное управление рейха по делам поселений и рас. Каждый, кто вступал в войска СС, а также кандидаты в жены (мужья) членов СС обязаны были пройти комиссию в этом учреждении и получить письменное подтверждение того, что он (она) по своей национальности, вероисповеданию и родословной, а также по медицинским показаниям достоин принадлежать к элите рейха и давать Германии полноценное расовое потомство.

Ален Даллес был руководителем Управления стратегических служб, отдел разведки в котором с 1942 года возглавлял генерал-майор Доновэн. Начиная с 1943 года Даллес находился в основном в Швейцарии, откуда налаживал контакты с Главным управлением имперской безопасности рейха, возглавляемым Эрнстом Кальтенбруннером, непосредственным шефом Скорцени.

Исторический факт. Американский генерал-майор Макклур действительно заявил участникам процесса и журналистам: «Господа, да имей я в своих войсках таких парней, как обвиняемые, я просто гордился бы этим!»

Исторический факт. Ко времени, когда происходят описываемые события, то есть к декабрю 1946 года, Скорцени все еще находился в американском лагере военнопленных. Но поскольку антифашисты требовали суда над ним, то, чтобы вновь не оказаться на скамье подсудимых, 25 июля 1948 года Скорцени, с помощью своих бывших агентов диверсионной службы, бежал из лагеря в Дармштадте и затем какое-то время действительно провел в США

Исторический факт. Отдел цензуры почтовой корреспонденции Дармштадского лагеря действительно возглавляла некая фрау Шретер, благодаря которой люди, готовившие побег Скорцени, могли вести с ним тайную переписку. Именно благодаря ей первый диверсант рейха получил записку, в которой сообщались время, дата и условия готовящегося побега.

Золотая Пирамида Жизни — пирамидоподобное здание, в котором во Внутреннем Море находится парламент Страны Атлантов и резиденция Правителя Внутреннего Мира Этлена Великого. Подробнее об этом читайте в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Речь идет о подземном городе СС «Лагерь дождевого червя», созданного германцами на территории Польши с таким запасом прочности и таким техническим обеспечением, что он способен был выстоять даже в условиях ядерной войны. Как это ни странно, до сих пор этот лагерь является засекреченным, как и ставка Гитлера «Вервольф» в Украине, под Винницей.

Подробнее о таких героях, как Консул Внутреннего Мира, он же Посланник Шамбалы, а также о «Ламе в зеленых перчатках», который является исторической личностью, читайте в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Действие на этой базе разворачивается в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Подробнее о Стране Атлантов, ее столице Акросе и резиденции Повелителя Внутреннего Мира — Золотой Пирамиде Жизни — читайте в романах «Антарктида: Четвертый рейх» и «Субмарины уходят в вечность».

Речь идет о Фридентальских курсах или, как они еще именовались, о «Специальных курсах особого назначения Ораниенбург», которыми, начиная с 1943 года, руководил Отто Скорцени. Располагались они в замке Фриденталь, неподалеку от Заксенхаузена и Берлина, и готовили там супердиверсантов, руководителей диверсионных групп и национальных повстанческих движений.

Демонстрируя адмиралу Брэду достижения своего общества, атланты ввели его в голографический мир виртуальной действительности, о существовании которой в далеком 1946 году «континентальный землянин» даже не догадывался. Многие из того, что он увидел в столице Страны Атлантов, тогда еще принадлежало ему, да пока что и нашему с вами, будущему. — Прим. автора.

В то время контр-адмирал Брэд не знал и не мог знать, о таком явлении, как телепортация.

В США эскадры называют «флотилиями».

Речь идет об острове и одном из районов Нью-Йорка.

Вест Пойнт (West Point) — единственное в США офицерское училище, которое готовит армейскую элиту страны.

Лейтенант (lieutenant) — обобщенное обращение ко всем младшим офицерам Вооруженных сил США; к старшим офицерам принято обращаться «колонел» (colonel).

Доклад контр-адмирала Бёрда, рейд которого положен в основу данного романа, до сих пор засекречен спецслужбами США, однако есть сведения, что одному из американских радиолюбителей удалось перехватить донесение с борта авианосца, в котором, несмотря на жуткие помехи, он разобрал слова: «Они нас атакуют!.. Мы несем значительные потери!..»

Исторический факт. Речь идет о путче 1934 года, организованном 89-м штандартом (полком) СС, и во главе которого стоял фюрер австрийских нацистов Артур Зейс-Инкварт. Среди ближайших его соратников выделялся тогда Эрнст Кальтенбруннер, в будущем — обергруппенфюрер СС, руководитель Главного управления имперской безопасности и непосредственный шеф Скорцени. Именно там, во время путча, Кальтенбруннер познакомился со Скорцени и помог ему стать сотрудником нацистской газеты «Национал-социалистише нахрихтен».

«Абвер-II» являлся диверсионным сектором абвера — военной разведки Германии, возглавляемой адмиралом Канарисом.

В 1950 году такая организация, известная под аббревиатурой ODESSA («Organisation der SS-Angehorigen», то есть «Организация лиц, принадлежащих к СС») была создана по инициативе Скорцени во время тайной встречи бывших высших офицеров СС в Ватикане, в здании учебного заведения «Колледжио Теутонико ди Санта Мария делль Анима». Эта организация помогала эсэсовцам уходить от преследований и возмездия, а также оказывала им финансовую помощь и помощь в получении фальшивых документов. Она же проложила так называемый «римский маршрут», по которому эсэсовцы переправлялись из Западной Европы в Южную Америку. Именно этим маршрутом воспользовался небезызвестный эсэсовец Адольф Эйхман, казненный позже в Израиле за преступления против евреев.

Речь идет об известном германском конструкторе бароне Вернере фон Брауне, именованном в Германии «Ракетным Бароном», творце ракет «Фау». К описываемому времени он уже активно сотрудничал с американским военно-промышленным комплексом, и даже возглавил конструкторское бюро, которое работало над космической программой США.

На Нюрнбергском процессе в ноябре 1945 года, во время которого судили Геринга, Кальтенбруннера, Кейтеля и других высших должностных лиц рейха, Скорцени проходил лишь как свидетель по делу обергруппенфюрера СС, гаулейтера Фрица Заукеля. На процесс по «делу о Мальмеди», то есть о диверсионной операции в Арденнах в декабре 1944 года, на котором Скорцени должен был представать главным обвиняемым, он вообще не попал, поскольку американцы умышленно положили его в госпиталь. А на процессе, проходившем в августе 1947 года, то есть уже после описываемых здесь событий, Скорцени, благодаря стараниям американской и английской разведслужб» был оправдан. Но перед этим он дал американским спецслужбам письменное обязательство поделиться опытом диверсионной работы против СССР, а также передать им своих агентов.

Операция по изготовлению и переброске фальшивых денег, в основном английских фунтов стерлингов и долларов США, которая проводилась под командованием Скорцени в рамках экономической диверсии против стран-союзников. Эту фальшивую валюту переправляли затем в Турцию, Иран и другие страны Среднего и Ближнего Востока, где она «конвертировалась» в настоящую, чтобы затем осесть на декретных счетах руководителей СС в Швейцарии, Испании и в Латинской Америке. Всего было изготовлено порядка 350 млн. фальшивых фунтов стерлингов.

Оккупация войскам и британского доминиона Южно-Африканский Союз (ЮАС) германской Юго-Западной Африки (ЮЗА) произошла в 1915 году, лишив, таким образом, Германию ее единственной африканской колонии. В 1920 году ЮАС получил мандат Лиги Наций на управление ЮЗА, а с 1923 года Южная Родезия становится самоуправляющейся колонией. Однако прогерманские настроения в ЮЗА действительно оставались, и на ее территории было создано несколько небольших секретных баз рейха. По одной из версий, где-то там мог скрываться спасшийся (а не погибший в берлинском подземном бункере канцелярии) фюрер.

У восточных народов — в частности, у монголов, — это гонец, который приносил трагическую весть: о поражении войск, о гибели члена ханского рода и т. п. По традиции, такую гонца тотчас же казнили.

По полуофициальным сведениям, просачивавшимся в прессу, известно, что во время антарктической операции американской эскадры под кодовым названием «Высокий прыжок», адмирал Ричард Бёрд (в романе — Роберт Брэд) потерял одно военное судно, четыре самолета и несколько десятков человек. Кроме того, одна субмарина получила серьезные повреждения, но сумела дойти до берегов Южной Африки.

Исторический факт. Решение о создании «Малого Абвера» или организации «Абвер-2» действительно было принято в ставке начальника разведывательного отдела «Фремле Хеере Ост» («Иностранные армии Востока») в 1942 году, в деревне Воронино под Винницей, во время встречи Гелена с руководителем Абвера адмиралом Канарисом. Чувствуя, что он теряет доверие фюрера, Канарис готовил в лице полковника Гелена своего преемника. И не ошибся. После войны Гелен руководил разведкой ФРГ.

В американском Военно-морском флоте «флотилиями» называют эскадры. Обычно флотилией командует Vice Admiral (Байс Эдмирал). Чина Admiral удостоивается только командующий Военно-морским флотом США (Chief of Naval Operations US Navy). Ну а чин адмирала флота (Fleet Admiral) является почетным и присваивается только на время войны.

Существуют данные, что во время рейда к берегам Антарктиды эскадры адмирала Брэда, туда же устремилась и советская эскадра в составе судна «Слава» и сопровождающих его субмарин. Таким образом американо-советским соперничеством было положено начало новому витку антарктической гонки, призом которой ведущим странам виделись новые территории на Ледовом Континенте.